

ВО ВЛАСТИ ИСТОРИИ: Евгений Шободоев

Иркутск
2009

УДК 94(571.53)
ББК 63.3(2Рос-4Ирк)
Ш 78

Во власти истории: Евгений Шободоев: сборник статей и публикаций / сост. А.В. Шободоева. – Иркутск : Отгиск, 2009. – 340 с.

В сборнике статей и публикаций иркутского историка и архивиста Евгения Борисовича Шободоева представлены материалы по истории Восточной Сибири и Дальнего Востока, архивному делу, а также малоизвестные страницы из жизни государственных и общественных деятелей, чья судьба была связана с Иркутской губернией.

Книга может быть интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-93219-206-1

© Шободоева А.В. 2009

От составителя

Вы держите в руках посмертный сборник научных трудов Евгения Борисовича Шободоева – историка, архивиста, исследователя Сибири, журналиста. Он был широко известен исторической общественности не только нашего города, но и далеко за его пределами, выступая в течение последних двух десятков лет неизменным консультантом при написании большинства исследований, связанных с использованием документов Государственного архива Иркутской области.

Разделы сборника отражают научные интересы Евгения Борисовича, и в каждый из них мы постарались включить не только наиболее значимые его материалы, но и малодоступные, а также никогда не публиковавшиеся, хранившиеся в личном архиве.

Наибольшую сложность представило составление библиографического указателя, потому что личной картотеки Евгений не вел, а следовательно, какие-то его публикации просто не удалось обнаружить, и мы надеемся, что читатели помогут восстановить этот пробел.

Появление сборника статей и публикаций Е.Б. Шободоева стало возможным благодаря помощи Лидии Афанасьевны Казанцевой, Алексея Гаращенко, Александра Иванова, Ольги Базалийской. Особую признательность мы выражаем Марине Василенко.

Финансовая поддержка данного издания связана с посильным вкладом однокурсников, друзей, университетских преподавателей Евгения Шободоева.

Во власти истории

Евгений Борисович Шободоев родился 1 января 1959 г. в селе Хужир Иркутской области в семье педагогов. В Усолье, куда переехали родители, закончил среднюю школу и в 1976 г. поступил на исторический факультет

Иркутского государственного университета. Увлекался археологией, военной историей, краеведением. Диплом защитил с «отличием» на тему: «История археологических исследований в Сибири (начальный период XVIII в.– 1917 г.)». Недолго работал секретарем комитета комсомола Иркутского сельскохозяйственного института, а в 1984–2007 гг. был сотрудником Государственного архива Иркутской области (занимал должности старшего научного сотрудника, заведующего отделом публикации, информации и научного использования документов ГАИО, заместителя директора). В последний год своей жизни являлся сотрудником архивно-этнографического музея «Тальцы». Умер 17 сентября 2008 г.

Несколько сухих строк биографии... Но так бывает: чем лучше знаешь человека, чем рельефнее память о нем, тем сложнее найти несколько нужных и простых слов, чтобы рассказать...

Память вообще штука коварная, похожа на мозаику: тут штришок, там кусочек, здесь деталька. И вот уже из отдельных частей получается целое: так собирают модели самолетов, аккуратно подклеивая одно к одному, ничего не пропуская: здесь шасси, а здесь – наклейки на крылья...

Клеить модели самолетов Женя любил: красил их трамвайной краской – по советским временам достать специальную краску для моделей было невозможно. Любил свою игрушечную оловянную армию, собранную по всем правилам – в ней не было дешевых ширпотребовских поделок – только абсолютно исторически верные копии. Конечно же, был страстным нумизматом: деньги прошлых эпох всегда интересовали его неизмеримо больше современных.

Боготворил Петра Первого, среди прочих бунтарей выделял Че Гевару, уважал Юрия Андропова. С ним невозможно было спокойно смотреть историческое кино: он не мог относиться равнодушно к любой исторической неточности и совершенно не принимал в качестве аргумента тот простенький факт, что кино – это всего лишь условность.

Все дело в том, что история никогда не была для него условностью. Никогда он не воспринимал ее как покрывшийся пылью сборник документов, который если кому и нужен, так таким же странным архивным копателям. Он просто объемно и выпукло видел взаимосвязь этих прилагательных по существу – «прошлое», «настоящее», «будущее». Видел и понимал: наше настоящее именно такое, потому что...

Обычно за несколько дней до Нового года начинал выяснять у родственников: «Ну, скажите, какую мне ЖЗЛ-ку подарите? а кто там?..» – и стоило немалых трудов сохранить эту тайну. Конечно, дарили ему очередной том ЖЗЛ (который достать было, ой! как непросто). И конечно, он радовался как ребенок, получая действительно лучший подарок – книгу.

Своей книги при жизни он так и не увидел. Более того, он был потрясюще равнодушен к личному архиву: работа над текстом занимала его абсолютно, захватывала целиком и полностью, но как только текст был опубликован, он тут же терял к нему всякий интерес. Ведь на горизонте маячила следующая, еще более интересная тема. И уже она захватывала его, не отпускала до самой публикации. Наверно, поэтому он так и не собрался дописать диссертацию, впрочем, искренне считая, что наличие оной историком человека не делает.

Мы собрали книгу статей и публикаций Е.Б. Шободоева не только потому, что это наша дань его памяти. Женя ушел в историю – теперь уже навсегда. А Слово, оно ведь не только было вначале. Оно – то единственное, что остается после человека, когда его жизнь становится Историей.

Анна Шободоева

Историк, архивист, педагог...

Настоящий сборник составлен из материалов, написанных в разное время Евгением Борисовичем Шободоевым – талантливым историком, архивистом, популяризатором исторических знаний. В его научном архиве десятки статей, тезисов, справок, докладов, комментариев, аннотаций, обзоров, рецензий, интервью, телевизионных сюжетов и радиопередач. Он отредактировал, а фактически написал заново большое количество чужих научных работ.

Уже в детстве Евгений серьезно и безнадежно «заболел» историей, поражая и учителей, и музейных экскурсоводов глубиной познаний и недетскими вопросами. Увлекаясь, как и многие мальчишки, игрой в солдатики, он в отличие от остальных сохранил страсть к военно-историческому моделизму до последних дней, серьезно изучая проблемные вопросы военной истории, униформистики, фалеристики.

Обучаясь на историческом факультете Иркутского государственного университета, он не случайно пошел специализироваться на кафедру археологии, так как именно она в те времена была прибежищем нестандартно мыслящего студенчества, не признающего официальной партийной истории. Неоднократно участвовал в университетских археологических и этнографических экспедициях.

Практически вся трудовая деятельность Евгения Борисовича была связана с Государственным архивом Иркутской области. Благодаря аналитическому складу ума, скрупулезности, педантичности и невероятному чутью он быстро получил известность среди архивистов и историков Сибири. Профессионализм позволял ему читать и интерпретировать как угасающий карандашный текст периода коллективизации 1930-х годов, так и палеографию черновых документов XVII–XVIII вв. Прекрасно ориентируясь в истории образования и структуре фондов архива, Евгений Борисович мог выполнить наиболее трудоемкие, а порой и просто безнадежные тематические запросы. Оценивая значимость популяризации исторических знаний, он, как представитель архива, неоднократно участвовал в создании теле- и радиосюжетов, и журналисты всегда знали: гарантирована эксклюзивность представляемых материалов.

Им были выявлены и впервые введены в научный оборот, подготовлены для публикации большие пласты документов, долгие годы хранившихся не только в Иркутске, но и в фондах архивов и библиотек Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска, Якутска. Новые сведения корректировали, а в ряде случаев и опровергали устоявшиеся общепризнанные истины. В качестве примера отметим публикацию передаточной описи имущества Иркутского острога – уникального документа, датированного 1731 г., из фондов Российского государственного архива древних актов и комплекса документов о судьбе Илимского острога, иллюстрирующих становление понятия «исторический памятник». Был выявлен и опубликован ряд источников о личности Николая Михайловича Ядринцева, его роли и значении в отечественной науке. Каждая публикация предварялась большой источниковедческой и историографической работой и сопровождалась пояснительным текстом и примечаниями.

Евгению Борисовичу, как и многим талантливым людям, была свойственна многосторонность научных интересов, граничившая зачастую с элементарной разбросанностью. Большая загрузка текущей работой оставляла ему мало времени для полноценной исследовательской и творческой деятельности, тем не менее было написано большое количество статей и тезисов для региональных и общероссийских конференций, научных сборников.

Именно изучение архивных документов способствовало появлению интереса к теме сибирского областничества и деятельности Н.М. Ядринцева. После смерти Евгения Борисовича в личном архиве осталась внушительная подборка книг, фото- и ксерокопий, наброски глав и параграфов к незаконченной диссертации, посвященной жизни и творческому наследию Николая Михайловича Ядринцева.

Значительное место в научном багаже Евгения Борисовича занимают публикации по краеведческой тематике. Сразу следует отметить, что сам термин «краеведение» к ним вряд ли применим абсолютно, поскольку предполагает известную долю дилетантизма, а дилетантом Е.Б. Шободоев никогда не был. Все сведения, которые рано или поздно ложились в основу статей, долгие годы скрупулезно собирались в архивах и библиотеках как Иркутска, так и других городов. Основное количество текстов было опубликовано в издаваемом Центром по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН) журнале «Земля Иркутская». У истоков данного печатного издания вместе с другими единомышленниками был и Евгений Борисович, многие годы сотрудничавший с ЦСН и входивший до последних дней жизни в состав редакционного совета. В 2002 г. журнал «Земля Иркутская» был признан лауреатом премии губернатора Иркутской области, а группа сотрудников, в том числе и Е.Б. Шободоев, награждены почетными дипломами.

Свободно владея всеми стилями публикаций, Евгений Борисович предпочитал научно-популярный, считая верхом профессионализма рассказывать просто и понятно о серьезных научных проблемах. Он никогда не чурался писать в газеты, умея даже самую маленькую статью сделать интересной для читателя любого социального статуса и образовательного уровня. И вступление в 2002 г. в Союз журналистов России явилось вполне логичным дополнением к его профессиональной деятельности как историка.

Многие годы Евгений Борисович поддерживал тесные научные контакты с сотрудниками иркутских музеев: помогал в выявлении документов, консультировал по разнообразным вопросам, при этом не делая различий между музеем государственным, ведомственным или школьным. Его хорошо знали в областном краеведческом музее, музеях художественном и декабристов, авиазавода и аэропорта «Иркутск», связи и гимназии № 44. В 1996 г. был основан Музей истории города Иркутска, бессменным членом ученого совета которого был Е.Б. Шободоев. Он принимал личное участие в выявлении документов и строительстве экспозиции Музея прокуратуры Иркутской области, а за работу по созданию Музея противопожарной службы УВД Иркутской области был награжден памятным знаком.

Одной из сфер профессиональной деятельности Евгения Борисовича являлась экспозиционно-выставочная работа, где, например, в серии выставок в рамках работы российско-монгольской комиссии по сотрудничеству в области архивов публике была представлена тематическая подборка копий документов и подлинники архивных дел. А плоскостная выставка, посвященная юбилею областной избирательной комиссии, оказалась столь интересна для специалистов, что после представления в Иркутске и Москве ее материалы были растиражированы в цветных копиях и переданы в различные государственные и культурные учреждения.

Возрождение сборника «Сибирский архив», издававшегося в Иркутске до революции, является несомненной заслугой Е.Б. Шободоева. Он был редактором и составителем трех современных выпусков научно-популярного историко-краеведческого сборника (2000–2002 гг.), включающего архивные документы, комментарии, публикации.

С 1993 г. Евгений Борисович являлся руководителем архивной практики на историческом факультете Иркутского государственного университета, а также вел семинарские занятия по архивоведению не только для студентов университета, но и учащихся педагогического колледжа № 1. Он искренне полагал, что «ученик – есть товар штучный» и подготовку историков нельзя ставить на «поток». И чем перспективнее представлялся ему студент, тем выше были предъявляемые к нему требования.

Профессиональная и общественная деятельность была отмечена благодарностями, дипломами, памятным знаком различного уровня. Перечислять их все очень сложно, да и вряд ли нужно, поскольку сам Евгений Борисович к наградам и регалиям, чинам и званиям относился крайне равнодушно.

Как для ученого, для него были характерны принципиальность и жесткость оценок, неприятие дилетантизма и демагогии. Ему были присущи железная логика, умение за словесной мишурой и гладкими формулировками официальных документов разглядеть истинные и не всегда, кстати, благородные причины событий и мотиваций человеческих поступков, удаленные от нас на несколько десятков и даже сотен лет. История всегда была для него не гладкими рассказами с картинками. История не была даже профессией и работой, жизненным увлечением. Для него история – это состояние души и духа.

Марина Василенко

Раздел I.

Архивное дело: история и практика

Формирование архивных учреждений Восточной Сибири в первой половине XIX

В.

В «Учреждении для управления Сибирских губерний», утвержденном в 1822 г. впервые, на общегосударственном уровне, в штаты краевых и губернских учреждений Сибири входят архивы, а обязанности их начальников определяются законодательно. Надзор за канцелярскими и архивными вменялись вторым отделениям Главных управлений, при этом архив губернского правления работал на основе собственного «Положения».

При Главных управлениях создавались собственные архивы, куда передавались все оконченные в производстве дела.

Обязательным требованием было составление двух видов описей: общей алфавитной и описи по отделениям, из которых они поступили. Категорически запрещалось выдавать дела и выписки из них без распоряжения начальников отделений. В части 3 «Учреждения», в общем наказе управлению, определялись обязанности начальника архива, которые заключались «в принятии дел, в содержании их в исправности, в извлечении справок и сведений и в немедленном их сообщении по востребованию». Начальник архива отвечал за разборку и размещение дел в хранилище, проверял их листаж и заверительные записи, состояние передаточных описей. На него же возлагалась обязанность ведения общей описи архива в соответствии с принятыми правилами. Начальник архива составлял исторические выписки из дел по распоряжению начальника канцелярии.

Таким образом в 1822 г. была сформирована законодательная база системы ведомственных архивных учреждений органов государственного управления Восточной Сибири.

Специфической особенностью этой системы было наличие в Иркутске губернского архива, сформированного не только в соответствии с требованиями потребностей текущего делопроизводства, но и сохранившего большой массив исторически значимых, не подлежащих уничтожению документов. Заслугой Н.И. Трескина следует признать тот факт, что он отошел от узковедомственного подхода к формированию губернского архива и включил в него не только документы учреждений и организаций до губернского периода, но и документы местных (уездных) органов управления и даже военного ведомства. Такой, безусловно, новаторский подход к архивному делу контрастировал с деятельностью столичных учреждений, где бурными темпами шло создание ведомственных архивов, а от документальных фондов предшествующих учреждений стремились избавиться. Нельзя недооценивать значение Инструкции губернскому архивариусу, подготовленной, по-видимому, под руководством

самого губернатора. Благодаря его же личной инициативе архив получил удовлетворяющее всем требованиям помещение.

Пока, к сожалению, не найдено свидетельств знакомства М.М. Сперанского с иркутским губернским архивом, однако правовая основа существования сети архивных учреждений в Сибири имела положительные результаты. Включенные в систему регионального управления, архивы на законных основаниях исполняли свою двуединую задачу – обеспечения сохранности и использования документов.

История становления государственной архивной службы является важной составной частью истории развития регионального управления Восточной Сибири. Изучение ее дает нам не только знание из области государственного устройства, но и важнейшие сведения по проблемам источниковедения, объясняя механизм формирования документальных комплексов или же, наоборот, их отсутствие. Несмотря на то, что государственная архивная служба как целостная система существует сравнительно недавно, около восьмидесяти пяти лет, архивы в Российской империи, государстве бюрократическом, имеют многовековую историю. По нашему мнению, в настоящий момент совершенно недостаточно изучена история архивного дела в регионах, в том числе это характерно и для Восточной Сибири. Утверждение, что «Генеральный регламент» 1720 г. является основополагающим документом в деле создания государственной архивной службы, требует серьезного уточнения и изучения вопроса об исполнении этого законодательного акта на местах. Наличие собраний документов в учреждениях отмечается задолго до создания «Генерального регламента», а небрежное хранение документов в присутственных местах являлось едва ли не нормой и после его принятия. Для нас важна любая информация об улучшении положения в сибирских архивах и, в особенности, местные подзаконные акты по этому вопросу в Восточной Сибири.

Отчет иркутского губернатора Н.И. Трескина за первые 6 лет его управления сохранил поистине бесценные сведения о первом известном нам упорядочении архивов в Иркутске и губернии. Характеризуя его состояние на момент вступления в должность как «беспорядочнейшее», губернатор сообщает о мероприятиях, проведенных за шесть лет своего управления. В течение первого года в новом помещении было сосредоточено более 78 тысяч дел от открытия Иркутского наместничества и начата обработка документов за более ранний период. К 1812 г. в губернском архиве было сосредоточено 118 186 дел, из них на 12 047 составлена опись. Деятельность по обработке документов регламентировалась специальной инструкцией губернскому архивариусу. Несмотря на всю архаичность документа, он подробно регламентировал обязанности архивариуса по обеспечению сохранности принятых на постоянное хранение дел и их использованию.

Предусматривалось разделение архива на четыре главных отделения, из которых в первом сосредотачивались дела с момента открытия иркутского наместничества и более поздних административно-управленческих образований, при этом в тот же раздел включались документы губернского правления, казенной палаты, палат уголовного и гражданского судов, приказа общественного призрения, совестного суда, сословных судебных учреждений, находящихся в губернском городе по Учреждению для управления губерний Всероссийской империи. Во втором отделении размещались документы уездных присутственных мест. В третьем отделении помещались документы от начала административного управления в Иркутске, «приказной тогдашней палаты стольников и воевод» до открытия наместничества, причем обрабатывать их предполагалось в обратном порядке, от более позднего периода к ранним годам от «основания Иркутска». Четвертый раздел должны были составить документы «по военной части» различных контор и ведомств. Кроме разделения «по годам и местам, где какое дело было в производстве», предлагалось разделить дела еще и «по сортам, как-то: интересные, уголовные, исковые, полицейские и прочие». Несмотря на очевидную субъективность последнего предложения, в нем была рациональная основа, не допускающая, в частности, уничтожения в дальнейшем определенных категорий дел.

В инструкции требовалось предельно внимательно относиться к разбору ветхих и поврежденных дел, уничтожение непригодных к хранению документов допускалось только после их освидетельствования и разрешения губернского правления. Инструкция определяла требования по внешнему виду поступивших на хранение дел, обязательными считались подшивка и переплет, наклейка ярлыков на корешки дел и полки в хранилищах. В штат губернского архива определялся помощник архивариуса, два канцеляриста и сторожа.

Инструкцией вводились особые, очень жесткие требования по использованию документов. Категорически запрещалось выдавать документы из хранилища без письменного распоряжения высших должностных лиц канцелярии губернского правления, допускать к работе с делами служащих канцелярии позволялось только в исключительных случаях. Справки и выписки должны были делать служащие архива. Все действия по использованию документов записывались в специальные журналы-регистры с приложением письменных требований.

Судя по стилю данной инструкции, в ее разработке, без сомнения, принимал участие сам губернатор Н.И. Трескин. Сам факт, что устройство архива вошло в отчет, а инструкция была полностью помещена среди приложений к отчету, говорит о том значении, какое придавал губернатор сохранению архивов. При этом следует знать, что ни один общегосударственный документ не требовал в те времена создания централизованного губернского архива и тем более сохранения исторически значимых, но утративших практическое значение документов. Ничего подобного для Сибири начала XIX в. неизвестно.

Трагическое событие, иркутский пожар 1879 г., лишил нас громадных документальных богатств. У нас нет основания не верить значительным, даже по современным меркам, объемам обработанных документов. Как

известно, в середине XIX в. фонды архива интенсивно использовались местными знатоками истории и их публикации доказывают, что дела иркутского губернского архива находились во вполне пригодном для использования состоянии.

Публикуется по: Архивы и управление Восточной Сибирью. Теория и практика : Прошлое, настоящее и будущее : материалы межрегион. науч.-практ. конф., 27 сент. 2004 г. / Архив. упр. Иркут. обл., Гос. архив Иркут. обл., Гос. архив новейш. истории Иркут. обл. – Иркутск : Оттиск, 2004. – С. 187–192.

История архивного дела в Иркутске: к постановке проблемы

Интерес к истокам своей профессии и истории ее развития является, по-видимому, одним из показателей не только профессиональной подготовки, но и общей культуры. В последнее время отмечается устойчивая тенденция к созданию всевозможных очерков по истории учреждений и организаций, населенных пунктов, административно-территориальных образований и отраслей хозяйства. Публикация очерков в целом – несомненно положительное явление. Несмотря на все издержки и коммерческо-заказной характер отдельных выпусков, такие исследования во многом помогают осветить существенные вопросы региональной истории, вводят в оборот новые архивные документы, обобщают и публикуют собранные краеведами и любителями местной старины бесценные материалы, представляют исторические процессы через окружающую каждого из нас повседневную реальность.

Интерес архивистов к истории своей профессии, в этом ряду, не является чем-то исключительным. Изменения в нашей службе, реорганизации последних лет и ее современное состояние требуют изучить и обобщить опыт функционирования архивной службы не только за последние десятилетия, но и значительно за более ранний период. Может быть, лишь тогда мы найдем точку отсчета в поступательном, прогрессивном развитии архивного дела и по-настоящему поймем, что потеряли или обрели в период так называемых реформ.

Во время празднования 70-летия архивной службы в 1988 г., на научно-практической конференции лишь в одном докладе покойного ныне сотрудника ГАИО В.А. Самоделкина была сделана попытка обобщить опыт использования документальных материалов ГАИО с 1920 г., остальные доклады не касались истории архивной службы и даже ее отдельных аспектов. Говоря справедливые, в общем, слова о значении Ленинского декрета об архивном деле, никто не говорил, что в Сибири, в частности, его реализация началась лишь в 1920 г. и имела значительные сложности как объективного, так и субъективного характера.

Учитывая опыт проведения конференции 1988 г., в 1998 г., при подготовке празднования 80-летия Государственной архивной службы, было начато серьезное изучение истории образования Государственного архива Иркутской области, комплектования его фондами учреждений, организаций и предприятий. Администрацией ГАИО перед всеми выступающими на юбилейной научно-практической конференции сотрудниками была поставлена задача не только осветить современное состояние того или иного вида деятельности архива, но и сделать, хотя бы небольшой, «экскурс в историю».

Источниковой базой предварительных исследований стали архивные фонды Государственного архива Иркутской области, Иркутского губернского, Иркутского и Тулунского окружных архивных бюро, Восточно-Сибирского краевого и Иркутского областного архивных управлений. Кроме того, выборочно были просмотрены документы соответствующих исполнительных комитетов.

Даже первые итоги этой работы дали исключительно интересные и неожиданные результаты. Так оказалось, что Центральный архив Восточной Сибири начал функционировать в Иркутске не в июне 1920 г., как это было общепризнано, а 15–20 апреля. Были выявлены неизвестные ранее документы о целях и задачах этого учреждения, автографы, записки профессора государственного университета В.И. Огородникова. Они датированы 14 и 25 февраля 1920 г., когда в Иркутск еще не вступила Красная Армия, а мимо города проходили остатки разбитых колчаковских войск.

Развивая выдвинутые еще в 1918 г. рекомендации об образовании в Сибири и на Дальнем Востоке четырех краевых центральных архивов, В.И. Огородников предлагал образовать в Иркутске Центральный архив Восточной Сибири, куда, по его замыслу, должны были быть собраны фонды не только из Иркутска, но и Красноярска, Верхнеудинска, Читы и Якутска. При содействии местных иркутских органов власти в конце февраля – начале марта 1920 г. началось становление органов архивного управления на территории Прибайкалья. При этом исходило из того, что архивы являются одной из важнейших государственных ценностей.

Необходимо отметить, что в этот период архивисты находили полное понимание у представителей местных органов власти, особенно у непосредственного начальника, председателя губернского отдела народного образования Чудинова. Благодаря его содействию работники архива Восточной Сибири получили достаточно высокие тарифные разряды, а штат ЦАВС на 1 января 1921 г. составлял 15 человек и включал даже трех научных сотрудников.

Выявленные документы отражают непростые отношения с Сибархивом, который приложил значительные усилия для ликвидации Центрального архива Восточной Сибири и интеграции архивных учреждений в структуру административно-управленческого аппарата исполкомов местных советов.

Создание Центрального архива Восточной Сибири с самого начала вызвало недовольство руководства Сибархива. Так, все официальные документы адресуются Иркутскому губархиву и неоднократно запрашивается об основаниях для создания ЦАВС. Руководство последнего также вполне ценило свое положение в системе губернского отдела народного образования, прямо отмечая в отчете за 1920 г., что «материальная связь с губнаробразом представляла гораздо больше преимуществ, чем таковая же связь с Сибархивом. Прежде всего, финансовая зависимость от Сибархива предполагала необходимость переделки штатов Центрархива... Между тем сотрудники Центрархива уже в течение двух месяцев... получали вознаграждение по гораздо более высоким ставкам, чем на какие они могли рассчитывать по штатам губархива... а это обстоятельство, ввиду дороговизны иркутской жизни, имело немалое значение для удержания сотрудников на службе в Центрархиве».

Реорганизация архивных органов, вывод их из системы народного образования и включение в административно-управленческий аппарат повлекли за собой разрыв с академической наукой: произошло сокращение штатов, снижение заработной платы. Из 18 сотрудников в 1920 г. на 1 января 1922 г. осталось 6 человек, а в конце 1922-го – 3 человека, включая самого заведующего архивным бюро.

Общие тенденции и отдельные этапы развития архивного дела нашли свое отражение в статье Т.М. Душкиной «К истории образования ГАИО (1920–1941 гг.)». Интересные подробности становления и развития государственного учета архивных фондов выявила и опубликовала в своей статье Е.А. Луговская, главный хранитель фондов ГАИО. При просмотре архивных документов 20–30-х годов ей удалось уточнить время поступления в архив некоторых комплексов документов, их первоначальном количестве, истории фондирования. Эти сведения имеют несомненное практическое значение. Обстоятельства комплектования библиотеки ГАИО осветила в своей статье М.И. Титоренко, а историю образования лаборатории реставрации и микрофильмирования – И.С. Воробьева. Все статьи были опубликованы в материалах научно-практической конференции «Архивы – источник истины». В ходе работы архивистами ГАИО был составлен и направлен в качестве инициативной информации архивному управлению список начальников архивных бюро и управлений за 1920–1941 гг. Он включал в себя сведения, ранее неизвестные. Наличие обширного, малоизученного и ранее не публиковавшегося материала по истории архивного дела в Иркутской области предопределило перспективы научного изучения данной тематики. В 1998 г. было принято решение подготовить первый выпуск очерков по истории Государственного архива Иркутской области (1920–1941 гг.). К работе, определенной как научно-исследовательская, привлекли заведующих отделами архива. В 1999 г. производился просмотр и отбор наиболее важных документов, составление на них тематических карточек. Каждый автор отбирал материал по тематике работы своего отдела, одного из направлений работы архива в целом.

Перспективна ли данная работа? На наш взгляд – безусловно!

В ближайшие годы будет праздноваться 200-летие Министерства внутренних дел, крупнейшего организатора ведомственных архивов дореволюционной России. У нас имеются интересные сведения по истории ведомственных архивов Иркутской губернии и Восточной Сибири до 1917 г. Здесь же необходимо будет разработать одну из самых спорных и болезненных тем – архивная служба в системе советского НКВД и МВД. Уверен, что и здесь нас ждут если не открытия, то, по крайней мере, положительный опыт, напрочь отвергнутый сегодня.

Статья из личного архива Е.Б. Шободоева

Некоторые аспекты использования документов Государственного архива Иркутской области для реконструкции памятников истории и архитектуры Иркутска

Разыскивая планы и другие графические документы, историки и архитекторы недооценивают, на наш взгляд, такой важный источник, как описание внутреннего устройства жилых и административных зданий. Лишь в редких случаях удается собрать комплект планов и чертежей постройки за все время ее существования. На большинство важнейших исторических памятников города до настоящего времени нет первоначальных проектных планов и сомнительно, что когда-либо они будут найдены. Утраченный в настоящее время целый культурный пласт городской истории – деревянные здания XVII–XVIII вв. вряд ли вообще имели проектные планы. Таким образом, может показаться, что с утратой графической документации мы уже никогда не узнаем, как выглядело жилище иркутского посадского первой половины XVIII в. или как располагались комнаты в доме купца Сибирякова на момент приобретения «Белого дома» для резиденции генерал-губернатора, так как в настоящее время большая часть комнат перепланирована.

Сама идея использования описаний памятников истории и архитектуры из документов, безусловно, не является новой. Классическим образцом такой работы служит монография И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях», написанная еще в прошлом веке. Для Иркутска описания из документов были использованы лишь В.И. Кочедамовым для графической реконструкции Иркутского острога. Ф.А. Кудрявцев и

Г.А. Вендрих в своей книге об Иркутске поместили взятое из документов земской избы описание усадьбы мещанина Абрама Баснина¹ как иллюстрацию быта городских жителей.

Работая в течение нескольких лет с архивными документами Иркутской городской думы (ГАИО. Ф.70), мне неоднократно пришлось встречать описание внутреннего устройства зданий городской думы, домов генерал-губернатора, торговых помещений и жилых домов, Московских ворот и т.п. Составление этого вида документов связано с куплей-продажей зданий, передачей или приемом на баланс организаций, предполагаемым ремонтом и другими действиями административно-хозяйственных органов. Эти описания, как правило, скрыты внутри дел и требуют, во-первых, выявления из общей массы документов; во-вторых, систематизации по объектам и хронологии. Речь, конечно же, не идет о создании или восстановлении утраченных навсегда памятников, но, во-первых, на наш взгляд, использование описаний перспективно для перестроенных (с увеличением общего объема и этажности) зданий, а во-вторых, для графических реконструкций. Так, в ГАИО сохранилось несколько сделанных в разное время описаний внутреннего устройства здания Иркутской городской думы (ул. Ленина, 14), относящихся к различным годам XIX в., когда его занимал генерал-губернатор Восточной Сибири. В настоящий момент первоначальное здание полностью перестроено, но, используя поэтажные описания комнат, можно попробовать восстановить как выглядели внутренние помещения в 20-е годы прошлого века.

Дальнейшее изучение описаний жилых домов позволит более четко определить быт иркутян XVIII–XIX столетий, изменит некоторые наши представления. Например, авторы книги «Иркутск» утверждают, что «вытеснение слюды оконными стеклами совершается в Иркутске уже во второй половине XVIII в.», однако описание одного из домов, составленное в 1789 г., свидетельствует, что большая часть окон этого богатого дома была слюдяная. Кроме того, слюдяные вставки были в дверцах шкафов, а в некоторых покоях двери «столярной работы до половины слюдяные». Даже еще в 1820 г. в городской думе часть окон имела слюдяные вставки.

Очень важно, что в описаниях интерьеров внутренних помещений подробно перечисляются многочисленные иконы, портреты, зеркала, упоминается среди прочего изразцовая печь, оставшаяся от прежних хозяев и забеленная известкой новыми владельцами.

Попытки реконструкции, несомненно, связаны со значительными трудностями, а в отдельных случаях могут завершиться неудачей, но, работая с документами, мы, безусловно, обогащаем свое представление не только об интересующем нас памятнике старины, но и о людях, населявших ту эпоху.

Публикуется по: Историко-культурное наследие Восточной Сибири : материалы науч.-практ. конф. – Иркутск, 1994. – С. 41 – 42.

Документы XVIII века из фондов Государственного архива Иркутской области об освоении русскими людьми северной части Тихого океана

Экспедиция В. Беринга и А. Чирикова открыла регулярное судоходство в северной части Тихого океана, между побережьями России и Американского материка.

Всего с 1743 по 1794 г., только по официальным данным, было совершено 89 плаваний, большая часть из которых носила коммерческий характер. В многочисленных исследованиях истории используют, как правило, материалы центральных архивов. Однако изучение фондов Государственного архива Иркутской области позволяет нам утверждать о наличии здесь комплекса документов, содержащих разнообразные сведения по данному вопросу, которые не использованы до настоящего времени в литературе и научных исследованиях. Данные документы не составляют единого фонда или архивной коллекции. Это, главным образом, единичные дела, связанные с административно-судебными вопросами, религиозным культом, жизнью и хозяйственной деятельностью отдельных лиц. Особенный интерес вызывают документы 2-й половины XVIII в.

В течение последнего времени в фондах ГАИО удалось выявить следственные дела о гибели у камчатских островов в сентябре 1774 г. кораблей «Св. Павел» штурмана Афанасия Очередина и «Св. Екатерина» штурмана Ивана Должантова. В них содержатся обширные сведения не только о самом факте катастрофы, но и многочисленные детали жизни и повседневного быта мореходов, они позволяют нам судить об уровне подготовки командиров судов и экипажей, условиях судоходства в бассейне Охотского моря. Кроме того, документы существенно дополняют биографические сведения о видном судоводителе, штурмане А. Очередине. В дальнейшем – капитане купеческих судов, неоднократно ходившем к Алеутским островам. Важной, на наш взгляд, находкой можно считать показания по делу о гибели шмака «Св. Екатерина» подштурмана Гавриила Прибылова, члена экипажа разбившегося корабля. Документ тем более ценен, что имеет собственноручную скрепу – автограф знаменитого мореплавателя. Детальное изучение документов, возможно, прояснит обстоятельства перехода А. Очередина, И. Должантова и Г. Прибылова на службу к частным лицам, условия их найма и взаимосвязь крупных

1

Кудрявцев Ф.А. и Вендрих Г.А. приводят написание имени и фамилии ошибочно (См.: Иркутск : Очерки по истории города. – Иркутск, 1958. – С. 38). В документах земской избы (ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 449–455), на которые ссылаются авторы, значится **Аврам Бачин** – иркутский посадский, чье имущество в 1761 г. было описано в связи с неуплатой вексельного долга в сумме 52 с половиной рублей. (Прим. М. Василенко).

денежных начетов за гибель казенных судов и грузов с практически пожизненной службой указанных мореходов на купеческих судах.

Скудость сведений об участниках освоения северной части Тихого океана заставляет обращать внимание на любой документ, где упоминаются известные нам личности. Так, по материалам одного из дел следует, что капитан Тимофей Шмалев, участвуя в экспедиции И.И. Биллингса, находился формально под следствием. В документах дела очень ярко прослеживаются порядки, характерные для администрации отдаленной российской окраины. Дело по расследованию деятельности Т. Шмалева было прекращено лишь с его смертью.

Не менее интересно дело и о расследовании самовольных поступков известного купца Лебедева-Ласточкина, о противоправных действиях и сомнительной репутации которого хорошо известно. Творя совершенный произвол, он в 1799 г. присвоил под малоубедительным предлогом партию казенной пушнины. Учитывая, что «он уже крайне стар и дряхл» и имел за заслуги медаль от императрицы Екатерины II, администрация воздержалась от его сурового наказания.

Очень важным для понимания роли города Иркутска и его жителей в освоении восточных окраин России и американского побережья может считаться документ 1813 г., содержащий список иркутских цеховых, находящихся на службе Российско-Американской компании.

Помимо точного указания мест расселения иркутян (Ситка, острова Кадьяк, Уналашка и др.) указаны фамилии умерших, убитых индейцами в 1803–1805 гг. и жертв гибели фрегата «Феникс» в 1799 г.

Дальнейшее изучение архивных фондов, без сомнения, позволит обнаружить важные новые документы о жизни и деятельности русских людей по обе стороны Великого океана.

Статья была подготовлена для международных исторических чтений, посвященных 250-летию начала освоения русскими промышленниками Командорских, Ближних Алеутских островов и нового этапа продвижения русских к берегам Америки (г. Петропавловск-Камчатский). Публикуется по: ГАИО. Ф.р-327. Оп. 1. Д. 765. Л. 6–8.

Новые источники по делу о дуэли М.С. Неклюдова с Ф.А. Беклемишевым 16 апреля 1859 года в Иркутске и ее последствия

Указанное выше событие и общественно-политическое значение его для революционно-демократического движения в Сибири было предметом детального исследования с привлечением обширной источниковой базы центральных и местных архивов, поэтому только случай помог обнаружить некоторые новые источники по данной мене.

Занимаясь выявлением документов о Н.М. Ядринцеве при осмотре личного фонда Казнаковых в Российском государственном архиве (С.-Петербург), удалось установить, что в семейном фонде бывшего генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова хранится подборка документов по делу о дуэли М.С. Неклюдова и Ф.А. Беклемишева, собранная женой Николая Геннадьевича Казнакова Марией Сергеевной Неклюдовой, родной сестрой убитого на дуэли Михаила Сергеевича Неклюдова.

В описи фонда они составляют отдельный озаглавленный раздел, содержащий около 20 единиц хранения. Наиболее важные из них, на наш взгляд:

1. Письмо М.С. Неклюдова к сестре Марии Сергеевне о предстоящей дуэли, написанное накануне ее 15 апреля 1859 г., копия (?) на французском языке.

2. 11 писем адъютанта начальника артиллерии Восточной Сибири Владимира Ромуальдовича Панасевича Н.С. Казнаковой с подробным описанием обстоятельств, предшествовавших дуэли ее брата с Ф.А. Беклемишевым, самой дуэли, ходе расследования по делу, перевозке тела Неклюдова для погребения в родовом имении. Фамилия Панасевича (в сокращенном виде) указана в статье «Убийство Неклюдова в Иркутске» герценовского издания «Под суд!» от 15 ноября 1859 г. В нем Панасевич назван «единственным знакомым» убитого. М.С. Неклюдов просил поручика В.Р. Панасевича быть секундантом на дуэли, но последний, в силу действительно объективных семейных обстоятельств, отказался, рекомендовав общего знакомого подпоручика Буяковича, своего сослуживца. Письма содержат массу подробностей о событиях, непосредственным участником которых был В.Р. Панасевич. Он же после смерти М.С. Неклюдова стал его душеприказчиком и доверенным лицом семьи по перевозке тела убитого на родину. Хронологические рамки писем: апрель 1859–январь 1860 г., причем первое письмо было написано в день дуэли.

3. Письмо товарища председателя Иркутского губернского суда Александра (Мефодия) Мироновича Молчанова Д.Н. Замятнину об обстоятельствах дуэли родственника последнего М.С. Неклюдова с Беклемишевым. В деле представлены подлинник, датированный 20 апреля 1859 г., и копия письма. Помимо изложения своей версии событий, письмо представляет собой раболопные оправдания. Из него следует, что до приезда в Сибирь Молчанов служил под начальством Д.Н. Замятнина и все свои дальнейшие действия объясняет как спасение чести и достоинства близкого родственника любимого начальника.

4. В подборке документов имеется фотография М.С. Неклюдова, сделанная во время его командировки в Пекин в конце 1858 г. Насколько нам известно, это единственное изображение М.С. Неклюдова, выявленное до настоящего времени и нигде прежде не публиковавшееся.

В целом следует обратить внимание на обилие копий документов по делу и даже повторяемость некоторых из них. В дальнейшем, при детальном изучении, их необходимо сверить с документами из других архивов и фондов. Так, хранящиеся в фонде Казнаковых неподписанные копии Записки о неправильностях следствия по делу о дуэли М.С. Неклюдова, производимого в Иркутске статским советником Успенским, могут быть идентифицированы с документами, подготовленными Ф.Ф. Ольдекопом, или их вариантами. Текстуального анализа требуют и копии документов, известных в литературе. В данном случае – копия рапорта адъютанта генерал-губернатора Восточной Сибири Гарязина шефу жандармов В.А. Долгорукому об обстоятельствах, сопровождавших дуэль.

Наличие копии с документов, в том числе из Министерства юстиции, внутренних дел, Отдельного корпуса жандармов, заставляет предположить, во-первых, обмен сведениями между родственниками убитого; во-вторых, в перспективе, после детального изучения круга родственников и друзей Неклюдова, вероятность обнаружения новых документальных материалов по делу. Можно констатировать также, что исследователи, к сожалению, не вполне представляли себе общественное положение семьи Неклюдовых. Достаточно сказать, что упомянутый ранее Н.Г. Казнаков был воспитателем наследника-цесаревича Николая Александровича (умершего в 1865 г.), состоял в дружеских отношениях с наследником-цесаревичем Александром Александровичем и другими великими князьями.

Важность выявленного комплекса источников, на наш взгляд, еще и в том, что заставляет вновь обратиться к последствиям дуэли не только для ее участников и других заинтересованных лиц, но и для Восточной Сибири в целом. Новые сведения ставят проблему влияния на ход следствия и судебного разбирательства Д.Н. Замятнина, в то время – товарища министра, а с октября 1862 г. – министра юстиции, близкого родственника Неклюдовых. Исходя из этого предстоит выяснить: во-первых, насколько полно был информирован император Александр II об обстоятельствах иркутской дуэли и последующем самоуправстве генерал-губернатора Н.Н. Муравьева; и, во-вторых, не связана ли фактическая отставка в 1860 г. с представлением императору через Министерство юстиции или шефа корпуса жандармов обобщенных сведений о деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и его окружения. Не секрет, что после почетной отставки, несмотря на неоднократные просьбы, граф Н.Н. Муравьев-Амурский больше на службу принят не был.

Публикуется по: Байкальская историческая школа : проблемы региональной истории : тез. докл. и сообщ. науч. конф., посвящ. памяти М. А. Гудошникова и Ф. А. Кудрявцева, 27 – 30 июня 1994 г. – Иркутск, 1994. – Ч. 1. – С. 62 – 68.

Документы Государственного архива Иркутской области о нападении японских военных кораблей на г. Петропавловск-Камчатский в августе 1905 г.

Известно, что в 1904 г. жители Камчатки своими силами сумели отразить несколько попыток японцев высадиться и образовать поселения на берегу. Оборону возглавил начальник Петропавловского уезда А.П. Сильницкий. Опираясь на местных жителей, он сумел не только вдохновить людей на оборону, но и создать действенную систему оповещения о высадке противника в разных точках побережья и появления его судов; организовать, используя местные транспортные средства, переброску добровольцев на наиболее опасные участки. В результате нескольких стычек общие потери японцев составили до 200 чел. После столь успешных действий произошли странные изменения. А.П. Сильницкий был удален с Камчатки (правда – с повышением). Отряды добровольцев распущены и никто из новой администрации более об обороне полуострова не помышлял.

Первого января 1905 г. начальником Петропавловского уезда был назначен коллежский асессор С.М. Лех, бывший офицер, перешедший на службу в полицию, он был доверенным лицом Приморского военного губернатора и долгое время служил в аппарате его канцелярии. 31 июля (13 августа) 1905 г. японский крейсер «Сума» из отряда крейсеров адмирала Того-младшего обстрелял маяк у входа в Авачинскую бухту и двинулся к г. Петропавловску. Созданная система оповещения при помощи зажженных костров в Раковой бухте и на Сигнальном мысу своевременно дала знать в город о приближающемся корабле, причем у караульных, рядовых казаков-добровольцев, не было никаких сомнений в том, что это корабли противника. Однако С.М. Лех никаких мер предосторожности не принял. Более того, он убеждал собравшуюся на звуки выстрелов публику, что это салют входящего в гавань русского корабля. Однако подошедший крейсер открыл прицельный огонь по зданию уездного управления, чем поверг в панику городское население. Люди спешно покидали город, а с японского крейсера был высажен десант. Одним из первых покинул город сам исправник С.М. Лех, поэтому японцы беспрепятственно заняли помещение полицейского управления. Должностные лица не предприняли никаких мер для спасения документов и денег, поэтому после ухода японцев пропала часть документов и оказались похищенными около 40

тыс. руб. Утрата казенных денег и послужила в дальнейшем причиной для возбуждения уголовного дела, которое в течение нескольких лет рассматривалось в Иркутской судебной палате.

В Государственном архиве Иркутской области хранится дело, содержащее важные сведения о вышесказанном событии. Так, в частности, в деле содержится выписка из отчета надворного советника А.П. Сильницкого о командировке на Камчатку и Курильские острова в сентябре–октябре 1905 г. Именно он произвел первое расследование обстоятельств нападения японцев на Петропавловск и выявил чрезвычайно неприглядную картину поведения местной администрации и некоторых жителей города. Сведения, собранные А.П. Сильницким, опровергают и сообщения некоторых современных исследований. Так, в «Истории Русско-японской войны 1904–1905 гг.», изданной в 1977 г., сказано, что после высадки десанта «в городе японцы никого не застали. Местные жители покинули его».

Однако, как следует из отчета, не все жители покинули город, более того, во время высадки проявились прояпонские настроения части местной интеллигенции. Так, учитель Роберт направился к крейсеру с белым флагом и позднее на борту парохода «Австралия» вступил в несанкционированные властями переговоры с японским офицером. Он же принимал офицеров вражеского десанта у себя дома вместе с уездным врачом Тюшевым. В доме родственников последнего был устроен прием японским офицерам, причем, по свидетельству очевидцев, говорилось много тостов в честь «японской нации, несущей своими победами на море и на суше прогресс и цивилизацию для всей Азии». Тот же Тюшев обратился с письмом к командиру японского отряда кораблей, в котором осуждал от имени местной администрации действия населения Камчатки в 1904 г. Записка была составлена от имени помощника начальника уезда Павского и дала в дальнейшем повод японской стороне говорить о признании русской администрацией своей вины за антияпонскую деятельность. Поведение должностных лиц и представителей «местной общественности» резко контрастирует с поведением простых казаков и жителей города. Так, служащие маяка на мысе Вертикальный, в то время как главный смотритель бежал еще до нападения японских судов, до последней крайности находились под обстрелом на маяке. Потом разделили хранящиеся в кассе деньги и покинули маяк. Пробравшись кружными путями к своим, они полностью вернули деньги представителю местных властей вместе с расходными документами. В отчете имеются сведения о том, что люди, готовые отразить японскую высадку, тщетно ждали распоряжения вышестоящего начальства, которое просидело в селе Завойкинском вплоть до сентября.

Из содержания доклада чиновника канцелярии приморского губернатора Суханова можно определить и более глубинные причины беспомощного положения жителей полуострова при отражении внешней агрессии. Это, во-первых, крайняя экономическая отсталость края и слабая его заселенность; а во-вторых, абсолютное равнодушие к Камчатке высших и местных губернских органов власти, когда волей начальства руководителями важнейших территорий, имеющих стратегическое значение для государства, становились такие люди, как С.М. Лех. Порочность высшей системы управления просматривается и из вмешательства в дела прибывшего в Петропавловск уполномоченного ОВД и заместника, статского советника Гребницкого, которого прямо обвиняли в содействии японцам еще при заключении договоров о рыболовстве в 1903 г.

Изучение документов дела позволяет также утверждать, что в «Истории Русско-японской войны 1904–1905 гг.» имеется существенная неточность. События, указанные в книге в связи с нападением японских крейсеров на Петропавловск, происходили в 1905 г., а не в 1904 г.

Публикуется по: XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке : тез. докл. и сообщ. между. науч. конф., 18–20 апр. 1995 г. – Хабаровск, 1995. – С. 68–70.

Документы Государственного архива Иркутской области об участии наемников в диверсионных операциях против России на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны (к постановке проблемы)

Активизация германской агентуры на Дальнем Востоке в 1914 г. связана с утратой оккупированного англо-японскими войсками опорного пункта Германии в Китае – порта Циндао. В конце 1914 – начале 1915 г. германские представители, используя легальное прикрытие, приступили, помимо обычной разведывательной деятельности, к формированию бандитских шаяк хунхузов, ориентируя их на диверсионную деятельность против русских объектов в Приамурье и Маньчжурии. Попытка создания вооруженных диверсионно-террористических групп имела конечной целью дестабилизировать обстановку и нанести максимально возможный урон России на Дальнем Востоке, способствуя таким образом германской армии на других театрах военных действий.

Выявленные в ГАИО документы по теме конференции находились до недавнего времени на секретном хранении в фонде дипломатической канцелярии иркутского генерал-губернатора (Ф. 25. Оп. 1. Д. 91. «Дело об организации германцами китайских шаяк»). Они охватывают период с ноября 1914 по январь 1915 г. и содержат

в себе совершенно секретную переписку между чиновниками дипломатического ведомства, губернского жандармского управления, жандармского полицейского управления в полосе Амурской железной дороги, штабом Иркутского военного округа.

Характеризуя общую обстановку, начальник жандармского полицейского управления Амурской железной дороги докладывал со ссылкой на начальника полицейского управления КВЖД о том, что «какого-либо брожения, направленного против России, среди китайского населения Маньчжурии в настоящее время не замечается, но обращает на себя внимание производимое китайцами увеличение численности и боевой готовности своих войск, находящихся к северу от главной магистрали Китайско-Восточной железной дороги, а также сосредоточение их в районе, ближайшем к линии железной дороги, последние покушения на порчу железной дороги, несомненно, производившиеся по наущению германцев, китайцами доказывают, что германцами, проживающими в китайских городах, вблизи линии железной дороги, ведется среди китайского населения против русских агитация».

В бандитские формирования входили местные уроженцы, в том числе в незначительном количестве владевшие немецким языком. Так, в частности, в донесении русского консульства в Тяньцзине говорилось, что германским вице-консулом в Мукдене организована группа из 27 человек, получающих ежемесячное жалование от 70 до 80 китайских долларов, и 10 человек, состоявших в распоряжении германского консула в Мукдене, получавших деньги сдельно. По сообщению агентуры, этой группой, в которую входил и переводчик немецкого консульства, был поврежден мост на железной дороге и сожжен пароход на р. Сунгари. Оружие и взрывчатые вещества поставлялись немцами.

В конце декабря начальник Иркутского ГЖУ сообщил обобщенные и частично перепроверенные сведения о том, что «под влиянием германской агитации организуются шайки хунхузов для совершения нападений, имевших цель отвлечь внимание русского правительства и тем самым оказать помощь Германии». По тем же данным, частью перепроверенным, на Дальнем Востоке и в полосе Китая, прилегающей к России, установлено появление неизвестного немца, носящего китайскую национальную одежду. Он проводил агитацию среди китайцев с целью вызвать вооруженное выступление их против России и вербовку «китайских партизанских отрядов».

Из Российского генерального консульства в Харбине информировали о появлении бежавшего из Циндао немецкого агента, который в городе Дальний разрабатывал с китайцами планы разрушения отдельных участков КВЖД. Им же, для реализации планов, были командированы в Хайлар два выпускника Мукденской школы монгольского языка для организации хунхузских шаек.

В конце первого года войны германская агентура рассчитывала использовать для расширения указанной выше деятельности, прибывавших в Сибирь военнопленных, в том числе и австро-венгерской армии. По данным контрразведки, нападения на лагеря военнопленных и их освобождение было одной из задач мобильных групп наемных бандитов в приграничной полосе. Отмечались контакты главарей шаек с пленными офицерами, поиски партий оружия для вооружения военнопленных.

Выявленный факт наличия на Дальнем Востоке организованных германской агентурой вооруженных отрядов наемников требует, на наш взгляд, дальнейшего изучения. Деятельность их по своим масштабам не идет ни в какое сравнение с боями на других фронтах, и поэтому, видимо, история их формирования и применения не стала предметом исследования. Однако формы комплектования и методы действия, опробованные в годы Первой мировой войны, получили, по нашему мнению, продолжение уже в годы Гражданской войны в этом же регионе. В качестве примера достаточно вспомнить национальные наемные подразделения войск атамана Г.М. Семенова или барона Р.Ф. Унгерна.

Публикуется по: Военные конфликты и наемничество : история и современность : докл. и тез. второй военно-истор. межвуз. науч. конф., 28 мая 1996 г. – Иркутск, 1997. – С. 81–84.

Документы Государственного архива Иркутской области к биографии Ивана Александровича Якушева

Личность Ивана Александровича Якушева, первого председателя Сибирской областной думы, члена партии эсеров и активного участника мятежа генерала Гайды во Владивостоке в 1919 г. до настоящего времени не стала предметом изучения. Более того, в мемуарной литературе его деятельность оценивалась однозначно отрицательно со стороны всех представителей широкого спектра «белого движения».

В настоящее время во всех справочных изданиях отсутствуют биографические сведения о нем, а публикации по истории Гражданской войны лишь упоминают о его существовании.

Выявленные в Государственном архиве Иркутской области документы позволяют установить некоторые факты биографии интересующей нас личности, а также поставить проблему изучения генезиса общественно-политических взглядов И.А. Якушева в годы Гражданской войны и его роли в развитии сибирского областничества в целом.

Иван Александрович Якушев, как следует из обнаруженного в фонде Иркутской губернской тюремной инспекции статейного списка, происходил из мещан города Сургута Тобольской губернии, родился 24 июня 1886 г. Окончил Омскую центральную фельдшерскую школу, после которой занимался медицинской практикой. За

участие в революционных событиях 1905–1906 гг. арестован, и в 1910 г. осужден Ново-Маргеланским окружным судом Сыр-Дарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства к ссылке на поселение в Восточную Сибирь.

По докладу, утвержденному иркутским губернатором 24 июля 1910 г. И.А. Якушев определен на поселение в Нижнеилимскую волость Киренского уезда. К месту ссылки его направили в составе 4-й Ленской партии в августе того же года. Однако до места ссылки не добрался, а был перераспределен в Братскую волость Нижнеудинского уезда, где и находился до 1912 г. под гласным надзором полиции. По его настоятельным просьбам с жалобами на здоровье, И.А. Якушев вначале переезжает в с. Тулун, а затем, в 1913 г. – «для лечения» – в Иркутск.

В начале 1914 г. Якушев устраивается на должность поденно-служащего писца при секретаре Иркутской городской думы. Можно предположить, что это произошло не без содействия, местной организации социалистов-революционеров. Непосредственным начальником И.А. Якушева в этот период был А.В. Пихтин, в дальнейшем – видный деятель земского движения. Он же рекомендовал его на службу. Кроме этого, с августа 1914 г. Якушев служит секретарем продовольственной комиссии.

В качестве члена Иркутского городского продовольственного комитета в марте 1916 г. участвует в работе съезда кооперативов Забайкальской области.

После февраля 1917 г. городская дума стала центром либерально-демократического общественного движения в Иркутске. В это же время происходит стремительный взлет И.А. Якушева, связанный с его прошлыми революционными заслугами и активной деятельностью во множестве существовавших в тот момент общественно-политических организаций. Везде он представляет партию социалистов-революционеров, по ее же списку избирается в 1917 г. в новый состав городской думы.

Таким образом, появление Ивана Александровича Якушева в качестве первого председателя Сибирской областной думы не может быть случайностью. Фигура политического ссыльного, активиста наиболее авторитетной в этот период политической партии и урожденного сибиряка соответствовала по всем параметрам требованию сложившейся ситуации. Обстоятельства избрания на пост, дальнейшее развитие событий вокруг Сибирской областной думы и сформированного ею правительства позволили Якушеву сохранить признаки легитимности своей должности и до 30-х годов представлять в своем лице «Вольную Сибирь».

Публикуется по: История «белой» Сибири : тез. второй науч. конф., 4–5 февр. 1997 г. – Кемерово, 1997. – С. 148–149.

Раздел II.

Николай Михайлович Ядринцев: жизнь и творческое наследие

Документы к биографии Н.М. Ядринцева в личном фонде Н.С. Романова в Государственном архиве Иркутской области

Поиск документов к биографии Николая Михайловича Ядринцева в личном фонде Нита Степановича Романова производился не случайно. Ничто не указывает на то, что эти два человека знали друг друга, однако специфика деятельности Н.С. Романова предопределила наше обращение к его наследию.

Тема о Романове – собирателе рукописного наследия, в отличие от темы о Романове – библиофиле, практически не изучена. Около половины личного фонда Н.С. Романова, хранящегося в Государственном архиве Иркутской области, составляют собранные им документы и рукописи: копии правительственных указов, нотариальных документов, фрагментов дел различных административных учреждений, частных писем и т.д. Практически все они относятся к истории Иркутской губернии. По-видимому, коллекция не была полностью отсистематизирована ни самим владельцем, ни сотрудниками архива, куда она поступила на хранение в 1942 г. Более того, по-видимому, не все документы были описаны в 1943 г. Часть их вносилась в опись в пятидесятые и семидесятые годы. По отношению к основному объему фонда эти поступления, казалось бы, были незначительными (от 40 до 5–7 дел), но просмотрены и описаны они были менее тщательно, чем первое поступление, которое обрабатывали под руководством Ф.А. Кудрявцева. Так, в частности, под № 377 в опись было включено дело с заголовком: «Черновики стихотворений, очерков, заметок, письма друзей-единомышленников Н.С. Романова»². Настораживали уже его хронологические рамки 1874–1934 гг.: письма не могли быть посланы «друзьями-единомышленниками» тогда, когда Н.С. Романов был еще ребенком.

Первый, даже самый беглый просмотр содержания дела полностью подтвердил сомнения в заголовке. Лишь несколько писем из почти тысячи листов адресовались Ниту Степановичу. Зато были выявлены автографы писем

Г.Н. Потанина, Д.А. Клеменца, П.К. Казаринова, И.И. Попова и многих других известных деятелей. О найденных письмах был проинформирован С.Ф. Коваль, и часть их была включена в 4-й том «Писем Г.Н. Потанина».

В письме от 3–5 октября 1890 г. из Петербурга к В.А. Ошуркову Потанин в частности пишет: «Заезжал в Большое Село по приглашению, которое получил по почте, живя в Самаре. Прожил в нем два дня и виделся с Николаем Михайловичем, который жил здесь по возвращению из Крыма. 2 октября он хотел выехать в Петербург. Я нашел его неузнаваемым: ни следа иркутской надтреснутости и кислятины. Голос бодрый, уверенный; занят усиленной работой над переделыванием своей «Сибири как колонии» для нового издания, и, кроме того, намечено, по-видимому, немало мелких статей как для «Восточного обозрения», так и для столичных газет. Мечтает о будущем, о новой журнальной деятельности. В Петербурге он будет вновь хлопотать об экспедиции в Монголию. Ведением «Восточного обозрения» доволен. Оба дня, проведенные мною в усадьбе, мы проговорили без умолку, так что я из барского дома никуда не выходил и хозяйство помещицы совсем не видел. Обе старушки, Александра Ивановна и Надежда Федоровна, также в один голос утверждают, что по возвращении из Крыма он точно другой – сделался деятельным и творческим. Жалуется Н.М., впрочем, что для фельетона не находит в голове материала. Но это понятно – в качестве редактора он получал массу писем, которые снабжали его подобным материалом, а эти два года он прожил без всяких сношений с Сибирью. Ни друзья, ни посторонние не писали ему»³.

В коротком, но чрезвычайно емком и информативном отрывке письма перед нами оживает Николай Михайлович Ядринцев, восстановивший силы после тяжелейших двух лет жизни в Иркутске и готовый к новой работе. Исключительно важны для понимания окружения и его личной жизни упоминания о А.И. Барковой и Н.Ф. Ржавской, матери и сестры умершей жены, Аделаиды Федоровны. Они всегда были надежной опорой в нелегкой жизни Николая Михайловича, в их усадьбе воспитывались его дети. Григорий Николаевич шутливо называет их «помещицами», он несколько раз бывал в Большом Селе и находился в теплых и дружеских отношениях с его обитателями.

Насколько были близки по духу родные Николая Михайловича к его делу, свидетельствует еще одно письмо на имя В.А. Ошуркова от А.И. Барковой. Благодаря за посланные сыновьям Ядринцева деньги, она 17 февраля 1891 г. писала: «Прошу Вас больше думать о желаемом успехе газеты и верить, что Николай Михайлович искренно Вас ценит, очень понимает, что Вам нужно запастись терпением и тактом, живя среди Иркутского общества...»⁴.

Тему «Н.М. Ядринцев и иркутское общество» развивает и Д.А. Клеменц в своем письме к И.И. Попову от 3 сентября 1894 г.: «Известие о смерти Ядринцева сообщил мне в июле один знакомый из Улясутая, но без всяких подробностей. Из Вашего письма узнаю, что и после смерти не получил он надлежащего признания в Иркутске. Отсутствие Вагина и Загоскина на панихиде характерно. Вагин никогда близок с покойником не был; но Загоскин писал сладкие письма, разводил патриотизм, они были на ты, помимо того, что были единомышленниками. Загоскин и Писарев были одни из затейщиков переноса Восточного обозрения в Иркутск и отдачи газеты в руки провинциальной цензуры. Не везло Ядринцеву: в Иркутске он только страдал при жизни, встречен холодом и по смерти»⁵.

Уникальное собрание писем выдающихся современников! Уникальный источник интеллектуальной жизни сибиряков конца минувшего – начала нынешнего века. Когда и при каких обстоятельствах попали они в руки Нита Степановича Романова?

Мы можем выдвинуть, на основе анализа этих писем, предположение, что они хранились в редакции газеты «Восточное обозрение», а позднее – в редакции журнала «Сибирский архив». Последнее следует уточнить, но, возможно, часть материалов (например, письма И.Д. Черского к Н.И. Витковскому) попала к Романову именно оттуда. Принадлежность же основной части писем к редакции «Восточного обозрения» сомнений не вызывает. Их адресаты: Иван Иванович Попов – редактор-издатель и Василий Степанович Ефремов – секретарь редакции. Основная масса писем датируется 1894–1904 гг. Есть письма 1890–1892 гг., адресованные, главным образом, редактировавшему газету Василию Александровичу Ошуркову. Имеется одна записка на имя Н.М. Ядринцева о пересланной корреспонденции.

Процитированные выше письма также содержат в основном сведения о деятельности газеты и группирующихся вокруг нее лиц.

Судя по карандашным пометам на письмах, неоднократно их пытались систематизировать по авторам, но работа не была завершена, и о том, кем она делалась, мы можем только предполагать.

Работал ли сам Нит Степанович Романов с письмами из своей коллекции? На этот счет имеется небольшая запись на листе из ученической тетради. Привожу ее полностью. Рукой Романова записано следующее. «Из письма Григория Николаевича Потанина Александру Алексеевичу Ионину»: ...«Я уже строю планы, какие мы работы с Вами заведем в Иркутске. Первое всего примемся за историю города Иркутска (подчеркнуто Н.С. Романовым. – *Е. Ш.*); это и интересно, потому что в историю этого города входит история первых проявлений общественной и умственной жизни Сибирского общества, а потом такая история скорее другой может быть издана, так как можно

3 ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 377.

4 ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 377.

5 ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 377.

будет на издание получить средства от городской думы. Я уезжаю в Иркутск не ранее 20 июля. Готовый к услугам Григорий Потанин».

Это письмо хранилось у меня вместе с письмами декабристов, Ядринцева, Щапова и только сегодня 27 сентября 1924 г. я его прочел, и то случайно. Мне кажется, я слышу из могилы голос Григория Николаевича, который советует исполнить его давнюю заветную мечту, написать историю гор. Иркутска. Мне приятно было узнать, что я – маленький человек, был во власти той же мысли, как и Потанин – большой человек. Эти наши чувства к прошлому Иркутска одинаково выразились – желанием его истории. Н. Романов».

Эта собственноручная запись приоткрывает нам внутренний мир Нита Степановича, почти мистическое определение своей жизненной цели и предназначения – написать историю города Иркутска, восприятие им своего существования в тяжелые годы как исполнение полученного от старшего поколения завета. И здесь же, буквально из первых рук, сведения о наличии в его собрании писем «декабристов, Ядринцева, Щапова и Потанина». К сожалению, сейчас в личном фонде нет писем декабристов и Щапова, где они находятся – неизвестно. Неизвестно, что стало и с процитированным выше письмом, подлинный текст его не обнаружен. В фундаментальном издании «Письма Г.Н. Потанина» нет вообще ни одного письма на имя А.А. Ионина, хотя известно, что последний был активным сотрудником ВСОРГО и их личное знакомство несомненно.

До 1965 г. в фонде Н.С. Романова были и другие ядринцевские материалы. Тогда при переработке личного фонда Н.М. Ядринцева в него были переданы письма Н.М. Ядринцева В.И. Вагину, А.А. Ионину, Л.В. Оксену, Ордынскому, И.И. Попову, В.П. Сукачеву, А.В. Янчуковскому, В.А. Ошуркову и ряду неустановленных лиц; сюда же включили телеграммы-соболезнования редакции газеты «Восточное обозрение» и другие материалы. Этот искусственный характер концентрации в личном фонде всех ядринцевских материалов серьезно затруднил разрешение вопроса об источнике поступления их в фонд Н.С. Романова.

Вопрос о появлении ядринцевских документов в Иркутске, и особенно, обстоятельства их рассредоточения по разным хранилищам, является темой самостоятельного исследования. Работа с личным фондом Н.С. Романова дает очень интересный путь поиска. В анализируемом нами деле сосредоточились письма не просто к Ядринцеву, Попову, Ошуркову или Ефремову. Содержание писем позволяет утверждать, что это письма к редакторам газеты «Восточное обозрение» или лицам их замещающим, что это редакционная переписка. На некоторых письмах имеется карандашная надпись: «архив» или «в архив», что позволяет предположить наличие специально подобранного, а возможно, отсистематизированного собрания. Возможно, И.И. Попов и В.С. Ефремов отобрали наиболее ценные рукописи и письма, ожидая скорого закрытия газеты в 1906 г. Но то, что они бережно сохранялись, не оставляет сомнений. В распоряжение Н.С. Романова они не могли попасть ранее 1917 г.

Иван Иванович Попов был одним из немногих сибиряков, кто реально заботился о сохранении творческого наследия Н.М. Ядринцева и памяти о нем, кто делом продолжал ядринцевские традиции и стал инициатором создания его первого биографического очерка. Обстоятельства его написания, изложенные И.И. Поповым в книге «Забытые иркутские страницы» дополняются перепиской. В ней, в частности, имеется автограф М.К. Лемке с сообщением о работе над книгой.

Анализируя изложенное выше, можно утверждать:

1. Н.С. Романов при невыясненных сейчас обстоятельствах стал обладателем документов из редакции газеты «Восточное обозрение».

2. Ранее не была установлена принадлежность части документальной коллекции Н.С. Романова к редакции газеты «Восточное обозрение». Более того, без анализа фондообразующих признаков некоторые документы, в том числе уникальные автографы, были включены в личные фонды Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина и т.п. Это еще более запутало вопрос о фондовой принадлежности творческого наследия Н.М. Ядринцева в различных хранилищах г. Иркутска.

3. В редакции, а возможно, уже в обработанном архиве редакции газеты «Восточное обозрение» в Иркутске, отложился комплекс документов, относящихся к жизни и деятельности Н.М. Ядринцева. В нем совершенно определенно выделяются два обособленных блока: во-первых, документы, главным образом переписка самого Н.М. Ядринцева за период пребывания в Иркутске и переписка его с редакцией после отъезда в Европейскую Россию; во-вторых, документы, собранные И.И. Поповым для написания биографии Н.М. Ядринцева. Они включают в себя письма Николая Михайловича разных лет и к разным лицам, воспоминания о нем и другие материалы, переданные по просьбе редакции в ее распоряжение.

Данный комплекс имеет самостоятельное происхождение, независимое от поступивших на хранение во ВСОРГО или вывезенных в Москву Т.М. Фарафоновой комплексов.

4. Наличие архива редакции газеты «Восточное обозрение» ставит новую задачу перед специалистами: установить историю этого архива и реконструировать его первоначальный состав. То, что эта кропотливая и трудоемкая работа перспективна и может дать результаты, доказывает факт выявления и использования материалов к биографии Н.М. Ядринцева.

Спасением, по крайней мере части архива редакции, мы безусловно обязаны Ниту Степановичу Романову. Он сберег бесценные рукописи в своей документальной коллекции, переданной после его смерти в Государственный архив Иркутской области.

Представлен авторский текст без редакторских правок и сокращений (источник: ГАИО. Ф. 327. Оп. 1. Д. 873. С. 33–39.). Статья подготовлена и опубликована в сборнике : Вторые Романовские чтения : материалы науч. конф., 8–9 янв. 1998 г. – Иркутск, 2000. – С. 15–20

Н.М. Ядринцев об управлении Сибирью

Выдающийся общественный деятель, публицист и ученый, Николай Михайлович Ядринцев не мог не коснуться в своем творчестве вопросов управления Сибирью вообще, Восточной Сибирью в частности. Основная задача при изучении темы – проследить генезис как его личных взглядов на систему управления Сибирью, так и взаимоотношений с отдельными представителями «власть имущих». Вполне правомерно не только отнестись к этим двум аспектам между собой, но и найти подтверждение выводов в достоверных фактах биографии Н.М. Ядринцева. Только таким образом можно раскрыть часть большой и сложной проблемы о взаимоотношениях знаменитого сибиряка и власти в целом.

Помимо традиционных источников – монографий и опубликованных статей самого Ядринцева существенное значение могут играть материалы личной переписки, а также документы служебной и общественной деятельности из архивных фондов административных учреждений Западной и Восточной Сибири.

Во взглядах Ядринцева на управление Сибирью можно, на наш взгляд, выделить четыре периода. Первый период связан с началом общественной деятельности в первой половине 60-х годов XIX в. Характеризуется эмоциональной, безудержной, огульной, чаще всего несправедливой критикой любой администрации. Вскрывая видимые, действительные недостатки управления, не сдерживаясь дает самые уничтожающие оценки, не стесняясь в эпитетах. По-видимому, такой подход был характерен не для одного Ядринцева, но и для его единомышленников в столице и Сибири. Особенно ясно это видно из программных прокламаций, в которых общепринятый для наезжих чиновников термин «навозная сволочь» соседствует с эпитетами «идиот Сукачев» и «дурачок Корсаков».

Второй период связан с арестом, заключением в Омской крепости и ссылкой в Архангельскую губернию в 1865–1874 гг. Устранение от общественной деятельности привело к громадной работе по самообразованию. Изучение трудов, в том числе и на иностранных языках, по вопросам государственного устройства, колониального управления, всемирной и российской истории и естествознанию дали ему необходимый запас знаний для разработки системы собственных взглядов. В этот же период формируется и прикладной характер всех дальнейших исследований. При изучении любого, самого, казалось бы, нейтрального вопроса, Ядринцев умеет применить его на пользу Сибири, преломить через призму сибирских интересов и сделать соответствующие выводы или предложить рекомендации.

Именно в ссылке он начал изучать деятельность М.М. Сперанского в Сибири по опубликованным источникам. Однако, как следует из его писем к Г.Н. Потанину, эти публикации его не удовлетворяли.

От огульной критики государственного аппарата и его представителей Ядринцев перешел к серьезной, аргументированной, хотя и ограниченной рамками официальных изданий, публицистике.

Совершенно справедливо, со знанием дела критикуя систему каторги и ссылки в Сибирь, Ядринцев завоевал заслуженный авторитет не только в среде юристов, но и административных деятелей.

Третий период связан со службой в Главном управлении Западной Сибири в 1876–1881 гг. По приглашению генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова поступает на государственную службу и, таким образом, сам становится представителем сибирской администрации. Желание работать на благо родного края даже при поддержке генерал-губернатора сталкивается с реалиями чиновничьей жизни, которые ставят Н.М. Ядринцева в двусмысленное положение. Так и не получив чина, Ядринцев тем не менее числится столоначальником, а исполняет личные поручения генерал-губернатора. В графе формулярного списка о судимости записано: «С момента поступления на службу под судом и следствием не состоял и не состоит», хотя всем сослуживцам было известно о судимости Н.М. Ядринцева по «делу сибирских сепаратистов» и сами следственные материалы хранились в архиве Главного управления. Возникали инциденты и с сослуживцами, которые видели в молодом талантливом чиновнике опасного соперника. В биографии Ядринцева недостаточно оценен, на наш взгляд, факт службы в Главном управлении Западной Сибири.

Во-первых, знаменитые алтайские экспедиции были совершены им по распоряжению генерал-губернатора и являлись служебными командировками. Лишь благодаря инициативе Ядринцева они превратились в комплексные естественно-географические экспедиции.

Во-вторых, именно в этот период Н.М. Ядринцев мог стать видным государственным служащим. Однако сама ситуация в административном аппарате Западной Сибири не способствовала привлечению на службу молодых и талантливых людей, как это было в Восточной Сибири при Н.Н. Муравьеве или там же в начале XX в.

В-третьих, находясь на государственной службе, Н.М. Ядринцев получил возможность использовать для своих работ официальные документы и сведения архивов, что исключительно благоприятно отразилось на содержании его будущих монографий и статей.

Таким образом, в силу объективных обстоятельств, Н.М. Ядринцев не мог после отставки Н.Г. Казнакова оставаться на государственной службе. В публикациях этого периода дается объективная оценка деятельности административно-управленческого аппарата, всех его достоинств и недостатков. Причем автор сам принимает непосредственное участие в ликвидации некоторых из них. Не приобретя, возможно, большого опыта

административной службы, Н.М. Ядринцев тем не менее полностью, на практике, изучил систему управления сибирскими губерниями, оценил систему управления сибирскими губерниями, оценил место и роль в проведении реформ сибирской жизни главных начальников края. На примере Н.Г. Казнакова убедился в возможности сотрудничества сибирских общественных деятелей с представителями власти, заинтересованными в местных реформах.

Четвертый, наиболее сложный и продолжительный период, связан с самостоятельной литературно-публицистической деятельностью Н.М. Ядринцева и приходится на последние 14 лет его жизни. Попытка встать во главе общественного мнения в Сибири сталкивалась с интересами представителей бюрократического аппарата, не склонными гласно обсуждать сибирские проблемы. И даже взвешенные, объективные статьи и публикации в газете «Восточное обозрение» вызывали резкий протест. Стандартные заключения о подрыве авторитета жесткой администрации стали сутью обвинений в адрес редакции и привели, в конечном итоге, газету к полному краху еще при жизни издателя. Не изученный вопрос о сотрудничестве Н.М. Ядринцева с нелегальной зарубежной печатью может пролить свет на подлинное отношение выдающегося сибиряка к властям эпохи Александровской реакции. В одном из писем к В.И. Вагину Ядринцев намекает на передачу им материалов о роли генерал-губернатора Д.Н. Анучина в деле учителя Неустроева в зарубежные издания. Можно предположить, что и иные материалы, которые невозможно было опубликовать в России, публиковались за границей.

Либеральные или представляющие себя либеральными администраторы считали полезным обращаться к материалам газеты «Восточное обозрение» и общаться с ее редактором. В качестве примера можно указать графа А.П. Игнатьева, который еще до отъезда в Иркутск встречался с Н.М. Ядринцевым, имел несколько бесед. Последний рекомендовал ему М.В. Загоскина, В.И. Вагина и др. как знающих сибирские вопросы людей, готовых работать на благо родного края.

В 1866 г. Ядринцев встречался с графом в Иркутске. Сложившиеся доверительные отношения позволили Ядринцеву рассчитывать на содействие генерал-губернатора газете «Восточное обозрение» после ее перевода в Иркутск. На наш взгляд, он слишком идеализировал деятельность графа А.П. Игнатьева и совершенно напрасно рассчитывал на его поддержку. Ядринцев, сотрудничая с представителями официальной власти, не ставил себе никаких меркантильных целей. Наоборот, как свидетельствуют факты биографии, он выполнял интересные, перспективные в его понимании, то есть нужные для Сибири, поручения администраторов, довольствуясь скромным жалованьем или скудными командировочными средствами. В более поздний период он вообще делал это только из идейных соображений. Возможно, что и администраторы умышленно эксплуатировали эту черту характера Н.М. Ядринцева, извлекая для себя определенную пользу.

Публикуется по: Иркутская область в панораме веков : материалы науч.-практ. конф. «175 лет сибирских реформ М.М. Сперанского, 60 лет Иркутской области и проблемы регионального управления», 23 сент. 1997 г. – Иркутск, 1997. – С. 71–74.

Н.М. Ядринцев и отдел географического общества в Иркутске (заочное знакомство и первая встреча)

Николай Михайлович Ядринцев побывал первый раз в Иркутске на сорок четвертом году своей жизни. Встрече с городом и его обитателями предшествовали многолетние заочные связи и личные знакомства со многими иркутянами. Видный общественный деятель, редактор-издатель прогрессивной газеты «Восточное обозрение», признанный ученый, он пользовался громадным авторитетом в среде сибирской интеллигенции, просвещенных купцов и промышленников, местной администрации. Активная гражданская позиция еще при жизни поставила его в ряды выдающихся общественных деятелей второй половины XIX века. Из числа многих Николая Михайловича Ядринцева выделяло главное дело всей жизни – беззаветное служение интересам сибирского края. «Сибирь Николаю Михайловичу обязана так, как никому другому. Он был ее историком, этнографом, археологом, экономистом, деятелем по народному образованию, публицистом...» – писал через 10 лет после его смерти преемник, издатель газеты «Восточное обозрение» И.И. Попов.

С деятельностью Ядринцева связана, без преувеличения, целая эпоха, важный этап становления революционно-демократической по содержанию, ранней сибирской публицистики. Страстное желание рассказать правду о далеких окраинах зародилось в ранней юности, в кружке томских гимназистов под руководством петербургского студента, иркутского уроженца, Н.С. Щукина. Стремление участвовать в настоящей, активной деятельности привели восемнадцатилетнего юношу вольнослушателем на естественный факультет Петербургского университета.

События последующих лет во многом представляются недостаточно изученными и до сих пор. По разрозненным, немногочисленным фактам тщательно законспирированной деятельности несомненно доказано, что именно в этот период Н.М. Ядринцев, вместе с обретенным на всю жизнь другом Григорием Николаевичем Потаниным, становится активным участником революционного общества «Земля и воля», одним из организаторов ее сибирского кружка. Случайная неосторожность стала причиной провала, ареста ее руководителей. Следствие шло около трех лет. Все это время Николай Михайлович вместе с Г.Н. Потаниным и С.С. Шашковым находился в Омском остроге. Давнее восстание декабристов, недавнее польское восстание 1863 г. и активные действия в нем кадровых офицеров, заставили царскую администрацию с обостренным вниманием относиться к участвующим в

нелегальных организациях военным. Увлеченные же выяснением роли офицеров и кадетов следователи не обратили внимания на наиболее существенный и опасный для подследственных аспект – участие молодых сибирских патриотов во всероссийской революционно-демократической организации. Расследование окончилось необычайно суровым приговором для основных обвиняемых – по 12 лет каторжных работ, замененных бессрочной ссылкой в Архангельскую губернию. Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков и Н. Ушаров после пешего этапа прибыли и поселились в городе Шенкурске. В 1872 г., после тюремного заключения в Свеаборгской крепости, в Архангельскую губернию прибыл Г.Н. Потанин. Немедленно возникла, счастливо уцелевшая и бережно хранимая, издаваемая ныне переписка Потанина и Ядринцева. Это не только важнейший исторический источник, но и яркое явление эпистолярного жанра, имеющее литературно-художественное значение. Еще в письме к Н.С. Щукину в 1864 г. Григорий Николаевич писал: «Пока нет журнала, письма заменяют у патриотов журналистику. Например, получение письма Николая Михайловича для меня то же самое, что и чтение нового номера сибирской газеты (будущей патриотической...). Тут и беллетристика, и публицистика, и юмор даже, словом – литературная книжка с разнообразным содержанием».

Кроме писем, энергичный Ядринцев снабжает друга новыми журналами и книгами, среди которых труды Карла Маркса и Чарльза Дарвина, помогает, по возможности, устроить материальные дела. «Оживайте, мой друг, под свежим чтением, – пишет он в мае 1872 г. – Недавно я получил дорогой подарок и не знаю, кому обязан. Это лакомство. На несколько дней я задержал, а потом его передам в Ваше полное распоряжение. Сибирский отдел Географического Общества выслал мне свои «Известия» за 1870 и 71 года, хотя и не полные». Подробно разбирая далее содержание высланных номеров «Известий», Ядринцев немедленно предлагает Григорию Николаевичу включиться в дело: «Не возьметесь ли Вы составить... программу для указания отделу естественно-исторических изысканий и этнографических. К сожалению, Западная Сибирь не входит в область исследований, но ее бы не мешало притянуть. Отдел высказывает желание знакомиться со статистикой, промышленностью края и его специальными условиями, а также желает и служить для ознакомления публики с краем. Этот ученый орган имеет будущее, но ему необходимо указать его задачи. Всеволод Иванович Вагин в Иркутске предложил программу по изучению золотопромышленности». Ядринцев считал, что «такие же программы необходимы для изучения колонизации, для изучения промышленности, ссыльного вопроса – а на это еще не обращено внимания».

«Имя Ядринцева – одно из самых блестящих и почтенных в истории сибирского просвещения. Никто не возбудил столько научных и практических вопросов, никто столько не сделал для популяризации географической науки в Сибири», – писал историк Восточно-Сибирского отдела Н.Н. Козьмин в 1904 г.

Научные изыскания Николая Михайловича имели всегда практическое, прикладное значение. Изучалась ли статистика ссылки или антропологические типы коренных жителей Алтая, монгольские верования или географические особенности озер Западной Сибири. Результаты облакались в доступные формы и вносили неизвестные ранее фрагменты в общую картину сибирской действительности, ее древней и новой истории, приоткрывали завесу в будущее. «Это был популяризатор-пропагандист по натуре, с разносторонними сведениями и громадной энергией, – пишет современник, – его «Сибирь как колония» до сих пор служит и долго еще будет настольной книгой не только для всякого образованного сибиряка и сибирского деятеля, но и для исследователя».

После освобождения в 1875 г. из ссылки Николай Михайлович использовал все возможности, чтобы принести пользу родному краю. Сотрудничал в комитете по подготовке тюремной реформы, практически без гонора освещал сибирские вопросы в периодической печати, по первому предложению, без гарантий на будущее, поступил на службу в Главное управление Западной Сибири. Переехал с семьей в Омск, выполнял любое поручение генерал-губернатора Казнакова по устройству переселенцев, обследованию отдаленных частей губернии, контролю за управлением местными инородцами, разбору сложных административных дел, сбору статистических сведений.

Находясь в Омске, Н.М. Ядринцев явился инициатором образования там Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Пытаясь оживить местную научную жизнь, он убедил Казнакова в целесообразности отделения от Сибирского отдела РГО. Но с первых же лет дела ученого общества шли не блестяще. В письме к Потанину Николай Михайлович сообщает, что «отдел собирается преимущественно по случаю проезда ученых. Боюсь, что он будет получать доклады лишь проезжих ученых и будет носить название «Отдел иностранных сообщений». На заседаниях местные члены по обыкновению молчат... Начинаю даже конфузиться с единственными своими докладами. После чтения... в прошлое заседание, утомленные члены так быстро вскочили и исчезли, что я не успел доложить о рукописях Кострова, никаких вопросов, ни планов не развивается».

Григорий Николаевич Потанин был в то время в Иркутске, готовился к новой экспедиции в Монголию и Китай. На его приглашение Николай Михайлович отвечал, что «в Иркутск перебраться невозможно пока: во-первых, нет средств на переезд; во-вторых, служба дозволена мне только в Западной Сибири; в-третьих, меня может ожидать та же нужда и те же случайности, наконец – гонения. Боюсь, что и там не найду прочного положения. В канцелярию не гоюсь совершенно. Лучше останусь пока помучиться здесь, а потом возвращусь в Питер, хоть на время осветиться, запастись нравственными силами. Я жалею, что мне невозможно разъезжать по Сибири: эти года не были бы потеряны ни для литературы, ни для общества, боюсь, что эти два с половиной года жизни не принесут много вклада в общественную сокровищницу».

Все же годы эти оказались не полностью потерянными. Два путешествия на Алтай дали огромные материалы, превратившиеся под его пером в блестящие естественно-научные отчеты, обобщающие исследования и

литературные произведения. За работы в области географии Н.М. Ядринцев был удостоен золотой медали Русского географического общества. Отчеты об экспедициях публиковались в русских и зарубежных научных изданиях.

Но самого Николая Михайловича служба не устраивала, поэтому после отставки генерал-губернатора Казнакова он оставляет ее навсегда. Общественная, литературно-публицистическая деятельность – мечта Ядринцева с молодых лет. По возвращении из Омска в Петербург начинается хлопотная работа по сбору средств на периодические издания. С нелегкой задачей убедить сибирских толстосумов пожертвовать деньги на еженедельную газету совмещались усилия пробить разрешение на ее выпуск у царской администрации. Колоссальная энергия, вложенная в дело, дала наконец свои плоды, и в апреле 1882 г. вышел первый номер газеты «Восточное обозрение». Поиски корреспондентов в сибирских городах заставили Николая Михайловича восстановить связи с иркутянами, издателями газеты «Сибирь» М.В. Загоскиным и В.И. Вагиным. Переписка свидетельствует о высокой оценке качества и достоверности их корреспонденций. Успех газеты в первые годы существования привлек к ней внимание, росло число подписчиков. Газета приобретала авторитет не только в среде рядовых читателей, объективность ее информации оценили вскоре и правительственные чиновники. Знание предмета публикаций и подбор корреспондентов позволяли редактору-издателю Н.М. Ядринцеву избежать искажений фактов или ошибок. За все время существования газеты ни один судебный иск к редакции не был признан правильным. И все же условия существования газеты были тяжелейшими. Период жестоких репрессий по отношению к революционному движению отразился и на печати. «Здесь никто о реформах не говорит, и слово это стало непозволительным. Времена изменились. Всякий либерализм не терпится», – сообщал Ядринцев В.И. Вагину в октябре 1884 г. В Иркутске в это время все слои общества были возмущены провокационной ролью в деле учителя Неустроева генерал-губернатора Восточной Сибири Анучина. Общественное мнение сделало, в конце концов, невозможным его дальнейшую службу и он выехал в Петербург. В начале 1885 года в Иркутск был назначен генерал-губернатором граф А.П. Игнатьев. В мае этого же года Ядринцев сообщил Вагину, что беседовал с Игнатьевым и снабдил его памятной запиской об известных ему через корреспондентов фактах непорядков и преступлений в Восточной Сибири. Во время встречи он рекомендовал использовать в Иркутске как «наиболее знающих людей» в городе М.В. Загоскина, В.И. Вагина и М.Я. Писарева, городского врача и своего давнишнего знакомого.

Информационная объективность газеты и ее популярность («Теперь и в Европе знакомятся с «Восточным обозрением», посылаем и в Нью-Йорк»), вызвали пристальное внимание пресловутых органов цензуры печати.

История цензурных гонений на «Восточное обозрение» добросовестно проанализирована М. Лемке в биографии Н.М. Ядринцева. Газета была разрешена как не подвергающаяся цензуре каждого номера под ответственность редактора-издателя. Но уже в октябре 1882 г. министр внутренних дел на основании заключения Совета Главного управления по делам печати объявил Ядринцеву первое предостережение. В мотивировке совершенно недвусмысленно указывалось, что «газета... своею тенденциозностью и непрерывными нападками на сибирскую администрацию стремится дискредитировать ее в глазах местного населения». В июне 1884 г. последовало второе предостережение за публикацию статей «с очевидной целью ослабить в населении авторитет к администрации и возбудить недоверие к ее деятельности». Третье предостережение, объявленное за изображение в крайне неблагоприятном свете «деятельности сибирской администрации», последовало в сентябре 1885 г. и означало отдачу газеты под предварительную цензуру. В письме к В.И. Вагину в октябре 1885 г. Ядринцев писал: «Не знаю, как примут у Вас третье предостережение нам. Я не изменил себе и до конца боролся, давая место «пославшим мя». Не боялся, не вилял, как здешние газеты. Теперь назначена цензура. Одни говорят, что здешняя цензура будет легче провинциальной, увидим. Если орган лишится обличительной части, превратится в журнал. Настает время и для него. Теперь более чем когда-либо нужны силы и энергия не падать духом и продолжать работу».

Вселяя оптимизм в своих корреспондентов, Николай Михайлович тем не менее думал всерьез о переносе газеты из столицы. Воспользовавшись предоставленной в 1886 г. возможностью, он посетил основные сибирские города, совершил поездку до Байкала, тщательно присматриваясь к общественной жизни в любимом им крае.

Делая доклад в петербургском Археологическом обществе, по заданию которого было совершено путешествие, Ядринцев сообщил, что «поручение Археологической комиссии совпало с моим собственным планом и намерением осмотреть древности, памятники и курганы в Западной и Восточной Сибири, для той этнографической и археологической работы по истории древней и новой культуры сибирских инородцев, которую я веду уже несколько лет».

В соответствии с поставленными задачами маршрут его пролегал через города Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Томск, Мариинск, Ачинск, Красноярск. Оттуда по Енисею в Минусинск, совершив несколько экскурсий в Абаканскую степь. Далее через Красноярск в Иркутск. Возвращался в Петербург главным трактом через Казань. Поездка заняла три с половиной месяца, всего пройдено 9 тысяч верст, из них 3 с половиной тысячи на лошадях.

Поездке предшествовала огромная подготовительная работа. Из опубликованных работ Николая Михайловича видна глубина изучения им проблем коренных сибирских жителей и, в частности, проблем истории, археологии и этнографии. Занявшись всерьез, по-видимому, не без влияния Г.Н. Потанина, современным ему положением сибирских инородцев, он постепенно все глубже и глубже уходил к истокам их происхождения, тщательно изучал развитие их культуры и социально-экономических отношений. Многочисленные статьи свидетельствуют о знании им литературы не только на русском, но и на французском, немецком и английском языках, он лично знал многих отечественных и зарубежных исследователей, состоял с некоторыми из них в многолетней переписке.

Знакомство с памятниками археологии было начато с осмотра довольно пестрой коллекции сибирских древностей Исторического музея в Москве. Совершенно точно была подмечена ее фрагментарность, оторванность от общего контекста археологических памятников. В поездке же его интересовала в первую очередь картина археологических исследований на местах, сведения обо всех работах за предшествующие примерно 20 лет, хотелось выявить и собрать сведения о неизвестных в центре стоянках, могильниках, курганах и наскальных рисунках, неопубликованных материалах раскопок.

Обследуя памятники, знакомясь с местными археологами и музейными коллекциями, Ядринцев не знал, что задание связано с подготовкой правительственного закона о запрещении раскопок без разрешения Археологической комиссии. Задуманный как закон об охране археологических памятников, он превратился в умелых руках консервативных, власть имущих ученых в грозное оружие против исследований по археологии и истории первобытного общества, которые стали к тому времени опасным противопоставлением общепризнанным, основополагающим церковным догмам.

Можно поразиться работоспособности Николая Михайловича, в кратчайшие сроки проделавшего тысячеверстный путь, осмотревшего в десятке городов многие тысячи предметов, совершившего множество маршрутов и обследований памятников на местах. Наибольшее впечатление на него произвели работы И.Т. Савенкова в Красноярске и состояние музея в Минусинске.

Раскопки преподавателя местной гимназии Ивана Тимофеевича Савенкова в окрестностях Красноярска позволили определить целый комплекс археологических памятников в местности Базаиха и уникальную, имеющую мировое значение, палеолитическую стоянку Афонтова гора. Изучение отчета Ядринцева свидетельствует о том, что он лично побывал на стоянках, сделал записи и зарисовки. Сравнение коллекций с известными ему из литературы предметами наводило на интересные выводы. Так, сообщая, что в коллекции Савенкова около 300 наконечников стрел, он пишет: «Стрелки делятся на боевые и звероловные, они напоминают стрелки индейцев. Савенков удостоверяет, что приготовление стрелок производилось обивкой или нажиманием. Кремневые и костяные стрелки имеют между собой сходство».

Ядринцев отметил большой вклад И.Т. Савенкова в изучение наскальных изображений на енисейских берегах. Сведения о них фигурировали в материалах академических экспедиций XVIII в., атласе Аспелина и зарисовках Спасского. Савенков выявил некоторые неточности в публикациях рисунков, классифицировал их по способу нанесения на камень.

Громадное впечатление произвел Минусинский музей. Созданный Николаем Михайловичем Мартьяновым, он за короткий срок стал одним из крупнейших собраний древностей в Сибири. Учет поступлений, условия хранения и описание находок, были, по мнению Ядринцева, образцовым. Н.М. Мартьянов, Н.М. Ядринцев вместе с сотрудником музея Д.А. Клеменцем объехали многочисленные памятники в степях вокруг города. По мере путешествия по реке Енисей Ядринцев наносил на карту как лично им виденные памятники, так и предварительно отмеченные местными археологами. Путевой альбом, хранящийся ныне в Государственном архиве Иркутской области, содержит краткие карандашные записи об увиденном, зарисовки из музейных коллекций и раскопанных археологических памятников. Карта, подготовленная по материалам поездки, была передана в Археологическую комиссию. Один из ее предварительных вариантов хранится в архивном личном фонде Николая Михайловича в Иркутске. Думаю, она имеет сейчас очень большое значение, так как дает представление о первоначальном расположении археологических памятников на берегах Енисея от Красноярска до Абакана, в тех местах, где плотины гидроэлектростанций неузнаваемо изменили природный ландшафт, и часть памятников безвозвратно утрачена.

В Иркутск Николай Михайлович прибыл в последних числах июля 1886 г. и остановился в доме М.Я. Писарева. Приезд Ядринцева совпал с возвращением генерал-губернатора А.П. Игнатьева и его многочисленной свиты из поездки по губернии. Вечером 29 июля в помещении музея Восточно-Сибирского географического общества собралось около ста человек членов общества и гостей. Генерал-губернатор и чиновники, духовенство и просто любопытные обыватели желали послушать заезжую знаменитость. Ядринцев выступил с докладом «О задачах этнографического и экономического исследования Сибири».

Большая часть сообщения была посвящена вопросам изучения прошлого и настоящего сибирских инородцев. Говоря о значении изучения первобытных племен вообще, он указал, что изучение Сибири в археологическом и этнографическом отношениях сослужит великую службу в деле выяснения вопросов древнейшей истории Азии, так как сибирские племена когда-то участвовали в нашествиях и переселениях в Европу и Азию. Говоря о значении антропологических исследований, Ядринцев связал их с развенчанием расистской по своему существу теории вымирания инородцев, невозможности приспособиться к современной цивилизации, участвовать в ее развитии.

Ядринцев убедительно доказал необходимость создания с помощью частных лиц комплексной экспедиции для изучения проблем, общих для Восточной и Западной Сибири. Предполагалось работы проводить не менее пяти лет и привлечь к ним всех местных ученых. В заключение Николай Михайлович предположил, что со временем на фронте музея, рядом с фамилиями участников академических экспедиций, за заслуги в области изучения проблем региона вынесут название: «Экспедиция, снаряженная Сибирским обществом для изучения своего края».

В заключении речи, оценивая увиденное, Ядринцев высказал надежду, что «богатства, собранные в музеях отделов и различных городов, послужат обширным материалом для работ сибирского университета, открытия которого с таким нетерпением ждет сибирское население».

Ядринцев провел в Иркутске немногим более недели. В эти дни он постоянно находился в кругу близких ему по духу людей, встречался и долго беседовал с Михаилом Васильевичем Загоскиным. Вагина в городе не было, поэтому встретиться с ним не удалось. Большую часть времени занял осмотр коллекций музея, поездка на Байкал и в Тункинскую котловину, где находилась наиболее изученная стоянка первобытного человека.

Оживленная общественная жизнь произвела на Ядринцева благоприятное впечатление. Сообщая об итогах своей поездки А.А. Ионину, Николай Михайлович писал: «Место, самое лучшее теперь – Иркутск. Тобольск – запустение, а Томск наполнен жуликами. Красноярск тоже глух. В Иркутске же есть интеллигенция. Со временем и я туда возвращусь, ибо сплю и вижу возвратиться в Сибирь и там основать редакцию».

Более откровенно высказался в письме к В.И. Вагину: «С Михаилом Васильевичем [Загоскиным] мы набеседовались вдоволь. Я видался также с графом [А.П. Игнатьевым], который высказал свои взгляды и поделился планом будущих своих проектов и планов. По-видимому, у Вас идут дела на лад... Отправляюсь вновь на свой пост. Не знаю, приведет ли меня судьба когда-нибудь повидать и послужить на месте, у Вас.

Я немного отдохнул в эту поездку. Видел тайгу, горы наши, Ангару, Байкал и обновился. Кое-что узнал в городах об общественной жизни, настроении и т. д. Томск плох. В Иркутске более жизни, но масса ссор и трений из-за частных дел. Крупный капитализм давит...»

Основным итогом поездки следует считать, конечно же, не обильную коллекцию археологических материалов, фотографий, рисунков и карт, представленную вместе с отчетом в Археологическую комиссию. Успех экспедиции в этом отношении был полным. Важнее другое. Ядринцев принял решение перенести издание газеты в Сибирь, причем наиболее подходящим городом считал Иркутск. Подавляющее большинство современников и друзей считали это решение пагубным как для газеты, так и лично для Николая Михайловича. Обстоятельства, которые при беглом знакомстве с городом вселяли надежду или не акцентировали внимание, в повседневной жизни стали невыносимо-угнетающими.

Статья из личного архива Е.Б. Шободоева

Об экспедиции Н.М. Ядринцева в Монголию (фрагмент текста телепередачи)

С пребыванием Николая Михайловича Ядринцева в Иркутске связано начало еще одного эпизода его жизни и деятельности.

На протяжении многих лет русские и зарубежные ученые пытались решить одну из любопытнейших загадок мировой цивилизации. Речь идет о поисках столицы монгольского ханства, городе Каракоруме. Построенная на месте полевой ставки Чингиз-хана, столица поражала европейских современников благоустройством и богатством. В ней до распада империи жили первые монгольские ханы. Для русских ученых-историков поиск древнего города имел особое значение. По сведениям летописей, в Каракорум ездили русские князья, в том числе знаменитый Александр Ярославич, прозванный Невским, и его отец Ярослав Всеволодович.

За разрешение этой загадки Ядринцев взялся со всей присущей ему добросовестностью. Для начала он изучил всю возможную литературу из библиотеки музея ВСОИРГО. Книги на европейских языках и переводы китайских хроник давали противоречивые указания местонахождения города. Окончательно вопрос могла решить только полевая экспедиция. Ядринцев, под влиянием Г.Н. Потанина, решил отправиться в Монголию. Небольшие средства выделил отдел Географического общества и в начале июня 1889 г. Ядринцев с двумя спутниками отправился в путешествие. Членами его маленькой экспедиции были образованный, интеллигентный бурят Сократ Александрович Пирожков и учитель Смысловский. Через Кяхту, где к экспедиции присоединился проводник, вступили в Монголию, двигаясь в направлении к верховьям реки Орхен (Орхон). По дороге Ядринцев составлял маршрутную карту, вел дневник, детально обследовал археологические памятники. Не вдаваясь в детали путешествия, надо сказать, что оно окончилось феноменальным успехом. Ничтожные затраты материальных средств компенсировались огромным личным вкладом участников. Сам Ядринцев, серьезно больной, сутками не слезал с лошади, совершая маршруты в сторону от основного пути. Своеобразную географическую загадку представляли собой истоки Орхена (Орхона) и современники не имели представления, где начинается эта крупнейшая монгольская река. Помимо всего прочего Ядринцеву с проводником удалось дойти до ее истока и нанести его на карту.

Основное же открытие было связано с остатками древних городов в долине, носившей тогда название Далохаин-Тола. Ядринцеву удалось определить в этой долине не один, а два древних города. Он совершенно правильно, как подтвердили дальнейшие исследования, определил остатки монгольского города у монастыря Эрдэни-Цзо. Другие развалины оказались еще более древней столицей уйгурских ханов V–VII вв. Кроме этих находок, во время поездок по окрестностям долины на одном из притоков Ядринцев обнаружил остатки великолепного летнего дворца монгольской эпохи. Из всего сказанного не следует, что всех этих развалин никто прежде не видел. Местные жители постоянно жили около них, изредка мимо следовали путешественники и описывали их как достопримечательности. Ядринцев же, тщательно обследовал развалины, описал их, сделал многочисленные рисунки и снял планы, на основе исследования сделал выводы и предложил результаты на обсуждение ученым.

Еще одно важнейшее открытие было сделано на обратном пути. При содействии местных жителей он обнаружил могильник на озере Цайдам. На ровном берегу были установлены каменные стелы с надписями, каменные скульптуры и плиты. Все они были давно повалены и некоторые из них разбиты. Ядринцев сделал детальные обмеры всей площади и ее объектов, снял план и сделал многочисленные рисунки. Два обломка крупной стелы Ядринцев забрал с собой. На них была сделана надпись знаменитым руническим письмом, расшифровать которое никому не удавалось. Ядринцев же нашел обелески, на которых параллельный текст был написан и на китайском языке. Благодаря этому специалисты сумели расшифровать рунические письмена. В течение последующих лет несколько экспедиций посетили эти места. В одной из них, в 1891 г., вновь участвовал Николай Михайлович Ядринцев.

Материал из личного архива Е.Б. Шободоева.

Раздел III.

Иркутская губерния: люди, события, факты

Воеводы, губернаторы

Чем глубже мы заглядываем в начало государственного устройства на восточной окраине России, тем больше убеждаемся, что располагаем, оказывается, не всегда достоверной, четкой и подробной информацией об интересующем нас периоде. Особенно противоречива и сложна история первых десятилетий становления системы государственного управления в Сибири. Утраченные архивы, укоренившиеся стереотипы и практическая недоступность подлинных источников скрывают от нас массу интереснейших подробностей развития государственного и местного управления Сибирью вообще, и землей Иркутской в частности.

За первые десятилетия своего существования Иркутск стал из сторожевой заставы губернным городом. Основные вехи таковы.

С 1686 г. Иркутский острог именуется городом, и ему приписываются Верхотенский, Балаганский, Илимский остроги и Бирюльская слобода, образуя Иркутский уезд. С этого момента и по настоящий день город является центром административно-территориальных единиц и объединений нашего государства.

В ходе развития страны статус его неуклонно повышался. После учреждения Сибирской губернии с центром в Тобольске Иркутский уезд находится в подчинении сибирского генерал-губернатора на равных правах с более «старшими» городами: Илимском, Енисейском, Якутском. Для удобства управления в мае 1719 г. Сибирская губерния разделена на три провинции: Енисейскую, Тобольскую и Иркутскую. В последнюю входят уже несколько уездов: Иркутский, Селенгинский, Илимский, Нерчинский, Якутский и самые крайние из освоенных земель – Охотский порт и Камчатка.

С января 1736 г. в Иркутске учреждено независимое от Тобольска вице-губернаторство, с непосредственным подчинением Сибирскому приказу, а позднее – Правительствующему Сенату. В октябре 1764 г. в Сибири образована вторая, после Тобольской, губерния – Иркутская.

Пытаясь заполнить скудную хронику событий живыми действующими лицами, легко убеждаешься, насколько мало мы знаем не только о рядовых иркутянах, но и о первых лицах, возглавлявших административные органы: приказчиках, воеводах, комендантах, вице-губернаторах. Спорным является даже имя первого воеводы и год начала воеводского правления. Летописные предания старожилов противоречат часто и сами себе, и официальным документам, а краткие и редкие сведения публикаций всегда требуют тщательного анализа и перепроверки. Иногда такой метод позволяет поднять новые, совершенно не сопоставимые прежде эпизоды исторического процесса, проследить их в развитии.

Мало кто знает сейчас, что 80–90-е годы XVII столетия были периодом русско-китайского противостояния на Амуре, выливавшегося в ожесточенные военные конфликты. Для урегулирования отношений и заключения мирного договора в Забайкалье, по-тогдашнему – в Даурию, был направлен видный государственный деятель, околничий Федор Алексеевич Головин. С 1687 г. он стал фактическим наместником – ему подчинялись все города и остроги восточнее Енисейска.

В поддержку миссии за Байкал перебрасывалось около двух тысяч стрельцов и казаков с оружием, снаряжением и продовольствием. И все – через Иркутск, который стал центром транспортной сети. Население же города состояло лишь из чуть более двухсот человек. Дальнейшие служебные успехи Ф.А. Головина заслонили собой его Забайкальскую экспедицию. Один из верных сподвижников Петра Великого, в будущем граф, генерал-адмирал, глава дипломатического ведомства, имел непосредственное влияние на становление системы управления краем. В сложнейшей военно-дипломатической обстановке, испытывая постоянное давление и угрозу с китайской стороны, он составил и заключил в 1689 г. Нерчинский договор.

В 1691 г. Ф.А. Головин вернулся в Москву, на долгие годы став единственным государственным деятелем, лично служившим в Сибири.

Широко известно, что с учетом постоянной угрозы со стороны восточного соседа в 1693 г. воеводой князем Иваном Петровичем Гагариным был возведен в Иркутске капитальный «рубленный город», серьезное для того времени оборонительное сооружение. Гораздо менее известно о самом князе-воеводе и последствиях его управления. Воеводское лихоимство на Руси – явление нарицательное, но в Сибири оно принимало совершенно невероятные формы. Князь Иван Петрович находился на службе в Илимском остроге с 1679 г., в 1691–1694 гг. – в Иркутске и имел первоначально неограниченное царское доверие. Известен указ, по которому сосланных в подведомственные ему города стрельцов только за замысел нового бунта он имел право казнить смертью, не доводя об этом до сведения государя.

При старшем брате Иване в Иркутске начинал службу воеводским товарищем или заместителем воеводы Матвей Петрович Гагарин, с 1693 г. воевода в Нерчинске; в Якутске воеводствовал еще один родственник – князь Иван Михайлович. Обычно заворовавшегося администратора отстраняли от должности с конфискацией части неправедно нажитого. Князья Гагарины «удостоились» особого царского указа о расследовании их должностных преступлений: взяток и вымогательства, тайной торговли через подставных лиц китайскими товарами, взыскании в свою пользу пошлин и, наконец, вмешательства в государственную торговлю с Китаем. Многолетнее расследование осталось без наказания, после долгой опалы Петр простил Гагариных, а Матвей Петрович даже стал первым сибирским губернатором. Здесь-то и развернулись во всю ширь способности стяжателя. Чудовищная система грабежа и насилия, созданная князем вдали от царского ока, стала предметом широкомасштабного расследования. Отстраненный от всех должностей, он сидел до конца следствия в тюрьме, а по его итогам и приговору суда был публично повешен на Васильевском острове новой столицы. Казнили и его иркутского подчиненного, коменданта Ракитина. Иркутский летописец говорит, что «он тщательно занимался делами управления, но был строг до жестокости. Действия его дошли до сведения высшего начальства, почему и прибыл... чиновник для его ареста...». Сильно ошибался благонамеренный иркутский обыватель – не за строгость к подчиненным наказали Ракитина, а за бездумное исполнение приказов губернатора. Совершенно утратив чувство реальности, он подверг обыску казенный торговый караван из Китая, изъял ценности, предназначенные для императорского двора!

А построенный Иваном Гагариным «рубленный город» очень пригодился его преемнику, воеводе Афанасию Савелову, только не от врагов внешних, а от забайкальских казаков, которые пришли требовать задержанного государева жалованья. Запершись в крепости, не вышел он к рассвирепевшим и голодным служивым. Современники обвиняли Савелова в тайном винокурении и обмене вина на пушнину, торговле «заповедным товаром» – огнестрельным оружием. Мелкие взятки и поборы за особый грех вообще не считались. Они были нормой незаконной жизни на окраинах государства.

Буквально за год-два Савелов настолько досадил иркутянам, что они с нетерпением ждали направленного из Москвы нового воеводу Полтева. Но последний в дороге умер, и приехали только вдова с малолетним сыном. И – неслыханное дело! – жители провозгласили воеводой сына умершего, а в «товарищи» назначили опытного сибирского землепроходца Ивана Перфильева. Сибирский приказ был извещен, но отмены мирского решения не последовало, и уникальное в своем роде регентство продолжалось более двух лет.

Необходимо признать, что отчасти эта порочная система была создана самим правительством. Выезжая на службу, воевода должен был получать жалованье по месту назначения, «когда казна будет в сборе». Особенно не рассчитывая на жалованье, воевода в полной мере использовал предоставленные льготы на беспошлинный провоз вещей на «домашние нужды». В громадных обозах везли массу товаров: вино, порох, свинец, медь, олово. Наиболее оборотистые ухитрились торговать даже по дороге в «чужих» городах. С воеводства везли «добычу» – главным образом отборную пушнину. При государевом дворе лишь вначале удивлялись, что поступающая ясачная казна состоит из шкурок среднего качества, а в свободной торговле представлены уникальные экземпляры. Ответом правительства стал указ об обыске воеводских вещей с целью извлечения запрещенных товаров.

Но время лихих воевод – выколачивателей ясака постепенно проходило. Хозяйственное освоение Сибири требовало новых форм управления и соответствующих новым условиям управителей. На судьбе одного из них хотелось бы остановиться особо.

Лоренц Ланг был занесен в Россию ветрами Северной войны. Нет точных сведений о его происхождении, но в то время России служили даже пленные шведы из бывшей армии короля Карла.

Впервые Ланг приехал в Китай с англичанином Гарвином в 1715 г. и с тех пор неоднократно бывал при пекинском дворе, в Монголии и Забайкалье. Участвовал в переговорах посольства Рагузинского, представлял ко двору доклады об улучшении караванной торговли. Дважды был директором каравана, причем получил для казны значительную прибыль. Дореволюционный русский биографический словарь «потерял» Ланга после его участия в переговорах с Турцией в 1738 г. и сообщил читателям, что его дальнейшая судьба не известна.

Действительно «потерянный» в столице, в 1740–1752 гг. он до самой своей смерти находился в Иркутске и был вице-губернатором. При назначении на этот пост ему было в качестве поощрения сохранено жалованье директора каравана, значительно превышающее вице-губернаторское. Он и похоронен в Иркутске, о чем, к сожалению, знают лишь немногие.

Архивные изыскания – процесс нескончаемый, и хочется надеяться, что в будущем нас ждут новые интересные находки.

Публикуется по: Вост.-Сиб. правда. – 1997. – 20 авг. (№ 165). – С. 2.

Иркутские губернаторы: белые и красные

2 марта 1917 г. в Иркутске стало известно об отречении от престола императора Николая II. Лишь на два дня генерал-губернатор А.И. Пильц сумел скрыть от жителей края эту, государственной важности, информацию.

Общественное оживление в связи с Петроградскими событиями вылилось в Иркутске в создание временного комитета общественных организаций. Этот орган, состоявший из представителей оппозиционных царскому правительству партий и либеральных организаций, взял на себя всю полноту власти в Восточной Сибири и объявил о подготовке демократических выборов. Одним из первых действий исполнительного комитета общественных организаций стало избрание председателем известного политического ссыльного, социал-демократа И.Г. Церетели. Одновременно с этим был арестован генерал-губернатор А.И. Пильц, отстранены от должности командующий войсками военного округа и иркутский губернатор, прекратили свою деятельность органы полиции и жандармерии.

4 марта был назначен комиссар по управлению Иркутской губернией. Им стал управляющий казенной палатой Иван Александрович Лавров. Сейчас много спорят, насколько спонтанной и стихийной была Февральская революция 1917 г. или насколько тщательно верхушка промышленно-торговой буржуазии подготовила государственный переворот. То, что подготовка свержения царской администрации шла задолго до февраля 1917 г., ни у кого сомнения не вызывает. Часть преданных чиновников, готовых возглавить на местах органы административной власти, по-видимому, были назначены заранее. Биография иркутского губернского комиссара и его деятельность неплохо иллюстрируют это предположение.

До революции И.А. Лавров – преуспевающий чиновник Министерства финансов. Выпускник юридического факультета Московского университета, 1871 г. рождения, дворянин, он после университета находился на государственной службе как в самом Министерстве, так и в губернских казенных палатах России. С 1912 г. – в Иркутске, с 1916 г. – председатель Иркутского военно-промышленного комитета. По долгу службы прекрасно представлял финансово-хозяйственное положение губернии, а в случае отсутствия губернатора мог исполнять его обязанности. Таким образом, в данном случае, невзирая на псевдореволюционный камуфляж, преемственность в передаче власти была соблюдена.

На уровне краевого, в бывшем Управлении генерал-губернаторством, дела обстояли сложнее. И.Г. Церетели управлял исполкомом общественных организаций лишь 10 дней. По распоряжению из столицы он уехал в Петроград и вступил в политическую деятельность на общероссийском уровне. Со временем он стал одним из лидеров Учредительного собрания, руководителем независимой Грузии и, наконец, эмигрантом и одним из самых непримиримых антисоветчиков.

Во главе краевой власти его сменил А.И. Кругликов, принадлежавший к партии социалистов-революционеров, видный общественный деятель, в конце июля 1917 г. официально избранный I съездом исполкомов общественных организаций краевым комиссаром. Интересно, что и избрание А.И. Кругликова, и назначение И.А. Лаврова были утверждены центральным Временным правительством, но несмотря на это в Иркутск был прислан комиссар от Временного правительства для управления краем. Исполнительные органы, однако, даже военные, подчиняться ему отказались. После ряда конфликтов власть осталась в руках местных лидеров. Мы не имеем возможности говорить обо всех событиях этого чрезвычайно интересного периода отечественной истории даже в масштабе губернии. Для руководителей краевого и губернского управления в этот период практическая деятельность свелась лишь к лавированию между разными политическими силами на фоне ухудшающегося экономического положения и развала государственности, что в итоге привело в Иркутске к прямому вооруженному конфликту. В конце ноября избранный в Учредительное собрание А.И. Кругликов выехал в Петроград, передав полноту краевой власти окружному бюро Советов Восточной Сибири; И.А. Лавров, произведенный по случаю военного времени в полковники, стал одним из организаторов движения против Советов. Он отказался добровольно передать свои полномочия окружному бюро Советов, за что был арестован 4 декабря и посажен на гарнизонную гауптвахту. Одним из первых действий восставших в декабре 1917 г. юнкеров и курсантов школ прапорщиков стало освобождение И.А. Лаврова, который немедленно поддержал мятеж.

По некоторым данным, в 1920 г. А.И. Кругликов был членом правительства генерала Болдырева во Владивостоке. Сведений об участии И.А. Лаврова в гражданской войне пока не найдено, но известно, что в 30-е годы он находился в эмиграции в Харбине.

В Иркутске, в ходе борьбы за власть, победили Советы. Краевым органом управления стал Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь), который с октября 1917-го по март 1918 г. возглавлял Б.З. Шумяцкий, а в марте–июле 1918 г. – Н.Н. Яковлев. Комиссаром Центросибири по управлению Иркутской губернией, не позднее 6 декабря 1917 г., был назначен Н.А. Гаврилов. В условиях непрерывной политической борьбы, переходящей в открытые вооруженные столкновения, большая часть решений краевых и губернских органов Советской власти этого периода осталась на бумаге. По-разному сложилась судьба и трех видных большевиков, руководителей Восточной Сибири и Иркутской губернии. Б.З. Шумяцкий, покинувший Иркутск весной 1918 г., работал в подпольных организациях Западной Сибири; после гражданской войны – на партийной,

дипломатической и хозяйственной работе, погиб в 1938 г. Н.Н. Яковлев, пробираясь вместе с частью членов Центросибири в Бодайбо, был убит в тайге. Н.А. Гаврилов работал в подпольных организациях в Забайкалье и Приамурье, арестован семеновской контрразведкой в 1919 г. и погиб под пытками. Назначенный в июле 1918 г. Временным Сибирским правительством управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев был в Иркутске человеком не новым. К сожалению, мы не смогли обнаружить в архивах подробных сведений о нем, поэтому лишь кратко сообщаем некоторые выясненные факты. Известно, что он принадлежал к партии социалистов-революционеров, неоднократно арестовывался и высылался в отдаленные районы Сибири. После Февральской революции – член комитета общественных организаций, с апреля 1917 г. – председатель губернской комиссии по земским делам, организатор земского движения. После падения Советской власти управлял Иркутской губернией, причем сохранил свой пост и при правительстве адмирала А.В. Колчака до 4 января 1920 г. Под его руководством произведена в 1919 г. реорганизация местных органов власти – введены земские органы управления (губернские–уездные–волостные), он же создал при губернском управлении лично ему подчиненные специальные карательные отряды. Пытался организовать действенную систему налогообложения, сбора податей и повинностей, расходование средств, включая субсидии на образование, помощь неимущим. Однако в условиях войны реальных результатов эти действия не дали. В момент падения колчаковского режима пытался вести переговоры с большевистским подпольем и представителями Политцентра о мирной передаче власти или совместном выступлении против колчаковцев, однако своей деятельностью на посту управляющего губернией полностью утратил авторитет среди политических противников колчаковского режима и все партии и организации от сотрудничества и переговоров с ним отказались. П.Д. Яковлев бежал в Забайкалье, но в конце 1920 г. был арестован и доставлен в Иркутскую ЧК. Позднее затребован в Омск, куда и был отправлен. На этом, к сожалению, следы его пока обрываются.

Публикуется по: Губерния. – 1995. – 10 окт. (№ 22). – С. 2.

От думы к думе (Иркутское городское управление в двадцатом веке)

Двадцатый век Российская империя встречала в обстановке некоторого оживления общественно-политических отношений. После сурового периода царствования императора Александра III, разгрома революционного движения и абсолютной регламентации общественной жизни, казалось бы, наступала новая эра, все ждали от нового государя либеральных реформ.

Городское общественное управление было одной из немногих форм хозяйственной деятельности, где допускалась хотя бы видимость самоуправления. В то же время Городовое положение от 11 июня 1892 г. являлось ответом царской администрации на развитие общественного, главным образом земского, движения и непосредственной реакцией на рост либеральных настроений в среде русской интеллигенции. Принятое в ходе так называемых александровских контрреформ Городовое положение 1892 г. существенно урезало и без того скудные права городского общественного управления, дарованные реформами Александра II.

В круг деятельности городского общественного управления по законам того времени входило ведение городских финансов, благоустройство улиц, тротуаров, мостовых, скверов; водоснабжение, освещение, канализация; рынки, торговые ряды, пристани и т. д.; санитарное состояние и здравоохранение, народное образование, благотворительные учреждения, пожарное дело, обеспечение продовольствием жителей, попечение о нуждах промышленности и других отраслей городского хозяйства.

Организационно городское общественное управление состояло: во-первых, из городских избирателей; во-вторых, из городского представительного собрания или городской думы; в-третьих, из городских исполнительных органов, в состав которых входила городская управа, различные комиссии и отдельные должностные лица.

Инициатива общественного управления на местах была ограничена административной властью губернаторов. По Городовому положению 1892 г. вся деятельность общественного управления осуществлялась под наблюдением губернатора, от которого зависело утверждение должностных лиц городского управления, утверждение или неодобрение его постановлений. Вместе с тем губернатор председательствовал в губернском по городским делам присутствии. В него, помимо городского головы и одного назначенного гласного городской думы, входили высшие чиновники губернской администрации: председатель губернского правления, управляющий казенной палатой и губернский прокурор. Отстаивать в таких условиях городские интересы по принципиальным и спорным вопросам было нелегким делом. Формально разногласия между губернатором и городской думой по вопросу законности ее действий подлежали решению Сената, а по существу споров – разрешению в Комитете министров. Однако относилось это к случаям исключительным, и в истории сибирских городов их можно насчитать за многие десятилетия буквально единицы.

В новый век Иркутская городская дума вступила с избранным на четырехлетие 1898–1901 гг. составом гласных и с городским головой Василием Васильевичем Жарниковым.

Исполнительным органом думы была городская управа, действовавшая на основании введенной в 1895 г. «Инструкции Иркутской городской управы». Формально городская управа обязана была исполнять все

постановления городской думы, за исключением переданных на личное исполнение городскому голове. Заведование отделениями канцелярии управы с относящимися к ним по роду делопроизводства учреждениями и подведомственными должностными лицами распределялись между членами управы с утверждением городской думой. Общему присутствию или коллегиальному обсуждению членов управы подлежали все дела по общественному благоустройству, заведованию городским хозяйством и другими отраслями общественного управления, кроме тех, что подлежали единоличному решению городского головы или кого-либо из членов управы.

Текущая работа по руководству деятельностью городской управы, помимо городского головы, возлагалась на его заместителя. По существу, он управлял всей ее канцелярией, контролировал исполнение переданных для делопроизводства документов, правильность и полноту выполнения определений управы, ее докладов городской думе и представлений в высшие правительственные учреждения. Таким образом, «Инструкция...» 1895 г. вольно или невольно еще более усиливала бюрократические начала в системе иркутского городского общественного управления. Весь состав управы по закону считался на государственной службе, хотя и избирался городской думой. При этом допускалось, что не все члены управы были гласными думы, то есть избранными представителями всего городского общества. Такое положение на рубеже веков позволило одному из современников заявить, что управа являлась «коллекцией выборных чиновников и не могла быть поставлена в зависимость от городской думы, подчиняясь всецело правительственной администрации». Современники утверждали, что городская управа менее всего орган думы. Благодаря такой организации городского исполнительного органа «непосредственное ведение городского хозяйства всецело в руках бюрократии: ей принадлежит инициатива, поскольку последняя предоставлена исполнительному органу; ей же предоставлено исполнение думских постановлений, поскольку они ею (то есть управой) признаны действительными как совпадающие с ее собственной волей и желаниями». Благодаря такой жесткой административной зависимости от губернских властей, с одной стороны, и крайне высокому избирательному цензу – с другой, в деятельности городского общественного управления выборное начало и самоуправление были сведены к минимуму.

Известный общественный деятель, издатель прогрессивной газеты «Восточное обозрение» И.И. Попов вспоминал: «В бытность свою гласным я был председательствующим думы, бессменным председательствующим училищной комиссии, не раз был членом губернского по городским делам присутствия; исполнял я и другие обязанности. Резко выделявшихся партий в думе не было. Интеллигенция задавала тон, и с нами шли многие купцы – В.В. Жарников, А.С. Первуинский, Н.П. Поляков, даже П.Р. Кравец, умный мужик из николаевских кантонистов-евреев. К нам же примыкал и В.О. Тышко, директор промышленного училища, энергичный, деятельный и разумный человек, недурной оратор. Боевых заседаний вначале как-то не было, они пошли позднее, с 1900 года. Дума не подлаживалась к администрации. Она обращала большое внимание на просвещение. Гордостью думы была общественная библиотека, которую дума всемерно поддерживала. Гласные-мещане, представители так называемой горы, Ремесленного и Знаменского предместий, проявляли большую деятельность. Между ними нужно отметить Гундерина и К.И. Вотинцева. Последний был начитанным человеком и работал в думе не за страх, а за совесть. Он всегда был готов поддерживать оппозицию... От иркутской думы у меня остались хорошие воспоминания».

В эти же годы продолжается поиск наиболее приемлемой структуры управления городским хозяйством. Постепенно происходит утрата функций распорядительного отделения, и в связи с ростом города увеличивается делопроизводство по отводу участков земли, производству частных построек и т. п. В феврале 1900 г. принято решение об образовании и утверждении штата техническо-строительного отделения, которое начало свою деятельность в июле того же года. Помимо конторских служащих в штат отделения входили: городской архитектор, городской инженер, городской землемер и городской техник.

Решением городской думы от 7 апреля 1904 г. с мая того же года открылось юридическое бюро (позднее – отделение). До этого юрисконсульт работал в управе по найму. В штат отделения, кроме юрисконсульта, входили делопроизводитель и писец.

Рост общественно-политической активности населения в период Первой русской революции проявился в Иркутске достаточно широко. Серьезным фактором, влияющим на деятельность городского общественного управления, были сложившиеся в течение нескольких десятилетий взаимоотношения с местной администрацией. Представители местной интеллигенции, в том числе и из политических ссыльных, в некоторых случаях могли влиять на принятие управленческих решений, относящихся к городской жизни. Так, во время Русско-японской войны, когда в городе предполагалось разместить до пятидесяти тысяч раненых, гласные думы добились от администрации отмены этого решения, вполне убедительно доказав, что оно вызовет в городе санитарную и продовольственную катастрофу. В конце 1905 г. в Иркутске в полной мере ощущался паралич власти. Иркутский губернатор под благовидным предлогом покинул город, генерал-губернатор граф П.И. Кутайсов проявил непоследовательность в своих действиях и был отстранен от должности, бездействовала полностью деморализованная полиция, а расквартированные в городе войска вышли из повиновения своим командирам. Все это происходило на фоне массовых забастовок и социальных столкновений, развития уголовной преступности и усиливающегося продовольственного кризиса. В этих условиях городская дума во главе с городским головой П.Я. Гаряевым приняла решение о создании отряда самообороны, который, по существу, становился муниципальной милицией. После подавления революционных выступлений правительственными карательными отрядами и установления в городе военного положения городской голова и исполнившие решение о создании отряда гласные

были отстранены от должностей и отданы под суд. В ходе расследования и судебного разбирательства дело, по существу, лопнуло. Вначале подсудимых обвиняли в создании боевого отряда с революционными целями, на последнем этапе судебного разбирательства обвинение свелось к несоблюдению порядка утверждения финансовых расходов, значительно уменьшилось и число обвиняемых. П.Я. Горяеву и трем гласным, членам управы, ставилось в вину исполнение расходов на вооружение и содержание отряда без утверждения их губернатором. Нет сомнения, что такие судебные решения не способствовали укреплению авторитета административной власти, фактически содействовали расшатыванию основ государственного устройства, росту оппозиционных настроений в обществе.

После выборов 1906 г. в структуру городской управы входили: регистратура городской управы, оценочное отделение, хозяйственное отделение с 1-м (доходным) и 2-м (расходным) столами, техническо-строительное отделение, отделение по воинской повинности и при нем стол справочных цен, казначейское и юридическое отделения. Согласно городскому положению, городская дума и управа могли образовывать комиссии для изучения отдельных вопросов и выработки предложений для их решения на заседаниях думы или управы. Так, например, в 1907 г. существовало 19 временных, по согласованию разовых вопросов, комиссий. Кроме того, существовало 10 постоянных комиссий, важнейшими из которых были: благотворительная, оценочная, базарная, две комиссии по строительству и эксплуатации городской электрической станции, водопроводная и др.

В 1907 г. из состава 2-го стола хозяйственного отделения выделено отделение по расквартированию войск. Более значительная реорганизация городской управы произведена в 1910 г. Это было связано с общим сложным и даже бедственным состоянием городского хозяйства, его доходной финансовой части. С 1907 г. стал хронически дефицитным городской бюджет. При общей нехватке средств имела острая необходимость в постройке зданий школ, полицейских и пожарных частей, помещений для различных городских служб.

Новые члены управы по вступлении в должность обнаружили массу серьезных недостатков в деятельности прежнего состава. В связи с этим полностью обновились кадры заведующих отделениями и делопроизводителей, были заменены секретарь городской управы, землемер и юрисконсульт. В ноябре 1910 г. приступил к своим обязанностям пятый член городской управы – заведующий отдельными отраслями хозяйства. В марте того же года учреждено медико-санитарное бюро, реорганизована санитарная служба. С 1911 г. в ведение города полностью передано пожарное дело. В 1916 г. в связи с обострением продовольственного снабжения было образовано продовольственное отделение, основная деятельность которого развернулась в 1917-м и последующие годы.

Ослабление центральной власти в годы мировой войны, создание так называемых общественных организаций, неуклюжие попытки властей сделать войну популярной в народе только активизировали деятельность политических партий и антиправительственных движений и, в сущности, привели к падению царского режима. С первых дней Февральской революции 1917 г. Иркутская городская дума стала центром деятельности буржуазных либералов и социалистов всех оттенков. 28 февраля (13 марта) 1917 г. на заседании Иркутской городской думы и представителей общественных организаций под влиянием политических ссыльных и прибывших на Тихвинскую площадь революционно настроенных войск был образован Комитет общественных организаций. Таким образом, с переходом власти в Петрограде в руки Временного правительства и победы буржуазно-демократической революции стали складываться новые структуры местного общественного самоуправления. Его характерной чертой в этот период являлось расширение объема полномочий и компетенции. Постановлением Временного правительства от 17 июля 1917 г. в Сибири введено земство и, таким образом, был разрешен один из самых болезненных вопросов в ее управлении. Несмотря на принципиальную несовместимость Городового положения 1892 г. с новым государственным устройством, сразу отменено оно не было. Правительство предполагало выработать новое городское положение, но для этого было необходимо время и стабильность политической обстановки в стране. Не отменяя его в целом, правительство рядом постановлений и распоряжений внесло исправления и изменения в прежнее городское положение. 15 апреля 1917 г. были приняты временные правила о производстве выборов гласных городских дум на основании прямого, общего и равного избирательного права. Правом избирать и быть избранными пользовались «российские граждане обоюбого пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие ко времени составления избирательных списков двадцати лет и если они на время составления избирательных списков проживают в городе, либо имеют в городе домашнее обзаведение или состоят там на службе, или же имеют иные связанные с городом определенные занятия».

Согласно правилам, гласные избирались на срок до 1 января 1919 г. Для Иркутска их число составляло 90 человек. В гласные и кандидаты к ним могли избираться «не только лица, пользующиеся правом участия в выборах, но и все прочие лица, хотя и не проживающие в городе». Еще в марте дума пополнилась 38 новыми гласными, введенными в нее от общественных организаций, «представителями от демократических слоев населения».

30 июля 1917 г. в городе прошли выборы гласных городской думы по новым правилам. Город был разделен на 20 избирательных участков, где по 10 партийным и организационным спискам предлагалось к баллотировке 546 кандидатов. В новый состав гласных городской думы вошли 47 представителей партии социалистов-революционеров, 12 человек от социал-демократов (меньшевиков), по 11 человек от социал-демократов (большевиков) и партии народной свободы, 4 представителя от граждан и групп домовладельцев, 2 представителя от иркутского комитета Российской сионистской организации, по одному от жителей Нагорной части города, профсоюза служащих учреждений и трудовой народно-социалистической партии. Пестрый состав принадлежащих к различным партиям и организациям гласных не предвещал дружной и целенаправленной работы на благо города.

Часть видных деятелей эсеровской партии очень недолго задержалась в составе гласных, они были выдвинуты кандидатами в члены Учредительного собрания, на высокие посты в губернские и краевые органы управления. Их заменили избранные по тем же спискам кандидаты на должность.

9 июня 1917 г. Временное правительство издало постановление «О некоторых изменениях в положении об общественном управлении городов», согласно которому городской голова и его заместитель избирались на один год; в думе председательствовало лицо, избираемое на один год из среды гласных, одновременно избирался его заместитель. Председатель думы и его заместитель не могли занимать каких-либо должностей по городскому общественному управлению. Председатель, его заместитель и секретарь составляли президиум думы. В управе председательствовал городской голова. Постановления думы, подлежащие утверждению министра внутренних дел, должны были представляться губернским комиссаром с его заключением. Комиссар мог опротестовать постановления думы в окружном суде, производить ревизии в городском общественном управлении. Для управления городским имуществом и заведениями, а также исполнения обязанностей, требующих особых знаний и подготовки, управе разрешалось приглашать лиц, не состоящих гласными думы.

18 августа состоялось первое заседание новоизбранного состава Иркутской городской думы. Присутствовали 78 гласных и многочисленные почетные гости. Городским головой был избран присяжный поверенный Н.А. Чичинадзе, председателем президиума думы – В.Г. Дистлер, товарищем председателя – А.Я. Буткевич.

Пользуясь расширением своих прав и полномочий, а также политической конъюнктурой, городское общественное самоуправление усложняет структуру своих органов и систему принятия решений, раздувает штаты служащих. Делопроизводство управы было запущенным и громоздким, распределение обязанностей между отделениями – не всегда продуманным и точным. Например, заведование городским недвижимым имуществом было разбросано по отделениям: оценочному, двум хозяйственным и технико-строительному; делопроизводство по налогам с владельцев лошадей, автомобилей и извозного промысла постоянно передавалось между хозяйственными отделениями.

Российское двоевластие дало свои ядовитые плоды и в Иркутске. Эйфория после победы буржуазно-демократической революции и свержения царизма быстро улетучилась, а громадные хозяйственные и бытовые проблемы остались. Важнейшей из них была продовольственная, ведь уже в 1916 г. стала ощущаться нехватка хлеба. За счет государственных субсидий удавалось закупать его за пределами губернии и распределять среди беднейших граждан и беженцев. Лишенная государственной поддержки, дума должна была сама изыскивать средства за счет запасных капиталов и банковских займов. К концу года долг по продовольственным займам составил около трех миллионов рублей.

Безудержное политиканство, которое захлестывало каждое заседание городской думы и всех комиссий, выносилось на страницы иркутских газет и многочисленные митинги, которые в большинстве своем проходили под балконом здания думы на Тихвинской площади. В конце концов противостояние политическое переросло в противостояние военное. Декабрьские бои 1917 г. в городе полностью сосредоточили власть в руках Советов, постепенно ликвидируются учреждения и организации, не только участвовавшие в вооруженной борьбе, но и просто не признававшие основ Советской власти. Наряду с деятельностью легальной разворачивается нелегальная деятельность представителей политических партий.

Гласные городской думы, в большинстве своем антисоветски настроенные, всячески саботировали решения Советов. Несмотря на меньшинство при принятии решений, представители большевиков в городской думе вели исключительно активную работу, наиболее яркими личностями среди них являлись Н.А. Алексеев и Ф.Н. Петров. Они опирались на коллектив служащих городского общественного управления: канцеляристов, рабочих электростанции, городского водопровода и др. На их общем собрании 16 апреля 1918 г. было принято решение о роспуске думы. Гласные вполне естественно не приняли этого решения, считая себя единственно правомочными избранными городского населения. 18 апреля служащие городского самоуправления приняли постановление о бессрочной забастовке, если дума не прекратит своей деятельности. В ответ городская дума принимает обращение к населению, где объявляет о невозможности сложить с себя полномочия без решения всего населения. 2 мая служащие городского самоуправления начинают забастовку, в тот же день, после принятия постановления Советом рабочих и красноармейских депутатов о роспуске городской думы, забастовка прекратилась.

11 июля 1918 г. в город вступили отряды белогвардейцев и интервентов, а уже 12 июля городская дума возобновила свою деятельность. В условиях усиления реакционных тенденций в общегосударственном управлении со стороны вначале Сибирского временного правительства, а затем адмирала А.В. Колчака Иркутская городская дума не могла восстановить свою роль в общественно-политическом движении и самоуправлении. 27 декабря 1918 г. колчаковское правительство издает новый закон о выборах гласных городских дум. Вместо пропорциональной системы представительства вводится мажоритарная, устанавливается годовая ценз оседлости на момент составления избирательных списков, возрастное право избирать определяется с 21 года, а право быть избранным – с 25 лет вместо 20. Полностью исключались из числа избирателей солдаты срочной службы и милиционеры. Первые выборы по новому положению прошли в Иркутске 25 мая 1919 г., однако окружной суд аннулировал их результаты в связи с нарушением некоторых формальных правил. Новые выборы 3 августа прошли при рекордно низкой явке избирателей – около одной пятой части от списочного состава. На фоне военно-политических неудач колчаковского правительства закономерными были и их результаты. Из 75 гласных 74 представляли «социалистов»

– эсеров и меньшевиков, и только один гласный был «беспартийным». Только 23 сентября был избран последний в истории города городской голова П.В. Зицерман и председатель думы М.М. Константинов.

В августе 1919 г., в условиях полного краха колчаковского государственного устройства, Иркутск захлестнул поток беженцев. Уже 28 августа въезд в город был запрещен из-за его переполнения, но беженцы продолжали поступать. После падения Омска их число достигло нескольких десятков тысяч. Полная деградация городского хозяйства вызывала законное недовольство жителей. В условиях начавшегося антиколчаковского восстания одна из проправительственных газет писала: «Иркутская городская дума существует уже четверть года, срок достаточный, чтобы себя показать. И дума себя показала. Сперва перестал ходить [паром]-плашкоут, потом электричество погасло, едва не остановился водопровод; да спасибо чехам, которые, слава богу, в думе не состоят, – выручили, достали угля. Теперь новая беда – снесло и унесло понтонный мост.

Обыватель, который и днем-то ступает по непосыпанным городским тротуарам с опаской, словно по катку, ночью рискует окончательно свернуть себе шею или расшибить голову. Но что за дело до тротуаров социалистической думе! Ведь она-то ходит по политической платформе.

Насажали в думу людей, из которых каждый в отдельности берется махом спасти Россию, а им тут про уголь тычут! В результате ни Россия не спасена, ни угля нет».

За считанные дни до падения колчаковского режима в холодном, голодном и переполненном беженцами городе однородно-социалистическая городская дума выносит резолюцию о создании такого же однородного правительства, в ближайшем тылу армии вместе с губернским земством занимается созданием антиколчаковского Политцентра и намеревается вступить в переговоры с представителями Советской России об образовании буферного государства в Восточной Сибири. Вся эта бурная деятельность на политическом поприще завершается полным поражением и является наглядным свидетельством ее несовместимости с добросовестной, полноценной хозяйственной работой городского самоуправления.

Одним из первых постановлений Иркутского губернского революционного комитета от 20 февраля 1920 г. городская дума и ее управа распускаются, а заведование городским хозяйством передается коммунальному отделу губревкома. Однако в скором времени начинается установление новой системы власти. Первым шагом явилось избрание так называемых квартальных комитетов, в которые избирались на строго территориальной основе представители населения городских кварталов. Предпочтение на выборах отдавалось представителям трудящихся масс, профсоюзным активистам и членам партии большевиков. На эти комитеты, под личную ответственность их членов, была возложена обязанность точного учета населения, составления списков жителей, незаконно проживающих лиц и просто чуждых элементов. По согласованию с квартками распределялись продовольственные карточки, дрова и другие немудреные блага военного времени. Одна из газет назвала квартальные комитеты самой доступной формой перевоспитания городского обывателя.

21 июля 1920 г. губернская газета «Власть труда» опубликовала «Положение о выборах в Иркутский городской Совет рабочих и красноармейских депутатов». Территорией, где должны были состояться выборы в городской Совет, определялся город Иркутск с предместьями: Знаменским, Рабочей слободой, Лисихой, Глазковским, Вознесенским, Военным Городком и поселком Иннокентьевским. Всего определялось 15 избирательных районов, а красноармейцы голосовали в своих воинских частях. Избирательная норма составляла один депутат от двухсот избирателей, при этом оговаривалось, что общее количество депутатов Совета не должно превышать трехсот человек. Соответственно вводились социально-политические ограничения. 13 категорий населения лишались избирательных прав. Не пользовались правом избирать и быть избранными не только классово чуждые новой власти элементы или лица, служившие в полиции и жандармерии, но и принимавшие участие в свержении Советской власти в 1918 г., бывшие военнослужащие всех белогвардейских формирований, военные чиновники, колчаковские милиционеры и бывшие каратели. Не участвовали в выборах и все эвакуированные в город.

Голосование списков кандидатов проводилось на собраниях по избирательным районам открытым голосованием, лишь в исключительных случаях, по решению всего собрания, допускалось закрытое. С 1 августа в городе проходили собрания по выдвижению кандидатов в Совет, а с 7 по 14 – сами выборы. Об их атмосфере свидетельствует лозунг газеты «Власть труда» тех дней: «Советы – крепость трудящихся. Ни один враг рабочих не должен проникнуть в эту крепость. Там должны быть только бойцы за счастье трудящихся – коммунисты!» На голосование было представлено два списка, из которых № 1 (коммунисты) получил более сорока двух тысяч голосов, а № 2 (меньшевики) – немногим более шестисот.

«Депутаты... перед вашими глазами – разбитое корыто городского хозяйства...». Так начиналось обращение губернской газеты к первому составу городского Совета. До 1922 г. включительно президиум (исполнительный орган Совета) в Иркутске возглавлял председатель губернского исполнительного комитета, совмещая таким образом две высшие административные должности. Депутаты Совета составили две секции: коммунальную, с четырьмя подсекциями (жилищной, благоустройства, предприятий и земельной); а также продовольственную, с подсекциями сельскохозяйственной и общественного питания; планировалось образовать и медицинскую секцию.

Сосредоточение реального административного управления в руках председателя губернского исполкома, а хозяйственной деятельности – в коммунальном отделе губернского Совета народного хозяйства не способствовало развитию авторитета городского Совета у горожан. Пример неуважения показывали сами депутаты. В конце 1920 г. местная газета писала: «В иркутском горсовете рабочих и красноармейских депутатов наблюдается хроническая непосещаемость заседаний. Документально установлено, что не удосужилось побывать ни на одном заседании

Совета около ста депутатов. Посетило не более двух заседаний до 130 депутатов. Характерно и то, что меньшевики, стремившиеся пройти в совет и получившие 9 мест, оказались в числе самых неаккуратных: из 9 не показали ни разу 4. Товарищи депутаты плохо отнеслись к своим обязанностям и, по существу, не оправдали доверия рабочих, пославших их в совет налаживать новую жизнь».

Такое отношение к работе в Совете не было исключительной особенностью иркутских депутатов, аналогичные тенденции наблюдались во всей Сибири и в целом по стране. Только 24 декабря 1925 г. 2-я сессия ВЦИК утвердила общероссийское «Единое положение о горсоветах», согласно которому городской Совет избирал председателя и президиум в составе 9 человек, образовывались отделы и подотделы по основным направлениям хозяйственной деятельности. В городах со значительным коммунальным хозяйством, в том числе и Иркутске, образовывались коммунальные отделы.

За горсоветами признавались права юридического лица и соответствующие им обширные хозяйственные и бюджетные полномочия: составление, рассмотрение и утверждение городского бюджета, привлечение дополнительных средств, заключение займов и организация своих кредитных учреждений. Горсовет же являлся хозяином своего коммунального хозяйства, имел значительные административные права, в том числе – издания обязательных постановлений, утверждения и отзыва народных судей и следователей городских участков. Согласно закону, обязательно создавались секции: коммунального хозяйства, финансово-бюджетная, народного образования, здравоохранения, кооперативно-торговая и при необходимости могли быть также организованы – административно-правовая, секции труда, промышленности, социального обеспечения и военная, рабоче-крестьянская инспекция.

20 февраля 1926 г. в Иркутске были проведены выборы в Совет в соответствии с новым «Положением...» и сформирована новая структура его исполнительных органов. В марте 1926 г., в связи с передачей в ведение местных Советов коммунального хозяйства, был образован коммунальный отдел.

Последующие годы до Великой Отечественной войны были временем становления и укрепления советского строя. На фоне общего развития государства Иркутск превращается в крупный промышленно-культурный центр, важнейший транспортный узел на востоке страны, стабильно растет его население, соответственно изменяется городское хозяйство. В черту города входят отдаленные прежде поселки и предместья, увеличиваются городские коммуникации. Однако городское управление подвергается и общему для всего государства негативному воздействию. Падает значение городского Совета как представительного органа населения, деятельность его становится все более формальной и поверхностной. Сосредоточение всей полноты исполнительной власти в президиуме горсовета приводит к его бюрократизации, в то же время он испытывает постоянное воздействие партийных органов, краевого, а затем и областного исполнительных комитетов. Для решения ряда вопросов собирался суженный состав президиума. Не обошли городское руководство и политические репрессии 1930-х годов. Вместе с председателем городского Совета Камбалиным были арестованы помощник председателя, секретарь горсовета, начальник спецчасти, заведующие городским финансовым отделом, отделами здравоохранения и внутренней торговли, земельным отделом, директор городского водопровода, руководство центральной электростанции, строительного треста и многие другие сотрудники. В течение года исполняющие обязанности председателя работали не больше месяца, а в некоторых случаях – несколько дней.

В 1939 г. избирается исполнительный комитет городского Совета, и городское управление принимает стабильную, сохранявшуюся более 50 лет форму. После сосредоточения всей полноты политической власти и общественной деятельности в партийных организациях в ведении Советов осталось городское хозяйство, причем подавляющее большинство решений по его совершенствованию принималось совместно советскими и партийными органами.

Но сложившаяся общественно-политическая система, несмотря на определенные издержки, полностью доказала свою действенность в годы Великой Отечественной войны. Исполнительному комитету городского Совета приходилось ежедневно решать множество важнейших административно-хозяйственных вопросов в связи с размещением в Иркутске эвакуированных промышленных предприятий и населения, распределения продовольствия и материальной помощи, проводить специальные мероприятия по противовоздушной обороне и пожарной безопасности. Все задачи мирного времени по здравоохранению и народному образованию приняли еще более сложные формы, расширилась сеть детских дошкольных учреждений, школьники привлекались к труду во внеучебное время, требовалось обеспечение их питанием. Городское коммунальное хозяйство работало на пределе возможного. Городская ТЭЦ оказалась важнейшим источником электроэнергии для промышленных предприятий и работала с постоянной перегрузкой. Осенью 1942 г. жилой сектор города был практически полностью обесточен и электроэнергия подавалась только оборонным предприятиям.

Еще осенью 1944 г., когда не закончилась Великая Отечественная война, руководство области и города подготовили правительству Российской Федерации свои предложения о первоочередных мерах по реконструкции городского хозяйства. В докладной записке, в частности, говорилось: «Город Иркутск, областной и крупный промышленный центр с численностью населения до 300 тыс. человек, в том числе до 60 тыс. промышленных кадров, имеющий развитую сеть учебных, социально-культурных и лечебных учреждений и крупные научно-исследовательские институты, крайне отстал в развитии городского коммунального хозяйства. Коммунальное хозяйство по объему своего обслуживания не отвечает возросшим нуждам города и является самым узким местом в его развитии». Важнейшими работами на 1945–1946 гг. определялись: строительство водопровода и канализации,

первой очереди трамвая, проектирование и проведение подготовительных работ по созданию каменного моста через Иркут.

Принятая в 1977 г. Конституция СССР не внесла принципиальных изменений в городское управление и только на основании изменений и дополнений в Конституцию и положения о председателях президиумов местных Советов народных депутатов (октябрь 1989 г.), был избран президиум Иркутского городского Совета народных депутатов во главе с председателем. Жизнь показала все несовершенство новообразованных структур, не продуманной оказалась схема их действий и разделения функций с исполнительными комитетами тех же Советов. Во многих случаях происходило дублирование рассматриваемых вопросов без окончательного их разрешения, значительно вырос бюрократический аппарат, неоправданно усложнилось делопроизводство и возросло количество заседаний. В сентябре 1991 г. из состава депутатов был избран малый совет. Все эти мероприятия развивались на фоне общественно-политических потрясений и изменений государственного устройства.

13 января 1992 г. указом президента РСФСР Борис Александрович Говорин был назначен главой администрации города Иркутска, а с 20 января прекратил свои полномочия исполнительный комитет Иркутского городского Совета. Сам Совет продолжал существовать до ноября 1993 г., когда его функции были переданы соответствующим местным администрациям. Одна из газет писала по этому поводу: «Советы оставили новым органам городского самоуправления противоречивое наследство – с одной стороны, богатый опыт политической борьбы депутатов, с другой – репутацию бесплодной говорильни в глазах большинства населения. Многие жизненно важные для города решения так и не были приняты. Исполнительная власть длительное время оставалась без контроля со стороны представительного органа и без его поддержки в принципиальных вопросах перед городским сообществом и вышестоящими властями».

В соответствии с новыми законами 27 марта 1994 г. была избрана Иркутская городская дума. Четырнадцать ее депутатов избирались жителями города на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и совмещали работу в думе с выполнением трудовых и служебных обязанностей по основному месту работы. Мэром города был избран Борис Александрович Говорин.

В целом городское самоуправление на сегодняшний день включает мэра города, городскую думу и администрацию города. Мэр и дума являются представительными органами самоуправления, а администрация – исполнительным. Мэр избирается всеми горожанами на четырехлетний срок. С ноября 1997 г. мэром города избран Владимир Викторович Якубовский, переизбранный на этот пост в 2001 г. и вновь избранный в 2005 г.

Публикуется по: Земля Иркутская. – 2006. – № 1 (29). – С. 19–25.

Генералы и кавалеры

Одним из почетнейших российских орденов был военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Учрежденный в 1769 г., он давался только за военные заслуги.

Когда-то, при подготовке публикации по истории этой награды, захотелось выяснить, а были ли среди управлявших нашим краем лиц кавалеры ордена Святого Георгия. Вначале это оказалось не так просто. В публикациях, как правило, сведения о службе до Сибири воспроизводились редко, а о военных заслугах умалчивалось вовсе. Помогли портреты, которые удалось выявить. Орден Святого Георгия отлично виден даже на черно-белых репродукциях, на цветных – помимо самого знака ясно различима черно-оранжевая лента этого ордена. Белый крест четвертой степени носился на груди впереди всех наград, орден 3-й степени – на шее. Причем, по статуту ордена, он никогда не снимался, и, в отличие от других орденов, при наличии высшей степени низшая также носилась. Просматривая портреты, которые хранятся в Иркутском областном художественном музее, удалось без сомнений определить орден Св. Георгия 4-й степени у генерал-губернаторов Н.Н. Муравьева-Амурского, Н.П. Синельникова, губернаторов Лебедева, Цейдлера, Венцеля. Атрибутируя портрет Н.П. Лебедева, московский исследователь А.М. Горшман выяснил из послужного списка, что будущий иркутский военный губернатор в 1790–1791 гг. находился при осаде крепости Анапа, участвовал в ее штурме и получил орден Святого Георгия 4-й степени.

Вот, собственно, и все сведения, которыми мы располагали в начале поиска. Кавалеров ордена Святого Георгия всех степеней в России к 1914 г. было очень немного, около 3-х тысяч человек. Сам орден был только офицерской наградой, и его не следует путать с солдатским знаком отличия военного ордена, в обиходе именуемым солдатским Георгиевским крестом.

Само наличие такого ордена характеризовало военного человека, свидетельствовало о его личной храбрости и заслугах перед отечеством. Соответствующим было и отношение к кавалерам. Кроме того, получившие эту награду, как правило, успешно продолжали службу не только на военном поприще, но и по гражданскому ведомству.

Просматривая опубликованные списки награжденных, удалось выявить несколько человек, непосредственно связанных с Иркутском. Двадцать восьмым в списке награжденных орденом 4-й степени значится Франц Николаевич Кличка, один из первых иркутских губернаторов. Прекрасный отзыв иркутских летописей о его правлении хорошо известен, но в них не упоминалось, что он был Георгиевским кавалером. 22 сентября 1770 г. молодой подполковник Ярославского пехотного полка награжден за «оказанную храбрость во время поражения учиненной вылазки при осаде Килии и самопроизвольное пробывание до конца осады под жестоким неприятельским огнем».

Там же упоминалось, что Ф.Н. Кличка, оказывается, награжден еще одним орденом. В списке кавалеров 3-го класса под тридцать шестым номером значится уже полковник Кличка, награжденный 30 июня 1773 г. за разгром неприятеля на правом берегу Дуная в окрестностях Карасу. Будущий губернатор командовал тогда отдельным отрядом на поле боя.

Порядок награждения того времени допускал представление к ордену 3-й степени, минуя четвертую. Даже А.В. Суворов награждался сразу третьей степенью ордена, потому что был уже в чине генерал-майора.

В таком же чине и примерно в то же время получил боевой орден Иван Варфоломеевич Якобий. Он начал службу при своем отце в Забайкалье в середине 1740-х годов и дослужился до командира Селенгинского пехотного полка. С ним он совершил марш через всю Россию на театр военных действий, им и командовал в войне против турок. 26 ноября 1775 г. И.В. Якобий был награжден орденом 3-й степени за отражение в 1774 г. турецкого десанта на Крымский берег в районе Алушты. Командуя составленным из гренадерских рот каре, повел их на правый фланг неприятельских полевых укреплений, «где самое сильнейшее сопротивление было, штыками отворил себе дорогу, преодолел и опрокинул неприятеля», захватил укрепление и находившиеся в нем пушки. Сам И.В. Якобий получил при этом контузию. Уже на гражданской службе пересеклись его пути с А.В. Суворовым – в Астрахани, где Суворов формировал корпус для похода на юг, Якобий был заместителем. Взаимоотношения их настолько обострились, что дело едва не дошло до публичного разрыва. Отъезд А.В. Суворова прекратил конфликт двух видных государственных деятелей.

В чине бригадира получил орден Святого Георгия 3-й степени иркутский военный губернатор Борис Борисович Леццано. В годы второй русско-турецкой войны он участвовал в осаде Браиловской крепости, командуя отдельным отрядом, захватил находящийся против нее остров, укрепил его осадной артиллерией и тем способствовал взятию.

Будущий генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Семенович Сулима в Бородинском сражении командовал Таврическим гренадерским полком, отражая целый день атаки на Утицкий курган. В стремительно меняющейся обстановке он сам принимал ответственные решения, а когда в конце боя превосходящие силы французов бросились в последнюю атаку, лично повел резервный батальон своего полка. Раненый, он остался в строю. За это сражение Н.С. Сулима стал генерал-майором и принял участие вместе со своим полком в сражении при Красном 4–6 ноября 1812 г. «Отличная храбрость и мужество» генерала были отмечены – 3 июня 1813 г. он был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени, минуя четвертую.

К сожалению, списки Георгиевских кавалеров, опубликованные в разных источниках, оказались неполными. Так, не удалось найти в них упоминавшегося уже Н.П. Лебедева, хотя запись в формулярном списке не оставляет сомнений. Особенностью награждения этим орденом было то, что в XVIII–XIX вв. допускалось награждение этим орденом за выслугу лет: 25-ти в сухопутных войсках или за 18 морских кампаний во флоте. Но об этом – позднее.

Среди иркутских администраторов были и бывшие морские офицеры. Проводя большую часть жизни в море, «выплавав ценз», многие из них поступали на гражданскую службу. Генерал-губернатор И.О. Селифонтов, выпускник Морского корпуса, в течение более двадцати лет служил во флоте. Неоднократно командировался за границу для повышения своего образования и практики. Ходил на английских и мальтийских кораблях. Командовал кораблями и даже эскадрой из четырех кораблей на Балтике. Участвовал в Архипелагской экспедиции русского флота и в морском сражении в Патрасском заливе. Тогда русская эскадра в составе четырех кораблей разгромила турецкую эскадру, причем уничтожила 8 вражеских судов. И.О. Селифонтов получил за действия в Средиземном море орден Святого Георгия 4-й степени.

В годы русско-шведской войны отличился флота лейтенант Алексей Михайлович Корнилов. 28 августа 1789 г. он был награжден орденом 4-й степени за «мужественные подвиги и храбрость, оказанные 13 августа 1789 г. во время сражения галерного российского флота со шведским». Он был отцом известного героя Севастопольской обороны адмирала В.А. Корнилова.

К сожалению, о некоторых фактах награждения мы знаем только то, что они были. За что конкретно был награжден человек, выяснить пока не удалось. В биографии правителя наместничества Людвиг Нагеля записано, что в чине полковника он был награжден в 1781 г. «за храбрость» орденом Святого Георгия 4-й степени.

В неполностью сохранившемся послужном списке генерал-губернатора А.И. Пантелеева указан орден Святого Георгия 4-й степени, но выяснить, когда и за что он был награжден, пока не удалось. На фотографии генерал-лейтенанта этот крест отлично виден.

Великолепно виден орден и на гражданском мундире Ивана Богдановича Цейдлера. 22 июля 1811 г. подполковник Переяславского конно-егерского полка в сражении под Видиным предпринял по собственной инициативе контратаку противника и сдержал его наступление. 23 августа того же года был награжден боевым орденом 4-й степени. Полковник, Георгиевский кавалер, иркутский комендант, среди погрязшего во взяточничестве чиновничества периода Трескина и Пестеля он обратил на себя внимание М.М. Сперанского. Последний предложил Ивану Богдановичу перейти на статскую службу. В 1821 г. он стал иркутским гражданским губернатором.

На портретах Н.Н. Муравьева, губернатора Венцеля и генерал-губернатора Н.П. Синельникова из областного художественного музея также видны кресты ордена Святого Георгия 4-й степени, но только на портрете Венцеля четко видна надпись на горизонтальных лучах: «25 лет». Венцель ничем героическим себя не показал на военной службе. Штабной офицер, он занимался составлением карт и планов, удачно попал в Таганрог во время смерти Александра I, сопровождал его тело в столицу и оказался «на виду» – попал в гвардию. Также бесцветно он

управлял губернией. На портрете типичного николаевского служаки есть все положенные за выслугу лет ордена, и ничего за личную храбрость или инициативу.

Своего Георгия получил и Н.Н. Муравьев. На его портретах периода начала службы этот орден, как правило, хорошо виден. Но на более поздних портретах орден обычно закрывают другие награды, полученные за государственные заслуги по присоединению Амурского края. Муравьев, будущий граф Амурский, боевой кавказский офицер, прекрасно знал цену наградам за храбрость. И еще примечательный факт – биограф графа подробно, даже детально описывая любой знак внимания со стороны императора к Николаю Николаевичу, лишь в одном примечании упоминает о пожаловании 31 декабря 1850 г., «к празднику», ордена за 25 лет службы. Что ж, он был прав: у графа Амурского были подлинные заслуги перед Отечеством.

Можно ли считать поиск оконченным? Пожалуй, нет. Предстоит выяснить, не был ли Георгиевским кавалером военный губернатор Христофор Андреевич фон Трейдент. Он участвовал в сражении при Козлуджи в 1774 г. и командовал каре пехоты, это известно из описания сражения. Сам А.В. Суворов отмечал его в реляции о победе.

На одном из портретов Н.П. Синельникова, написанных в последние годы его жизни, на шее генерала от инфантерии виден орден Святого Георгия 3-й степени, полученный после службы в Иркутске, скорее всего в годы русско-турецкой войны. Известно, что он служил в составе Рущукского отряда, которым командовал наследник-цесаревич Александр Александрович.

Возможно, в ходе дальнейшего поиска, появятся новые факты из биографий иркутских генерал-губернаторов и губернаторов.

Публикуется по: Земля Иркутская. – 1997. – № 8. – С. 11–13.

Первый губернатор Прибайкалья

«В рассуждении обширности нашего Сибирского Царства повелеваем, учинить в оном вторую губернию, в которую мы все милостивейшее определяем губернатором нашего генерал-майора Фрауендорфа». Эти строки императорского указа об образовании Иркутской губернии представили в 1764 г. нашим землякам первого иркутского губернатора.

Карл Львович фон Фрауендорф не был случайным человеком в Сибири. В 1758 г. он, в чине бригадира, был назначен командовать Омской линией крепостей на границе Киргизской степи. За шесть лет управления он получил чин генерал-майора и стал известен не боевыми подвигами в отражении набегов разбойничьих шаек с сопредельной территории, а распорядительностью в деле укрепления пограничной линии. Как свидетельствуют историки, по его предложению семьи казаков и солдат стали селиться вблизи крепостей, образуя, таким образом, не просто кордонную линию со сменными гарнизонами, а цепь русских поселений с постоянным населением, занятым земледельческим трудом. Не обходилось и без курьезов.

В своем стремлении селить на границе семейных людей Фрауендорф приказал направить в его распоряжение ссыльнокаторжных женщин. Когда в 1759 г. прибыли более 70 каторжанок, далеко не лучших представительниц прекрасного пола в возрасте от 19 до 40 лет, начальник линии лично распределил их: господам офицерам – «в прислугу», а казакам и солдатам – в жены.

Для управления образованной вновь Иркутской губернией был нужен не храбрый военный, а деятельный и толковый администратор. Громадный край, границы которого были даже еще не полностью определены, а большая часть территории не нанесена на карту, требовал своего устройства.

По существу, на Карла Львовича фон Фрауендорфа легла обязанность провести первые мероприятия по упорядочению управления в Восточной Сибири. Если предыдущая администрация во главе с вице-губернатором обязана была по большинству вопросов месяцами ждать указаний из столицы, то теперь губернатор имел возможность сам принимать решения и именем государыни проводить их в жизнь. Можно представить себе степень доверия императрицы Екатерины II к генерал-майору Фрауендорфу, если под его управлением находилась территория от Енисея до Камчатки и от Ледовитого океана до границы с Китаем.

Новый губернатор прибыл в Иркутск в марте 1765 г., и первые его распоряжения касались городского благоустройства. Бесценные сведения о его деятельности оставил нам архитектор и губернский землемер Антон Иванович Лосев, в те годы ученик геодезической школы. «Сей начальник, – говорится в его записках, – имел большое знание в математике и много находил дела для упражнения разума своего и побуждения прилежности в тех, коих должность ведет к знанию фортификации и гражданской архитектуры». Из учеников-геодезистов он отобрал самых способных к наукам и сам занимался с ними основами инженерного дела и фортификации, геодезии и картографии. По словам А.И. Лосева, К.Л. Фрауендорф «в возможном совершенстве приуготовил из них достойных инженеров и архитекторов, которые проектировали пограничные укрепления по правилам фортификации и строили цивильные фортштадты».

Практическое использование знаний, полученных на занятиях, считалось одним из важнейших элементов обучения. Молодые геодезисты производили натурную съемку местности в окрестностях города, участвовали в новой планировке Иркутска. Губернский город того времени походил на большую неблагоустроенную деревню. Узкие и кривые, вечно грязные улицы были застроены как попало деревянными домами, сохранившими все самые неприглядные черты градостроительства XVII в.

«Постройка домов в прежнее время, – пишет иркутский летописец, – производилась без планировки, а кто как хотел: то выставлялась на улицу ретирада (т.е. уборная), другой над воротами строил навес, где непременно ставилась святая икона; а перед домами на набережной строились лавки для сиденья (т.е. мелочной торговли); особенно безобразили дома неровными окнами с прибавлением, так называемых волоковых, у многих крыльцо и двери были прямо с улицы. При домах же были обширные овощные огороды, где первое место непременно занимал хмельник, т.е. рос хмель и вился по высоким тычинам». Летом, говорят современники, в этих зарослях прятались беглые каторжники и разбойники.

Новый губернатор «крепкою рукою принялся за устройство города, что жителям поначалу было в тягость, а после сами признали это за полезное».

Вместо старого воеводского двора в верхней части острога был выстроен новый губернаторский дом. Автором его проекта был, предположительно, сам Фрауендорф. Дом располагался в одну линию со Спасской церковью. А.И. Лосев пишет, что в том же доме под наблюдением губернатора находилась чертежная, где изготавливали планы городов и населенных мест. По словам того же автора, план города Иркутска составлялся при участии самого губернатора и под его руководством претворялся в жизнь. Молодые геодезисты в его присутствии планировали прямолинейные улицы, разбивали город на кварталы. Как невиданные ранее, современники отмечают появление указательных досок с названием улиц.

В целом по губернии в заслугу К.Л. Фрауендорфу ставят упорядочение системы ясачного сбора, уравнивание в подати хоринских бурят и тунгусов, сокращение должностных лиц и родовых начальников. Особой заслугой считалось приобщение коренных народов к хлебопашеству, значительные успехи в котором проявили осинские и балаганские буряты, а также повсеместное развитие скотоводства... «Ясашная подать в положенное законом время внесена исправно, и в число недоимок прежних немалая сумма денег взыскана, а о воровстве, грабежах и других беспорядках в иноверческих улусах не было и слуху».

Не обошел вниманием губернатор и состояние китайской границы. Здесь, как и на Омской линии, он распорядился расселять казачьи семьи в пределах 15 верст от границы, вблизи пограничных караулов и опорных пунктов. Поселенцы щедро наделялись землями и угодьями.

Его же распоряжениям приписывают создание пятисотенного казачьего полка из тунгусов-добровольцев и организацию их пограничной службы. На наш взгляд, это не верно. Он был создан значительно раньше вступления в должность К.Л. Фрауендорфа, еще по распоряжению сибирского губернатора Ф.И. Соимонова. Кроме того, выскажу предположение, что назначение Фрауендорфа губернатором не обошлось без влияния этого выдающегося государственного деятеля и знатока Сибири. С достаточной долей уверенности можно констатировать, что деловые и личные качества командира Омской линии, которого Соимонов знал несколько лет, были представлены императрице и послужили основанием для назначения на высокий государственный пост.

Ф.И. Соимонов оставил должность сибирского губернатора в 1763 г., но выработанные им планы по устройству отдаленных окраин империи претворялись в жизнь, в том числе и первым иркутским губернатором.

Карл Львович Фрауендорф пробыл губернатором, как сообщает летописец, один год 9 месяцев и 24 дня. 2 января 1767 г. он скончался, а 16 января был погребен в Иркутске на лютеранском кладбище. Мало кто знает, что до начала XX в. на перекрестке современных улиц Ленина, Тимирязева и Красного Восстания был обнесенный каменной оградой участок земли, где в XVIII в. хоронили лютеран. В 1910 г. иркутскому губернатору не понравилась обветшавшая ограда и ее снесли. В 1908 г. местный краевед еще видел памятник на могиле К.Л. Фрауендорфа и смог прочесть наполовину утраченную надпись о том, что был первый губернатор «урождения Бранденбургской нации с тамошняго шляхетства...» и находился на русской службе с 1731 г.

Теперь это место полностью закатано асфальтом и утрачена в Иркутске память о незаурядном человеке.

Публикуется по: Вост.-Сиб. правда. – 2000 – 11 нояб. (№ 221/222) – С. 5.

Иркутский полицмейстер И.И. Замощиков

До настоящего времени не совсем ясен вопрос о времени образования в Иркутске городской полиции. Несмотря на некоторые факты, свидетельствующие о наличии полицмейстерской конторы в городе еще в середине 30-х годов XVIII в., правительственных распоряжений на этот счет пока не найдено.

Наиболее правильной датой образования городской полиции в Иркутске следует считать 17(29) октября 1757 г., когда сенатским указом «в Иркутске для лучшего порядка и уравнинии обывателям в постояях» велено было учредить полицию. Тем же указом назначался, по представлении главной полицмейстерской конторы, иркутским полицмейстером секунд-майор Якутского полка Иван Замощиков⁶.

Традиционно негативное отношение советской исторической науки к дореволюционной администрации вообще и полиции в особенности, не позволяло объективно рассматривать процесс образования и становления правоохранительных органов в России XVIII в. По этой причине совершенно не изучен вопрос об образовании и

развитии во времени полицейских учреждений и организаций, особенностей их функционирования на окраинах империи.

Рассматривая деятельность полиции в борьбе с инакомыслием и противоправительственной деятельностью, совершенно игнорировались ее основные обязанности по борьбе с уголовной преступностью и хозяйственно-административные функции, наиболее характерные именно для XVIII в. Таким образом, любые объективные сведения о функционировании сибирской полиции в целом и иркутской полиции в частности, представляют несомненный интерес.

Иван Иванович Замощиков был сыном тобольского дворянина, после назначения на должность полицмейстера перестал официально числиться в составе Якутского полка. Исходя из текста указа, на момент назначения он находился в Санкт-Петербурге, скорее всего, в качестве курьера иркутской администрации. И.И. Замощиков имел недвижимую собственность в Иркутске и, что менее характерно для сибирских дворян, имел крепостных⁷. Часть из них была приобретена уже в должности полицмейстера в дополнение к полученным по наследству от отца и получена в качестве приданого за женой, дочерью иркутского сына боярского Ивана Пивоварова.

Согласно свидетельству современника, 28 марта 1758 г. Замощиков прибыл в город, а уже 30 марта вступил в должность. В период деятельности сенатского ревизора П.Н. Крылова, во время одного из застолий, вступился за оскорбляемого Крыловым публично иркутского купца Николая Бречалова, причем конфликт дошел буквально до кулачного боя. Есть основание утверждать, что полицмейстер был одним из немногих должностных лиц иркутской администрации, которые выступали против превышения полномочий и самодурства Крылова при расследовании дела о винном откупе.

Отстаивая интересы купечества, с которым он, по-видимому, был связан родственными узами, в отношении других горожан был достаточно жесток. Современник пометил на полях иркутской летописи, что «истязание было первым предметом; напротив того, с достаточными (т. е. состоятельными людьми. – Е.Ш.) обходился и делал снисхождение». Тот же очевидец свидетельствует, что полицмейстер «в делах скор и разрывен, чистоту в городе соблюдает», однако и «находил случай поживиться»⁸.

При общем недостатке сведений об интересующем нас должностном лице, необходим фронтальный просмотр имеющихся дел и документов за период его деятельности

В ходе работы с документами Государственного архива Иркутской области удалось выявить ранее неизвестный факт о личной инициативе И.И. Замощикова в деле пожарной охраны Иркутска. По его распоряжению, а возможно, исходя из реалий того времени и по принуждению, местные ремесленники изготовили заливную пожарную трубу.

Совершенно очевидно, что полицмейстер был знаком с постановкой противопожарного дела в столичных городах, поэтому построенная машина соответствовала лучшим стандартам и прослужила городу более двух десятков лет. Из тех же документов следует, что, когда городское общественное управление в 1766 г. приобрело машину в собственность (она стоила как средняя городская усадьба), Иван Иванович Замощиков полицмейстером уже не служил⁹.

Публикуется по: Силовые структуры как социокультурное явление : история и современность : материалы межд. науч.-практ. конф., 7 мая 2001 г. / М-во внутр. дел. РФ, Вост.-Сиб. ин-т. – Иркутск, 2001. – С. 208–209.

Сибирский вельможа

На Рождественских днях 1783 г. в Иркутске проходили небывалые торжества. В соответствии с повелением императрицы Екатерины II губернии Иркутская и Кольванская составили одно наместничество, или генерал-губернаторство, и теперь праздновалось официальное открытие новых учреждений. В центре внимания был государев наместник, генерал-поручик и многих орденов кавалер Иван Варфоломеевич Якобий. Человек в Восточной Сибири не новый, он был известен как скромный армейский полковник, сын селенгинского коменданта и вдруг прибыл из столицы властелином громадного края. Стремительный взлет по служебной лестнице и неожиданное, с до сих пор неясными мотивами, отстранение от должности стали важнейшими вехами в жизни этого незаурядного, сложного и противоречивого человека. Такого же сложного и противоречивого, как эпоха, в которой он жил.

Красноярский историк Г.Ф. Быконя обратил внимание на то, что, редактируя собственный послужной список, полковник Иван Варфоломеевич Якобий указал, что родился в 1740 г. В том же документе ни слова не сказано о том, что он учился в Шляхетском корпусе. Первоначально Якобий-младший был включен в состав отцовского полка рядовым, через две недели стал капралом, а еще через месяц – сержантом. В мае 1748 г. он получает чин прапорщика.

⁷ Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. – Красноярск, 1985. – С. 242.

⁸ Головачев П.М. Иркутское лихолетье 1758–1760 гг. – М., 1904. – С. 45.

⁹ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 5. Л. 530–535.

Наши современники скажут, что здесь, конечно же, какая-то ошибка; не мог восьмилетний мальчишка получить воинский чин, отличающий рядового от офицера. Действительно, в некоторых биографических справках есть другая дата его рождения: 1726 г., и тогда чин прапорщика получает уже двадцатидвухлетний мужчина. Однако мы говорим о реалиях XVIII в. Вспомните героя пушкинской «Капитанской дочки», записанного в солдаты чуть ли не с рождения. Нормой того времени было проходить путь до первого офицерского чина «заочно», в доме родителей, не отягощая себя занятиями. Пример великого А.В. Суворова, прошедшего путь от капрала до генералиссимуса, исключительный. Подавляющее большинство дворянства службой себя не изнуряло, охотно использовало протекцию и родственную поддержку. Началом своей карьеры Иван Якобий был, безусловно, обязан своему отцу, селенгинскому коменданту, выдающемуся знатоку русско-китайских пограничных отношений, храброму и непритязательному боевому офицеру Варфоломею Валентиновичу Якобию. Около 30 лет обеспечивал он безопасность границ Российской империи в Забайкалье, командовал Селенгинской крепостью, здесь же и умер в 1769 г. в чине генерал-поручика.

В конце того же года в Иркутске умер вице-губернатор Лоренц Ланг, приказавший перед смертью бригадиру В.В. Якобию вступить в управление Иркутской провинцией. В начале 1753 г. Якобий-отец временно вступил на высшую административную должность на востоке страны. Наверняка представился случай выдвинуть сына. В чем заключалось отцовское поручение – пока не совсем ясно, но в 1753 г. прапорщик Иван Якобий производится в поручики, минуя чин подпоручика. В течение последующих лет молодой офицер связан с дипломатическими миссиями в Китай, причем в апреле 1757 г. он сопровождает из Санкт-Петербурга в Пекин русского посланника, статского советника Ф. Братищева уже в чине секунд-майора, а в январе 1758 г. с тем же дипломатом выезжает через Иркутск в Москву. Можно вполне обоснованно утверждать, что во время своих поездок в столицы Иван Якобий представлялся высочайшим особам. Как правило, в таких случаях курьер производился в очередной чин и удостоивался других знаков монаршей милости.

В 1761 г. Иван Варфоломеевич, по приказанию отца, занимается формированием пятисотенного Тунгусского казачьего полка на китайской границе. Опыта формирования таких частей из коренного населения в Восточной Сибири еще не было. Вместе с ним набором казаков занимался родоначальник всех тунгусских родов Забайкалья князь Павел Гантимуров. Они объехали все места будущих пограничных караулов, назначили старших из русских казаков и солдат, проверяли снаряжение и вооружение собранных воинов. Категорически запрещалось принимать в полк людей, замеченных в пограничном воровстве или других преступлениях. По всем текущим проблемам секунд-майор Якобий информировал своего отца, а тот, в свою очередь, добивался их решения у Сибирской администрации. Такая целенаправленная работа позволила успешно выполнить задание, а Тунгусский казачий полк стал одним из самых боеспособных формирований пограничной охраны Забайкалья.

В 1764 г. подполковнику И.В. Якобию поручают сформировать Селенгинский пехотный (ландмилиционный) полк. В его состав включались высланные из Польши беглые русские раскольники, прибывающие партиями вместе с семьями в Сибирь. Командир полка прибыл в Тобольск, принимал поступающих, формировал из них роты, определял в капралы и унтер-офицеры учеников Тобольской геодезической школы. Ежемесячно о ходе формирования нового полка Якобий-младший доносил в военную коллегию. По существу, это было первое государственной важности поручение, которое он выполнил без поддержки отца, и притом весьма успешно. Таким образом, в первые годы сибирской службы Иван Варфоломеевич Якобий приобрел основные навыки управления людьми, основы военных знаний и неопределимую административную практику. В августе 1764 г. он завершил формирование нового полка и уже в чине полковника привел его в Селенгинск.

Начавшаяся в 1768 г. Русско-турецкая война потребовала от Российской империи полной мобилизации сил и средств. Даже из Сибири были взяты боеспособные воинские части. Одной из таких частей был Селенгинский полк И.В. Якобия. Оставив в Сибири нестроевые команды, пополнившись людьми до штатов полевых войск, полк выступил на театр военных действий. В марте 1769 г. полк прошел через Иркутск, а в конце года был уже в Причерноморье. Такой марш требовал от командира незаурядных военно-административных способностей, и молодой полковник не напрасно гордился потом совершенным переходом.

К сожалению, очень мало известно нашему современнику, какой ценой заплатила Россия за Крым и Причерноморье. Больше столетия шла борьба с последним остатком кочевой угрозы – крымским ханством, за которым стояла Турецкая империя. Ни в одной советской энциклопедии нет сведений о жестоких боях на Крымском полуострове в XVIII в., словно все это досталось России даром. Нет даже короткой биографической справки о видном полководце Василии Михайловиче Долгорукове, получившем почетный титул «Крымский». Во 2-ю армию генерала П.А. Румянцева Селенгинский полк привел полковник Иван Варфоломеевич Якобий и сразу принял участие в первой кампании под Перекопом. Основные действия в Крыму развернулись в 1771 г. Армия – уже под командованием В.М. Долгорукого – на нескольких участках прорвалась в Крым. На одном из самых тяжелых направлений, преодолевая залив Сиваш, шел отряд полковника Якобия. Отражая атаки противника, он выполнил задачу и вышел со своими солдатами на полуостров, причем сам полковник был ранен в ногу и отмечен в официальной реляции о победе. Осенью 1771 г. он получает внеочередное звание генерал-майора, командует самостоятельными отрядами, участвует в осаде и взятии Кафы, важной крепости на берегу моря, обеспечивает безопасность осадного парка и тылов армии от налетов стремительной крымской конницы.

Ни в одной из биографических заметок об И.В. Якобии нет сведений, при каких обстоятельствах он получил почетнейший боевой орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Более того, в одной из самых

серьезных публикаций ошибочно сказано, что он с 1771 г. в боевых действиях участия не принимал. Изучение списков Георгиевских кавалеров опровергает эти данные. Генерал-майор И.В. Якобий принимал участие в одном из самых серьезных сражений на Крымском полуострове. В 1774 г. турецкие войска высадились на побережье в районе Алушты, начали сооружать укрепленный лагерь с целью в дальнейшем развить наступление и очистить Крым от русских. Задачей нашей армии было сбросить десант в море. В этом сражении и отличился Иван Якобий. Командуя каре из ударных гренадерских рот, он штыковой атакой прорвал вражескую оборону, «преодолеи и опрокинул», как сказано в донесении, неприятеля, овладел полевым укреплением с пушками, причем сам получил контузию. За этот подвиг он был удостоен ордена Святого Георгия 3-го класса. В том же бою сражался и был тяжело ранен подполковник Михаил Илларионович Кутузов. Великий русский полководец, пройдя через многие битвы, считал сражение под Алуштой одним из самых кровопролитных и жестоких.

В 1775 г., по случаю заключения мира с Турцией, генерал-майор Якобий получает 500 душ крепостных крестьян в Белоруссии, становясь таким образом достаточно крупным помещиком.

Когда и как молодой боевой генерал, начавший службу в далеком сибирском гарнизоне, превратился в вельможу, в одного из «сибирских сатрапов»? Так назовут потомки всемогущих и неукротимых властителей, правивших Сибирью по собственному разумению и далеко не всегда бескорыстно. «Блестящий век Екатерины» дал России не только выдающихся полководцев и государственных деятелей, но и беспощадных крепостников, проницательных и спесивых царедворцев, жадных и бессовестных фаворитов.

Не избежал искушения властью и Иван Варфоломеевич Якобий. С 1775 г. в стране вводилось в действие «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», фундаментальный законодательный акт государственного устройства. Коренным образом реорганизовывались и упорядочивались системы административного, судебного и сословного управлений. Вновь формируемые органы власти потребовали притока чиновников, в том числе и на высшие должности в губерниях. Благодаря многолетней забайкальской службе, И.В. Якобий считался у власть имущих специалистом по управлению территориями, населенными коренными народами. Как правило, это были прилегающие к границам земли. Практика назначения на должность в такие регионы позволяла сохранять военный чин и связанные с ним служебные привилегии.

В 1778 г. генерал-майор И.В. Якобий был назначен астраханским губернатором и за два последующих года ничем особенным себя не проявил. Вместо серьезной административной и управленческой деятельности по устройству пограничной губернии, занимался интригами; был активнейшим участником, если не инициатором, травли А.В. Суворова, который готовил в Астрахани войска для похода в Персию.

Сохраняя благосклонность императрицы, с 1781 г. Якобий делает головокружительную карьеру. Вначале получает должность губернатора Самарского (по другим сведениям – Симбирского и Уфимского) и чин генерал-поручика, а в начале 1782 г. – должность Уфимского наместника или генерал-губернатора. По существу, он успел только «открыть» наместничество. В конце того же года его ждет новое, исключительно важное и почетное назначение.

Еще при объявлении «Учреждения для управления губерний» специально оговаривалось, что для ряда регионов империи, в том числе и Сибири, будет разработано специальное законодательство об управлении. Так, для центральных регионов страны большинство должностных лиц избиралось местным помещичьим дворянством, в Сибири же структура и численность населения была совершенно иной. Все население Иркутской губернии от Енисея до Камчатки немногим превышало численность нормального уезда в Центральной России, при этом 75 % здесь составляли коренные народы. Совершенно несопоставимыми были размеры территорий и, соответственно, плотность населения. Уже в первые годы после опубликования «Учреждения...» некоторые его положения оказались недействительными. Пришлось изменить функции высшего должностного лица генерал-губернатора или государева наместника. Он стал возглавлять объединение из двух губерний. В течение нескольких лет закон об управлении в Сибири так и не был разработан, поэтому в 1782–1783 гг. здесь вводятся отдельные положения «Учреждения...» 1775 г., а в 1783 г. назначается первый генерал-губернатор иркутский и колыванский Иван Варфоломеевич Якобий.

Законы того времени детально не регламентировали права и обязанности наместников, но это были, в первую очередь, люди, лично известные императрице и пользующиеся ее доверием. Особые требования предъявлялись к генерал-губернатору иркутскому и колыванскому. Алтайские горные заводы в Колыванской губернии относились в основном к ведению кабинета Ее Императорского Величества, то есть доходы от них шли императорской семье. Совершенно ясно, что Екатерина лично была заинтересована в их бесперебойном функционировании. Иркутская губерния являлась пограничной с Китаем. Отношения между двумя государствами были нестабильными, но, связанное войнами на западе, русское правительство было заинтересовано в сохранении стабильности на своих восточных рубежах. Генерал-губернатор имел и дипломатические, и военные полномочия, являлся командующим всеми воинскими частями на вверенной ему территории. Губерниями управляли губернаторы, наместник сохранял по отношению к ним надзорные и контролирующие функции. При определенной независимости судебной системы он имел право приостанавливать исполнение вынесенного приговора, передавать дела на рассмотрение Сената. Имелись и рычаги неофициального влияния. Вместе с И.В. Якобием в Иркутск прибыло более сотни чиновников разных рангов, и для их устройства необходимо было освободить места. Не имея на то прав, наместник начал перемещать чиновников из Иркутска в другие места вверенного ему края, причем наиболее строптивые получили

должности «с видом» на Камчатку и приполярную тундру. Жалобы не помогли, через некоторое время императрица разрешила, из соображений служебной необходимости, такие перемещения.

Не брезговал он и интригами. Наиболее известный инцидент произошел с иркутским губернатором И.В. Ламбом, на которого с благословения генерал-губернатора подал жалобу иркутский городской голова Мыльников. И.В. Ламб, человек исключительно порядочный и честный, был полностью оправдан. Служить далее с наместником он отказался и добился перевода.

Даже через десятилетия иркутяне вспоминали тот мишуренный блеск, которым окружил себя наместник. «Якобий любил жить роскошно и открыто», записал иркутский летописец. «Якобий жил в Иркутске истинно по-царски. По тогдашнему времени, он проживал несметную сумму – 35 тысяч рублей в год; одной прислуги было 75 человек». Особенно поразили горожан 40 музыкантов, которых он привез с собой.

Вместе с замашками столбового русского барина Якобий приобрел гипертрофированное представление о собственном величии и исключительности. По-видимому, именно здесь следует искать причины стремительного крушения его карьеры. Обладая практически неограниченными возможностями в деле управления краем, он, видимо, хотел предпринять какие-то внешнеполитические действия. Широко известно, что и Иван Варфоломеевич, и его отец были сторонниками силовых методов решения амурского вопроса. И тот, и другой неоднократно письменно предлагали правительству занять часть спорных земель, укреплять российское влияние на сопредельных территориях всеми доступными способами, вплоть до вооруженного вмешательства. Насколько далеко зашел в своих планах честолюбивый наместник, еще предстоит разобраться, однако упорные слухи о подготовке пограничной провокации с его стороны существовали в Сибири долго и попали на страницы мемуаров.

Весной 1788 г., через пять лет после вступления в должность, И.В. Якобий навсегда покинул Иркутск. В следующем году он официально был отстранен от должности и предстал перед судом Сената, началось многолетнее следствие. Мемуаристы пишут, что один из секретарей наместника выкрал его бумаги и представил правительству, наверняка поступали доносы и от других лиц. Только в декабре 1793 г. было принято окончательное решение по делу. Генерал-поручик И.В. Якобий был оправдан лично императрицей по всем пунктам обвинения. В пространном документе, на наш взгляд, многое требует более детального толкования и аргументации. Слишком много прошло времени от начала следствия до его завершения, коренным образом изменилась внешнеполитическая обстановка. В именном указе прямо говорится, что сенаторы не пришли к единому мнению по вопросу, поэтому и пришлось императрице слушать несколько тысяч листов так называемых «иркутских дел». Несмотря на формальное оправдание, он не получил новой должности, что само по себе настораживает и заставляет усомниться в искренности выводов именного указа.

С воцарением императора Павла Якобий получил высший чин генерала от инфантерии, однако пробыл на службе недолго. Историк павловского царствования Н. Шильдер писал: «В Ковно шеф Таврического гренадерского полка, полуслепой и глухой генерал от инфантерии Якобий, представил государю роту, приготовленную к разводу по-старому. Якобий был уволен от службы...»

Он умер в 1803 г. в собственном петербургском доме. Современники говорили, что его единственная дочь была одной из самых богатых невест, отец оставил ей 6 тысяч душ крепостных крестьян.

Публикуется по: Вост.-Сиб. правда. – 2001. – 10 февр. (№ 26/27). – С. 4.

Государев фабрикант

В 1789 г. в Иркутск прибыл новый управляющий «комиссариатским комиссионерством» Осип Иванович Новицкий. Чиновники этого ведомства занимались вопросами материального снабжения армии и не имели в то время военных чинов. В военной иерархии они занимали незавидное место, хотя были среди них очень толковые и сведущие в своем деле люди.

Комиссариатские чиновники не подчинялись местным губернским властям. Они состояли в ведении комиссариатского департамента Военной коллегии и вели денежные расчеты помимо местных финансовых органов. Осип Иванович Новицкий относился к категории чиновников, которые не просто добросовестно исполняли свои обязанности, но и проявляли творческую инициативу. Во времена Петра Великого таких людей называли прибыльщиками. Как правило, они были выходцами из социальных низов, людьми смекалистыми, с творческой жилкой. Их задачей было изыскание способов пополнения государственной казны, с чем они достаточно успешно справлялись, не забывая, впрочем, и о собственных доходах.

Иркутский летописец, а возможно, и современник, лично знавший Новицкого, записал, что «это был человек умный, грамотный и тонкий, что бы не сказать пронырливый». Особенных трудов исполнение этой должности не требовало. По заявкам полковых и батальонных командиров необходимо было распорядиться о приобретении амуниционных вещей, проверить их добротность и направить по месту назначения. Сукно на обмундирование и другие припасы завозились в Сибирь из Европейской России, причем правом приобретения в первую очередь пользовались полевые полки на западных и южных границах империи, соответственно в Сибирь попадали товары не самого лучшего качества, и тамошние воинские части, особенно гарнизонные батальоны и инвалидные роты, имели достаточно неприглядный вид. Комплект обмундирования выдавался солдату того времени на год. Мундир, камзол и рабочая одежда за это время изнашивались буквально до дыр, поэтому командиры требовали, чтобы заплатки ставились одного цвета с мундиром.

Новицкий увидел в Сибири колоссальные возможности для развития предпринимательства, причем не частного, а именно государственного. Прежде всего, имелся колоссальный объем сбыта продукции. Потребность войсковых частей в сукне различных цветов исчислялась тысячами метров, а еще требовались сапожный товар, изделия из кожи, солдатские шляпы и многое другое. Ежегодная доставка всего этого в Сибирь требовала огромных затрат. В целях экономии казенных средств О.И. Новицкий предложил развернуть производство сукна на месте, рядом с Иркутском. Он не строил грандиозных планов и не давал несбыточных обещаний. В своих расчетах он был абсолютным прагматиком и средства для реализации своей идеи просил небольшие. Проект Новицкого заключался в реанимировании прекратившей свою деятельность Тельминской суконной фабрики и налаживании на ней производства. Фабрика, основанная в 1731 г. группой купцов, работала с перебоями, переходила из рук в руки и в 1789 г. была взята за долги от разорившегося купца Сибирякова в казну. При осмотре фабрики Осип Иванович обратил внимание на исправное состояние немногочисленного оборудования и возможность его дальнейшего использования. Самое главное заключалось в том, что фабрика имела приписных крестьян и мастеровых, имевших опыт производства сукна, но за неимением работы занимавшихся хлебопашеством.

Новицкий, радея об успехе своего предприятия, был вынужден применять наиболее прогрессивные способы производства и обеспечения жизни рабочих.

В момент наивысшего развития фабрики, в конце 90-х годов, на ней работал всего 91 человек. Сюда включены не только занятые в основном производстве 51 работник, но и красильщики, кузнецы и даже мельники. К работе на фабрике не привлекались старики и дети, они были заняты на заготовке дров, не работали на фабрике и женщины – по распоряжению начальства они были заняты на сезонных работах, в частности, занимались заготовкой растительного сырья для покраски сукна. Все это было не характерно для мануфактур того периода, когда прибыль извлекалась за счет безудержной эксплуатации рабочих, привлечением к труду даже малолетних детей и экономии буквально на всем.

Тот, кто бывал в Тельме даже проездом, знает большой, ныне совершенно запущенный пруд. В свое время он был основой системы водоснабжения фабрики, источником даровой энергии, используемой в производстве. Источником сырья для фабрики стала шерсть овец, в большом количестве имевшихся у местных бурят. Пока в петербургской коммерц-коллегии дебатировали о недостатках шерсти российской по сравнению с английской, Новицкий поощрял местных тайшей при продаже в казну очищенной шерсти и увеличении поголовья овец. Он на практике доказал, что для переработки выгодно возить шерсть даже из Забайкалья. Вопреки обычаям того времени, за поставленное сырье расплачивался немедленно, звонкой монетой, и этим заслужил у местного населения абсолютное доверие. Платил он и рабочим суконной фабрики, причем не только вольнонаемным мастерам, но и работникам из крепостных, за каждый выделанный стандартный кусок сукна.

Новый этап развития производства на Тельминской суконной фабрике начался в эпоху царствования императора Павла I, когда колоссально возрос спрос на собственное, российское, сукно. Известно, что император интересовался производством сукна в Сибири, и ему было доложено об успехах О.И. Новицкого в Иркутске, продемонстрированы образцы изделий. Ободренный таким вниманием, Новицкий представляет государю предложения о расширении Иркутской суконной фабрики, где говорит не просто о расширении производства, но намечает вполне обоснованный план создания в Тельме нескольких мануфактур, в том числе по производству стекла и даже хрусталя. В феврале 1797 г. проект был принят и началась его реализация. Надо упомянуть, что к этому времени изменилось и личное положение Новицкого – ему был пожалован чин полковника.

За недолгие годы правления императора Павла не все удалось сделать. Были тому объективные и субъективные причины. Новицкому буквально навязывали для размещения на фабрике сосланных в Сибирь на поселение. Одним из правительственных указов было отдано распоряжение заселить Забайкалье и Камчатку ссыльнопоселенцами – в итоге Сибирь наводнили тысячи бродяг и разбойников. Новицкий выбирал из ссыльных только тех, кто имел специальность, пригодную для фабрики, он был принципиальным противником каторжного труда.

В январе 1802 г. в Иркутск с ревизией прибыл сенатор Селифонтов, будущий генерал-губернатор. По-видимому, в столице новые царедворцы не верили донесениям Новицкого и считали сообщения о его достижениях преувеличенными, если вообще не фиктивными. Буквально в день прибытия сенатор поехал осматривать суконную фабрику, а через два дня убыл в Забайкалье, посетив по дороге остров Ольхон. Сюда генерал-губернатор Лещцано требовал перевести фабрику из Тельмы. Итоги ревизии были неожиданными. Произведенный в последние месяцы царствования Павла в генерал-майоры Новицкий был вызван на прием к сенатору. Губернские чиновники, заполнившие приемную, ждали скорой расправы с независимым, строптивым и скороспелым генералом от суконной мануфактуры.

Улыбающийся сенатор-ревизор вышел вместе с Новицким из кабинета и представил собравшимся кавалера ордена Святой Анны 1-й степени. Мундир Осипа Ивановича пересекала алая, с золотом, лента одного из высших гражданских орденов империи. Более эффектного признания заслуг перед государством даже трудно представить.

Ориентация правительственной политики Александровского царствования на Запад не способствовала реализации замыслов по расширению производства на крупнейшей сибирской фабрике. После отъезда Новицкого из Сибири фабрика очень быстро стала сворачивать производство; представляя бракованные изделия, чиновники требовали вообще закрыть фабрику, уверяя в ее неспособности конкурировать даже с российскими производителями.

Всего этого Осип Иванович уже не увидел. После недолгой службы в Европейской России по комиссариатскому ведомству он вышел в отставку.

Остаток жизни Осип Иванович Новицкий провел в унаследованном от отца имении, которое расширил и благоустроил.

Два письма к О.И. Новицкому

1. Письмо президента коммерц-коллегии князя А.Б. Куракина об использовании в производстве найденного в окрестностях г. Иркутска каменного угля.

«Санкт-Петербург, 21 января 1798 г.

Его высокоблагородию Новицкому. Милостивый государь мой, Осип Иванович! О найденном Вами в четырех верстах от Иркутска при горе (так в тексте, надо: при реке Ангаре. – *Е.Ш.*) Ангаре каменном угле имел я счастье донести его императорскому величеству, о чем известя Вас, нужным считаю просить, чтобы Вы, милостивый государь мой, продолжая употреблять оный при производстве работ, извещали меня о успехе, с которым употребление его в краю тамошнем примется и распространится; что почитаю я весьма полезным, не взирая на изобилие лесу, которой вместо того может обращен быть на другие потребности.

В прочем с истинным почтением есмь, всегда Ваш, милостивого государя моего покорный слуга, князь Алексей Куракин».

2. Письмо генерал-прокурора правительствующего Сената П.Х. Обольянинова о запрещении открывать кабак на Иркутской суконной фабрике.

«Санкт-Петербург, 2 октября 1800 г.

Милостивый государь мой!

Его императорское величество по представлению вашего превосходительства высочайше повелеть соизволил открытый при Иркутской суконной фабрике кабак свести и впредь без согласия Вашего не ставить. О сем высочайшем повелении, сообщив Иркутскому военному губернатору Лещану и камер-коллегии президенту Кожину, уведомляю и ваше превосходительство.

С истинным почтением пребываю, вашего превосходительства Покорнейший слуга Петр Обольянинов».

Публикуется по: Восст.-Сиб. правда. – 2001. – 17 марта (№ 49/50). – С. 4.

Иркутский губернатор опередил всю Россию

«Начальство нынешнее застало здешнюю полицию в расстроеннейшем положении, не было в оной ни одного чиновника, который наружно бы представлял полицейского офицера», – делился первым впечатлением об иркутской полиции в 1806 г. вступивший в должность иркутского губернатора Николай Иванович Трескин. Энергия и результативность, с которыми проводил новый губернатор свои преобразования, остались в памяти иркутян на многие десятилетия, обрастая легендами.

Среди основных обязанностей полиции была организация борьбы с пожарами. Специальных пожарных команд тогда не было, и квартальные надзиратели через десятских мобилизовывали обывателей. Горожане охотно шли на пожар в качестве зрителей, но под разными предлогами уклонялись от участия в пожаротушении.

Городское общественное управление находилось с полицией в многолетнем препирательстве о содержании пожарных инструментов. Доходило до смешного: лошадей пожарного обоза водили кормить в конюшню городской думы, чтобы не выдавать фураж на руки. За неимением теплого сарая заливную машину втаскивали на веревках на второй этаж, в помещение частного суда, где была печка. В случае пожара ее опять же спускали вниз на веревках, на что уходило почти два часа.

Губернатор Трескин был реалистом и прекрасно понимал, что обывателя тушить пожар насильно не заставишь. Под его давлением городская дума раскошенилась и приобрела в Москве четыре новые водозаливные машины. Правда, с новыми машинами произошла небольшая осечка. Выполненные по последнему слову тогдашней пожарной техники, они очень отличались от старых, тридцати-сорокалетней давности. Документы сохранили имя первого штатного машинного мастера, который, по словам губернатора, «один по доставлении сюда оных машин мог токмо указать, как ими действовать». Машины были освоены.

Вторым, принципиально важным шагом Трескина стало составленное в 1814 г. «Положение о содержании пожарной части в губернском городе Иркутске». Аналогов ему в Сибири, а может быть, и в России того времени нет. Один экземпляр этого уникального документа хранится в архиве, а всего из типографии их вышло десять. В «Положении...» подробно, четко и ясно определяются функции и штаты городской полицейской команды для тушения пожаров, количество пожарного инвентаря и транспортных средств для них. Решено полностью отказаться от услуг обывателей по борьбе с огнем, возлагая эти обязанности на полицейских, солдат местного гарнизона и городских казаков. Точно зная, что многое зависит от организации и руководства действия рядового состава, губернатор определяет, кто должен быть старшим в данной ситуации, и требует беспрекословного ему подчинения.

Особые требования предъявлялись к полицейским, обслуживающим машину. В штатном расписании строго указано, что «сии люди должны быть непременно (то есть несменяемыми, постоянными. – *Е.Ш.*), в сем

употреблении, дабы привыкли действовать машиной». Окончательно определены обязанности городской думы: материальное обеспечение, замена по необходимости инвентаря и приобретение в дальнейшем нового, содержание пожарных лошадей.

Остался не реализованным только один замысел губернатора – отстроить за счет городской думы четыре однотипных каменных здания полицейских частных управ с пожарными каланчами. Городские власти ссылались на отсутствие денег и разместили пожарно-полицейское хозяйство в деревянных домах. Только центральная, 1-я часть и квартира городничего поместились в каменном доме, изъятом за долги у одного из купцов. Участок земли на углу современных улиц Чкалова и Марата и до сего дня занимает пожарная часть. Только стоящее здесь здание построено уже после пожара 1879 г.

P.S. В 1818 г. всемогущий Аракчеев передал министру полиции повеление государя о необходимости переустройства полиции, и в особенности пожарной части. Другие губернаторы только собирались реорганизовать свои полицейские части, а иркутский мог уже доложить Аракчееву о результатах начатых в 1814 г. преобразований и тем проявить не только свою исполнительность, но и неусыпную заботу о благе горожан. В своем, конечно, понимании.

Публикуется по: СМ-Номер один. – 1998. – 3 апр. (№ 64). – С. 10.

Декабриста Муравьева определить начальником полиции

За пять лет до восстания декабристов ревизия графа М.М. Сперанского открыла в Сибири чудовищные злоупотребления. Генерал-губернатор Пестель и его подручный иркутский губернатор Трескин превратили ее в свою вотчину, из которой черпали несметные богатства, разоряя местных жителей поборами и взятками, буквально стирая с лица земли всех непокорных дикому административному произволу.

При въезде в Сибирь, как свидетельствовали современники, в первом же уезде Сперанский отстранил от должности уездного исправника, на которого вся жалоба состояла в удержании 50 рублей. Чем дальше ехали ревизоры, тем жалобы возрастали. По приезде в Томск Сперанский приказал написать первому отрешенному исправнику, чтобы он, как самый честнейший, приехал в Иркутск, где получит новое назначение. Всего же по итогам ревизии было предано суду два губернатора и 48 чиновников. В злоупотреблениях были замешаны 681 человек. Общая сумма денежного начета составила около трех миллионов рублей, Сперанский писал: «Люди остаются те же, переменить их нечем. Я не могу даже дать движение суду над ними, ибо те, кто должен их судить, сами подлежат суду по другим делам подобным. Людей, отрешенных в одном уезде или одной губернии, я принужден употреблять в другой, дабы вовсе не остановить течение дел». Полуграмотные, не чистые на руку проходимцы, получая всеми правдами и неправдами чины, сидели в многочисленных канцеляриях, управляя обширным краем. Но даже их не хватало, чтобы заполнить штатные должности. Если бы император Николай, выслав декабристов из Центральной России, привлек этих образованных и безусловно честных людей к управлению Сибирью, если бы он разрешил им без ограничений поступать там на службу! Но Николай не прощал своих врагов, поэтому лишь единицы из сотни сосланных служили в гражданском управлении и то лишь после отбытия срока наказания.

«Что моя участь по сравнению с другими!» – писал декабрист Александр Николаевич Муравьев из ссылки, постоянно помня о своих заключенных на каторге друзьях. Путем долгих и унижительных прошений досталась ему незавидная должность иркутского городничего. На этот шаг декабриста заставили пойти обстоятельства. Обширные некогда имения Муравьевых пришли в упадок. Братья, находясь на службе, надеялись на свое жалованье, а Александр Николаевич с семьей был лишен самых необходимых для существования средств. В каждом письме монарху отставной полковник вынужден был писать о своем раскаянии и убеждать, что будет честно служить на любом посту. После долгой переписки царь велит определить Муравьева начальником иркутской полиции. В апреле 1828 г. Александр Николаевич приступил к исполнению своей новой должности.

Городничими назначали обыкновенно отставных младших армейских офицеров, главным образом по инвалидности. Людей, как правило, малограмотных и недалеких. Обобщенный образ этого служаки обессмертил Николай Васильевич Гоголь в комедии «Ревизор». Законы того времени не давали полного и точного круга обязанностей городничего. Он возглавлял в городе исполнительную полицию и по существу обязан был вникать во все вопросы городской жизни. Чаще всего городничий становился маленьким городским тираном, властителем купцов и мещан, вольным карать и миловать, раздавать подачки и отнимать последнее. Как должен был чувствовать себя один из лучших людей своего времени на этой волчьей должности?

Поступая на службу, Муравьев мог рассчитывать только на жалованье. «Ибо все прочее, – писал он брату Николаю, – есть беззаконие, корыстолюбие, лихоимство, воровство и грабеж... Хотя бы мне пришлось для существования своего продать последнее свое платье, но я с помощью божьей, устою в своих правилах».

Слово свое честно служить и исполнять государственные законы Александр Муравьев сдержал сполна.

Иркутский период жизни нашего героя очень мало изучен. По крупицам собирается материал: документы, воспоминания современников, официальные сообщения. Буквально несколько лет назад мне удалось выявить новые, неизвестные прежде факты. В фонде Иркутской городской Думы областного архива обнаружены

документы, ярко свидетельствующие об активной административно-хозяйственной деятельности городничего. Ценность их еще и в том, что они вышли из среды противников декабриста. Надо сказать откровенно, что на почве беспристрастного выполнения законных требований у Александра Николаевича возникли конфликты с «отцами города» – городским головой Трапезниковым и послушными ему гласными думы. Прекрасный специалист в вопросах расквартирования войск, Муравьев обратил внимание на тот факт, что вся тяжесть квартирной государственной повинности ложится на малоимущие слои населения. Богатые купцы, собрав капиталы, построили казармы для расквартирования войск, освободив, таким образом, свои дома от постоя. Неимущие же вынуждены были исполнять повинность «натурой». И вот в крошечную избу, где жила семья (как правило, многочисленная), определялся на постой еще и солдат. Муравьев предложил заменить натуральную повинность денежной с учетом имущественного положения, а бедные семейства вовсе освободить от повинности, используя часть городских доходов. Наиболее состоятельные члены городского общества, заинтересованные в уравниловке, воспротивились. Однако губернская администрация, из соображений государственной пользы, поддержала проект, и он был претворен в жизнь.

Городские дела отнимали массу времени и сил молодого начальника полиции. «Я так занят своей должностью, что совершенно не нахожу времени ни быть со своей женой, ни даже отдохнуть ночью. Ибо на мне лежит ответственность совершенной безопасности города, в коем ссыльные занимают значительное население; города, окруженного заборам, в коих каторжные обитают и кои угрожают частыми набегами», – писал он в одном из писем.

Жизнь в ночном Иркутске 150 лет назад замирала. С наступлением сумерек закрывались на засовы все ставни и ворота, во дворах, за двухметровыми заплотами из лиственничных плах, спускали цепных собак, улицы перегораживали «рогатками», а в караулы, вместе с будочниками и сторожами, заступали солдаты местного гарнизона. Разбои, грабежи, убийства и поджоги – страшная реальность того времени.

Сопровождавший в ссылку декабриста М.И. Муравьева-Апостола чиновник Соболевский рассказал ему в доказательство неустрашимости, с какой Александр Николаевич Муравьев преследовал воровство и грабеж, следующий его подвиг. До сведения городничего дошло, что в Иркутске скрывается шайка разбойников, грабивших прохожих и проезжих в темные осенние вечера. Личный состав полиции был ненадежен. Узнав, что притон разбойников находится в одном из подвалов, он ночью, взяв с собой Соболевского, пошел в указанный ему дом и застал там шайку, делившую добычу, в полном сборе. Полагая, что полицмейстера сопровождает военная сила, бандиты тут же повинились. Они с места не тронулись, пока Соболевский не привел солдат, проводивших их в острог.

Ревизовавший губернию жандармский полковник А.П. Маслов доносил императору, что попечением полковника Муравьева полиция доведена до отличного состояния, основанием ее деятельности было строгое выполнение всех полицейских правил без малейшего стеснения обывателей. Вместе с документами ревизии он увозил в столицу экономический обзор и подробный план города, составленные по инициативе и при личном участии А.Н. Муравьева.

У Александра Николаевича была большая дружная семья. Кроме жены и детей (в том числе двух родившихся в Иркутске) в доме жили две свояченицы (одна из них, Варвара Михайловна Шаховская, невеста декабриста Муханова. Через нее шла большая часть нелегальной переписки. Она так и не получила разрешения вступить в брак с любимым человеком). Установленный факт – семья Муравьева и он сам были под постоянным наблюдением. К ним в дом проник ссыльный авантюрист Роман Медокс, провокатор, сочинявший вздорные небылицы о связях Муравьева с ссыльными декабристами и жутких планах противоправительственных деяний. После проверки его многочисленных измышлений «по высочайшему повелению» Медокс угодил в крепость, где его следы и теряются.

В течение многих лет Муравьев делом доказывал свой государственный ум и безукоризненную честность. Он служил после Иркутска в Тобольске, Симферополе, Архангельске. Конфликтовал с вышестоящей администрацией, вызывал недовольство императора. Его враги использовали все возможные средства борьбы: от клеветы и наушничества до отставки от службы без объявления причин.

И все-таки еще много лет Александр Муравьев отдал гражданской и военной службе. На штабных должностях, будучи уже в преклонном возрасте, принял он участие в Крымской войне. Жизнь была безжалостна к нему. Он пережил жену и двух дочерей, почти ослеп и полностью разорился. Лишь без малого через 30 лет после получения полковничьего чина стал генерал-майором. Но, несмотря на все превратности судьбы, Александр Николаевич Муравьев прожил жизнь достойно и заслуживает того, чтобы в год 200-летия со дня рождения россияне помянули его добрым словом.

Публикуется по: Версия. – 1992. – № 10. – С. 6.

Убийство графа Алексея Павловича Игнатьева

(недописанные строки биографии последнего генерал-губернатора Восточной Сибири и первого иркутского генерал-губернатора)

Генерал-лейтенант граф Алексей Павлович Игнатъев исключительно ярко выделялся на общем фоне сибирских администраторов XIX – начала XX в. Для подавляющего большинства генерал-губернаторов Восточной Сибири, а затем и иркутских генерал-губернаторов служба в столице Восточной Сибири являлась венцом карьеры. Люди преклонного возраста попадали, как правило, на почетную sinecurу в члены Государственного совета, менее значимые зачислялись на службу в Сенат и только единицы продолжали подниматься вверх по служебной лестнице. При этом следует помнить, что до 1910 г. все генерал-губернаторы были в военных чинах, могли командовать войсками военного округа и продолжить в дальнейшем военную карьеру.

Граф Алексей Павлович Игнатъев прибыл в Иркутск в 1885 г. молодым сорокатрехлетним, Свиты его императорского величества генерал-майором, карьера которого может быть названа головокружительной. В 17 лет он был выпущен из Пажеского корпуса корнетом в лейб-гвардии гусарский полк. Но ввиду особых способностей, сразу после окончания корпуса, был допущен к экзаменам в Николаевскую академию генерального штаба. В 20 лет, в 1862 г., окончил ее по первому разряду и вновь стал служить в лейб-гвардии гусарском полку. Служба в гвардейских гусарах привела его в круг офицеров, приближенных к императорскому двору. В 1865 г. он был пожалован во флигель-адъютанты, а уже в 1866 г. получил чин полковника. В 1871–1873 гг. командовал вторым лейб-уланским Курляндским полком, а с 1873-го по 1881-й командовал кавалергардским полком – лучшим полком русской гвардейской кавалерии. С 1874-го по 1881-й одновременно командовал первой бригадой первой гвардейской кавалерийской дивизии. В двух полках бригады, Кавалергардском и лейб-гвардии Конном, служили представители цвета русского дворянства. По высочайшему повелению он являлся членом Главного комитета по устройству и образованию войск, председателем комиссии для составления проекта Устава о внутренней службе в кавалерии. В 1881 г. он поднимается на новую ступень служебной карьеры: до октября 1884 г. является начальником штаба гвардейского корпуса. Здесь необходимо знать, что корпусом командовал брат Александра III, великий князь Владимир Александрович, а большинством дивизий, бригад и полков – члены императорской фамилии. Должность эта связана не только с военно-административной и штабной деятельностью, она давала возможность войти в ограниченный круг лиц, приближенных сначала к Александру II, а затем к его преемнику – Александру III.

В январе 1885 г. он получает должность генерал-губернатора Восточной Сибири. Ситуация на восточной окраине империи сложилась таким образом, что предполагалось разделить Восточно-Сибирское генерал-губернаторство, выделив из его состава самостоятельное Приамурское генерал-губернаторство. Это было исполнено в 1884 г. Граф А.П. Игнатъев принял генерал-губернаторство Восточной Сибири, и на него, собственно, возлагалась окончательная реорганизация управления данной территорией. При этом он оставался командующим Восточно-Сибирским военным округом. Упорядочение форм административного и хозяйственного управления на громадной территории Восточной Сибири требовало не только теоретических знаний, но и практического опыта управления.

Сохранилось очень мало сведений о результатах деятельности графа А.П. Игнатъева в Иркутске. Подавляющее большинство его распоряжений по упорядочению местного административного управления были исполнены. При нем произошло значительное усиление административно-управленческого аппарата, в частности полиции всех уровней. Содержание, к примеру, городской полиции возлагалось на городские общественные управления. Они же несли и основную долю расходов на их содержание. Нет ничего удивительного в том, что в течение многих десятилетий городские общества не увеличивали этих расходов. А.П. Игнатъеву удалось добиться увеличения финансирования и, соответственно, увеличения штата полицейских служителей. В частности, в Иркутске количество чинов полиции было увеличено почти в два раза. При этом улучшился и качественный состав служащих. В годы правления А.П. Игнатъева по его личной инициативе была проведена грандиозная по тем временам работа статистического обследования уездов Иркутской и Енисейской губерний, наиболее перспективных в дальнейшем развитии хозяйственных отношений. Изданные комиссией «Материалы...» до сих пор являются образцом классического статистического исследования и сохранили подробные и богатейшие сведения о хозяйственном устройстве этих частей Восточной Сибири. В воспоминаниях современников он остался не только деятельным администратором, но и молодым гвардейским генералом, представителем высшего света, задающим тон местному иркутскому обществу. Блестящие балы в генерал-губернаторском доме, куда приглашались не только высшие чиновники и купеческая знать, но и офицеры гарнизона и даже юнкера, надолго запомнились иркутянам.

Назначение в Иркутск было осложнено тем, что предшественник А.П. Игнатъева Д.Г. Анучин покинул свой пост после громкого скандала в связи с делом преподавателя Иркутской гимназии К.П. Неустроева. Последний при посещении генерал-губернатором тюрьмы в ответ на оскорбительное замечание дал ему пощечину и был расстрелян по приговору спешно собранного военно-полевого суда. Иркутское общество, возмущенное скорой и несправедливой расправой, стало относиться к Анучину с предубеждением и, в конечном счете, сделало его дальнейшую службу в Иркутске невозможной. А.П. Игнатъев, как человек вполне дипломатичный, за время своего управления не допускал злоупотреблений административной властью и тем более подобных эксцессов. Об

отношениях его к политическим ссыльным сведений практически не осталось, но абсолютно точно известно, что он с ними не либеральничал. Широко известно, что при его преемнике А.Д. Горемыкине сосланные в Якутию революционеры годами жили в Иркутске и его окрестностях, а либеральные чиновники аппарата генерал-губернатора успешно ходатайствовали перед ним о всевозможных послаблениях.

К сожалению, до настоящего времени нет полной биографии графа Алексея Павловича Игнатъева. Содержащиеся в мемуарной литературе сведения о нем грешат противоречиями и пристрастностью. В то же время можно с уверенностью сказать, что он как личность был значительно сложнее и интереснее, чем это можно представить себе по таким источникам. Например, по линии матери он являлся родственником богатейшего семейства русских промышленников-предпринимателей Мальцовых. Сам занимался хозяйственным управлением своего имения в Тверской губернии. Был одним из тех помещиков, кто после отмены крепостного права продолжал в новых условиях вести прибыльное хозяйство. Используя связи в высших сферах, по некоторым данным, пытался брать концессии и заниматься казенными поставками и подрядами.

Не очень ясны его политические взгляды. В подавляющем большинстве современных ему публикаций он предстает как монархист крайне правого, едва ли не черносотенного толка. Одно можно сказать с уверенностью: граф Алексей Павлович Игнатъев, сделавший стремительную карьеру при императоре Александре II, оставался одним из самых молодых и перспективных администраторов следующего царствования. Реформа управления Восточной Сибирью завершилась в 1887 г. образованием Иркутского генерал-губернаторства. И дело здесь было не только в перемене названия. Когда М.М. Сперанский предлагал разделение Сибири на Западную и Восточную, он, помня о скандалах предшествующего периода, связанных с безграничной властью «сибирских сатрапов», пытался хотя бы номинально ограничить их власть созданием главных управлений Восточной и Западной Сибири. По новой реформе даже этой бледной тени коллегиального руководства не предусматривалось. Генерал-губернаторы на окраинах империи получали практически неограниченную власть, и первый иркутский генерал-губернатор, безусловно, поддерживал такое положение вещей.

Следующее назначение привело А.П. Игнатъева на другой конец Российской империи. В 1889 г. он был назначен Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором. Этот регион по составу населения и хозяйственным проблемам был значительно сложнее, чем Восточная Сибирь. Кроме того, он фактически занимался только гражданским управлением. Командующим приграничным Киевским военным округом был известный и близкий к придворным кругам генерал М.И. Драгомиров. Их отношения обострились уже при новом императоре Николае II, и назначенный в 1896 г. членом Государственного совета А.П. Игнатъев в 1897 г. оставил пост генерал-губернатора, получив на следующий год чин генерала от кавалерии. Государственный совет того времени составляли, как правило, высшие сановники, находящиеся в преклонном возрасте. Игнатъев же в свои 55 лет был еще полон энергии и честолюбивых замыслов. По отрывочным сведениям, его кандидатура в разное время предлагалась на различные должности, в том числе генерал-губернатора и командующего войсками военного округа в Варшаву. Подавляющее большинство сановных мемуаристов пишут, что он утратил свое значение видного государственного деятеля к началу XX в. Однако факты это опровергают. В 1904 г. ему было пожаловано звание генерал-адъютанта, при открытии первой Государственной Думы он нес государственное знамя. Скорее всего, это свидетельство не только его прекрасной физической формы, но и значения его как государственного деятеля, безусловно, монархических убеждений. Но, к сожалению, то место в русской военно-политической элите, которого он достиг при Александре III, вернуть было уже невозможно. Давний и открытый противник дальневосточных авантюр, которые привели к поражению в Русско-японской войне, прекрасный военный специалист и русский патриот, оскорбленный бессилием царской администрации на театре военных действий, А.П. Игнатъев, по-видимому, не скрывал и публично высказывал свое мнение о Николае II и его окружении.

В условиях развернувшейся революции он, по свидетельству современников, занимал крайне правые позиции и разделял методы подавления выступлений. В то же время, на наш взгляд, у него была собственная программа усиления государственного строя с сохранением основ монархии. Человек, проживший большую часть своей жизни при таких сильных монархах, как Николай I, Александр II и Александр III, не мог не чувствовать, что политика Николая II ведет Россию к гибели. Безусловно, что не он один придерживался таких взглядов, поэтому отрывочные и документально не подтвержденные сведения о том, что в начале XX в. готовился государственный переворот в пользу одного из великих князей, могут отражать вполне реальные факты.

9 декабря 1906 г. граф Алексей Павлович Игнатъев был убит членом боевой дружины партии социалистов-революционеров Сергеем Николаевичем Ильинским. Трагическая гибель графа Алексея Павловича Игнатъева на общем фоне российского террора 1905–1906 гг. выглядит несколько необычно. Убийство великого князя, министра внутренних дел или безжалостного борца с революционными выступлениями кажутся более объяснимыми, чем смерть в родном городе якобы не имеющего власти и влияния члена Государственного совета.

Наиболее подробно, хотя и с безусловно личностным оттенком, обстоятельства дела описаны в мемуарах сына убитого, Алексея Алексеевича Игнатъева, русского военного и дипломата, генерал-лейтенанта Советской Армии. Его мемуары проникнуты особой сыновней теплотой к покойному отцу, некоторые аспекты служебной и общественной деятельности которого освещаются в неожиданных ракурсах. Говоря современным языком, семья Игнатъевых проводила собственное расследование обстоятельств гибели графа.

А.А. Игнатъев писал: «Я жил в Париже, когда в европейских газетах прочел телеграфное сообщение о покушении на Алексея Павловича Игнатъева. Это сообщение оказалось ложным, но пророческим. Возвратившись в

Петербург в конце сентября 1906 г., я застал отца постаревшим, усталым и еще более отчаявшимся. Государственный совет потерял для него всякий интерес. «В Петербурге мне делать больше нечего», – говорил отец... Когда он решил баллотироваться в тверские губернские гласные, ему прислали угрожающее письмо с нарисованным черепом и костями, требовавшее от него отказаться от своей кандидатуры, – «пожалев жену и детей». В Твери при отце неотлучно состоял его преданный друг, управляющий Григорий Дмитриевич и командированный мною бесстрашный мой вестовой в японскую войну – Павлюковец. В письме из Твери, полученном моей матерью уже после смерти отца, он описывал рыжего человека с подвязанной щекой, сопровождавшего его на отдельном извозчике от вокзала до гостиницы, – это был агент охраны. Точно также после смерти отца я узнал от Григория Дмитриевича, что околоточный, его свояк, стоявший у черного хода дворянского собрания, был неожиданно и против воли снят с поста за час до совершения убийства; местная полиция сослалась на приказ свыше. В помещение собрания никто из людей, на которых Григорий Дмитриевич возлагал охрану отца, впущен не был – и тоже якобы по указанию, полученному из Петербурга. В пять часов в перерыв собрания отец пил чай в небольшом буфете в кругу гласных. Убийца, поднявшись по черной лестнице, никем не охранявшейся, зашел за прилавок буфета и выпустил в отца пять отравленных пуль в упор, после чего бросился бежать через соседнюю с буфетом бильярдную, но был схвачен...

Сопоставляя все обстоятельства, сопровождавшие убийство отца, я еще тогда пришел к твердому убеждению, разделявшемуся и моей матерью, что убийство, если не было организовано охранкой, то, во всяком случае, произошло с ее ведома»¹⁰.

Конечно, к мнению сына, тем более советского генерала, обвиняющего политическую полицию Российской империи в организации убийства отца, можно отнестись скептически. Но известны факты, когда в подобных случаях имелись неопровержимые доказательства такого участия, как это было с убийством П.А. Столыпина или покушением на С.Ю. Витте.

Наиболее циничный отзыв об этом событии оставил в мемуарах бывший военный министр России в 1905–1909 гг. и сослуживец А.П. Игнатъева по штабу гвардейского корпуса А.Ф. Редигера: «Граф Алексей Павлович Игнатъев, мой бывший начальник (1881–1882 гг.) был убит в декабре 1906 г.; он был членом Государственного совета и, насколько я знаю, не имел ни значения, ни влияния, так что убийство его не могло быть объяснено ничем, кроме слепого фанатизма юноши, принявшего его за видного политического деятеля»¹¹.

Еще более удивительно звучит формулировка приговора временного военного суда в г. Твери от 18 июня 1907 г., которым С. Ильинский «был признан виновным в соучастии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя и в убийстве с обдуманном заранее намерением члена Государственного совета генерал-адъютанта графа Игнатъева, *не бывшего при исполнении обязанностей службы и не вследствие исполнения сих обязанностей*»¹². (курсив мой. – Е.Ш.) и приговорен к 11 годам 8 месяцам каторжных работ с лишением всех прав состояния. Таким образом, член Государственного совета, участвующий в выборах губернского земского собрания, по закону не являлся исполняющим свои служебные обязанности, а его убийство считалось по форме приговора бытовым преступлением. Таковы парадоксы российской юстиции, хотя в это же время людей, оказавших вооруженное сопротивление полиции, даже без кровопролития, военно-полевые суды приговаривали к смерти через повешение.

Сергей Николаевич Ильинский, 1886 г. рождения, не окончивший Тверского реального училища, сын врача, был направлен отбывать каторжные работы в Александровскую каторжную тюрьму.

П. Фабричный, отбывавший каторгу в Александровском центральном, характеризовал Ильинского следующим образом: «Сережа Ильинский, не окончивший реального училища Фидлера в Москве (так в тексте. – Е.Ш.), осужденный за убийство гр. Игнатъева. Очень молодой, поразительно мягкий, отзывчивый и добрый человек. Всегда с сомнениями и ищущий ответа на тот или иной вопрос, с сильной этической складкой в душе...»¹³.

То, что попыталась организовать в Александровском центральном группа определенных сюда каторжан, представителей разных политических партий, с большой натяжкой можно назвать побегом. Изначально речь шла не просто о побеге из тюрьмы. Первым и самым главным шагом на этом пути было тщательно продуманное, но так и нереализованное физическое уничтожение надзирателей и стражников. О том, насколько строго соблюдался режим в тюрьме, свидетельствует тот факт, что заключенные не только вели неограниченную переписку с волей, но и непосредственно перед акцией пытались получить оружие, взрывчатые вещества, карты и компасы. По свидетельству участника этих событий, лишь по чистой случайности администрация при предпраздничном обыске обнаружила в привезенных дровах заказанные на волю предметы. Первоначально в группу, готовившую вооруженный побег, входило более шестидесяти человек. Он был назначен на первый день Пасхи. Однако то, что

10 Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. – М., 1959. – С. 23–25.

11 Редигер А.Ф. История моей жизни : Воспоминания военного министра : в 2 т. – М., 1999. – Т. 2. – С. 79–80.

12 Бочкарев В. Очерки по истории революционного движения и борьбы с ним в Ярославском крае // Каторга и ссылка. – 1923. – № 5. – С. 70.

13 Каторга и ссылка. – 1922. – № 4. – С. 124–125.

администрация перехватила оружие и взрывчатку, охладило умы многих арестантов. Но угроза полного разоблачения подтолкнула наиболее активных из них к дальнейшим действиям.

Одним из организаторов и координаторов действий заключенных был Сергей Ильинский. 10 апреля 1908 г. под предлогом предпраздничной закупки товара в лавочке группа приблизительно из 25 человек собралась в коридоре, ведущем в лавку и надзирательскую. За несколько часов до начала событий готовивших побег категорически предупредили, что остающиеся в тюрьме заключенные не дадут совершить убийство надзирателей. Они прекрасно представляли последствия такого акта. Таким образом, беглецы лишались последней возможности заполучить в свои руки оружие находящихся поблизости охранников. Все решившие бежать проникли в коридор и попытались захватить надзирательскую комнату. Однако закрывшиеся там надзиратели оказали активное сопротивление, ранив несколько человек. Первая группа заключенных, в которой находился Ильинский, после убийства караульного сумела вырваться за пределы тюрьмы и отвлечь на себя охрану. Вторая группа, практически вообще не вооруженная, последовала за ними и скрылась в окружающем тюрьму лесу. Обе независимо друг от друга попытались укрыться в лесу как можно дальше от тюрьмы. Первая группа была захвачена через три дня. Второй удалось уйти в сторону Якутского тракта, и после попытки выйти на город Иркутск они были задержаны в Оеке.

Обстоятельства этого отчаянного прорыва не были выяснены до конца даже в судебном заседании, хотя приговор являлся абсолютно безжалостным, и 16 (по другим данным – 15) человек участников нападения на охрану с убийством и ранением караульных были приговорены к смертной казни.

И вновь к вопросу о тюремном режиме. За несколько дней до назначенной казни в тюрьму были доставлены и переданы в камеры яды – морфий и стрихнин. В «Автобиографии рабочего-революционера» И.И. Минаев писал: «Мы знали, что за такой побег с убийством надзирателей нас не помилуют и сразу же начали доставать разные яды, чтобы не дасться живым. Командующий в то время Селиванов решил во что бы то ни стало нас повесить; накануне казни, закованные в ручные и ножные кандалы, мы были сфотографированы. Это так делал Селиванов для украшения своего кабинета смертниками, которым он утверждал приговоры. Связь у нас с канцелярией была через его же, Селиванова, бывшего делопроизводителя, некоего славной памяти тов. Звонникова, который дал нам знать, что приговор утвержден. Но раньше еще с утра, числа 27 января 1909 г., мы уже получили сведения от соседей по одиночкам, товарищей политических, что в мастерских срочно заказаны для нас 15 гробов. Словом, одно другое подтверждало. И мы, по заранее условленному знаку, приняли в 9 часов вечера яд, оставив опричникам гробы для них самих. При приемке караула отравление было обнаружено, и успел умереть только один уголовный, некто Зыбин: нас всех откачали силой. Казнь была приостановлена, и дело пошло в Петроград для пересмотра в главном военном суде, который, после недолгого разбирательства, приговор утвердил. Но хлопотами Керенского и Андроникова, защищавших нас на суде, казнь нам была заменена бессрочной каторгой. Трое из нас – я, товарищ Сережа Ильинский и Аршалуйс Гелумьян – на суде и на следствии отказались от дачи каких бы то ни было показаний»¹⁴.

По другой версии того же автора приостановления приговора военного суда добилась от военного министра А.Ф. Редигера мать Сергея Ильинского¹⁵. И только после этого дело было направлено на новое рассмотрение в Петербург, где указанные выше модные адвокаты добились отмены смертного приговора. Вот так причудливо переплелись судьбы графа Алексея Павловича Игнатьева, его бывшего подчиненного А.Ф. Редигера и убийцы графа С.Н. Ильинского.

Когда вникаешь в детали подобных дел, поражает отсутствие целенаправленной государственной политики по отношению к революционному террору. Массовый вооруженный побег, который по всем законам империи карается смертной казнью, может быть волей одного человека и усердием адвокатов перекавалифицирован в ущерб государственным интересам и правосудию в почти невинное действие, а обвиняемых превратить в известных героев и мучеников.

Бессрочную каторгу Ильинский отбывал в Горном Зерентуе (до ноября 1910 г.). И здесь группа бывших «александровцев» готовила нападение на вновь назначенного начальника Зерентуйской тюрьмы Высотского. «Вкратце план был таков. Во время приемки тюрьмы группа арестантов с кинжалами нападает на Высотского, его приближенных и часть надзирателей, проявивших себя некорректно. Товарищ с револьвером должен был произвести панику, в случае, если конвой не растеряется и план убийства Высотского сорвется»¹⁶.

За несколько дней до приезда нового начальника группу «александровцев» расформировали по другим тюрьмам: по-видимому, не обошлось без доноса. Инициатором нападения Минаев называет Ильинского. Его перевели на Кутумару, а затем в Ярославскую каторжную тюрьму, куда он был доставлен 20 ноября 1913 г. В опубликованных документах Ярославского истпарта содержится выписка из дисциплинарного листка заключенного Ярославской временной каторжной тюрьмы: «5 мая 1914 года корпуса 3 камера № 3, ссыльнокаторжный Сергей Ильинский... отрезал конец веревки, которой стягивается брезент на койке, развил его

¹⁴ Минаев И.И. Автобиография рабочего-революционера // Каторга и ссылка. – 1923. – № 7. – С. 100–101.

¹⁵ Каторга и ссылка. – 1923. – № 6.

¹⁶ Каторга и ссылка. – 1923. – № 7. – С. 103–104.

на три прядки и выдернул шнур из собственного мешка, кончиками связал и такую веревку хранил в камере в сахарном песке. Сознался».

Тюремный режим каторжных тюрем отличался особой жестокостью и скрытностью. Избиения, унижения и порки заключенных без различия на уголовных и политических были нормой. Что произошло с Ильинским за высокими стенами Ярославского централа, и какие меры принимала администрация тюрьмы к непокорному заключенному, остается неизвестным. Лишь последний эпизод зафиксирован в документах. «Надзиратель Соколов подошел к камере № 3, в которой содержался арестант Ильинский, и обнаружил в ней Ильинского повесившимся. Последний воспользовался... промежутком времени, когда внимание надзирателей было отвлечено наблюдением за уборкой, и лишил себя жизни, повесившись на ремне от кандалов, прикрепив один конец его к верхней петле дверей. Для подачи медицинской помощи в одиночный корпус был немедленно вызван фельдшер, коему вернуть к жизни Ильинского не удалось. В течение последнего времени Ильинский держал себя так же, как и всегда, крайне замкнуто; никаких причин, какие могли бы побудить Ильинского к самоубийству, дознанием не установлено»¹⁷.

Публикуется по: Земля Иркутская. – 2008. – № 1 (34). – С. 86–89.

Я.Н. Ходукин: иркутский краевед и неудавшийся политик

В 1936 г. Восточно-Сибирское книжное издательство подготовило к печати рукопись сборника статей «Роль Иркутска в научных исследованиях Сибири». Его открывала большая, около двух авторских листов, статья профессора Н.Н. Козьмина с тем же названием. Сборник так и не был выпущен, а рукопись с авторской и редакторской правкой хранится в одном из фондов ГАИО.

Характеризуя общее развитие научных исследований Восточной Сибири в советский период, автор статьи выделяет два этапа научно-организационной работы: первый из них примерно охватывает 1920–1928 гг., «время восстановления разрушенного за время гражданской войны и интервенции, укрепления новых ростков, новых учреждений, стягивание к научным учреждениям советски настроенных работников, частичных преобразований и использования существующих учреждений для строительства. В середине этого этапа происходят конференции, совещания, съезды научных работников, краеведов (в Москве, Иркутске, Новосибирске). Продельвается смотр выявившимся силам, их отбор, консолидация. Заканчивается этот этап коренной перестройкой научно-исследовательских организаций и перегруппировкой научно-исследовательского актива». Второй период, с 1929 г., совпадал, по мнению Н.Н. Козьмина, с развернутым построением бесклассового социалистического общества, использованием всех тех огромных достижений, которые дала подготовительная работа в восстановительный период, он характеризуется созданием заново научно-исследовательского аппарата, построенного в полном соответствии с задачами научного обслуживания социалистического хозяйства¹⁸.

Важным моментом первого этапа автор определил стягивание «к научным учреждениям советски и социалистически (выделено мною. – *Е.Ш.*) настроенных работников». В исправленном тексте слово «социалистически» было вычеркнуто, и, на наш взгляд, неспроста. Автор статьи, современник революции и гражданской войны, вкладывал в этот термин совершенно определенное смысловое содержание. Для людей нашего поколения слова «советский, социалистический» имеют единый, неразрывный смысл, а в первую четверть XX в. эти термины употреблялись, порой, как прямые противопоставления.

Просматривая персональный состав деятелей краеведческого движения, невольно обращаешь внимание на наличие в нем людей, мягко говоря, не во всем разделявших программные идеи советской власти. К сожалению, до сих пор подробно не рассматривался вопрос о политических симпатиях и антипатиях, личном участии в гражданской войне представителей сибирской науки и культуры 1920–1930-х гг. Работа с архивными документами позволяет раскрыть некоторые аспекты этой проблемы, а в отдельных случаях дать исчерпывающую картину антисоветской деятельности некоторых приверженцев «социалистической идеи».

Одним из наиболее активных участников Первого Восточно-Сибирского краеведческого съезда в 1925 г. был Яков Николаевич Ходукин, в то время – заведующий Иркутским государственным областным музеем. Он был среди инициаторов проведения съезда, возглавлял выставочную комиссию. В опубликованных материалах съезда имеются тексты четырех тезисов сообщений, с которыми Я.Н. Ходукин выступал на секциях¹⁹. В настоящее время этот человек практически забыт, по крайней мере, не удалось обнаружить о нем ни одной справочно-биографической публикации.

Я.Н. Ходукин родился 7 ноября 1877 г. в заштатном г. Троицке Слободского уезда Пензенской губернии. В 1899 г. окончил учительскую семинарию в г. Пензе и преподавал в школе. С 1902 г. состоял в партии социалистов-

17

Бочкарев В. Очерки по истории революционного движения и борьбы с ним в Ярославском крае // Каторга и ссылка. – 1923. – № 5. – С. 70–71.

18 ГАИО. Ф. р-1406. Оп. 3. Д. 336. Л. 16.

19

Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд. – Иркутск, 1925. – С. 52–53; 56–57; 80–81; 111–112.

революционеров, вел партийную пропаганду в селах, где учительствовал. Участвовал в революционных событиях 1905–1907 гг. и в годы последующей реакции покинул Пензенскую губернию. В 1907 г. выехал в Сибирь, устроился преподавателем в одной из школ г. Верхнеудинска. В 1909 г. арестован за пропаганду идей партии социалистов-революционеров и находился под арестом в Иркутске. После освобождения переехал в г. Нижнеудинск, был преподавателем в четырехклассном училище, занимался общественной деятельностью. С 1915 г. началось восхождение Я.Н. Ходукина по общественной административной лестнице. На выборах 1915 г. он избирается нижеудинским городским головой. В силу сложившихся убеждений, Февральская революция 1917 г. была принята им с восторгом. Некоторые современники вспоминали, как он с гордостью возглавлял колонну демонстрантов, которая шла освобождать политических заключенных из городской тюрьмы.

Развернувшаяся общественная деятельность увлекла Ходукина полностью. Он был членом многочисленных комиссий и комитетов, выступал в общественном собрании, был организатором земских выборов в уезде. Сложнейшее переплетение партийных, групповых и частных интересов формировало сложную структуру общественных отношений после Февральской революции 1917 г. Он считал себя представителем народной власти, одним из первых избранных на законной основе. С появлением сибирского земства Ходукин стал одним из его лидеров. Октябрьскую революцию он воспринял как незаконную узурпацию власти и с самого начала перешел на антибольшевистские позиции. В конце 1917 – начале 1918 г. в Сибири формируются группы областников-автономистов, в которых основную роль играли бывшие эсеры. Идеи областничества, всегда распространенные в сибирской интеллигенции, дошли в эти годы до стадии реализации в практические дела. Мечта об автономии Сибири стала претворяться в жизнь. Однако в стране уже началась беспощадная гражданская война, и ни одна из воюющих сторон не приняла областников с их утопической идеей построения сибирского демократического государства. Эйфория от разгрома в Сибири органов советской власти охватила всех участников антибольшевистского движения, казалось, сбывались самые сокровенные мечты сибирских областников.

Я.Н. Ходукин был активным участником этих событий. С 1918 г. он избирается председателем Нижнеудинской уездной земской управы, а в августе того же года участвует в работе Сибирской областной думы в г. Томске. Возвратившись в Нижнеудинск, он стал активным и убежденным пропагандистом идей сибирского областничества. 16 (19) августа 1918 г. он сделал доклад уездному земскому собранию об итогах работы областной думы и Временного правительства²⁰. Колчаковский переворот разрушил мечты областников о создании своей автономии. Большая их часть полностью признала власть Верховного правителя, но при первых же военных неудачах начала свою закулисную деятельность. Основой антиколчаковской оппозиции стали земские учреждения. Находясь в глубоком тылу, иркутские земцы проводили мероприятия, направленные вначале на дискредитацию, а в конечном счете, на ликвидацию власти Верховного правителя. Я.Н. Ходукин полностью поддерживал действия своих товарищей по эсеровской партии. Чем хуже обстояли дела на фронтах, тем большую значимость пытались придать себе земские учреждения. 8 июня 1919 г. Я.Н. Ходукин был избран председателем губернского земского собрания²¹. В июле того же года Сибирский комитет членов Учредительного собрания обратился к гражданам Сибири с воззванием, в котором призвал к свержению «реакционного колчаковского правительства» и созданию в Зауралье государства на основах справедливости и народовластия²². Фактически земские учреждения Иркутской губернии в конце 1919 г. приступили к подготовке свержения власти А.В. Колчака. Двуличная политика земства и его руководителя Я.Н. Ходукина вызывала негодование у военной администрации. Однако, стремясь сохранить перед союзниками формальные основы общественного самоуправления, правительственные структуры реагировали очень сдержанно. Официальная газета «Свободный край» поместила 9 декабря 1919 г. статью «Лагерь земской оппозиции», в которой подвергла гневной и нелюбезной критике губернские земские учреждения и их руководителя Я.Н. Ходукина²³. Но действия земцев были лишь частью плана офицеров бывшей Сибирской армии и членов местных общественных учреждений.

Последний карьерный взлет Я.Н. Ходукина связан с участием его в деятельности Политцентра. Являясь вначале, как руководитель губернского земства, полноправным членом Политцентра, 13 января 1920 г. Ходукин был избран председателем совета народного правления Сибири²⁴. Когда читаешь протоколы последних дней работы этого органа управления, не оставляет чувство, что его деятели вместе с председателем полностью утратили реальное представление об окружающей действительности. Поднятый революционной волной к вершинам региональной власти Ходукин, по-видимому, серьезно преувеличивал свою общественную и политическую значимость, личное влияние на ход исторических событий. Несколько последних дней этого правительства ознаменовались деятельностью, граничащей с фиглярством. Создавались псевдогосударственные структуры и элементы системы управления, назначались и отставлялись чиновники, производились по поводу и без повода баллотировки. Попытка образовать буферное государство в Прибайкалье потерпела неудачу, и Политцентр вынужден был передать 21

20 ГАИО. Ф. р-164. Оп. 1. Д. 6., без нумерации.

21 ГАИО. Ф. р-45. Оп. 2. Д. 22. Л. 1.

22 ГАИО. Ф. р-4. Оп. 1. Д. 11. Л. 3–5.

23 Свободный край. – 1919. – 9 дек.

24 ГАИО. Ф. р-4. Оп. 1. Д. 25. Л. 27.

января 1920 г. власть военно-революционному комитету. Обвиняя коммунистов и левых эсеров в разрушении единого антиколчаковского фронта, авторы декларации о передачи власти не скупятся в оценке собственных заслуг. Первым от лица Временного совета Сибирского народного правления декларацию подписал Я.Н. Ходукин²⁵. Можно предположить, что и текст декларации подготовлен лично им. Так закончилась короткая, но исключительно насыщенная событиями политическая карьера Я.Н. Ходукина.

С приходом советской власти он не эмигрировал, а остался в Иркутске, и мы не знаем, как в это время чувствовал себя бывший кандидат в сибирские президенты. В сложнейших условиях хозяйственной разрухи он нашел работу в губоно. Как бывший видный деятель антибольшевистских организаций, Ходукин в 1920–1922 гг. трижды арестовывался. В последний раз провел в тюрьме около года и, по некоторым данным, этапировался в г. Новониколаевск на процесс по делу правых эсеров²⁶.

В 1923 г. Я.Н. Ходукин заканчивает историческое отделение педагогического факультета ИГУ. В середине 1920-х гг. он заведует Иркутским музеем. Одним из направлений его деятельности становится охрана памятников истории и искусства. Еще в 1921 г. Я.Н. Ходукин вступил в археологическую комиссию при ВСОРГО и вместе с сотрудником музея Г.П. Сосновским производил раскопки в окрестностях Иркутска. В марте 1920 г. в Иркутске начал действовать подотдел по охране культурных ценностей губоно. В состав коллегии подотдела входили виднейшие из сибирских ученых того времени профессора: В.И. Огородников, Г.И. Котов, Б.Э. Петри, В.И. Дорогостайский. Основная деятельность подотдела была направлена на спасение культурных ценностей: предметов искусства и старины, архивов и коллекций, создание системы научного учета и хранения обнаруженных предметов, подготовку первых экспозиций музея. Постепенно расширились штаты подотдела, начал работать губернский музей в составе отделов народоведения, художественно-исторического (картинная галерея) и естественно-исторического. В 1921 г. в связи с расширением и конкретизацией обязанностей подотдел по охране культурных ценностей преобразован в подотдел по делам музеев и охране памятников старины и искусства. Отдельно в рамках подотдела была выделена секция охраны памятников старины, куда кроме ученого руководителя входили архитектор-художник и фотограф.

Отсутствие средств не позволяло сотрудникам подотдела совершать дальние экспедиции. Работы производились в Иркутске и его окрестностях. В эти годы был обследован Вознесенский монастырь. Осмотрены церкви и другие постройки. Часть массивных предметов вывезти из монастыря не удалось, и там был создан филиал фондов музея – древлехранилище.

К сожалению, начатые работы по охране памятников искусства и старины были вскоре свернуты. Произошли новые реорганизации в системе губоно. В том же 1921 г. подотдел по делам музеев и охране культурных ценностей преобразовывается в Восточно-Сибирский филиал подотдела по исследованию Сибири Сибоно. В 1922 г. Восточно-Сибирский филиал подотдела исследования Сибири упраздняется. И музей переходит в ведение губоно. В июле 1922 г. музей включается в сеть государственных научных музеев с подчинением подотделу музеев Главнауки. Все эти реорганизации были направлены на укрепление музейного дела и определение их роли как культурно-просветительских учреждений. Иркутский музей, возглавляемый Я.Н. Ходукиным, стал действовать в системе губполитпросвета, акцентируя внимание на лекционно-пропагандистской работе, отчитываясь перед руководством числом лекций и количеством экскурсантов. Уже в 1924 г. заведующий музеем, отчитываясь перед коллегией губоно, сказал: «Нечетко поставленные задачи музея, отсутствие планомерности в исследовательской работе в Иркутском крае не могли создать музей живым организмом, полным отражением природы и быта края. Правда, в том или ином виде все главные отделы местного краевого музея уже существовали, но в то же время не были приведены в стройную систему. Реформу музея подотдела охраны культурных ценностей в 1920–1921 гг. также нельзя назвать удачной. Анализируя состояние работы отделов и поступление коллекций, что отмечалось выше, не совсем удачная реформа музея в 1921 г., несомненно, изживаются... В будущем музеи, несомненно, должны играть крупную краеведческую и культурно-просветительную роль».

Таким образом, в 1922–1924 гг. задачи музея были сведены в рамки культурно-просветительской деятельности, что отразилось непосредственно на состоянии охраны памятников истории и культуры.

В январе 1924 г. был опубликован декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». В соответствии с этим законодательным актом создавалась инспектура отдела охраны памятников искусства и старины (ОХРИС) на местах, требовалось подготовить и решениями исполкомов утвердить списки подлежащих охране памятников. Инспектором ОХРИС в Иркутске был назначен Ф.Э. Карантонис, сотрудник картинной галереи. В сентябре 1924 г. в музее был создан отдел охраны памятников старины, искусства и природы.

По инициативе Я.Н. Ходукина в структуре музея были проведены и другие изменения. Был создан и находился в стадии разработки исторический отдел. Там предполагалось разместить собранные предметы искусства, рисунки памятников деревянного зодчества, рисунки и фотографии старого города, портреты, картины, предметы вооружения, деревянную скульптуру. При участии директора музея были обследованы Тихвинская церковь, Вознесенский и Знаменский монастыри. Извлеченные предметы старины были переданы в хранилище музея.

25 ГАИО. Ф.р-4. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2 об.

Я.Н. Ходукин пытался поставить дело охраны памятников на законную основу. В 1925 г. он и инспектор охраны памятников Карантонис подготовили текст постановления губисполкома об организации охраны памятников на территории Иркутской губернии. В постановление был включен список подлежащих охране памятников. Но утвердить его в Москве не успели, и постановление было принято без списка.

В 1926 г. были подписаны первые договора на содержание памятников с руководством местных Советов. Долгой и плодотворной работе в музее вновь помешали трения с руководством политепросвета, которому формально был подчинен музей. Ходукин в конце 1928 г. перешел работать на кафедру этнологии Иркутского государственного университета.

Возвращаясь к периодизации Н.Н. Козьмина, следует указать, что ее автор в 1936 г. не знал, когда завершился выделенный им второй период. Примерно через год официальным распоряжением исполнительной власти деятельность краеведческого общества была прекращена. В целом же, на наш взгляд, весь период с 1920 г. следует определить как постепенное свертывание научно-краеведческой работы. Путем многочисленных организационных мероприятий общественное по своей сущности движение было структурировано в систему административно-управленческого аппарата и уже в 1935 г. находилось в фактическом ведении краевой власти.

К этому времени Я.Н. Ходукин прекратил заниматься краеведением. Скромная должность учителя русского языка и литературы в иркутском Доме Красной Армии не спасла его от репрессий. Более полугода провел он в тюрьме, буквально до последнего дня не признавая себя виновным. Я.Н. Ходукина расстреляли 4 декабря 1937 г.

Публикуется по: Иркутское краеведение 20-х : взгляд сквозь годы : материалы регион. науч.-практ. конф. «Золотое десятилетие» иркутского краеведения : 1920-е годы», Иркутск, 11 – 13 янв. 2000 г. – Иркутск, 2000. – Ч. 2. – С. 82–90.

К истории Иркутской городской пожарной команды

Городская пожарная команда – специализированное военизированное формирование (до 1911 г. – в составе городской полиции) для борьбы с пожарами в городе и его предместьях.

Реорганизация пожарного дела в Иркутске, поиск оптимальной структуры управления пожарной командой связан с грандиозным летним пожаром 1879 г. К этому моменту Иркутская полицейская пожарная команда насчитывала 72 человека и размещалась в 3 городских частях.

В течение почти ста лет сохранялась система, когда участие общественного управления в защите города от пожаров заключалось лишь в передаче средств на содержание полицейских пожарных команд.

Боевым применением и учебной команды, внутренним распорядком и хозяйственным обеспечением ведал иркутский полицмейстер. Исполняя иные административные обязанности, он не всегда имел возможность заниматься делом пожарной охраны, чем вызывал сдержанные жалобы представителей городской управы. Такая ситуация сложилась не только в Иркутске. Министром внутренних дел 5 сентября 1907 г. были утверждены и опубликованы «Временные правила об устройстве городской пожарной команды». Их основополагающим требованием была передача пожарной команды из ведения полиции в городское общественное управление, разрешение последнему нанимать и содержать за свой счет брандмейстера, его помощников и служителей, полностью руководить их деятельностью.

Учитывая, во-первых, изложенное выше предложение МВД; во-вторых, возможность лучше поставить дело пожарной охраны и, в-третьих, незначительность расходов по приему пожарных команд, на заседании городской думы от 12 августа 1908 г. было решено детально изучить вопрос и представить доклад на эту тему. В докладе городского головы, опубликованном в сентябре 1909 г., был сделан анализ состояния пожарной охраны, деятельности пожарной команды и выработаны предложения по передаче ее городскому общественному управлению.

Подготовленные комиссией под руководством городского головы «Временные правила об устройстве Иркутской городской пожарной команды» после согласования с губернскими органами были представлены и 17 июня 1910 г. утверждены министром внутренних дел. С этого момента начата передача имущества, стоимость которого доходила до 80 тысяч рублей. Полностью в ведение городского общественного управления пожарная команда была передана в январе 1911 г.

Как свидетельствуют документы ГАИО, вполне обоснованное и целесообразное мероприятие на практике во многом себя не оправдало. Член городской управы, ответственный за пожарное дело, находился почти в постоянных конфликтных отношениях с брандмайором команды. Экономия средств со стороны управы приводила к непродуманным, а порой, и нелепым решениям. В конфликт втягивались гласные думы, причем в некоторых случаях доходило до личных оскорблений. Обоснованный контроль за деятельностью пожарной команды в течение двух лет превратился в мелочную опеку. Все вопросы проходили множество ступеней согласования.

В 1913 г. при управе был создан пожарный совет из 10 человек, и речь шла об утверждении исполнительной пожарной комиссии на постоянной основе. Административно-бюрократические отношения тормозили действительно важные вопросы. Так, инструкцию служащим в пожарных командах, которую предполагалось утвердить в 1911 г., составили только в конце 1914 г. и она мало чем отличалась от инструкции 1908 г. Как следует

из донесения брандмайора, к 1914 г. даже на квалифицированные, хорошо оплачиваемые должности в команде образовались вакансии, а служба пожарного постепенно теряла свой престиж.

Изучение опыта взаимоотношений Иркутского городского общественного управления и ее профессиональной пожарной команды может иметь, на наш взгляд, и практический интерес в современных условиях.

Публикуется по: Проблемы деятельности государственной противопожарной службы региона Сибирь и Дальний Восток : материалы I Сиб. науч.-практ. конф., 25 – 26 марта 1998 г. / М-во внутр. дел РФ, Вост.-Сиб. ин-т. – Иркутск, 1998. – С. 214–215.

Иркутские казаки: сквозь траву забвения

В правоте старинной поговорки «Казачьему роду нет переводу» убеждаешься всякий раз, когда заглядываешь в глубину нашей иркутской истории. Город, построенный казачьими отрядами, навсегда сохранил среди своих жителей казаков – как самостоятельное, неподатное сословие; как горожан, из поколения в поколение передающих память о славе своих предков и особый уклад жизни. До сих пор живут в Иркутске Глазковы, Могилевы, Пежемские, Михалевы, Бархатовы, происходящие из старейших казачьих семей, первые упоминания о которых встречаются почти три века назад.

Казаки первыми приводили под государеву руку новых подданных, собирали ясак и строили остроги. Не нам их судить, не нам критиковать их образ действий. Они раздвинули границы России на тысячи верст, и мы должны быть благодарны им – они приобрели для нас родину. Они же отстояли ее от могучего восточного соседа, когда вокруг амурского городка Албазина развернулось грандиозное по тем временам сражение. В годы этой войны, на рубеже XVII–XVIII вв., Иркутск приобрел свое значение как административный и хозяйственный центр. Сибирские города стали основным источником набора войск для обороны Забайкалья, а Иркутску было тогда от роду лишь 30 лет и население составляло чуть более 200 человек. Большая часть казаков ушла на войну. Они участвовали в обороне Албазина, отражали набеги монголов под Удинском и Селенгинском, гибли в боях, увечные возвращались домой. После заключения Нерчинского договора часть воинов была переведена в Иркутск на вечное житье и службу. Иркутским казачьим головой стал Афанасий Бейтон, герой Албазинской обороны, отчаянно смелый и решительный человек. В эти же годы служил в Забайкалье, а потом в старости жил в Иркутске ссыльный украинский гетман Демьян Многогрешный. Так из многих составляющих формировалось иркутское казачество. Мы не можем детально говорить об этом интересном и сложном процессе в небольшой газетной публикации. Я очень надеюсь, что будут изучены и опубликованы многочисленные документы московского Архива древних актов о первых годах истории нашего города, неотделимых от истории ее первых жителей – казаков.

Особое положение казаков не только давало преимущества или привилегии, оно же налагало обязанности, часто воистину непосильные. Середина XVIII в. для Восточной Сибири и Забайкалья – эпоха хозяйственного освоения, время великих экспедиций. При постоянной нехватке служилых людей казаки вытягивали на себе всю тяжесть государственной службы. Где только не были они в это время! Несли службу в Забайкалье, ходили с отрядами на Камчатку и Чукотку, конвоировали каторжных и сопровождали обозы экспедиций В. Беринга; по указу назначались в матросы, набирались плотниками для нового строительства; казачьи дети с семьями переселялись на новые земли в зачет службы, холостые записывались в солдаты Якутского полка и гарнизонов. И так без конца. Не вина некоторых казачьих семейств, что они предпочли отказаться от такой хлопотной жизни и перейти в податное сословие – крестьян, посадских и мещан. Многие семьи разорились, «оскудели» без кормильцев. Иркутское казачество, сформировавшись к середине XVIII в. как крепкое городское сословие, к концу того же столетия понесло серьезнейший хозяйственный урон благодаря беспрестанному и бесконтрольному использованию казаков на внешней службе и командировках на далеких окраинах Сибири. И все же часть семей, числящих себя казаками, так и продолжала держаться прежних прав и привилегий, безропотно исполняя тяжелые служебные обязанности.

Очень важно, что ни один здравомыслящий сибирский администратор не думал о ликвидации казачьего сословия в городе. Как раз наоборот – самые выдающиеся из главных начальников края всячески заботились об усилении иркутских казаков и упорядочении их управления. Свидетельства тому – важнейшие государственные акты, прямо или косвенно определявшие жизнь казачьего населения на десятилетия.

Автор грандиозной реформы управления Сибирью, выдающийся законодатель и сибирский губернатор Михаил Михайлович Сперанский в «Учреждении для управления Сибирских губерний» включил «Устав о Сибирских городских казаках», определив место этого сословия свободных русских людей в жизни региона. И пусть не пугает наших современников первый параграф устава о том, что «городовые казаки принадлежат к составу губернской и окружной полиции», и не спешат они приписывать казаков к заплечных дел мастерам и душителям свободы.

Все функции, которыми наделил дальновидный администратор городских казаков, могут быть сейчас приравнены к функциям внутренних войск и милиции. А как же могло быть иначе, если Сибирь, особенно Восточная, была буквально наводнена уголовными ссыльными, многие из которых перемещались как бродяги по территории громадного края. При малочисленности крестьянского населения и отсутствии крупных воинских формирований организованным казачьим подразделениям отводилась особая роль в поддержании правопорядка.

Для Иркутского городского казачьего полка был определен пятисотенный состав. Помимо 500 рядовых казаков, в полку должны были служить 5 сотников, 5 хорунжих, 18 пятидесятников, 28 младших урядников, 7 писарей, 7 мастеровых. Командовал ими полковой атаман. М.М. Сперанский прекрасно понимал, что основой жизни сословия может быть только крепкое хозяйство. Казаки на службе получали от казны обыкновенный солдатский провиант, крупу и муку вперед помесечно, однако тем же уставом, в качестве выгод и привилегий, приказывалось немедленно отвести всем казакам земли для хлебопашества и скотоводства из расчета 16 десятин на человека. Причем они должны были быть отмежеваны не где-нибудь, по произволу администрации, а «близ мест, назначенных для постоянного жительства казачьих полков и отдельных от них команд». Отвод производился одновременно и, что очень важно, за казаками сохранялись земли, занимаемые ими раньше. В местах, где хлебопашество было невозможно по погодным условиям, отводились «рыбные и звериные ловли», даже из казенно-оброчных статей. Учитывались интересы и старейших потомственных казаков, детей боярских и сибирских дворян – они сохраняли за собой все прежние пожалования и имели право на новые участки. В законе оговаривалось, что казаки отведенные им земли продавать не имеют права.

Не ограничивались и казаки, проживавшие в городах. Им предоставлялась «свобода, имея собственные свои дома в городе, пользоваться всеми видами промышленности» жителям того города предоставленными; но за это они были обязаны нести все городские повинности.

Более четверти века иркутское казачье сословие жило по «Уставу о городских казаках». Но в изменившейся внешнеполитической обстановке иными стали задачи России на Дальнем Востоке. В конце 40-х годов XIX в. наша страна приступила к окончательному разрешению Амурского вопроса. Энергичная деятельность генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева, будущего графа Амурского, позволила закрепить за Россией громадные территории и провести границу между Россией и Китаем.

О возможностях казаков, как боевых, так и хозяйственных, на вновь приобретенных землях Н.Н. Муравьев убедился во время своей службы на Черноморской линии. Поэтому по прибытии в Восточную Сибирь одним из первых важнейших вопросов, поставленных перед правительством, были предложения о реорганизации Иркутского и Енисейского городских казачьих полков в строевые конные полки и создании Забайкальского казачьего войска.

4 января 1851 г. высочайше утверждено «Положение об Иркутском и Енисейском казачьих полках». Полк приобретал все характерные черты боевой воинской части. Вместо атамана назначался полковой командир, численность увеличивалась почти на двести человек, а в штатный состав добавлялась одна сотня; были заменены оружие и форма одежды, вменялась в обязанность пограничная служба в Тункинском отделении и Енисейской губернии, а также «нести службу, где назначено будет начальством».

Иркутским и енисейским казакам предоставлены дополнительные права и преимущества. Они освобождались от рекрутской повинности, от всех государственных податей и денежных земских сборов. Значительно увеличена мера поземельного довольствия, и определялась она для обер-офицеров в 60, а для казаков – в 30 десятин. Кроме того, к земельным угодьям каждой сотни дополнительно прирезалось до 3 тысяч десятин запасных общественных земель. Все земли, издавна отведенные казакам, оставались за ними. Категорически запрещалась продажа земли или обмен ее; на землях полков категорически запрещалось селиться людям, не принадлежавшим к казачьему сословию.

Усложнилось хозяйство полка. Образован запасный вспомогательный капитал, разрешались общественные запашки и устройство мельниц, постройка зданий для общественных заведений. Для обучения казачьих детей учреждалась полковая школа с обязательным преподаванием Закона Божьего, русской грамматики, чистописания, арифметики. Там же должно было даваться и «фронтное образование», говоря современным языком – начальная военная подготовка.

Таким образом, закладывался прочный фундамент дальнейшему становлению иркутского казачества, и никто не высказывал сомнений в необходимости его развития. Имелись все возможности для укрепления казачьих хозяйств как в городах, так и в приписанных к полку селах бывших государственных крестьян. Почему же через 10 лет после отъезда графа Н.Н. Муравьева-Амурского деятельность по укреплению казачества в Иркутске была свернута? Во-первых, Россия твердо установила свое владычество на берегах Тихого океана и в Приамурье, там находились и достаточно окрепли Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войска и надобность в иркутских казаках на востоке вроде бы отпала. Во-вторых, это был пик увлечения массовыми армиями и развертывания в стране системы всеобщей воинской повинности. Дело необходимое и назревшее, но лишь через несколько лет выявятся его недостатки и даже серьезные издержки, а пока на этой волне шло сокращение иррегулярных формирований. Военное ведомство отказывалось от управления такими формированиями, передавая их в систему гражданского управления; и, в-третьих, изменилась общественно-политическая обстановка, и ориентация на европейский театр военных действий привела к умалению значения войск, находящихся в Восточной Сибири.

Примерно так закладывались за многие десятилетия причины поражения в Русско-японской войне. Эта неожиданная война с ее печальными результатами заставила на многое взглянуть по-другому. Не вдаваясь в подробности, скажем сразу, что основную тяжесть войны вынесли на себе сибиряки, включая сюда казаков всех сибирских войск. Положение иркутских казаков перед войной было самым незавидным. В 1871 г. конный казачий полк был свернут до состава сотни, население приписанных ранее сел вновь было обращено в податное сословие. Само командование сотней передали в ведение гражданского губернатора. Серьезный удар был нанесен по экономике казачьего населения. В течение нескольких лет началось постепенное изъятие запасных земель и так называемых

«излишков». Несмотря на протесты казаков, земли передавались во владение обществам окрестных крестьян, и особенно рьяно настаивала на передаче земель в свое ведение Иркутская городская дума. Она же пополнила свое недвижимое имущество за счет некоторых зданий казачьей сотни, прихватив и дом казачьего училища.

И этот сложный период пережили иркутские казаки. Несмотря ни на что они продолжали осознавать себя казаками и не помышляли об отказе от своего образа жизни служилых людей. Как свидетельствуют документы Государственного архива Иркутской области, в 1891 г. они просят высочайшего разрешения на сооружение часовни для казачьей сотни, а в 1896 г. – об открытии казачьего училища. Основная служба заключалась теперь в несении караульной и конвойной службы, а также в сохранении общественного порядка в районе золотых промыслов на севере губернии, борьба со спиртоносами и незаконной продажей золота. В строю одновременно числилось чуть более 100 человек всех возрастов.

Из поражения в японской войне правительством были сделаны соответствующие выводы, принят ряд мер, важнейшая из которых – воссоздание Иркутского военного округа и передача Забайкальской области в ведение иркутского генерал-губернатора. В этом же ряду стоят меры по укреплению иркутского казачества, непосредственно перед революцией 1917 г. были подготовлены соображения о создании Иркутского казачьего войска.

Таким образом, объявление в начале 1917 г. о создании войска и органов его управления было не самозванным, а давно назревшим разрешением проблем казачьего населения.

После Русско-японской войны на казаков вновь стали смотреть как на серьезную, именно военную силу, защитников пограничных рубежей. Более того, с началом освоения Урянхайского края вновь встал вопрос о переселении казачьих семей на новые земли. Есть документы нашего архива, где указано, что необходимо до 400 семей казаков (именно казаков, а не крестьян), добровольно решивших переселиться. Если же полного числа добровольно набрать не удастся, то переселяться будут семьи молодых казаков в зачет службы из енисейской и иркутской сотен.

В Государственном архиве Иркутской области есть редкое издание обращения Предсовнаркома В.И. Ленина «К казакам», выпущенное в Москве в 1919 г. В его заголовке вместе с Донским, Кубанским, Терским, Астраханским, Уральским, Оренбургским, Сибирским, Семиреченским, Забайкальским, Амурским и Уссурийским указано и Иркутское казачье войско. Таким образом, и советской властью признавалось его существование.

Во многом еще предстоит разобраться, выявить новые факты, открыть события и имена. Несомненно главное – глубокие корни иркутского казачества за три века не утратили животворную силу, и сколько бы ударов не вынесло дерево его жизни, оно оживает вновь и вновь, пробиваясь ростками к свету, разрушая нагромождения забвения, лжи и беспамятства.

Публикуется по: Вост.-Сиб. правда. – 1994. – 4 июня (№ 116/117). – С. 5.

Иркутские драгуны (в огне Бородинской битвы и копоты исторической несправедливости)

Полк в старой русской армии был не просто главной единицей организационного устройства, но и достаточно замкнутым, своеобразным сообществом служащих в нем людей, воспитанных на писаных и неписаных традициях и, безусловно, соблюдающих как эти традиции, так и этику служебных взаимоотношений между старшими и младшими, командирами и подчиненными. Основой формирования традиций служила полковая история – один из важнейших факторов воспитания в солдатах и офицерах морально-этических ценностей, основанных на боевом братстве, верности государю и Отечеству. В этой связи не только знамена или передаваемые от одного поколения военнослужащих к другому общеполковые награды, но и элементы повседневной формы одежды или головных уборов свидетельствовали об индивидуальном и неповторимом боевом пути воинской части.

Традиции Преображенского и Семеновского полков, павловских гренадер, кавалергардов и конной гвардии были общепризнанными и формировались столетиями. Но заслуженно гордились своим прошлым и преумножали боевые традиции в настоящем и другие русские армейские полки. Участие в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах против Наполеона исключительно высоко ценились в боевой истории полков русской армии. Не только гвардейские, но и многие армейские полки получили Георгиевские знамена и Георгиевские трубы с наименованиями победных сражений. Среди этих воинских частей как бы затерялся скромный Иркутский драгунский полк, обычная воинская единица регулярной армейской кавалерии, не осененная победными наградными знаменами и другими знаками отличия. Как же воевали солдаты и офицеры Иркутского драгунского полка, какой вклад внесли в победу над наполеоновскими полчищами? К сожалению, на этот вопрос нет ответа не только в нашей краеведческой литературе, но и в специальных справочных военно-исторических изданиях. Наиболее доступные нашим землякам книги Ф.А. Кудрявцева и Г.А. Вендриха по истории Иркутска ошибочно утверждают, что в Бородинском бою действовали Иркутский гусарский и Сибирский уланский полки²⁷. Вынужден

повторить, что в 1812 г. против наполеоновской армии сражались сведенные в одну бригаду Иркутский и Сибирский драгунские полки. Драгуны и кирасиры относились к тяжелой кавалерии, гусары и уланы – к легкой. Сама постановка вопроса об участии в войне 1812 г. полка с наименованием «Иркутский» должна была бы вызвать интерес к теме у местных историков и краеведов, однако, как ни странно, серьезных публикаций на эту тему в нашей литературе до сих пор нет.

Иркутский драгунский полк начал формироваться в соответствии с указом военной коллегии от 18 (29) ноября 1786 г. До этого на Сибирской линии находился Сибирский драгунский полк, он-то и послужил основой для образования нового полка, куда передавалась примерно одна треть офицеров, унтер-офицеров и рядовых. А до полного штата он пополнялся рекрутами из сибирских губерний. Таким образом, можно сразу и положительно ответить на вопрос, служили или нет в полку иркутяне?

Уроженцы Иркутской губернии служили в полку с момента его образования, согласно распоряжению военной коллегии в него направлялись около 150 рекрутов из этой губернии. Более двадцати лет полк находился на Сибирской линии, эскадроны были разбросаны по крепостям, и их личный состав занимался, главным образом, преследованием шаек киргиз-кайсаков, нарушавших границу с целью угона скота и захвата пленных. Общая численность полка в то время должна была быть около 850 человек, однако фактически в пяти эскадронах в Западной Сибири было около 700 человек, а 6-й эскадрон находился на другом краю Сибири – при Селенгинской крепости в Забайкалье. Сменяющие друг друга полковые командиры не видели этот эскадрон вообще и о его состоянии могли судить только по донесениям эскадронного командира. По некоторым сведениям, в течение десятилетия в полку не производилось общего сбора, и его боеспособность как единой воинской части не могла не вызывать сомнений.

В то же время, в 1805 г. от полка была выделена команда под началом штабс-капитана Бартенева из лучших, отобранных со всего полка драгун для сопровождения посольства графа Ю.А. Головкина в Пекин. Всего в нее входило 3 унтер-офицера, 1 трубач, 40 драгун и 2 нестроевых. Посольство в целом окончилось неудачно, однако жители Иркутска увидели на своих улицах драгунскую команду от полка, носящего имя их города.

Император Павел I шефом полка назначил Антона Антоновича Скалона, происходившего из семьи давно перебравшихся в Россию французских протестантов, сына армейского офицера, родившегося и прослужившего большую часть жизни в Сибири. В 1797 г. он возглавил команду Иркутского полка, направленную в столицу перенимать павловские нововведения в армии, осваивать строевые приемы и новое обмундирование. По-видимому, А.А. Скалон действительно преуспел в этом, потому что по возвращении он был произведен в генерал-майоры и назначен шефом. В царствование Павла I полки назывались по имени шефа, и наш стал называться драгунским генерал-майора Скалона полком. Шеф полка в старой русской армии был не только командиром в нашем понимании этого слова, он был его покровителем.

О том, что павловские реформы противоречили всем традициям и даже духу русской армии сказано и написано очень много, однако при этом забывают, что приказы императора не обсуждались, а строго и неукоснительно исполнялись. Что же касается непродуманных реформ, дурацкой формы одежды и строевой муштры, то не с Павла все это начиналось и не на нем закончилось. После смерти императора последовала отмена множества его распоряжений, на получивших при нем высокие чины стали смотреть как на выскочек, но вот странность: чем ближе такие лица были к трону нового императора, тем меньше упреков слышалось в их адрес, а наличие в свите Александра I убийц его отца вообще не объяснимо с точки зрения морали.

Производство А.А. Скалона в генералы в тридцать с небольшим лет, по-видимому, никак не устраивало старых служаков, которые терпеливо высиживали в сибирских гарнизонах очередные чины и должности. Кроме того, в ходе реформ бывший Сибирский полк утратил свое старшинство перед Иркутским, а то, что вновь образованной бригадой стал командовать генерал А.А. Скалон, вызвало трения между офицерами. Считая для себя невозможным служить в таких условиях, Антон Антонович просил государя о переводе по службе, и когда в этом было отказано, подал прошение об отставке. Когда отставку приняли и нужно было сдавать дела, А.А. Скалон потребовал полной ревизии состояния полка, а по ее окончании – соответствующее заключение комиссии. Есть сведения, что даже в рескрипте об отставке состояние полка в конце управления А.А. Скалона оценивалось как образцовое. Отставка длилась недолго, в Европе русские войска сражались с Наполеоном, и в 1806 г. генерал просит государя принять его в действующую армию. Александр I, однако, вновь назначает его на только что освободившееся место шефа Иркутского драгунского полка. В 1808 г. Иркутский, Сибирский и Оренбургский драгунские полки направляются из Сибири на Украину. Около года совершали «иркутцы» марш от места дислокации в 400 верстах от Омска до города Острог на Волыни. За организацию перехода, сбережение людей и лошадей генерал-майор Скалон был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени. В 1811 г. полк находился в Минской губернии и в составе бригады вошел в 3-й резервный кавалерийский корпус генерал-майора Палена.

В 1902 г. в Минске вышла книга Е. Альбовского «История Иркутского полка (50-й Иркутский драгунский полк)», однако тираж быстро разошелся, и уже к столетнему юбилею Отечественной войны 1812 г. ее в продаже не было. По какой-то причине автор переиздавать книгу не стал и, видимо, работу над темой прекратил. В «Истории Иркутского полка» использован обширный фактический материал из московских, в том числе военных, архивов. Отдельные части и эпизоды даются образно и интересно, содержат массу нового фактического материала. Однако именно главы об участии «иркутцев» в войне 1812 г. написаны наименее убедительно, и читателя не покидает

чувство, что автор недостаточно изучил имеющиеся архивы этого периода. Повествование в этих главах имеет какой-то оправдательный оттенок, словно автор пытается опровергнуть устоявшиеся мнения, но не находит весомых аргументов. Особенно слабо, по сравнению с другими эпизодами, описано участие полка в Бородинском сражении²⁸.

От Смоленска до Бородина Иркутский драгунский полк входил в состав арьергарда под командованием генерала П.П. Коновницына и вышел к основной армии на бородинской позиции за сутки до генерального сражения. Почти двадцать дней непрерывных боев с наступающим буквально по пятам противником сильно измотали личный состав и лошадей. Время, когда удавалось расседлать коней хотя бы на два часа и дать им отдых, считалось исключительно удачным. В день Бородинского сражения, 26 августа (5 сентября) 1812 г., 3-й резервный кавалерийский корпус в составе двух драгунских бригад и одной бригады легкой кавалерии находился за 6-м пехотным корпусом генерала Д.С. Дохтурова, севернее укрепленной Курганной высоты, более известной как батарея Раевского. В ходе сражения части корпуса неоднократно перемещались, и около десяти часов утра бригада в составе Сибирского и Иркутского драгунских полков находилась уже южнее высоты. Генерал-майор барон Ф.К. Корф, который командовал в сражении 2-м и 3-м резервными кавалерийскими корпусами, в своем рапорте о боевых действиях вверенных ему частей писал: «Сибирский и Иркутский драгунские полки между тем были поставлены для прикрытия большой батареи, перед центром нашим находящуюся, они от 8 часов утра до полудня стояли под жесточайшим пушечным огнем и когда в сие время сильная колонна неприятельской кавалерии и пехоты старались овладеть оною батареею, то сии полки, ударив стремительно на неприятеля, опрокинули его и тем способствовали удержанию места»²⁹. События, описанные в рапорте, относятся к моменту второй атаки на батарею Раевского, когда после кровопролитного рукопашного боя французам удалось взять укрепление. Создалась реальная угроза прорыва центра русских позиций, но стремительная и яростная контратака собранных генералом А.П. Ермоловым разрозненных частей восстановила равновесие. Пехота, увлеченная преследованием, достигла французских позиций, и теперь уже Иркутскому и Сибирскому драгунским полкам, посланным вернуть пехоту, пришлось при содействии конной артиллерии прикрывать ее от натиска свежих французских сил. Драгуны, сдерживая наступление противника, контратаковали, строились и вновь шли в атаку и так до тех пор, пока последние отступающие не заняли своих позиций. Только тогда, по сигналу трубачей, полки перешли на галоп, оторвались от наступающего противника и, пройдя в интервалах между пехотными частями, встали за ними. Российский исследователь А. Васильев, основываясь на французских источниках, дополнил этот этап сражения следующей подробностью. Прикрывая свою пехоту, драгуны были атакованы элитными частями тяжелой кавалерии противника – французскими карабинерами. Автор утверждает, что «русская кавалерийская бригада полковника Крейца (Иркутский и Сибирский драгунские полки) была опрокинута после рукопашной схватки, в которой карабинеры, благодаря своим кирасам, не понесли серьезных потерь». В данном дополнении есть важная подробность об окончании этой схватки. Преследующие драгун карабинеры, после того как русская кавалерия ушла за свою пехоту, оказались перед каре Перновского пехотного и 34-го егерского полков, изготовившихся к отражению атаки. Залп, произведенный с расстояния в 60 шагов, отрезвил французов. «Атакующие карабинеры и шволежеры³⁰ остановились, заколебались, а потом повернули назад и отступили на исходную позицию»³¹.

Описанные выше кавалерийские схватки продолжались около полутора часов, и примерно к двенадцати часам дня иркутские и сибирские драгуны, заняв место в глубине обороны, смогли некоторое время передохнуть. За два-два с половиной часа к Курганной высоте были подтянуты свежие части, заменены орудия и возобновилась артиллерийская дуэль.

В три часа пополудни началась новая атака на высоту. Теперь вместо лобового пехотного штурма в обход с левого фланга пошла тяжелая французская кавалерия с целью прорваться на батарею с тыла. Командующий правым крылом русской армии генерал М.Б. Барклай-де-Толли вовремя оценил опасность, идущую со стороны строящихся для атаки двух корпусов французской кавалерии, и приказал подтянуть в район ожидаемого прорыва всю кавалерию подчиненной ему армии. Французские кирасиры сумели ворваться на батарею. В ожесточенном бою погибли почти все ее защитники, но громадные потери понесли и наступающие. После взятия батареи конные массы должны были рассечь русскую армию надвое и, пройдя по ее тылам, разгромить и обратить в бегство. «...Неприятельская кавалерия соединенными силами устремилась на нашу пехоту, я предвидел уже минуту решения нашей участи, – писал М.Б. Барклай-де-Толли. – Кавалерия моя была недостаточна к удержанию сей громады неприятельской, и я не смел ее вести против неприятеля, полагая, что будет опрокинута и в расстройстве притеснена к пехоте. Всю свою надежду полагал на храбрую пехоту и артиллерию, сделавшихся с сей день бессмертными; обе исполнили мое ожидание, неприятель был приостановлен. В сию затруднительную минуту прибыли на рысях два гвардейских кирасирских

28

Альбовский Е. История Иркутского полка (50-й Иркутский драгунский полк). – Минск, 1902. – С. 206–209.

29 Бородино. Документы, письма, воспоминания. – М., 1962. – С. 159.

30

Шволежеры – приданные карабинерам солдаты легкой кавалерии.

31

Васильев А. Французские карабинеры при Бородино. Очерк боевых действий // Цейхгауз. – 1993. – № 1. – С. 8.

полка, я указал им неприятеля, и оне с редкою неустрашимостию устремились в атаку. Полки Сумской, Мариупольской и Оренбургской (? – Е.Ш.) гусарские, Сибирский, Иркутский и Оренбургский драгунские последовали за ними. <...> Тогда началась кавалерийская битва из числа упорнейших [из] когда-либо случавшихся. Неприятельская и наша конница попеременно друг друга опрокидывали, потом строились они под покровительством артиллерии и пехоты, наконец наша [при]успела с помощью конной артиллерии в обращении неприятельской кавалерии в бегство. Она совершенно отступила с поля сражения»³².

Бородинское поле современники вполне обосновано называли могилой французской кавалерии, которая понесла здесь не просто большие потери, была нарушена ее организационная структура, и в последующих боях участвовали не стройные полки и бригады однотипных видов конницы, а сводные эскадроны оставшихся в живых всадников на измученных лошадях.

Е. Альбовский, без указания источников, приводит список награжденных за Бородинский бой офицеров Иркутского драгунского полка. Орден Святого Владимира 4-й степени получил командир полка подполковник Южаков, орденами Святой Анны 3-й степени наградили капитана Бульгина, штабс-капитана Меретеева, поручиков Бусыгина, Ковальчукова, Васильева, прапорщиков Лонько и Троцкого. В приведенном в том же издании рапорте полкового командира на имя Великого Князя Константина Павловича сказано, что во время атаки неприятельской колонны погиб поручик Трейблюд и были ранены штабс-капитан Меретеев, поручик Ковальчуков, прапорщики Лонько и Троцкий. Всего же, по данным Альбовского, полк потерял в Бородинском сражении 16 человек убитыми и 10 пропавшими без вести³³. Насколько неточны и неполны эти сведения, можно судить из приводимых ниже данных о потерях в личном составе драгунских полков 3-го кавалерийского корпуса (таблица 1, составлена на основе «Ведомости 1-й Западной армии об убитых, раненых и без вести пропавших нижних чинах, бывших в сражении 26 августа при селении Бородине»³⁴.

Таблица 1

драгунские полки	убитых				раненых				без вести пропавших			
	унтер-офицеров	рядовых	нестроевых	строевых лошадей	унтер-офицеров	рядовых	нестроевых	строевых лошадей	унтер-офицеров	рядовых	нестроевых	строевых лошадей
Курляндский	2	15	–	138	6	49	–	–	–	7	–	8
Оренбургский	–	8	–	32	2	22	–	23	–	16	–	13
Сибирский	–	28	–	35	3	82	–	43	1	42	–	42
Иркутский	2	24	3	74	7	65	–	38	1	21	–	15

Как следует из всего сказанного, Иркутский драгунский полк сражался на Бородинском поле более чем достойно. В текстах официальных документов и отчетов о сражении подчеркивается бесспорное участие полка в кавалерийских схватках в районе батареи Раевского, а боевые потери и награды свидетельствуют о справедливости этих отзывов. Почему же не последовало официальных наградений полка?

На наш взгляд, на то имелись субъективные причины. 5 (17) августа в Смоленском сражении погиб генерал А.А. Скалон. Сведения об обстоятельствах его смерти противоречивы, однако М. Богданович³⁵, официальный историограф войны, изложил дело так, что генерал был убит чуть ли не при общем бегстве его бригады с поля боя!

32
Бородино. Документы, письма, воспоминания. – М., 1962. – С. 334–335.

33
Альбовский Е. История Иркутского полка (50-й Иркутский драгунский полк). – Минск, 1902. – С. 208.

34
Бородино. Документы, письма, воспоминания. – М., 1962. – С. 197.

35
Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. – СПб., 1859–1960. – Т. 1. – С. 425.

Не вдаваясь в подробности историографии войны 1812 г., нужно отметить, что такого количества публикаций не имело ни одно событие дореволюционной русской истории. Начало этому потоку было положено сразу после окончания войны, и, к сожалению, опубликованные материалы были далеко не всегда объективны. Тенденция прославления тех из участников войны, кто занимал видные государственные и командные должности, особенно ярко проявилась в царствование императора Николая I. Фактом является и то, что награждения за войну последовали уже в ходе победоносного наступления русской армии или после изгнания наполеоновской армии из России, когда не было в живых многих командиров частей и соединений. В истории с Иркутским полком эти тенденции сыграли исключительную роль.

После гибели под Смоленском А.А. Скалона в командование бригадой вступил шеф Сибирского полка Циприян Антонович Крейц. Он считал себя выдающимся кавалерийским командиром, хотя особых оснований для этого не имел. Во время войны в Германии в 1807 г. Ц.А. Крейц стал известен в армии своим безрассудством и авантюрными действиями. Командуя гусарским дивизионом из двух эскадронов, он предпринял самовольные действия, повлекшие за собой почти полное уничтожение вверенной ему части. Ц.А. Крейц из недостоверных источников узнал, что в соседней от его лагеря деревне остановился один из французских маршалов. Решив захватить его в плен, он, не испросив разрешения начальства, атаковал селение, однако вместо маршала там оказалась крупная воинская часть французской гвардейской кавалерии. Большое число гусар погибло в окружении, остальные, вместе с раненым командиром, попали в плен. После возвращения из плена Крейца отправили служить в Сибирский драгунский полк.

В царствование императора Николая I он стал генералом от кавалерии и графом, командовал кавалерийским корпусом. В записках, составленных для историографа войны А.И. Михайловского-Данилевского, Крейц дал совершенно необъективную трактовку событий и умышленно исказил факты. Восхваление собственных заслуг в этих записках превосходит все допустимые пределы, а несправедливые обвинения в адрес боевых товарищей – все нормы приличия и порой граничат с клеветой³⁶. К сожалению, именно по этим запискам и их пересказу большинство читателей представляют себе эпизоды боевого пути Иркутского драгунского полка в 1812 г. Нашим современникам необходимо знать, что офицеры полка еще в ходе войны не скрывали своего отношения к командиру бригады и сумели, по-видимому, поставить в известность начальство о невозможности службы под его началом. Как бы там ни было, после сражения под Малоярославцем полк был выведен из-под командования Крейца и назначен в конвой главной квартиры, причем один из эскадронов осуществлял непосредственную охрану главнокомандующего – фельдмаршала М.И. Кутузова. Уже один этот факт – неоспоримое свидетельство уровня боевой подготовки и надежности полка. После окончания кампании 1812 г. полк был направлен на переформирование, и в заграничных походах 1813–1814 гг. участвовал уже Иркутский гусарский полк.

Публикуется по: Земля Иркутская. – 2008. – № 1 (34). – С. 86–89.

Последний генерал Белой армии

Когда закончилось свое существование последнее соединение Белой армии? Одни, вероятно, отвечая на этот вопрос, вспомнят ликвидацию армии Врангеля в южной Европе, другие – отступление остатков войск Дитерихса в Маньчжурию в 1922 г. Третьи назовут еще более позднюю дату – передачу советским войскам казаков «истинно русского генерала» Паннвица в 1945 г. Об их трагедии сейчас много и охотно пишут. Однако ликвидация последних воинских формирований Белой армии случилась несколько позже.

Еще в 1941 г. из проживавших на территории Маньчжурии русских, главным образом забайкальских казаков, был сформирован Захинганский казачий корпус, формально состоявший на службе государства Маньчжоу-Го. Командовал им генерал-лейтенант А.П. Бакшеев. Известно об этом человеке совсем немного. В различных справочниках и словарях сведения о нем (если они вообще есть) не полны, противоречивы и в большинстве случаев неточны. Тем не менее именно его, на наш взгляд, и следует считать последним командиром русского белогвардейского воинского формирования.

Алексей Проклович Бакшеев родился в 1873 г. в богатой казачьей семье станицы Титовской в нескольких верстах от города Читы. Отец, Прокл Олимпиевич, помимо занятия земледелием и скотоводством, «держал ямщину», занимался почтовой гоньбой и извозным промыслом. В 1895 г. Бакшеев окончил 5 классов Читинского городского училища. В 1896 г. был призван на действительную военную службу и зачислен в 1-й Читинский казачий полк. В 1897 г. в звании младшего урядника откомандирован в Иркутск в военное училище. По окончании его в 1899 г. получил первый офицерский чин хорунжего и начал службу командиром взвода в 1-м Аргунском полку Забайкальского казачьего войска. Так сложилось, что сразу после назначения молодой офицер был направлен в Восточный Китай, где русские войска участвовали в подавлении так называемого Боксерского восстания. Это была первая война, в которой принял участие Бакшеев. До начала Русско-японской войны вместе со своим полком он на территории Китая занимался поимкой и уничтожением разрозненных групп восставших. Казаки несли караульную службу, охраняли телеграфную линию и железную дорогу. Командиром сотни 1-го

Аргунского полка А.П. Бакшеев принял участие в Русско-японской войне, после которой до конца 1906 г. находился в частях, охранявших город Харбин.

Как и во всей русской армии, в Забайкальском казачьем войске сделали серьезные выводы из итогов Русско-японской войны. В частности, встал вопрос об обязательном создании в казачьих частях конно-пулеметных команд. В 1907 г. Бакшеев был переведен в 1-й Читинский полк и в чине подесаула откомандирован в город Ораниенбаум в офицерскую стрелковую школу для прохождения курсов пулеметчиков, после окончания которой его назначили начальником конно-пулеметной команды отдельной Забайкальской казачьей бригады в Чите. В ее составе он и прибыл в октябре 1914 г. на фронт Первой мировой войны.

Уже в 1917 г., пытаясь поднять в народе престиж самой войны, было отдано правительственное распоряжение о сообщении по месту жительства сведений о Георгиевских кавалерах, главным образом солдатах, уроженцах данных губерний. В Государственном архиве Иркутской области хранятся сведения о Георгиевских кавалерах – уроженцах Иркутского генерал-губернаторства, в том числе Забайкальской области. Среди сотен документов только в сообщении командира 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска представлены сведения об офицерах, награжденных за храбрость орденами Св. Георгия 4-й степени и золотым Георгиевским оружием. Это войсковые старшины Николай Георгиевич Нацвалов и Алексей Проклович Бакшеев.

В наградном листе Бакшеева сказано: «Георгиевское оружие получил за следующий подвиг: в бою 12 октября 1914 года с 4 пулеметами занимал позицию на боевом участке, когда в первом часу дня показались густые колонны пехоты противника, численностью более полка... когда же колонны приблизились на 1 600 шагов, все 4 пулемета открыли автоматический огонь с рассеиванием. Огонь пулеметов был так неожиданным, что колонны как бы застыли на месте на одно мгновение, но потом быстро бросились врассыпную в деревню. На месте осталось много трупов, как потом оказалось, по словам жителей, около трехсот. После этого в течение полутора часов сдерживал наступление пехотного полка и отошел, лишь получив приказание, будучи обстреливаем перекрестным огнем. Своими умелыми и спокойными действиями пулеметы в сильной степени способствовали удержанию позиции»³⁷.

Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени А.П. Бакшеев получил за следующий подвиг: «При атаке 2 июля 1915 года 4 S сотнями 1-го Читинского полка и 2 сотнями 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска в спешном порядке под начальством командира 1-го Верхнеудинского полка дер. Мокржец, которая была занята одним батальоном противника с четырьмя пулеметами, сотня есаула Бакшеева была назначена направляющей и наступала на восточную часть дер. Мокржец. В 3 часа 43 мин дня есаул Бакшеев, идя впереди сотни, подвел ее на назначенный ему для атаки участок.

Как только наши сотни отделились от своих позиций, артиллерия противника усилила свой огонь и, главным образом, по 6-й сотне есаула Бакшеева, т. к. подступы к противнику на его участке были более открытые, один из снарядов причинил есаулу Бакшееву легкую контузию ноги и обжог на ней голенище сапога. Но есаул Бакшеев, не обращая внимания на этот артиллерийский огонь противника, скрываясь, насколько было возможно, по ржи от взоров неприятельских цепей, быстро и без выстрела вел свою сотню на указанную цель. Движение сотни было настолько быстро, а применение к местности настолько искусно, что противник, находившийся в окопах, заметил приближение сотни только в 200–300 шагах от себя и открыл адский пулеметный и ружейный огонь.

Есаул Бакшеев, бросившись впереди сотни с криком «Ура», бегом повел ее на окопы противника в шашки, подбегая к которым он заметил против себя два неприятельских пулемета, стрелявших по его сотне, тогда он, удвоив усилия, стремительно с сотней бросился на них. Противник, видя непоколебимую решимость наших казаков, не выдержал и один пулемет стал сниматься с позиции, но было уже поздно; есаул Бакшеев с сотней уже насел на них и в рукопашной схватке захватил оба пулемета. После этого противник, захваченный в окопах, частью был взят в плен, а частью бросился в бегство и преследовался огнем наших казаков.

В то же время есаул Бакшеев заметил 3-й пулемет, уже уходящий по юго-западной улице деревни, и, желая его захватить, с частью своей сотни бросился за ним, но силы изменили ему и он упал от изнеможения, а неприятельский пулемет успел тем временем скрыться во ржи.

Захваченные пулеметы оказались со вставленными лентами, из которых противник успел выпустить половину патронов, в одном из них найден перекошенный патрон в приемнике, от одного пулемета противнику удалось унести станок. Оба пулемета совершенно исправны и к действию годны.

В заключение нужно сказать, что стремительностью своей атаки и взятием двух пулеметов и частей противника в плен, в соседних с ними окопах, есаул Бакшеев облегчил взятие нашими сотнями западной части деревни, а вместе с этим способствовал и общему блестящему успеху нашей атаки противника...

В этой атаке батальону противника спешенные наши шесть сотен нанесли решительное поражение: взято в плен до двух сот семидесяти нижних чинов при трех офицерах; похоронено нами до пятидесяти неприятельских трупов и осталось много неподобренных трупов во ржи... Кроме того, захвачено много оружия, патронов, амуниции и материальной части к пулеметам»³⁸.

Личная храбрость солдат и офицеров не могла спасти положение в целом. Германские войска наступали по всему фронту. В начале июля 1915 г. русские войска отступили на правый берег Вислы. Четыре сотни 1-го Читинского полка под общей командой есаула А.П. Бакшеева, вместе с другими частями, занимали оборону на

37 ГАИО. Ф.25. Оп.30. Д.114. Л.95.

38 ГАИО. Ф.25. Оп.30. Д.114. Л. 94–95.

одном из боевых участков. В последних числах июля германские войска попытались осуществить прорыв именно на этом участке. Около 5 часов утра в предзвездном тумане германские батальоны двинулись в атаку. Их первые ряды были переодеты в русские шинели и шапки. Лишь на предельно малом расстоянии командир участка, пехотный капитан, запрещавший до этого открывать огонь, попытался отразить атаку. В ближнем бою и рукопашной схватке забайкальские казаки оказали ожесточенное сопротивление, но силы были не равны. Противник почти окружил наших казаков и возникла угроза полного уничтожения четырех сотен 1-го Читинского полка. Лишь своевременная контратака соседних частей не дала возможности германцам истребить читинцев. Из 14 бывших в цепи офицеров-забайкальцев осталось 3 человека. В этом жестоком бою пропал без вести командир 6-й сотни есаул Алексей Бакшеев³⁹. Как стало позднее известно, тяжело раненый, он попал в германский плен. Фактически он стал инвалидом: левая рука у него не действовала, на всю жизнь осталась сильная хромота. Лишь в начале 1917 г. после обмена увечными пленными он вновь вернулся в родной полк. Но это уже была другая армия – Февральская революция 1917 г. начала процесс ее развала.

В чине войскового старшины Бакшеев принял командование 2-м Верхнеудинским полком, состоящим главным образом из запасных казаков старших возрастов. Профессиональный военный, он, безусловно, тяжело переживал развал армии, но долг перед своими казаками-земляками исполнил до конца. Прибыв в Верхнеудинск в первых числах 1918 г., он распустил полк по домам и сам выехал к своей семье в Читу. Однако создавшаяся там обстановка не дала возможности отдохнуть. Бакшеев оказался втянутым в водоворот событий вокруг Особого Маньчжурского отряда своего бывшего сослуживца по Читинскому полку Г.М. Семенова. При личной встрече Семенов предложил ему должность начальника Читинского военного отдела. В этот период шла подготовка к сбору войсковых делегатов для избрания войскового атамана Забайкальского казачьего войска, его заместителя и членов будущего войскового правительства. Во второй половине 1918 г. состоялись выборы войскового атамана, на которых Г.М. Семенов 82 голосами был избран атаманом Забайкальского казачьего войска, а А.П. Бакшеев, получив 78 голосов, был утвержден заместителем атамана и одновременно председательствующим войскового правительства, которое только что начинало создаваться.

Позднее на следствии по делу бывшего атамана Г.М. Семенова и его соратников Бакшеев сообщал: «После избрания меня на пост заместителя войскового атамана Семенова я из Читинского военного района ушел и приступил к исполнению новой моей должности по формированию казачьих войск. К этому времени давление частей Красной армии со стороны запада не ощущалось, она была далеко западнее Иркутска, зато восточное Забайкалье с Амурской дорогой было охвачено партизанскими отрядами, действовавшими с большой настойчивостью в пересеченной местности этих лесных и горных районов. Несмотря на жестокие расправы с партизанами, с отдельными лицами, которые оказывали им содействие в борьбе против нас (для этой цели нами были созданы специальные карательные отряды, которые уничтожали всех партизан и связанных с ними лиц), все наши планы рушились, перед нами возникла необходимость оставить Забайкалье и уйти на территорию Маньчжурии»⁴⁰.

В этих коротких показаниях невозможно увидеть то кипение страстей, которое происходило в Забайкалье в 1918–1920 гг. Взаимоотношения атамана Г.М. Семенова и его заместителя, к тому времени генерал-майора, А.П. Бакшеева в настоящий момент скрыты от нас. Одно можно сказать точно: между ними не было острых противоречий, которые бы в дальнейшем привели их на непримиримые позиции, как это было с другими офицерами и генералами. Бакшеев, безусловно, способствовал укреплению власти атамана, поддерживал его действия. Своим авторитетом среди земляков-казаков пытался смягчить последствия грубых или необдуманных действий Семенова, негативные тенденции в отношении к нему со стороны различных слоев общества. Вместе с тем современники не относили А.П. Бакшеева к кругу одиозных, а порой просто преступных личностей, которые окружали Семенова.

В собственноручных показаниях следствию он так писал о своих взаимоотношениях с атаманом Г.М. Семеновым: «Откровенно говоря, если его кто из эмигрантов поддерживал, как вождя и руководителя, так это я. Из старших руководителей эмиграции у него было значительно больше врагов, чем друзей... Я видел, что атаман Семенов наделал и делал много ошибок почти государственного масштаба, что он мягкотел до преступности (потому-то семеновщина была сильнее его). Но я также четко видел, что если мы, т. е. я и мои единомышленники выдвинули бы новое лицо, по нашему мнению, более заслуженное, более государственное – нас обвинят в измене, предательстве и придушат или просто задушат, так как японцы кроме Семенова никого поддерживать не будут – это было видно по всему»⁴¹.

39

Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках: ист. – Волгоград, 1994. – С. 491–492.

40

Центральный архив ФСБ. Н-18765. Дело по обвинению бывшего белогвардейского атамана Семенова Григория Михайловича и других. Т. 5. Л. 70.

41

Центральный архив ФСБ. Н-18765. Дело по обвинению бывшего белогвардейского атамана Семенова Григория Михайловича и других. Т. 5. Л. 62.

Из показаний на следствии видно, что А.П. Бакшеев сохранил личное уважение к Г.М. Семенову буквально до самого конца своей жизни. Следователь задает вопрос: «Как давно вы знаете атамана Семенова?» На что получает ответ: «Семенова Григория Михайловича я знаю по совместной службе в царской армии в городе Чите примерно с 1908–1909 года». Еще один вопрос: «Скажите, на каких должностях вы еще работали у белобандита Семенова?» Ответ: «У атамана Семенова я работал первое время начальником Читинского военного района, затем его войсковым заместителем»⁴².

В 1921 г. вместе с отступающими семеновскими частями Бакшеев покинул Россию. Начинаясь новый этап в его судьбе – жизнь в эмиграции. Первый год, до того как распались войсковые части и каждый из беглецов стал самостоятельно устраивать свою судьбу, Бакшеев оставался должностным лицом казачьего самоуправления, пытался решать вопросы устройства прибывающих эмигрантов, как-то способствовать их адаптации к зарубежной жизни. Ждал, когда к нему в Харбин из Читы, в тот период из Дальневосточной республики, приедут жена и четыре дочери. После их прибытия он оставил военную службу и больше года заведовал хозяйством в ресторане «Черный кабачок», хозяином которого был юрист Дальгейм, впоследствии уехавший в Америку.

За годы читинской службы ему удалось скопить 6 тысяч мексиканских долларов, на которые и были приобретены дом и четыре коровы. На доходы от своего хозяйства большая семья и жила до 1932 г. В этот период русские эмигранты-военные вновь стали востребованы. Рассеянные по стране эмигрантские группы разных политических толков и направлений не имели организационной связи между собой. Сейчас же стоящие за спиной государства Маньчжоу-Го японцы решили объединить их и упорядочить деятельность русских эмигрантов. Они решили создать так называемое Бюро российских эмигрантов (БРЭМ) с отделениями по всей стране. А.П. Бакшееву японцы по рекомендации Г.М. Семенова предложили возглавить эту организацию. Однако вначале Бакшеев отказался и порекомендовал генерала Рычкова, а сам возглавил Харбинское отделение БРЭМ, но в 1933 г. начальник Бюро генерал-лейтенант Рычков умер, и на его должность японская военная миссия все же назначила Бакшеева. Вместе с тем до марта 1935 г. он оставался начальником отделения в городе Харбине, а потом здесь же был переведен японцами в переселенческое полицейское управление на должность советника миссии по делам переселения российских эмигрантов. В мае 1937 г. он был назначен начальником Хайларского отделения Бюро российских эмигрантов.

При подготовке нападения на Советский Союз японцы предусматривали возможно широкое использование русских эмигрантов. В 1941 г. были сформированы специальные казачьи части: 5 полков, 2 отдельных дивизиона артиллерии и одна отдельная сотня. Они составили Захинганский казачий корпус под командованием генерал-лейтенанта А.П. Бакшеева.

Жизнь, впрочем, внесла в планы японского командования свои коррективы. После поражений Германии на Восточном фронте японцы отказались от планов нападения на Советский Союз, но Квантунская армия продолжала находиться на территории Китая, и в августе 1945 г. Советская Армия мощной группировкой из трех фронтов приступила к ее ликвидации. В полосе Забайкальского фронта наиболее ожесточенное сопротивление было оказано в Хайларском укрепрайоне. По некоторым сведениям, именно здесь приняли участие в своих последних боях разрозненные части казачьего корпуса. Но упорные, почти десятидневные бои не смогли задержать общего наступления. Утратившие боеспособность части японской армии так и не сумели организовать сопротивление, они отступали на юг. Пока не удалось установить, где в это время находился командир захинганских казаков, но совершенно очевидно, что в силу сложившихся обстоятельств он утратил возможности управления корпусом.

Командир последнего белогвардейского формирования генерал-лейтенант А.П. Бакшеев был арестован представителями контрразведки СМЕРШ Забайкальского фронта 8 сентября 1945 г. в городе Чанчунь. После предварительных допросов 20 сентября он был направлен в Москву в распоряжение Главного управления контрразведки, где начиналось следствие по делу об антисоветской деятельности бывшего атамана Г.М. Семенова и его ближайших соратников. Документы следственного дела, с которыми нам удалось поработать, свидетельствуют, что до последних дней своей жизни казачий генерал сохранил человеческое достоинство и офицерскую честь. Он давал полные, четкие и ясные показания о своей антисоветской деятельности – а что, собственно, было скрывать? В отличие от некоторых, он не писал покаянных писем и не предлагал свои услуги советской власти – прекрасно понимал, что в армии, которая только что разгромила Германию и Японию, ему нет места. По существу, Алексей Проклович задолго до ареста пережил полное крушение своих жизненных ориентиров и моральных ценностей, поэтому и следствие, и суд, и заведомо определенный смертный приговор встретил со стоическим спокойствием обреченного.

30 августа 1946 г., со смертью генерал-лейтенанта А.П. Бакшеева, забайкальского казака, боевого офицера и Георгиевского кавалера, закрылась последняя страница военной истории Белой армии.

Публикуется по: Земля Иркутская. – 2008. – № 2(35). – С. 101–104.

Предоставленные разрушению, или Как берегли памятники истории и культуры в начале нашего века

Охрана памятников истории и культуры так же, как и защита старости и обеспечение достойной жизни пенсионеров – показатель цивилизованности общества. А поскольку все познается в сравнении, попробуем и мы на документах Государственного архива Иркутской области посмотреть, как охранялись памятники истории и культуры до революции. Осознание памятников как части общенародного достояния – процесс непростой и долгий, а факты, извлеченные из архивных документов, свидетельствуют, что не следует идеализировать меры царского правительства по охране памятников искусства и старины. Отсутствие четких и ясных законов и практики их исполнения способствовали бесконтрольной деятельности местных властей.

Не представляла исключения и сложившаяся к началу XX в. ситуация с охраной памятников в г. Иркутске и Иркутской губернии. В самом городе меньше всего судьба старинных построек интересовала Иркутскую городскую думу. Неоднократно, с начала 1900-х годов, ставился вопрос о ликвидации находящихся в городе Московских триумфальных ворот, здания порохового погреба на Арсенальной площади, ограды старого лютеранского кладбища в конце Амурской улицы.

Снос ворот был решен в 1911 г. Служивший в Управлении Забайкальской железной дороги инженер Павел Викторович Щусев, брат выдающегося советского архитектора А.В. Щусева, обратился к городскому голове с просьбой «принять зависящие меры к их сохранению». Одновременно он обратился в Общество архитекторов-художников и в Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины с письмом, где говорилось: «Иркутская городская Дума решила разобрать Московские ворота, мотивируя решение тем, что они грозят обрушиться...»

Председатель правления Общества архитекторов-художников при Академии художеств в Петербурге граф Сюзор писал, что правление Общества «единогласно присоединилось к Вашим взглядам и уполномочило меня телеграммой иркутскому городскому голове просить приостановить предполагаемую разломку Московских триумфальных ворот». Из Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины писал барон Врангель: «Иркутские ворота превосходны и я вполне разделяю Ваше мнение, что они заслуживают защиты». Из всех этих обществ в Иркутск поступили соответствующие письма с предложениями сохранить ворота и изыскать в городе средства на их ремонт. Трудно сказать, что больше подействовало на городскую думу – активные обращения инженера П.В. Щусева или аристократические титулы его петербургских знакомых, но была создана специальная комиссия.

На своем заседании члены комиссии вынуждены были признать, что «ворота построены знающим человеком» и что «стиль в воротах выдержан». Ни у кого не возникло сомнений в возможности ремонта, и повреждения ворот были не так серьезны, как пытался вначале драматизировать ситуацию городской голова. После обсуждения технических деталей реставрации выяснилось, что она будет стоить не менее 6 тысяч рублей.

Принятое комиссией решение о ремонте никто в жизнь проводить не торопился, начавшаяся спустя три года мировая война окончательно определила судьбу памятника.

В июле 1911 г. городской думой решалась судьба и другого строения – каменного здания бывшего порохового погреба на Арсенальной площади. Городской архитектор считал нужным сохранить здание, приспособив его под какую-либо кладовую или чайную. Однако подавляющее большинство было против его ремонта. Один из членов комиссии высказался наиболее категорично, он не находил возможным сохранять арсенал еще и потому, что место, занимаемое им, очень ценное. Именно высокая стоимость участка земли в центре города вызывала желание скорее избавиться от здания. Предложенное компромиссное решение гласило, что если «будет необходимым это здание сохранить, то они полагают бы его отнюдь не ремонтировать, а оградив решеткой, предоставить собственному разрушению», причем высказывалось мнение, что «здание носило, лишь узко специальный утилитарный характер и общественного значения не имело». Не оставила без внимания здание и губернская ученая архивная комиссия. На заседании в июле 1911 г. с сообщением по этому вопросу выступил священник Дроздов, который, делая фотографии постройки, установил по дате, что это здание порохового погреба и было построено в 1774 г. при иркутском губернаторе А.К. Бреле.

Интересен вывод комиссии – здание, которому было без малого полтора века, не имело историко-культурного значения.

Огражденный временной оградой, полуразрушенный бывший пороховой погреб так и простоял до 1914 г., когда очередная комиссия «осмотрев... так называемый Пороховой погреб, пришла к заключению, что здание это крайне ветхое и к тому же имеет несколько весьма опасных трещин; о ремонте не может быть и речи ввиду его бесцельности». Решено было разобрать его, сняв предварительно размеры и сделав фотографии для Археологической комиссии в Петербурге. Из-за начавшейся войны Дума не смогла изыскать средств и развалины погреба простояли еще несколько лет.

Занимаясь застройкой и благоустройством города ни губернские, ни городские власти не сохраняли редчайших, оставшихся от XVIII в., памятников. Так, в 1910 г. иркутский губернатор обратил внимание на старинную каменную ограду между Крестовоздвиженской церковью и Амурскими воротами. Она окружала лютеранское

кладбище середины XVIII в. Ограда, по мнению губернатора, «отнюдь не служила к украшению города», ее предлагалось убрать, что и было исполнено.

Совершенно не обращали внимания на особенности архитектурных памятников при ремонте церковные служители. В результате практически утратили первоначальный облик старейшая Спасская церковь и Богоявленский собор.

Каменные постройки главного города Восточной Сибири смогли выстоять против многолетнего безразличия городских властей. Испорченные торопливыми ремонтами и уродующими их облик перестройками многие из них радуют нас сейчас своей первозданной красотой.

Более трагично сложилась судьба других исконно русских, получивших распространение именно в Сибири, архитектурных форм – уникальных памятников деревянного зодчества.

Деревянные церкви уступили место однопланным каменным, деревянные дома, вечно пыльные и неухоженные, предметом старины не считались вовсе, да и древнейшие из них выгорели в старой части города во время пожара 1879 г.

Исследователей сибирского деревянного зодчества интересовали, во-первых, многочисленные культовые постройки, а во-вторых, остатки оборонительных сооружений – острогов и башен.

Остатки острогов к XX веку давно утратили свое боевое назначение и находились на момент обследования в крайне запущенном состоянии. По наблюдению И.И. Серебренникова, в «Чертежной книге Сибири» Семена Ремизова город Илимск был изображен в виде острога, с тыновыми стенами и 8 башнями, четыре из которых были угловые, а три из находившихся посредине стен имели ворота и были проезжими. Сохранившаяся проезжая башня была на западной стене и носила, по-видимому, название Спасской. Из всех восьми башен до 70-х годов XIX в. уцелели только три, к 1911 г. осталась последняя. Еще одна, Никольская башня, сгорела в 1905 г. Состояние оставшейся башни было самым неприглядным. Осмотревший ее в 1914 г. М.П. Овчинников сообщал, что «башня, стоящая посредине улицы, ничем не огорожена и служит сортиром для обывателя, наверху ее величественно красуется двуглавый деревянный орел».

Ни в одном дореволюционном административном документе и речи нет о привлечении специалистов, отправке экспедиций для ремонта или обследования памятников. Средств на это администрация изыскать не могла или не хотела. Самодеятельные научные общества использовали служебные командировки своих членов в интересующие их районы для обследования памятников архитектуры, состояние которых вызывало тревогу.

Так, например, Р.С. Пророков сообщал в октябре 1911 г.: «Во время своей служебной поездки летом текущего года, исполняя одновременно поручение Ученой архивной комиссии, мной осмотрены были памятники старины в Приленском крае, в числе таковых я подробно ознакомился со старинной деревянной церковью Киренского монастыря, который в настоящее время насчитывает около 170 лет. Проверая слухи о невозможности будто бы поддержать старинный храм и грозящей опасности от его падения, я пришел к заключению, что слухи эти не выдерживают никакой критики, а потому считаю долгом заявить Архивной комиссии, что церковь эта нуждается только в немедленном подведении под нее фундамента и замене старых лестниц новыми, все же остальное представляет такое капитальное сооружение, что может свободно существовать еще столетие. В подтверждение качества леса, из которого был построен храм, может служить то обстоятельство, что в любую стену церкви с трудом можно вбить гвоздь... Я со своей стороны высказываю мнение, что деревянная церковь эта со своим почтенным возрастом и особой архитектурой представляет большую ценность для истории Сибири, почему поддержать и сохранить этот храм необходимо». В заключение автор предлагал довести доклад до сведения Иркутской Духовной консистории, в ведении которой находилась церковь.

Совершенно неверно было бы считать, что в Иркутской Духовной консистории не ведали о бедственном положении северных деревянных церквей. Но как культовые сооружения, они утратили значение, и в Киренске, и в Илимске, и в других местах были выстроены каменные церкви, где и проходили службы, а старинные деревянные храмы ожидала или окончательная ветхость, или гибель от случайного пожара. В 1913 г. посетившие Илимск сотрудники Археологической комиссии составили акт о состоянии илимских церквей и направили его в Святейший Синод. Последний переслал акт Иркутской Духовной консистории, а уж оттуда, замыкая круг, акт попал в Иркутскую ученую архивную комиссию. На очередном заседании в марте 1914 г. среди прочих рассматривался вопрос о необходимости отремонтировать 4 древние церкви в Илимске: Казанской, Введенской, Предтеченской и Спасской. Факты, изложенные в акте, были признаны совершенно правильными. На заседании присутствовал священник Пономарев, до перевода в Иркутск 6 лет прослуживший благочинным церковью Илимского края. Он утверждал, что все изложенное в актах о плохом состоянии церквей – «сухая правда». Неоднократно видел он также казацкую башню в Илимске и подтверждает ее бедственное положение.

Ремонтировать предлагалось со всеми предосторожностями, предварительно не только сфотографировав, но и детально зарисовав сооружения и их особенности. Было даже предложение разобрать башню и построить подобную же из нового материала. Однако сомнительное существо этого проекта не понравилось многим из присутствующих и они предложили при помощи «новых строительных методов» лишь заменить негодные детали.

Бюрократическая волокита составления и передачи по инстанциям актов, предложений, прошений и заключений результата, конечно же, дать не могла. Ни Духовная консистория, ни городские и сельские власти в необходимых работах не были заинтересованы, но, не отказываясь от их проведения официально, тянули время. Спустя полгода, летом 1914 г., М.П. Овчинников оставил приведенные выше описания Илимской башни. Первая мировая война

положила конец даже этим, весьма робким попыткам добиться хоть какой-то помощи гибнущим в далеких сибирских углах замечательным памятникам архитектуры.

Видный исследователь истории археологической науки А.А. Формозов, анализируя становление охраны памятников истории и культуры в дореволюционной России, совершенно верно указал на ограниченность и несовершенство законодательства того времени. «Множество средневековых построек, – писал он, – оставалось в ведении церкви и в десятках случаях духовенство обновляло храмы, не ставя в известность Академию художеств (как того требовал указ 1893 г. – *Е.Ш.*)... Неоднократные повторения Синодом распоряжения, запрещавшие самовольные реставрации, говорят сами за себя. Каждый раз эти повторения вызывались какими-нибудь актами вандализма».

Комментировать все вышеизложенное излишне. Время бежит, но мало что меняется в судьбе старинных памятников и сегодня.

Представлен авторский текст без редакционной правки и сокращений (источник: ГАИО. Ф. 327. Оп. 1. Д. 833. С. 10–17.). Материал подготовлен для газеты «Восточно-Сибирская правда» и опубликован 12 сент. 1996 г.

Рождение памятника

На заседании Иркутской городской думы 28 ноября 1900 г. рассматривался вопрос о сооружении в Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути императору Александру III. Официальный протокол гласил: «Городская дума, заслушав в заседании своем... доклад городского головы, единогласно постановила:

1. Возбудить в установленном порядке ходатайство о высочайшем соизволении на сооружение в Иркутске, на берегу реки Ангары памятника в бозе почившему державному строителю Великого Сибирского железнодорожного пути государю императору Александру III и о разрешении открытия для этой цели всероссийской подписки через посредство комитета, составленного господином Иркутским генерал-губернатором под его председательством.

2. Просить его превосходительство главного начальника края взять на себя труд осуществления этого дела.

3. Ассигновать из городских средств на почин сего дела 10 000 рублей, внеся их равными частями в течение трех лет со дня учреждения комитета»⁴³.

Судя по документам, генерал-губернатор Александр Ильич Пантелеев немедленно, телеграфом, известил об этом решении Иркутской городской думы министра внутренних дел, а тот представил официальный доклад царствующему императору Николаю II, который, в свою очередь, 6 декабря 1900 г. дал высочайшее соизволение на открытие по всей Сибири подписки на памятник. При этом император повелел генерал-губернатору объявить Иркутской городской думе благодарность за почин в этом деле⁴⁴. Судя по тому, как быстро вопрос прошел через все инстанции, можно предположить, что министр заранее знал об иркутской инициативе. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что генерал-лейтенант А.И. Пантелеев, сменивший в этом же 1900 г. генерал-губернатора А.Д. Горемыкина, служил до своего назначения в Иркутск в Отдельном корпусе жандармов, в непосредственном подчинении министра внутренних дел. Либерально настроенный современник события не без ехидства писал в своих мемуарах: «Горемыкин оставил после себя Иркутску театр – Пантелееву также хотелось увековечить свое имя в Иркутске, и он не придумал ничего лучшего, как только памятник Александру III, инициатору Великого Сибирского железнодорожного пути»⁴⁵. Хотя в протоколе заседания городской думы и сказано о единодушном решении гласных, И.И. Попов, редактор газеты «Восточное обозрение» и гласный думы, отмечал: «Городская дума отнеслась не особенно сочувственно к этой затее. Гласные полагали, что в Иркутске, где нет еще мостовых, рано ставить монументы. Кое-кто из гласных предлагал монумент заменить учреждением. Вопрос, конечно, прошел, и речи гласных стали известны Пантелееву. Однако неприятных последствий ни для кого не было». Двойственное отношение к памятнику, как видим, возникло не сегодня.

Чтобы известить о полученном согласии на сбор средств, А.И. Пантелеев созвал 31 декабря 1900 г. в Общественном собрании 120 богатейших людей и представителей расположенных в городе контор и отделений банков, торговых домов, фирм и других подобных учреждений. Судя по сохранившемуся списку, собрание было более чем солидным. Вполне естественно, что никто не посмел проигнорировать приглашение. Там же была произведена подписка среди присутствующих. Она не дала наличных денег, но в целом составила около 31,5 тыс. рублей.

9 января 1901 г. в Иркутске, в доме генерал-губернатора, на свое первое заседание собрался «Комитет по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III». Председательствовал в Комитете сам генерал-лейтенант А.И. Пантелеев, а после его отъезда традиционно должность председателя

43
ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 885. Л. 1.

44 ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 885. Л. 4.

45
Попов И.И. Забытые иркутские страницы : Записки редактора. – Иркутск, 1989. – С. 122–123.

занимали генерал-губернаторы. В первый состав Комитета вошли: иркутский губернатор, действительный статский советник Иван Петрович Моллериус; епископ Киренский преосвященный Филарет; начальник Иркутского горного управления, действительный статский советник Дмитрий Львович Иванов; начальник Управления строительной и дорожной частями при иркутском генерал-губернаторе, действительный статский советник Иван Фомич Тамулевич; директор Иркутского промышленного училища, гласный городской думы, действительный статский советник Викентий Иосифович Тышко; штаб-офицер для особых поручений при генерал-губернаторе, полковник князь М.В. Волконский; иркутский городской голова Василий Васильевич Жарников; гласные думы Борис Григорьевич Патушинский и Прокопий Николаевич Верховинский; городской архитектор Алексей Иванович Кузнецов. Секретарем Комитета был назначен делопроизводитель канцелярии генерал-губернатора Александр Иванович Звонников⁴⁶.

Одного подписанного генерал-губернатором распоряжения было достаточно, чтобы привести на местах в действие административно-управленческий аппарат. В первых числах января 1901 г. от имени Комитета было послано распоряжение всем местным полицейским чинам подготовить и направить в Иркутск списки наиболее состоятельных лиц подведомственных им местностей.

Бюрократический аппарат действовал безошибочно. Не дожидаясь добровольных взносов, по доставленным спискам рассылались именные, за подписью генерал-губернатора Пантелеева, письма с коротким объяснением цели создания памятника, предлагающие сделать пожертвования. Сбор средств велся не только в Восточной Сибири. Через официальные каналы и местную прессу (объявления в газетах из патриотических соображений печатались бесплатно) были извещены практически все территории от Урала до Тихого океана. Письма рассылались не только русским купцам, промышленникам и знатым людям. Их получали родовые старшины и богатые люди национальных окраин. Основной формой сбора денег – массовой, хотя и не всегда оправданной – были подписные листы. Всего Комитетом их было выдано 2 271. Большая часть рассылалась по почте официальным лицам: генерал-губернаторам, губернаторам, главам церковных епархий.

Часть листов передавалась авторитетным, известным людям, которых просили способствовать сбору пожертвований среди друзей и знакомых. Такие индивидуальные письма и листы были посланы А.М. Сибиряковой, Ю.И. Базановой, В.П. Кельх, В.П. Сукачеву. От последнего пакет вернулся нераспечатанным – Владимир Платонович с семьей находился за границей. Были и добровольцы, взявшие на себя труд агитировать на пожертвования. Так, вернувшийся из командировки член Комитета князь М.В. Волконский передал собранные лично им более 16 тыс. рублей и подписные листы к ним.

Для краевых и губернских учреждений в самом городе существовал другой способ сбора. По общему согласию чиновники и служащие договаривались ежемесячно отчислять определенный процент жалованья. Обычно это был 1%, что, например, для И.Ф. Тамулевича, начальника Управления строительной и дорожной частями канцелярии иркутского генерал-губернатора, составляло около трех с половиной рублей. Отчисления происходили в течение двух лет.

Первоначально предполагалось собрать по подписке до 300 тыс. рублей. Примерное распределение их выглядело так: 1/3 – на изготовление скульптуры самого памятника (конкурс проектов, изготовление гипсовой модели в натуральную величину, отливка в бронзе и доставка в Иркутск); 1/3 – на инженерные работы по установке памятника (сооружение фундамента, изготовление пьедестала, сборка монумента); 1/3 – на благоустройство территории (сооружение дамбы и засыпка мелкого русла реки, отсыпка и выравнивание площади, разбивка и посадка сквера и т. д.). В дальнейшем, хотя и не удалось собрать предполагаемую сумму, пропорция распределения средств в целом сохранилась. Комитет, надо отдать ему должное, относился к распределению средств предельно бережливо. Сам же сбор денег оказался гораздо более трудным делом, чем предполагалось ранее. Еще в 1894 г. происходил всероссийский сбор денег на памятник Александру III в Москве. Руководил им великий князь и московский генерал-губернатор Сергей Александрович. Тогда организаторы добились существенных льгот при хранении и перечислении денег в Москву. Собранные средства зачислялись на счета МВД на местах, и с них не брались налоги, пошлины, платы за банковские операции. Хотя такое перечисление проходило недостаточно быстро, но зато без потерь. Определенных уступок удалось добиться и иркутскому Комитету. Кроме того, было решено не торопиться с возвращением подписных листов и не устанавливать точных сроков окончания подписки. Рекомендовалось лишь сдавать их в Комитет и перечислять деньги по мере накопления. Вместе с подписными листами направлялись и объявления об учреждении Комитета, его задачах и причинах сооружения памятника в Иркутске. Предполагалось развешивать их в присутственных местах, до сельских обществ включительно, а также оглашать в церквях и на сельских сходах.

В ожидании поступлений устанавливались формы их учета, оприходования и порядок расхода. Обязательной считалась публикация в губернских и местных газетах списка жертвователей с указанием сумм. Счет для пожертвований был открыт в Иркутском отделении Сибирского торгового банка. На этот вклад банк обязался выплачивать 4 % годовых, что было несколько выше обычного. Таким образом, и банк вносил свою лепту в сооружение памятника.

Состав Комитета за время его существования неоднократно менялся, что, в общем, не отражалось на его деятельности отрицательно. Как раз наоборот. В состав Комитета входили люди, чрезвычайно сведущие в строительстве, незаменимые практики, обладавшие властными полномочиями и влиянием. Так, например, с первого дня членом Комитета был управляющий строительной и дорожной частями канцелярии иркутского генерал-губернатора Иван Фомич Тамулевич, видный инженер-строитель, опытный практик, автор многочисленных проектов зданий и сооружений в Восточной Сибири. На третьем заседании в состав Комитета вошел начальник Забайкальской железной дороги Василий Васильевич Оглоблин, руководитель самой технически оснащенной строительной и эксплуатационной организации того времени. В дальнейшем представителями железной дороги были его преемники Александр Андреевич Свентицкий и Федор Иванович Кнорринг. В разное время в строительстве памятника или решении технических проблем участвовали: иркутские архитекторы А.И. Кузнецов и Д.Р. Магидей; гражданские инженеры В.И. Тышко и В.И. Коляновский, инженеры путей сообщения А.С. Мелентьев и И.В. Лесневский, многие другие инженеры, архитекторы и техники. В состав Комитета постоянно входили ответственные чиновники канцелярии генерал-губернатора и представители городского общественного управления, занимавшие должности казначея и секретаря. Обязательным членом Комитета были иркутский городской голова или его заместитель и представитель епархии.

Комитет собирался по мере необходимости, заседания назначались председателем по представлению секретарем для рассмотрения накопившихся вопросов и происходили, как правило, в доме генерал-губернатора, рядом с местом сооружения памятника. Иногда члены комитета в полном составе присутствующих выходили на набережную Ангары к месту будущего монумента и обсуждали практические вопросы.

Члены Комитета, люди инициативные и ответственные, начали работу сразу по нескольким направлениям. В-первых, был решен вопрос с городской думой об отводе участка земли. Он действительно был выбран исключительно удачно – на берегу Ангары, строго по оси улицы Большой. Берег, на котором до этого размещался лесной склад, очистили и по инициативе И.Ф. Тамулевича и под его непосредственным руководством произвели нивелировку местности⁴⁷. Недостаток отведенного места заключался только в том, что он полого спускался к реке и во время паводков заливался водой. Предохранительный земляной вал напротив дома генерал-губернатора этот участок не спасал, поэтому было решено создать новую дамбу непосредственно для защиты места сооружения памятника и будущего сквера, постепенно засыпая землей склон и небольшую протоку Ангары. Для определения высоты дамбы был сделан специальный запрос Восточно-Сибирскому отделу императорского Русского географического общества о максимальных уровнях наводнения в Иркутске. По рекомендации консерватора музея А.М. Станиловского аналогичные запросы были посланы настоятелям находящихся рядом с Ангарой церквей. Все сошлись во мнении, что самый высокий уровень воды был во время наводнения 1870 г., однако только настоятель Прокопьевской церкви сумел показать на стене храма уровень, до которого доходила вода. В тот год во время январского наводнения вода покрывала улицу на 3/4 аршина (примерно 53 см)⁴⁸. Расширив общую площадь участка, предполагалось поднять уровень площади более чем на аршин. Инициатором доставки грунта из котлованов для постройки общественных зданий был начальник Забайкальской железной дороги В.В. Оглоблин, председательствующий в совете старшин иркутского Общественного собрания.

В 1901 г. как раз производилась постройка нового здания Общественного собрания на углу улиц Амурской и Арсенальской, и он предложил Комитету доставить на проектируемый под памятник участок до 150 кубических сажень грунта, главным образом гальки⁴⁹. Предложение было принято, и в дальнейшем этот метод приобрел значительные масштабы. В городе было опубликовано объявление о том, чтобы землю, вынимаемую при частном строительстве, привозили на площадку для памятника с оплатой доставившему пяти копеек за воз. С казенных построек грунт доставлялся, как правило, бесплатно. Следует сразу же сказать, что вывозка земли и отсыпка площади продолжались до 1908 года и последние работы по выравниванию производились за день-два до открытия памятника.

На 1 марта 1901 г. поступления на банковский счет составили около 44,5 тыс. рублей, не считая более 8 тысяч, ассигнованных городской думой. Имея такой первоначальный капитал, можно было приступить к наиболее важной части работ – подготовке проекта самого монумента.

Иркутский архитектор А.И. Кузнецов встретился в начале 1901 г. в столице с председателем Санкт-Петербургского общества архитекторов графом Павлом Юльевичем Сюзором, которому изложил желание иркутян поставить памятник основателю Сибирской железной дороги. От имени Комитета он просил рекомендации по проведению конкурса, изложил предварительные требования заказчиков. Граф горячо принялся содействовать проекту, установилась переписка с иркутским Комитетом. В дальнейшем П.Ю. Сюзор стал, по существу, уполномоченным Комитета по проведению конкурса и наблюдению за выполнением художественных работ. Он был членом всех комиссий по доработке проекта, принимал в литейной мастерской изготовленные детали памятника, наблюдал за подготовкой облицовки постамента.

47 ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 217. Л. 2–3.

48 ГАИО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 20. Л. 14–17.

49 ГАИО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 21. Л. 8 об.

П.Ю. Сюзор чрезвычайно аккуратно и обстоятельно отвечал на запросы Комитета. Именно он не рекомендовал проводить общий конкурс проектов, а считал возможным провести частный конкурс с участием пяти-семи известных скульпторов, зарекомендовавших себя талантливыми исполнителями. В качестве первых кандидатов были названы В.А. Беклемишев, Г.Р. Залеман, Р.Р. Бах, М.А. Чижов и В. М. Харламов. 7 марта 1901 г. иркутский Комитет принимает решение о проведении именно частного конкурса и желательности участия в нем перечисленных выше скульпторов. По решению художественного жюри должны были быть распределены премии: за 1-й проект – 2 000 рублей, за 2-й – 1 500 рублей, за 3, 4 и 5-й – по 1 000 рублей. Таким образом оплачивались все проекты, и даже не победившие на конкурсе скульпторы вознаграждались за участие в нем.

П.Ю. Сюзор в одном из писем просил Комитет указать хотя бы приблизительно сумму, которая пойдет на реализацию проекта. Однако по этому вопросу иркутяне не дали ответа. Наоборот, они постановили, что все участники при предоставлении эскиза должны сообщить, в какую сумму примерно обойдется его реализация. Установив премии в частном конкурсе, Комитет имел право считать проекты своей собственностью и настаивал, что для реализации может быть выбран проект по его решению, даже независимо от решения художественного жюри. Развивая мысль о собственности на проект, Комитет оговаривал право на его осуществление не только через автора, но и любое другое лицо по назначению Комитета, причем без дополнительного вознаграждения автору.

Эти требования были вполне разумны и защищали права заказчика от именитых исполнителей. В начале 1901 г. еще не было известно, сколько удастся собрать денег, а принимать обязательства по воплощению в жизнь всех фантазий художников Комитет вполне разумно не стал.

Первоначально памятник предполагалось открыть в 1903 году, поэтому работа велась чрезвычайно интенсивно. Чтобы иметь представление, какой высоты должен быть монумент, необходимо было гармонично вписать его в панораму набережной. Опытным путем при помощи деревянных щитов, изготовленных безвозмездно подрядчиком Алкановым, установили, что высота всего сооружения должна быть не менее пятнадцати с половиной аршин (11 м). Эти параметры были немедленно включены в условия договора. Исходя из них, эскизы должны были быть представлены в масштабе не менее 1/10 натуральной величины. 16 мая утвердили и направили в столицу условия конкурса, установив окончательный срок представления проектов 1 декабря 1901 г. Прежний срок, 1 октября, был отвергнут как нереальный. Членов жюри имели право назвать сами участники конкурса. Далее оставались крайне сжатые сроки для изготовления модели в натуральную величину и отливки статуи. Некоторое время отводилось на доработку проекта по замечаниям художественного жюри.

В программе (условиях) частного конкурса на составление проекта говорилось, что «художественная фантазия г[оспод] конкурентов (так в тексте. – *Е. Ш.*) не подлежит никакому стеснению требованиями или указаниями комитета». Далее составители разъясняли, что «**памятник Императору Александру III воздвигается в ознаменование окончательного, культурным путем, слияния громадных пространств Сибири с Европейской Россией; слияния, достигнутого проведением по державной воле в бозе почившего монарха Великого, через всю Сибирь, рельсового пути, который, прорезав с запада на восток всю империю, соединяет два океана. Памятник этот сооружается по инициативе и на средства сибиряков, глубоко осчастливленных актом царского попечения об их богатой, но еще не культурной Родине**» (выделено нами. – *Е. Ш.*). В программе объяснялись и причины выбора места для памятника: «Место для памятника избрано в Иркутске, срединном пункте Сибирского пути, на правом (городском) берегу р. Ангары; на всем видимом с него протяжении противоположного берега идет полотно Забайкальской железной дороги, соединяющейся у вокзала со Средне-Сибирской линией». Высказывалось предположение о желательности изображения Александра III в форме Сибирского казачьего войска. В распоряжение конкурсантов представлялись планы города и места, где будет размещен памятник, фотографии участка вокруг предполагаемого места установки, фотографии с портретов Н.Н. Муравьева-Амурского и М.М. Сперанского, а также со статуэтки, изображавшей Ермака. Прилагались краткие справки о деятельности указанных выше лиц. Обязательное включение их в проект не оговаривалось, но, совершенно очевидно, было весьма желательным.

К участию в конкурсе приглашались скульпторы В.А. Беклемишев, Р.Р. Бах, А.М. Опекушин, М.А. Чижов, В.М. Харламов. Позднее, когда работы уже шли, П.Ю. Сюзор обратился с письмом о возможности включить в число конкурсантов академиков Шредера и Обера. Комитетом количество участников было признано достаточным, но академик Обер все же принял участие в конкурсе после отказа А.М. Опекушина.

Перед Комитетом в Иркутске стояли серьезные финансовые проблемы. На 15 июля 1901 г. на банковском счете было около 80,5 тыс. рублей. Кроме того, отдельные лица и учреждения подписались, но не внесли наличными свыше 100 тыс. рублей.

Тщательно контролируя свои расходы, казначей Комитета Б.Г. Патушинский подсчитал, что только работы по изготовлению главной скульптуры и бронзовых деталей памятника обойдутся в 75 тыс. рублей. Из них шесть с половиной тысяч пойдут на выдачу художникам за эскиз памятника, за изготовление в натуральную величину гипсовых моделей главной фигуры и других деталей памятника – около 40 тыс. рублей, сама отливка из бронзы оценивалась в 26 тыс. рублей и более двух тысяч рублей – доставка изделий в Иркутск. Исполняя взятые на себя обязательства по художественному конкурсу, члены Комитета решили 75 тыс. рублей в целях сохранения выделить в неприкосновенный капитал.

В июне 1901 г., когда на набережной оттаяла земля, начались работы по возведению новой дамбы. Вначале здесь не все шло гладко. Подрядчиков смущали объемы работ и сроки их исполнения. Не афишируя этого широко,

члены Комитета хотели завершить строительство и открыть памятник в возможно более скором времени, ориентировочно в 1903 году. Предварительные работы, в том числе и постройку защитной дамбы, предполагалось завершить в течение 1901 г. Не устраивал подрядчиков и строгий контроль за их работой со стороны высших должностных лиц администрации. Согласившийся на предварительные условия по строительству дамбы подрядчик И.А. Ермолаев в последний момент отказался подписать контракт.

Действительно, общий объем земляных работ по устройству вала, ограждающего от наводнений Ангары место предполагаемого сквера, планировался в 1650–1800 кубических саженой, причем внешний откос должен был быть выдержан под определенным углом. Вал представлял собой не просто земляную насыпь. Весь наружный, обращенный к реке откос планировалось укрепить плетнем из свежих прутьев ивы или тальника, способных в дальнейшем прорасти и тем самым укрепить берег естественным образом. Плетень необходимо было засыпать мелким, весом не более фунта (409,5 г), булыжником. Участок дамбы, выходящий на главную протоку Ангары длиной примерно 150 метров, должен был быть защищен линией соединенных между собой свай⁵⁰. Предварительная стоимость создания искусственной площади под памятник, в том числе полное сооружение дамбы и плата за привезенную землю, предполагалась на первом этапе в 14,5 тыс. рублей. Таким образом, необходимость, в перспективе, оплачивать произведенные работы показала, что наличные деньги будут исчерпаны полностью. Из-за их отсутствия прекращалась планировка и разбивка сквера.

Необходимость скорейшей постройки дамбы как основы для будущего благоустройства места под памятник прекрасно понимали все. Ее нужно было сделать немедленно, в летние месяцы, до осеннего подъема воды. Поэтому часть отсыпки дамбы начали хозяйственным способом: привлекли арестантов, правда по настоянию производителя работ, за небольшую плату; материалы за умеренную стоимость выделили из своих запасов местные учреждения. Копры для забивки свай и чугунные бабы предоставил безвозмездно со строительства Забайкальской железной дороги ее начальник и член Комитета В.В. Оглоблин. Под наблюдением И.Ф. Тамулевича соорудили мост на островок, продолжили вывозку земли с построек казенных зданий. За них не платили повозную плату, как это было установлено для частных лиц.

Во второй половине июня подряд на укрепление берега реки Ангары взял на себя И.А. Шишелов, однако часть материалов и оборудования должен был безвозмездно предоставить Комитет. Лиственничные и сосновые бревна, плахи и доски на их соединение частично были пожертвованы крупными лесоторговцами, а также Сибирским торговым банком⁵¹. До ноября 1901 г. продолжались работы на дамбе. Подрядчик в общем выполнил свои обязательства, однако перерасход средств, даже при жесточайшей экономии и бесплатных пожертвованиях, составил около трех с половиной тысяч рублей⁵². К достоинствам деятельности Комитета по Высочайше разрешенному сбору средств и сооружению памятника следует отнести умение организовывать работы так, что они, в сущности, не прекращались ни на один день. Еще только стали собирать средства, как начались предварительные работы по благоустройству территории, были согласованы условия конкурса и определен круг его участников с рассылкой необходимых документов. По мере накопления средств появились материальные результаты деятельности: дамба оградила участок новой площади, началась многолетняя засыпка площади под будущий сквер и памятник строительным мусором и землей. Вывоз земли и засыпка площади продолжались до 1908 г., но даже при копеечной стоимости одного воза завезенного грунта перерасход на этот вид работы в целом составил более шести тыс. рублей.

В декабре 1901 г. закончился первый этап творческого конкурса, его участники предоставили свои проекты памятника и определили членов жюри. В его состав вошли: академики архитектуры Э.М. Жибер, Р.А. Тедике, Л.Н. Бенуа, А.М. Опекушин (он отказался участвовать в конкурсе и был заменен А.Л. Обером), Г.А. Зелеман. Председателем комиссии стал вице-президент Академии художеств граф И.И. Толстой, иркутский Комитет по сооружению памятника представлял граф П.Ю. Сюзор. Как это было принято в то время, проекты выставляли в одном из залов Академии художеств для всеобщего обозрения. Их авторы не назывались, а каждый из них определил для своего эскиза зашифрованное слово – девиз, под которым и передал в жюри пояснительную записку в запечатанном конверте.

17 февраля 1902 г. члены комиссии осматривали выставленные эскизные проекты. Как следует из составленного на месте протокола, 1-ю премию получил проект под девизом «Иркутск», причем необходимо отметить, с минимальным перевесом при голосовании – четыре голоса против трех. 2-ю премию единогласно получил проект «Громада». После вскрытия конвертов оказалось, что автором проекта «Иркутск» являлся академик Р.Р. Бах, проекта «Громада» – академик А.Л. Обер. К сожалению, мы не можем точно сказать, как выглядели первоначальные проекты, предложенные авторами, графические материалы конкурса в Иркутск не присылались. Исходя из описания проектов-победителей, оба они были сооружениями монументальными в самом широком понимании этого слова. Архитекторы Бах и Обер немедленно приступили к доработке проектов по замечаниям художественного жюри. Авторы других проектов не опротестовывали итоговое заключение и, получив свое вознаграждение, отказались от дальнейших притязаний. Эти проекты были полны символических фигур на тему

50 ГАИО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 20. Л. 65.

51 ГАИО.Ф. 31. Оп. 1. Д. 217. Л. 33.

52 ГАИО.Ф. 31. Оп. 1. Д. 217. Л. 101 об.

единения России и Сибири, барельефов с сюжетами сибирской истории и других художественных излишеств. Изначально захвативший лидерство проект академика Р.Р. Баха был одним из самых простых по реализации идеи и недорогим по затратам.

Как следует из первоначального описания, памятник предполагалось поставить на обширной площадке в виде террасы, на простом конусообразном пьедестале устанавливалась статуя царя в атаманском мундире сибирских казаков. На переднем фасаде пьедестала изображен двуглавый орел над указом о построении Сибирской железной дороги. Таким образом, Р.Р. Бах уже в самом первоначальном эскизном варианте изложил основные формы и параметры будущего памятника. Выполняя пожелания заказчика, он поместил вокруг главного пьедестала три фигуры: сзади – Ермака, слева и справа на отдельных постаментах, пристыкованных к главному, фигуры Н.Н. Муравьева и М.М. Сперанского. Идея значения Сибирского железнодорожного пути в деле единения Сибири решалась символически с помощью размещенных по периметру пьедестала цепей и гирлянд, соединяющих гербы столичных городов и городов Сибири.

Занявший второе место проект академика А.Л. Обера был более монументален и куда более величествен. В-первых, император был изображен скачущим на коне. К слову сказать, получив условия конкурса, А.Л. Обер запрашивал иркутский Комитет, носят ли сибирские казаки бурку, на что получил отрицательный ответ. Во-вторых, на пьедестал предполагалось использовать глыбу слегка обработанного дикого камня почти кубической формы, а в него врезать бронзовые диски с барельефами на мотивы сибирской истории и другими символическими изображениями.

Как следует из итогового протокола, мнения по первому проекту среди членов жюри разошлись, второй же был выбран единогласно. По условиям конкурса лишь лучший проект должен был дорабатываться по замечаниям жюри, причем автор обязан был сделать это бесплатно. На деле получилось иначе. Академик А.Л. Обер включился в конкурс позднее прочих, после отказа А.М. Опекушина. Это позволило А.Л. Оберу после получения второго места в конкурсе претендовать на доработку своего проекта в отведенные для этого сроки. У нас нет сведений, опротестовал ли он это решение жюри по итогам конкурса, но ему удалось добиться не только права дорабатывать проект, но и получить за это пятьсот рублей. Точно известно, что Р.Р. Бах дорабатывал свой проект бесплатно, поэтому после получения А.Л. Обером денег сумма вознаграждения за первый и второй проекты уравнилась, так фактически были признаны равными оба проекта. Можно предположить, что секрет такого решения кроется в каких-то недоразумениях по приглашению А.Л. Обера для участия в конкурсе, и выплату пятисот рублей следует рассматривать как определенного рода отступные для удовлетворения его претензий.

Есть еще один не до конца ясный эпизод. Во всех документах иркутского Комитета по подведению итогов конкурса констатируется факт осмотра выставленных проектов в зале Академии художеств императором Николаем II, его супругой и другими членами императорской фамилии, причем не указана точная дата этого события. Как следует из общего контекста документов, посещение состоялось после принятия жюри решения 17 февраля и утверждения его Советом Академии художеств. В протоколе академической комиссии по проекту Р.Р. Баха было высказано замечание о необходимости «снять фигуры Муравьева и Сперанского с отдельных пьедесталов и поместить у самого подножия главного пьедестала», причем рекомендовалось увеличить размеры этих фигур. Рукописный текст протокола, на наш взгляд, не оставляет сомнений во времени высказанного замечания. Однако в протоколе заседания иркутского Комитета от 4 июля 1902 г. указывается, что «Государь император, изволивший осматривать проекты совместно со многими особами императорской фамилии, одобрил проект Баха, указав на необходимость некоторых в нем изменений, заключающихся в замене медальонами или в приближении к пьедесталу отдельных фигур Ермака, Сперанского и графа Муравьева-Амурского». Как видим, последнее почти дословно совпадает с заключением комиссии, а об изготовлении медальонов-барельефов упоминается вообще впервые. Вопрос о мнении Николая II по поводу выставленных проектов требует, на наш взгляд, особого рассмотрения. Может оказаться, что некоторые художественные особенности и достоинства памятника появились после реализации личных указаний императора.

Скульптор Р.Р. Бах присутствовал при посещении императором выставки и лично слышал высказанные замечания. Он и А.Л. Обер представляли доработанные проекты в начале мая 1902 г. Причем Р.Р. Бах показал два варианта: сложный, с перенесенными фигурами, и упрощенный, с медальонами вместо скульптур и сокращенным количеством гербов. По распоряжению находившегося в Петербурге председателя Комитета и иркутского генерал-губернатора А.И. Пантелеева со всех новых проектов были сделаны фотографии, которые через министра внутренних дел 23 мая были представлены императору. Николай II одобрил упрощенный проект, выбранный Р.Р. Бахом, о чем министр сделал на фотографии собственноручную надпись.

Очень жаль, но в делах комиссии, хранящихся ныне в Государственном архиве Иркутской области, имеется лишь один, обрезанный по краям, снимок с утвержденного проекта. Это вид памятника сзади. Фотография главного фасада памятника была опубликована при статье о его сооружении в столичном журнале «Нива». Местонахождение других снимков, к сожалению, неизвестно, но то, что они были в Иркутске, несомненно.

Таким образом, частный художественный конкурс в начале лета 1902 г. был окончен. Его итоги были более успешными и обнадеживающими, чем можно было предположить вначале. Высочайше одобренный проект лидировал с самого начала, вполне соответствовал финансовым возможностям для его реализации и был одобрен жюри за несомненные художественные достоинства.

Следующим этапом работы над статуей было изготовление гипсовых моделей в натуральную величину и отливка по ним бронзовых частей памятника. Переговоры с Р.Р. Бахом в Петербурге о дальнейшей работе вел сам генерал-губернатор А.И. Пантелеев. Предварительный договор заключался в следующем. Академик брал на себя обязательство в течение десяти месяцев со дня подписания контракта изготовить гипсовые модели всех необходимых частей, причем приоритет, конечно же, отдавался главной фигуре. Во время согласования генерал-губернатор настаивал, чтобы высота фигуры была не менее шести, а еще лучше, семи аршин. Общая стоимость заказа по изготовлению моделей оценивалась в 25 тыс. рублей. Деньги предполагалось выплачивать поэтапно. После подведения итогов конкурса для продолжения работ в Иркутске необходимо было знать точные параметры монумента, особенно его пьедестала. Исходя из его веса, требовалось произвести расчеты для изготовления фундамента под постамент. Как оказалось, это была непростая инженерная задача. Иркутяне настаивали на скорейшем изготовлении детальных рабочих чертежей постамента. В этот период планировалось выполнить постамент из сибирского камня, и Комитет готовил условия для подрядчиков-каменотесов. От идеи монолита отказались и предложили сделать его из каменных шлифованных блоков, лицевая сторона которых подлежала полировке. Чертежи постамента изготовил брат автора проекта, и их переслали в Иркутск.

Просматривая документы о деятельности комиссии этого периода, невольно отмечаешь ту пассивность и безропотность, с которой академик Р.Р. Бах исполнял все требования иркутского Комитета. По-видимому, право Комитета осуществить проект без его автора влияло на архитектора, и крупные деньги, обещанные за его реализацию, заставляли быть покладистым. Пошло ли это на пользу памятнику?

Представители Комитета настаивали на увеличении высоты фигуры императора. На фотоснимке проекта отлично видно, что фигура вполне пропорциональна постаменту и вписывается в общий силуэт. Не удалось найти точных данных о высоте скульптуры по проекту, но по фотографии модели она, по-видимому, не превышает пяти–пяти с половиной аршин (3,55–3,9 м). В ходе переговоров Бах согласился увеличить ее в высоту, и по гипсовой модели для отливки она стала 7 и 1/4 аршина (5,15 м). Однако это было не просто увеличение высоты более чем на 1,25 метра. Сама фигура не отличавшегося стройностью императора стала шире, грузней, массивней. И она уже не вписывалась в общий силуэт памятника, а грубой бронзовой глыбой нависала над постаментом.

А.И. Пантелеев вернулся в Иркутск в начале лета. Условия договора с Р.Р. Бахом были согласованы и одобрены комиссией, но по недосмотру секретаря вовремя в Петербург не были отосланы. Бах несколько раз обращался с запросами в Иркутск, явно беспокоясь о заключении контракта. Однако недоразумение было ликвидировано только через петербургского нотариуса. Архитектор получил первый взнос в семь тысяч рублей и приступил к работе. Окончанием ее считались отливка памятника из бронзы и приемка комиссией иркутского Комитета. В контракте оговаривалось, что Р.Р. Бах обязан наблюдать за всем процессом отливки бронзовых частей и отвечать за соответствие их первоначальным образцам. Последний взнос в пять тысяч рублей он получал только после приемки литья иркутской комиссией.

В начале 1903 г. стало совершенно очевидно, что открытия памятника в этом году не будет. Во-первых, из-за проволочек в заключении контракта с Бахом затягивалось изготовление бронзовых частей; во-вторых, практически прекратилось поступление пожертвований, общая сумма которых на 1 января 1903 года составила чуть более 152 тыс. рублей; в-третьих, встретилась серьезная техническая проблема в сооружении пьедестала памятника. В течение нескольких месяцев ведущие инженеры решали, на какую глубину и как осуществить закладку фундамента.

Первоначальные изыскания показали, что памятник будет установлен на достаточно «жидком» грунте прибрежного участка. Поэтому фундамент необходимо было заложить на возможно большую глубину. Некоторые специалисты предлагали дойти до коренных скальных пород, однако, используя опыт строительства городского театра, решили за основу фундамента взять слой гальки, углубившись в него на 2–3 метра. Из-за близости реки выемку грунта пришлось бы вести из воды, которая неминуемо поступала бы в котлован. Предполагалось использовать взятый на время кессон со строительства Забайкальской железной дороги. От инженеров поступали различные предложения, которые тщательно изучались членами Комитета и специально приглашенными специалистами. Один из подрядчиков представил смету, где за исполнение работ по закладке фундамента запросил более 63 тыс. рублей на условиях бесплатного предоставления сложного дорогостоящего оборудования со строительства железной дороги. Одновременно он оговаривал ряд условий, при которых сполна бы получил деньги, не исполнив самого контракта. Плановая стоимость работ по смете равнялась почти половине имевшихся наличных средств, и от услуг подрядчика, естественно, отказались.

Порой перед Комитетом вставали вопросы иного порядка. В мае 1903 г. в Иркутске стало известно, правда неофициально, что в скором времени последует назначение генерал-губернатора А.И. Пантелеева членом Государственного совета и он отбудет в Петербург. На заседании Комитета в его отсутствие обсуждался вопрос о том, как почтить инициативу генерал-губернатора по созданию памятника, если он еще далек до окончания. После предварительного согласования решили: до отъезда из Иркутска А.И. Пантелеева произвести официальную закладку памятника.

Незадолго до этого подряд на постройку фундамента был отдан Николаю Павловичу Курбатову и Григорию Ивановичу Русанову, известным своими работами на строительстве железной дороги и зданий в Иркутске. Фундамент необходимо было заложить на глубину более пяти метров. Чтобы избежать дополнительных расходов на выемку грунта из воды, во-первых, следовало начать работы до начала подъема грунтовых вод и уровня реки

Ангары и, во-вторых, выкопать до уровня реки специальную выпускную канаву. Оставшуюся воду требовалось убрать ручными черпаками, представить производителям работ выровненное дно котлована и только потом начинать послойную укладку бетона. Максимальный уровень воды, допустимый для укладки бетона, был не более 30–40 сантиметров. Под водой состав бетона предполагался: одна часть цемента на три части песка. Ближе к поверхности допускалась пропорция: одна часть цемента на четыре части песка. Подрядчики полностью выполняли условия контракта, так, например, размер используемой для бутовой кладки щебенки не превышал 3–4 сантиметра, она тщательно просеивалась, промывалась от пыли и грязи, специально проверялось качество заготовленного к использованию цемента и речного песка⁵³.

Уже 13 мая И.Ф. Тамулевич, инженер-архитектор Е.Э. Штерн фон Гвяздовский и городской архитектор А.И. Кузнецов освидетельствовали вырытый под фундамент котлован. Максимальная глубина его составила около шести с половиной метров, а дно состояло из хряща с примесью крупнозернистого песка и гальки. Присутствующие признали возможным начать кладку бетона. Линии фундамента были размечены кольями на бортах ямы и также признаны соответствующими проекту. По требованию одного из инженеров была взята проба воды в обычном стеклянном стакане. После ее отстоя слой мути был почти не заметен, что свидетельствовало об отсутствии в яме ила и глины. Мнение членов комиссии было единодушным, подрядчикам разрешалось начать кладку бетона на подготовленном дне котлована. Акт подписали и посетившие в тот же день место работ инженер-технолог В.И. Тышко и гражданский инженер В.А. Рассушин⁵⁴.

Однако техническая комиссия прозорливо предполагала возможные осложнения. Уровень грунтовых вод в этом месте оказался значительно выше проектного. После освидетельствования работ в конце мая И.Ф. Тамулевич отдал распоряжение увеличить бетонную подушку в подводной части фундамента и ее первый слой составить в соотношении: одна часть цемента на две части песка⁵⁵.

Эти изменения потребовали непредвиденных расходов материалов, в первую очередь цемента высшего качества. Его необходимо было выписывать издалека, что полностью остановило бы работу в этом сезоне. Вновь на помощь пришли железнодорожники. По распоряжению начальника Забайкальской железной дороги со складов заимообразно были выданы в распоряжение подрядчиков 60 бочек цемента. Благодаря своевременной помощи в целом удалось выдержать запланированный график работ. В разгар сооружения фундамента 22 июня 1903 г. состоялась официальная закладка памятника. Церемония представляла собой торжественный молебен с крестным ходом в присутствии высших должностных лиц, сбором войск местного гарнизона в присутствии многочисленных жителей города. В бетонное основание было положено несколько камней и серебряная доска с надписью о закладке памятника.

В сентябре 1903 г. инженер И.Ф. Тамулевич доложил Комитету об окончании сооружения подрядчиками фундамента. После завершения всех работ по укладке бетона была засыпана водоотводная канавка, а грунт на месте бывшего котлована и канавы плотно утрамбован. Выступающие над землей детали фундамента были закрыты, дабы предохранить их от порчи и загрязнения⁵⁶. Все работы по фундаменту были произведены за один сезон и обошлись более чем в 17 тысяч рублей, превысив первоначальную сметную стоимость на тысячу. По-видимому, такие расходы в данном случае были не просто обоснованы, но и минимально возможны. Комиссия приняла исполненные работы, признав их вполне удовлетворительными. Подрядчики Н.П. Курбатов и Г.И. Русанов просили Комитет выдать им свидетельства о добросовестном исполнении взятого на себя подряда, что и было сделано Комитетом в октябре 1903 г.

После завершения фундамента наиболее остро встал вопрос о возведении пьедестала. Учитывая опыт уже произведенных работ, 28 октября 1903 года при Комитете была создана постоянная техническая комиссия для предварительного решения важнейших вопросов, требующих специальных знаний. Автоматически она объединила в своем составе «всех обладающих техническими знаниями членов Комитета». Ее председателем на весь период деятельности стал директор Промышленного училища, инженер по образованию и видный иркутский общественный деятель Викентий Иосифович Тышко, впоследствии получивший звание «Почетный гражданин города Иркутска». Члены комиссии представляли Комитету готовые доклады и предлагали свои решения на ее утверждение. Количество и персональный состав лиц, привлекаемых к работе, не регламентировался, и в ее заседаниях принимали участие действительно знающие специалисты. «Комиссии этой, – говорилось в первом протоколе заседания, – предоставлено разрешение всех возникающих при сооружении памятника технических вопросов, во всем, что не касается наружного вида памятника, т. е. красоты его окончательно; в отношении же наружного вида памятника – с утверждения Комитета»⁵⁷.

Форма постаментов памятника была predeterminedлена при окончательном утверждении победившего проекта, однако материал для его изготовления и способ отделки были найдены не сразу. Сторонники глобального проекта

53 ГАИО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5. Л. 33–34 об.

54 ГАИО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 20. Л. 222–222 об.

55 ГАИО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5. Л. 46.

56 ГАИО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 21. Л. 90 об.

57 ГАИО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 34. Л. 3–3 об.

желали увидеть статую монарха непременно на постаменте из сибирского камня и при этом настаивали, чтобы он был монолитным. Однако сам стиль созданного Р.Р. Бахом памятника не допускал грубых, граничащих с примитивом решений. Строгость, пропорциональность, изящная, вплоть до мелочей, завершенность форм и даже самых мелких деталей требовали внимательного отношения к выбору материала для постамента. Учитывая сложную конфигурацию запроектированного постамента, практически сразу отказались от идеи монолита. Стоимость его напрямую зависела от сложности фигурной обработки камня, кроме того, поиск и доставка в Иркутск глыбы таких размеров требовали больших дополнительных затрат.

12 ноября 1903 г. на первом же официальном заседании созданной технической комиссии четыре вопроса из пяти касались непосредственно пьедестала. После отказа от использования монолита было принято решение сложить пьедестал из тесаных каменных блоков с полировкой только внешней стороны камней. Но и это, как оказалось, был лишь промежуточный вариант. Строительные нормы допускали использование в основании сооружения бутовой кладки из гранита на цементе. Тогда с интересным предложением по уменьшению расходов на строительство пьедестала вновь выступил И.Ф. Тамулевич. Он рекомендовал сделать облицовку из полированного гранита, а середину заполнить бутовым камнем на растворе на всю высоту. Комиссия приняла решение: «Возвести весь внутренний массив пьедестала из гранитного бута на цементе с облицовкою поверхности гранитом согласно форме, данной чертежом пьедестала, с соблюдением следующих условий: 1) Вертикальные швы облицовочных камней должны быть расположены в перевязку; 2) Толщина облицовочного камня должна быть не менее его высоты; 3) Обращенная к буту поверхность облицовочных камней должна чередоваться впадинами и выступами неправильной формы, глубиною до четырех вершков для достижения лучшей связи облицовки с буютом; 4) Кладка бута из гранитных камней произвольной формы и размеров должна возводиться рядами соответственно высоте облицовочных камней и выравнивается под общую с ними горизонтальную плоскость; 5) Последний, самый верхний ряд бутовой кладки и облицовки должен быть перекрыт цельным камнем, составляющим карниз или венец пьедестала и имеющим высоту, как показано на чертеже, $17 \frac{3}{8}$ вершка (около 85 см. – *Е. Ш.*)»⁵⁸.

Техническая комиссия, а за ней и все заинтересованные лица после выяснения возможностей местных подрядчиков-каменотесов с удивлением обнаружили, что никто из них не гарантирует абсолютного качества полировки поверхности, хотя это специально оговаривалось авторским проектом. Большая часть гарантировала лишь «чистую теску», что не позволяло полностью раскрыть цвет камня. Не было единства мнений и по вопросу – из какого именно камня делать постамент. Таким образом, при фактически готовом памятнике, сооружение его пьедестала вдруг оказалось «наиболее сложной и затруднительной задачей ввиду того, что в Иркутске подобного рода художественных каменных работ ранее никогда не производилось»⁵⁹. По распоряжению начальника Иркутского горного управления из различных районов Восточной Сибири были присланы образцы каменных пород. Первые из них, доставленные из Бирюсинского горного округа и тщательно исследованные в лаборатории Санкт-Петербургского института инженеров путей сообщения, были признаны подходящими по прочности, но затруднения в доставке их в Иркутск и отсутствие крупных монолитов заставили отказаться от выбора камня по этим образцам. Наиболее красивые камни были представлены Минусинским музеем, однако даже без технического исследования специалисты усомнились в их прочности. Кроме того, были приняты во внимание чрезвычайная отдаленность месторождений в Минусинском уезде на самом юге Енисейской губернии, а также незначительная возможность отбора достаточно крупных камней подходящего размера в связи с отсутствием мощных пластов этой каменной породы. Удобство добычи и сравнительная дешевизна доставки заставили специалистов остановить свой выбор на розовато-сером граните из карьера на правом берегу реки Селенги в 50 верстах от Байкала. Для ознакомления со свойствами селенгинского гранита, испытанного при сооружении мостов и других объектов Забайкальской железной дороги, и с условиями добычи и транспортировки каменных масс Комитет командировал горного инженера Рязанова. Он признал добычу камня в нужных объемах легко осуществимой и перевозку его весьма удобной. После выбора подходящей породы была объявлена сдача с торгов подряда на сооружение постамента, причем сметная стоимость не объявлялась в надежде на более низкие цены. Однако эта затея провалилась, так как не поступило ни одного предложения. После вторичной публикации с объявлением сметной стоимости в 61 тыс. рублей были получены два заявления от надежных подрядчиков, которые просили за работу до 110 тыс. рублей, а также несколько заявлений от весьма сомнительных лиц, не имевших возможности обеспечить подряд солидным залогом. Кроме того, после тщательных расчетов было признано невозможным выплатить за постамент даже указанную в смете сумму, иначе Комитет лишился бы практически всех своих наличных средств. Таким образом, попытки приступить к сооружению пьедестала в 1903 г. окончились неудачей и в сложившихся обстоятельствах не имели перспектив.

Решение вопроса пришло неожиданно. В январе 1904 г. новый иркутский генерал-губернатор Павел Ипполитович Кутайсов и правитель его канцелярии Николай Львович Гондатти находились в Петербурге. Там к ним обратились представители общества «Гранит», фирмы по изготовлению изделий из финского гранита, известной своей добросовестностью и качеством. Можно предположить, что встреча не была случайной. Многие пьедесталы столичных памятников были сделаны в ее мастерских. Скорее всего, эту фирму рекомендовал сам Р.Р.

58 ГАИО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 34. Л. 3 об.–4.

Бах. К великой радости ограниченных в средствах представителей Комитета, первоначальные условия были вполне приемлемы и имелась возможность дальнейших переговоров о снижении стоимости.

21 мая 1904 г., после возвращения графа П.И. Кутайсова из столицы, техническая комиссия рассмотрела предложения общества «Гранит». Стоимость изготовления пьедестала оценивалась вместе со сборкой его в Иркутске в 45 тыс. рублей. Фирма не брала на себя только доставку заказа от Петербурга до места сборки. Главной проблемой здесь становился привоз изготовленных камней по железной дороге, а вернее, его стоимость. Комитет вышел с предложением доставить их в Иркутск бесплатно, в этом его поддержала и администрация Забайкальской железной дороги. Но прагматичное Министерство финансов разрешило перевозку только по льготному тарифу, не согласившись на бесплатную. Правда, и этот вариант вполне устраивал Комитет, так как все расходы составили бы тогда 55–58 тыс. рублей. «Даже при условии уплаты 10 тысяч рублей за провоз груза изготовление пьедестала обществом «Гранит» представляется предпочтительным по сравнению с изготовлением его на месте как гарантирующее красоту, прочность и хорошую отделку камня, устраняющее всякий риск Комитета и более дешевое». Вместе с тем неожиданно обозначился еще один аспект, связанный со стоимостью работы.

Как отмечалось в документе: «Дешевизна предложения общества «Гранит» обуславливается производимыми им работами для памятника императору Александру III в Москве и удобством одновременной добычи каменных масс для обоих памятников»⁶⁰. Возможно, именно на этом основано мнение, что памятники в Москве и Иркутске – часть нереализованного проекта по украшению монументами трех городов Великого Сибирского пути: Москвы, Иркутска и Владивостока. На наш взгляд, достаточных оснований для подтверждения этой версии нет. Следует напомнить, что сбор средств на московский памятник был начат в 1894 г., сразу после смерти Александра III, и его постройку патронировал брат умершего царя, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Транссибирская магистраль, по существу, в это время только начинала строиться, и вряд ли кто в этот момент задумывался об установлении памятников монарху.

Техническая комиссия предусмотрительно рекомендовала составить договор с обществом так, чтобы изделия начали поступать в Иркутск не позднее начала 1906 г., тогда к месту установки их можно было доставить по зимнему пути от станции через Ангару. Все условия договора с обществом «Гранит» были согласованы юристами, однако заключение его в 1904 году не состоялось – в стране началась революция.

В мастерской фирмы Гоне в 1905 году уже успели закончить отливку бронзовых частей памятника и предлагали их освидетельствовать, соответственно ускорив окончательный расчет. Об этом же настоятельно просил и академик Р.Р. Бах, наблюдавший за отливкой. Находившиеся по служебным делам в столице Н.Л. Гондатти, И.Ф. Тамулевич и другие члены Комитета осматривали изделия на разных стадиях готовности и признали их вполне удовлетворительными. Правда, не обошлось все-таки без мелких нестыковок готовых изделий в бронзе с проектом. Во время приемки отливок было замечено, что не изготовлен бронзовый венок вокруг верхней плиты пьедестала, присутствовавший на ранних вариантах макета. Р.Р. Бах предъявил окончательно утвержденный проект, на котором верхний венок отсутствовал. На одном из промежуточных этапов изготовления моделей были пропущены подписи вокруг портретных изображений Н.Н. Муравьева-Амурского, М.М. Сперанского и Ермака, а также даты, связанные с их именами в сибирской истории. Имена, в конечном счете, решили сохранить и выполнить по кругу накладными буквами, а даты было решено не делать. Из объемных накладных букв, но уже на фоне каменного постамента составлялась фраза: «Императору Александру III благодарная Сибирь». После оплаты работы по отливке Гоне формально завершал очередной этап и за ним оставалась только сборка памятника на месте. Задержка с сооружением постамента происходила по вине заказчика, поэтому Гоне просил забрать у него готовые детали памятника, так как не мог, ссылаясь при этом на революционные обстоятельства, гарантировать их сохранность. Установка литой бронзы затягивалась из-за отсутствия самого постамента, и, следовательно, на неопределенное время откладывался окончательный расчет. По настоянию господина Гоне Комитет был вынужден выплатить ему всю сумму в наличных деньгах, а в обеспечение гарантий установки деталей памятника взять в залог ценные бумаги процентного займа на десять тысяч рублей. Уладив таким образом претензии по части долга, Комитет просил Гоне сохранять скульптуры «неопределенное время» у себя на складе. Получив согласие полностью удовлетворенного таким оборотом дела фабриканта, Комитет застраховал все изделия на 45 тыс. рублей и возобновлял страховку до 1907 г. включительно, выплачивая ежегодно по 300 рублей.

В 1904–1905 гг. глобальные катаклизмы истории заслонили строительство памятника – Русско-японская война и Первая русская революция потрясли страну до основания и сменили приоритеты в деятельности власти имущих. Коснулось это и работ по памятнику. За весь 1905 г. Комитет собирался лишь три раза и обсуждал в основном вопросы расчета с фирмой Гоне. Дважды на заседаниях председательствовал граф П.И. Кутайсов, который в конце года был отставлен императором от должности иркутского генерал-губернатора. Расставаясь с городом, Павел Ипполитович из личных средств оплатил стоимость тополей, посаженных на месте будущего сквера и на дамбе вдоль берега Ангары.

Ситуация круто изменилась в начале 1906 года, когда председателем Комитета по должности стал новый временный Иркутский военный генерал-губернатор генерал-лейтенант Константин Михайлович Алексеев, наделенный чрезвычайными полномочиями в районе, находящемся на особом положении. Один из заслуженных генералов Русско-японской войны, Георгиевский кавалер, по-особому смотрел К.М. Алексеев на сооружение памятника. На заседании Комитета 23 мая 1906 г. он заявил, что кое-кто высказывает взгляд «на дело сооружения

памятника императору Александру III как на дело частное», и предложил присутствующим определиться по этому вопросу. Мы не знаем, какие именно мнения высказали назначенные в Комитет председатель судебной палаты и новый управляющий канцелярией генерал-губернатора в ранге полковника генерального штаба, но постановление Комитета было единогласным: «ввиду того, что сбор средств и сооружение памятника получили высочайшее разрешение, о чем уведомление получено от министра внутренних дел, и во главе Комитета поставлен Иркутский генерал-губернатор по своей должности, – на дело Комитета ни в коем случае недопустим взгляд как на дело частное, но надлежит считать [его] делом официальным»⁶¹. Фактически К.М. Алексеев реанимировал прекратившуюся в 1905 г. деятельность Комитета по сооружению памятника.

Не менее решительно довести дело до конца был настроен и новый генерал-губернатор Андрей Николаевич Селиванов, вступивший в управление краем в середине 1906 г. 7 июля 1906 г. был утвержден проект договора с обществом «Гранит» о сооружении пьедестала памятника, причем на все работы предполагалось затратить не более года. Оплата вместе со страховкой за доставку составляла 45 100 рублей. Было принято решение сделать пьедестал с бутовым камнем внутри. Подрядчик Могилев обязался доставить его в начале лета 1907 г.

И.Ф. Тамулевич, действительный статский советник и управляющий строительной и дорожной частями канцелярии генерал-губернатора, стал официальным производителем работ со всеми правами по единоличному принятию решений. По существу, Комитет на последнем этапе сооружения памятника превратился лишь в номинальный орган. Сохраняя его общественное представительство, в апреле 1907 г. постоянными членами в него пригласили влиятельных и известных иркутян И.А. Мыльников, С.Н. Родионова, И.Г. Трапезникова, С.В. Могилева, А.А. Второва, И.А. Люблинского, П.С. Корзакова и протоиерея отца Григория Шергина.

В начале марта 1907 г. И.Ф. Тамулевич был направлен в Петербург. Там он осмотрел хранившиеся в мастерской Гоне бронзовые детали и статую императора, съездил на основную фабрику общества «Гранит» в финский город Ганге. Помимо внешнего осмотра, он произвел выборочное измерение тридцати камней и проверил соответствие их шаблонам. Замечаний у него не было. Присутствующий при осмотре бывший член Комитета инженер Лесневский дополнил протокол записью: «При осмотре нашел работу исполненной прекрасно». В то время было готово 138 камней и 13 находилось в обработке.

Тамулевичу предстояло в столице решить еще один чрезвычайно важный, принципиальный вопрос: как установить памятник на месте. Для решения вопроса была созвана комиссия. Генерал-адъютант А.И. Пантелеев и И.Ф. Тамулевич пригласили графа П.Ю. Сюзора и Р.Р. Баха. В протоколе от 27 марта 1907 г. записано: «При постановке фигуры лицом к городу и спиной к реке теряется как бы основная мысль сооружения памятника, а именно на этом месте, на берегу Ангары, против проходящего Великого Сибирского пути... При обращении статуи лицом к реке и спиной к городу оправдывается основная мысль, но со стороны города памятник много потеряет, и столица Сибири как бы обижена таким обращением к ней царя, призвавшего весь край к новой жизни. Если поставить фигуру в профиль, разрешаются удовлетворительно обе задачи. Соображаясь (так в тексте. – *Е. Ш.*) с местными условиями, представляется правильным поставить статую царя профилем с поворотом левого плеча к городу».

Общество «Гранит» по не зависящим от него причинам почти на месяц запоздало с изготовлением иркутского заказа и отправкой его на место установки. Кроме того, поступившие в середине июля 1907 г. первые блоки были разгружены на товарном дворе станции, и в течение полумесяца никто не удосужился известить об этом Комитет. К счастью, все блоки оказались целыми и немедленно были перевезены на площадку у фундамента.

До августа не было утверждено решение об установке памятника, так как на это требовалось высочайшее разрешение. Дважды, в мае и июне, генерал-губернатор А.Н. Селиванов просил через министра внутренних дел утвердить установку памятника согласно решению Комитета, однако ответ поступил лишь 14 августа: «10 августа сего года по всеподданнейшему докладу моему высочайше одобрены предложения Комитета по постановке памятника императору Александру III в Иркутске, сообщенные вашим превосходительством в письме 19 мая... Министр внутренних дел Столыпин».

К сожалению, разрешение на установку было получено слишком поздно. Сибирское лето заканчивалось, а к работам еще не приступали. Тогда Комитет, по предложению председателя общества «Гранит», принимает решение производить работы по сооружению пьедестала в зимнее время. Для этого вокруг основания фундамента предполагалось соорудить временный отапливаемый барак. Тщательно подсчитав расходы, Комитет принял его сооружение и содержание на свой счет, выделив более трех тысяч рублей.

Пьедестал в целом был готов в начале лета 1908 г. 7 июня из мастерской Гоне по железной дороге были посланы бронзовые изделия. Помня о происшествии с каменными блоками, Комитет через начальника Забайкальской железной дороги Ф.И. Кнорринга по номерам вагонов контролировал их движение и поступление в Иркутск. Для постановки памятника от фирмы были командированы мастера Иван Урусов и Александр Кайзер, в качестве руководителя работ – Григорий Михайлович Гройним.

Работы по пьедесталу считались оконченными только тогда, когда на него были установлены все бронзовые изделия. В целом все было завершено к 31 июля, 5 августа комиссия осмотрела готовый к открытию памятник.

По существу, у комиссии было два крупных замечания. Во-первых, высказывались сомнения по качеству гранита, не будут ли выветриваться вкрапления слюды и кварца, имеющиеся на некоторых каменных блоках. По

61 ГАИО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 21. Л. 98 об.

заклучению старшего геолога Иркутского горного управления, такие вкрапления выветриванию не подвергаются, а так как их немного на поверхности камня, они не могут повредить его прочности. Во-вторых, некоторые бронзовые отливки были слишком плотно подогнаны в свои гнезда, и рекомендовалось немного стесать камень.

Размеры кладки соответствовали утвержденному чертежу, стыки между камнями не превышали 1,5–3 миллиметров. В заключение было написано: «Работа по кладке пьедестала произведена хорошо, и впечатление, оставляемое работой, прекрасное».

Открытие памятника было назначено на 30 августа. 29 августа в город прибыл командированный по личному поручению императора бывший иркутский генерал-губернатор, член Государственного совета генерал-адъютант А.И. Пантелеев. Последние дни перед открытием были, как водится, заполнены авральными работами: демонтировали леса вокруг памятника, убрали строительный мусор и благоустроивали территорию. Для планировки местности и устройства временной площади привлекались за дополнительную плату солдаты Восточно-Сибирского саперного батальона. В целом только сам памятник был вполне готов к открытию. На тот момент лишь временно была благоустроена площадь, не был полностью распланирован и обихожен сквер, не поступила ограда памятника, заказанная в Петербурге.

Тщательно подготовленное открытие памятника прошло блестяще. Публика получила от зрелища максимум удовольствия. Николай II прислал генерал-губернатору благодарственную телеграмму в ответ на приветствие местной администрации. Такие же приветственные телеграммы получили архитектор Р.Р. Бах, фабрикант Г. Гоне и граф П.Ю. Сюзор. По окончании торжества в послании на имя министра внутренних дел генерал-губернатор А.Н. Селиванов сообщал: «Сегодня, 30 августа, в присутствии генерал-адъютанта Пантелеева, начальствующих лиц, духовенства, войска, учащихся, представителей сибирских городов, казаков, крестьян, инородцев и депутатий от различных обществ, при громадном стечении народа состоялось торжественное открытие памятника основателю Великого Сибирского пути в Бозе почивающему государю императору Александру III. Прекрасная погода благоприятствовала торжеству».

Кавказцы в Иркутске. Начало мафии?

Жить в Иркутске было опасно всегда. Множество уголовников, сосланных в наши края, летели к городу, как мотыльки на огонь. Беглые каторжные и ссыльные, лица без определенных занятий и просто жулики находили в нашем городе пристанище и обширное поле деятельности. Рост преступности, замешанный на бродячем ссыльном элементе, особенно проявился с приходом железной дороги. Большое количество народа развозилось во все уголки Сибири и оседало вдоль Транссибирской магистрали, покрывая станции и поселки вдоль нее густой сетью притонов. Здесь надежные люди могли укрыть от погони, снабдить на первое время деньгами и вывести на новое «дело». Жизнь, в общем, шла своим чередом, потрясая иркутских обывателей уголовными происшествиями, массой грабежей и краж, бытовых преступлений. На определенном уровне работала полиция, часть злодеяний раскрывалась, и виновные шли на каторгу или выселялись в отдаленные районы громадного генерал-губернаторства, где красть и грабить было просто нечего и некого.

Однако в начале 1913 г. чуткое ухо охранительных органов услышало на общем однообразном фоне уголовной преступности несколько звуков, выходящих за пределы привычного. Именно жандармы, к уголовному сыску, в общем-то, отношения не имевшие, обратили внимание на несколько крупных и, как казалось вначале, не связанных между собой преступлений. Вечером 16 мая 1913 г. на Забайкальской железной дороге, на перегоне от станции Тарбагатай, около двадцати человек напали на Транссибирский экспресс и ограбили почтовый вагон. Нападение сопровождалось стрельбой, но пострадавших не было. Похищено 22 тысячи 500 рублей. Около четырех тысяч рублей, перевозимых в поезде, имели зафиксированные в банке номера, и отслеживание их началось по всей России. В ночь на 4 августа того же года близ Хабаровска, в деревне Владимировке, совершено ограбление конторы подрядчиков Хаймовича и Вейкшмана. 7 или 8 вооруженных грабителей захватили 15 тыс. рублей. Было установлено, что им помогал конторщик, служивший у подрядчиков под фамилией Чекуновского. В перестрелке ранен конторский сторож.

10 сентября 1913 г. на подъезде к станции Карымской прямо в вагоне идущего поезда был ограблен артельщик-раздатчик Амурской железной дороги. В возникшей перестрелке убит стражник, а 8 нападавших унесли с собой 99 тыс. рублей. 21 сентября одного из грабителей случайно узнали в городе Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ).

Предупрежденные чины полиции окружили дом, куда вошел преступник. Полагаясь на свое численное превосходство, они попытались ворваться в помещение, но совершенно неожиданно встретили отчаянное сопротивление. Внутри оказалось пять вооруженных грабителей, которые быстро уравнили силы, убив троих и ранив двух полицейских. Тяжелое ранение получил и командующий группой. Грабителям удалось вырваться из окружения и скрыться. На месте побоища остался убитым один из бандитов, в карманах которого оказалась крупная сумма денег и записная книжка с адресами «надежных людей», в том числе в Иркутске.

В тот же злополучный день на другом краю Сибири, в Томске, внимание железнодорожных жандармов привлекли четверо подозрительных мужчин кавказского облика, прибывших со станции Тайга. Заметив пристальное наблюдение, те попытались скрыться, но были схвачены на опушке леса. Сопротивления эти лица не оказали, хотя и были вооружены. Поспешно убегая, они в вагоне поезда бросили корзинку, где находилось много боевых патронов. Томская полиция очень быстро установила, что руководил группой ссыльнопоселенец Черемховской волости Исидор Махарадзе, известный в Иркутской губернии грабитель, неоднократно судимый. Остальные задержанные были

связаны с Иркутском. Уже в октябре того же года в Томске арестованы еще несколько человек, проходившие по делу той же шайки неудачливых бандитов. Выяснились важные детали. Во-первых, группа готовилась ограбить артельщика-плательщика Сибирской железной дороги примерно по тому же сценарию, что и на станции Карымской, причем в один и тот же день. Во-вторых, шайка собиралась в Иркутске. В-третьих, непосредственным местом их встречи были номера для проезжающих под солнечным названием «Крым». Хозяином номеров был Соломон Николаевич Онанашвили, личность зловещая и в Иркутске известная. У томских знакомых иркутских бандитов изъяты безупречные документы с отметками полицейских виз о пребывании в Иркутске, многочисленные адреса и переписка.

Жандармы и районные охранные отделения густой сетью агентуры опутали всю страну. И попадалась в эту сеть всякая, а не только «политическая рыбка». Именно они уловили тревожный симптом, масштабы и безнаказанность вооруженных преступников. Полиция не могла противостоять им, чаще всего выходила из схваток с ними со значительным уроном. К тому же, она, занимаясь местными делами, имела контакты с другими отделами, максимум, в пределах губернии. Сеть же жандармского сыска была более мобильной и, в силу специфики своей деятельности, имела людей, более склонных к обобщению и анализу не связанных, на первый взгляд, происшествий.

Анализ приведенных выше фактов свидетельствовал о том, что пути многих преступников пересекаются в Иркутске. Кроме того, беспокойно было и в самой Иркутской губернии. 27 августа 1913 г. около семи часов вечера группа неизвестных совершила нападение на почтово-телеграфную контору в поселке Зима, захватив около шести тысяч рублей. На первый взгляд, дело было совершенно простое. Зиминская полиция задержала ссыльнопоселенца Белова, знакомого со служащим конторы Скрыповым. Последний давно был на подозрении, в связи с ограблением в 1907 г. Глазковского почтового отделения в Иркутске, где он тогда работал. В данном же случае Скрыпов вышел из конторы за 10 минут до нападения. По этому же делу были арестованы еще несколько ссыльнопоселенцев. Но немногим позже на имя арестованного Белова пришло письмо, в котором некто Бида Секания приглашал того в Благовещенск, чтобы завести совместное торговое дело. Проверенный по картотекам Секания неожиданно оказался личностью почти легендарной. В 1903 г. он отбыл в Александровской каторжной тюрьме восьмилетний срок за убийство. Добровольцем вступил в армию и участвовал в Русско-японской войне. За личную храбрость награжден двумя солдатскими Георгиевскими крестами и по Высочайшему повелению восстановлен в правах. По агентурным данным, Бида Секания после войны не оставил своей преступной деятельности, и его называли как одного из участников ограбления на р. Зeya, в результате которого было захвачено 10 пудов золота, а также нападения на артельщика Амурской железной дороги.

Следующий случай произошел в самом центре Иркутска. На улице Почтамтской (ныне Степана Разина) во дворе одной из усадеб загорелся нежилой флигель. Прибывшие пожарные быстро справились с огнем. Внутри полуразрушенного дома, который тщательно обследовали в поисках жертв, в подвале обнаружен тщательно замаскированный подкоп. Вызванные городские обследовали находку и сделали неутешительный вывод: подкоп вел к зданию Иркутской почтовой конторы. Кто-то тщательно готовился к большому ограблению. Собранные сведения позволили обрисовать такую картину: за некоторое время до пожара флигель сдавался некоему подрядчику, и в его верхнем этаже жили 32 рабочих-китайца. Они-то и были исполнителями тяжелого труда. А вот руководителя выявить не удалось, хотя хозяйка усадьбы была с ним явно знакома. Розыск результатов не дал, но настораживало, что работа была брошена неоконченной, по-видимому, исполнители изобрели способ по-иному добраться до почтовых денежных переводов. Ситуация представлялась достаточно серьезной, и по требованию губернской администрации начальник жандармского управления подготовил совершенно секретный доклад с изложением основных фактов преступной деятельности группы лиц, которые прямо в докладе не назывались. Выводы, сделанные на фактах и сообщениях агентуры, настораживали. В фондах Государственного архива Иркутской области находится подлинный текст доклада. Вот что в нем говорится: «Административный центр Восточной Сибири г. Иркутск является «центральным» для грабительских начинаний. Слабо оперируя до настоящего времени в самом Иркутске, грабители из него расходятся по радиусам для отдельных выступлений, как бы сохраняя центральный город для достойного ему по грандиозности грабежа».

В качестве возможных объектов были названы: артельщики-плательщики Забайкальской и Кругобайкальской железных дорог, отделение Русско-Азиатского банка, транспорт, перевозящий золото в Забайкалье. Внимательно наблюдая за перемещениями подозрительных лиц и используя сведения агентуры, жандармы спланировали и удачно провели задержание группы вооруженных налетчиков на иркутском вокзале. 1 октября 1913 г., за несколько минут до отхода поезда, были схвачены четыре кавказца. У их руководителя – Мельхиселека Менабде – было изъято три пистолета разных систем с большим запасом патронов, у остальных – запасная одежда, предметы грима и перевязочные средства. Ошеломленные грабители сопротивления не оказали, а артельщик Сибирской железной дороги поехал в поезде с крупной суммой денег.

Той же ночью были произведены обыски на квартирах арестованных. Ничего особенно важного не изъяли, но были выяснены многие явки и адреса членов преступной группы. Ранее имелись сведения, что в первых числах октября готовятся нападения на кассира «Алтайского товарищества» и Русско-Азиатского банка, а также на контору «Частного склада Высоцкого». Не имея формального права разрабатывать операции по поимке злоумышленников, начальник губернского жандармского управления полковник Васильев передал собранные материалы сыскной полиции. Последняя благополучно провалила дело. Неумело выставленным наблюдением

полицейские спугнули группу грабителей «Алтайского товарищества», и на засаду в конторе Высоцкого никто не явился. Полковник Васильев не исключал измены в рядах полицейских служителей. Фактов такого рода, увы, было достаточно. Связи полиции с преступниками на бытовом уровне существовали почти узаконено. Околоточные надзиратели, закрывавшие глаза на грешки своих подопечных, не забывали являться к ним по праздникам и получать небольшие подношения. Закрывали глаза и на более серьезные вещи. Притоны и проживающих без паспортов скрыть было труднее, потому и платили больше. Словом, риск оправдывался, а казенное жалованье было небольшим. Никто не пытался разорвать этот круг, пока преступники не вышли за рамки допустимого.

На эту тему и состоялся разговор у полковника Васильева с гражданским губернатором. Губернатор незадолго до этого связался с Министерством внутренних дел и получил разрешение произвести силами губернских жандармов и охранного отделения массовую операцию против организованной преступности. В представленном начальником ГЖУ докладе делались выводы: «1. Что грабительская деятельность в пределах Восточной Сибири находится только в начальной стадии своего развития и должна принять, постепенно, более широкие размеры. 2. Что в самом недалеком будущем она грозит распространиться на территорию Приморской области, пока еще мало тронутую грабителями и представляющую для них весьма обильную почву. 3. Что грабительские нападения, в большинстве случаев, совершаются не местным преступным элементом, а набегами шаек, имеющих между собою связь. 4. Что грабители имеют связи почти со всеми крупными пунктами охраняемого района, в которых находятся их «гнезда», причем эти «гнезда» связаны между собой. 5. Что в состав активных работников шаек входят, главным образом, ссыльные кавказцы, а затем ссыльнопоселенцы, и, притом, как уголовные, так, отчасти, и политические».

Размах преступной деятельности требовал нестандартного решения проблемы. Охота за каждым исполнителем, тем более если он жил по фальшивым документам, становилась делом безнадежным. Первые аресты и обыски дали интересные сведения о притонах и содержателях нелегальных квартир, позволили установить взаимосвязи далеких друг от друга мест и выявить имена лиц, заподозренных в преступных деяниях. Начальник ГЖУ предложил масштабную операцию, охватывающую практически все крупные сибирские города и многие иные населенные пункты. Губернатор поддержал план, а министерство и штаб Отдельного корпуса жандармов дали разрешение на проведение массовых арестов.

Зимой в Сибири наступает спокойная пора. В ожидании Рождественских праздников добропорядочные граждане возвращаются из дальних мест к своим семьям, а преступники, после «усиленных трудов» в летние месяцы, оседают по теплым пристанищам, прогуливая накопленные несправедливым делом деньги. Этим и решили воспользоваться.

18 декабря 1913 г. в Иркутске, губернии и многих городах и поселках от Томска до Благовещенска была проведена грандиозная операция жандармов и полиции. В ходе ее обыску и аресту был подвергнут 221 человек. Только 52 из них находились на примете у полиции, а остальных выявили по разработке охранного отделения. Обыски и предварительные допросы во многих случаях ничего не дали, и 149 человек к весне следующего года освободили. В данном случае такая мера была явно оправданной. Массовым арестом удалось разрушить сложившуюся систему, и выпущенные на свободу подозреваемые, в большинстве своем, разбежались с насиженных мест.

Около 30 ссыльнопоселенцев были высланы административным порядком в еще более «отдаленные», как было принято говорить в то время, места генерал-губернаторства. 9 задержанных отделались легкими наказаниями за незаконное хранение оружия. 18 человек из числа исполнителей вооруженных нападений, пойманных с поличным, переданы органам предварительного следствия.

Действия полиции по принципу: «Чтобы захватить одного, надо арестовать десять, а потом девять выпустить», имели в то время смысл. При жалком состоянии уголовного розыска и громадном количестве преступлений, задержание более чем двухсот человек активно действующих нарушителей закона позволило занести их в розыскные картотеки. Отпечатки пальцев и фотографии, приметы, фальшивые паспорта и вымышленные имена стали достоянием полиции. Трудно сказать, сколько из освобожденных согласились стать информаторами, но, наверняка, были и такие. Словом, операция продолжалась. Уже в 1914 г. стали вновь попадаться выпущенные на волю преступники. Подозревавшийся по делу об ограблении в Зиме Федор Григор, высланный на север, при налете на волостное правление попал в засаду, оказал вооруженное сопротивление и был ранен. Ермолая Мардалешвили взяли с поличным после нападения на артельщика-плательщика на Забайкальской железной дороге. 19 января 1914 г., после долгой слежки, «на ходу» была взята мастерская по изготовлению фальшивых двадцатикопеечных монет. В тот же день захвачен склад, где находилось четыре тысячи готовых подделок.

Оперативными действиями жандармов и полиции был нанесен сильный удар по основанию гигантской пирамиды организованной преступности, главными действующими лицами которой являлись кавказцы. Но важнейшим результатом, по-видимому, был захват и основных организаторов преступных деяний. То, что разрозненные шайки направлялись умелой рукой и имели серьезную поддержку, охранительные органы знали. Организуемая операция по захвату, они учитывали множество факторов. Одним из них был тот, что в городской и местной полиции имелись информаторы преступников. Вся связь между губернскими городами через жандармские управления велась по телеграфу шифром, а полицейские привлекались лишь в последний момент. В детали операции были посвящены только офицеры охранного отделения, заранее под благовидным предлогом выехавшие на места. Даже списки подлежащих обыску были оглашены в последний момент. В самом Иркутске об

операции знали лишь единицы самых высокопоставленных чиновников администрации, но даже и им не были известны конкретные имена и точные даты.

По предварительным данным, основной базой для формирования шаяк кавказцев были пивная на улице Поплавской (ныне Красногвардейская) и чайная на Барахольном базаре (район Центрального рынка). Эти сомнительные заведения, посещаемые почти круглосуточно всяким сбродом, принадлежали братьям Самсону и Федору Радонай. Первый из них – дворянин Кутаисской губернии – был за сбыт фальшивой монеты отправлен на каторгу, а второй, приехав в гости, стал, со временем, постоянным курьером между Кавказом и Сибирью. У солдат, посещавших пивную и чайную, братья скупали краденое оружие, по пять рублей за ствол, и неограниченное количество патронов. Именно они вооружили арестованных в Томске и Иркутске грабителей. Адрес пивной на Поплавской улице был известен во всех точках Сибири, через нее осуществлялась связь преступного элемента региона. Братья первыми почувствовали опасность и стали ликвидировать дела: продали пивную, собирали деньги и готовились уехать на золотые прииски. Помешал общий арест, и они оказались в тюрьме. Новая хозяйка пивной, давшая показания полиции о братьях Радонай, была в январе 1914 г. ограблена и убита. По подозрению в этом преступлении разыскивался опаснейший преступник Василий Микава, участник многих кровавых дел, в том числе перестрелки в Верхнеудинске. Из переписки же стало известно, что Радонай находились в числе наиболее авторитетных грузин и участвовали в сходах земляков. Через них осуществлялась реализация краденого, часть которого уходила на продажу в Харбин. Они же были и ростовщиками «промотавшихся» уголовников, скупая потом за бесценок добычу.

В число арестованных попали владелец пивной на улице Кузнецкой Голдовадзе (по кличке «Володька») и Самсон Жордания – содержатель квасной лавки на Сенной площади.

За спиной многочисленных исполнителей разного ранга стоял один человек – организатор всего дела и его бессменный руководитель – Николай Соломонович Онанашвили, по своему социальному положению – иркутский мещанин. На момент ареста, в декабре 1913 г., ему было 58 лет, и прожил он их очень несправедливо. В 1880 г. за покушение на убийство с целью грабежа Тифлисский окружной суд приговорил его к высылке на поселение в Сибирь. У себя на родине он был бедным сыном пастуха, рано отданным к богатым соседям в работники, но не удовлетворившийся своей долей.

В ссылке ему повезло – удалось задержаться в Иркутске. Имея на руках некоторую сумму, он сумел купить небольшую пивную, а позднее – трактир недалеко от строящейся железной дороги. Он стал тем самым земляком, к которому тянулись не знающие языка, чужие в Сибири, строители железной дороги – кавказцы. Нико Онанашвили помогал им спускать заработанные каторжным трудом деньги, и дело его процветало. До полиции доходили слухи, что трактир стал притоном грабителей, что там обирают пьяных посетителей. Говорили и более страшные вещи: якобы состоятельных клиентов, по незнанию заночевавших в номерах сомнительного заведения, ночью душили, и обобранные трупы спускали в Ангару. Во время Русско-японской войны Онанашвили содержал «Номера для приезжающих», в которых, по сведениям жандармов, бесследно исчезли несколько молодых офицеров, остановившихся по пути на фронт. Подручными Нико были Платон Дадияни и «Коля», Николай Цулукидзе. Полиция, как обычно, ничего противозаконного не обнаружила, рассчитывать на показания земляков против своего благодетеля не приходилось, а иных фактов, кроме голых покойников, не было. Наглость, с которой действовали кавказцы, вызвала возмущение. В 1906 г. заведение разгромили местные жители под предводительством активистов из «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». Осторожный Николай Соломонович сделал необходимые выводы, да и времена изменились. Из привокзального притона он соорудил более-менее благопристойные номера под названием «Крым» и сдал их в аренду проверенным людям. Платон Дадияни был отправлен в Харбин, где открыл филиал «дела» своего хозяина, а Цулукидзе, оказавшийся якобы грузинским князем, сделался завсегдаем иркутских салонов, где вел карточную игру. Самому Онанашвили тоже уже не требовалось душить темными ночами своих клиентов – он стал одним из крупных тайных ростовщиков и крестным отцом кавказцев, занесенных разными ветрами с теплого юга в холодную Сибирь.

Как ни старался респектабельный буржуа скрыть свое темное прошлое, оно давало о себе знать, прежде всего, в семье. Арестованные земляки Николая Соломоновича, в порыве редкой откровенности, не для протокола, конечно, рассказывали о нем много интересного. Например, о том, как он избивал свою жену, пока однажды не забил ее ножкой от стола насмерть. Договорившись с полицией, выправил документы о внезапной смерти, сумел за взятку добиться, чтобы труп не вскрывали. Вскоре исчезла и дочь. Онанашвили говорил, что она с кем-то сбежала из дома, и потому ее не разыскивали. Но знающие земляки были уверены, что отец задушил девушку и труп спустил в Ангару. Через некоторое время Онанашвили вновь женился.

Один из подручных Нико, некто Георгий Бакрадзе, во второй половине 1911 г. поссорился с ним на личной почве и стал угрожать разоблачением известных ему преступлений. При личной встрече Онанашвили избил его и обещал уничтожить. Кроме того, он распустил слух, что Георгий – агент полиции и шпионит в среде кавказцев. Бакрадзе, оправившись от побоев, потребовал возмещения убытков и обратился в третейский суд, который признал Онанашвили виновным и определил размер компенсации в 16 тыс. рублей. Николай Соломонович же вины своей не признал, как не признал и правомочность суда вообще. Он требовал суда иркутских кавказцев и продолжал распускать слухи о сотрудничестве Бакрадзе с полицией. Дело закончилось неожиданно: 25 февраля 1913 г. Бакрадзе нашли убитым на улице. Никто не сомневался, что это действовал Николай Онанашвили через наемных убийц. Собравшиеся на сходку земляки, среди которых были некоторые действующие лица нашего повествования,

потребовали от Онанашвили ответа за деяния. О деталях сходки говорить нет смысла, но и здесь хитрый делец замял дело, заплатив всем присутствующим по 500 рублей. После убийства Бакрадзе Николай Онанашвили уехал ненадолго на Кавказ, оставив в Иркутске доверенным Михаила Мчедлова, которому, среди прочего, поручил организовать поджог собственного дома, чтобы получить страховку. В доме квартировал некий армянин по имени Коте. Он говорил, что сам видел, как до пожара Мчедлов перетаскивал ценные вещи на другую квартиру, и при этом с обидой добавлял: «Сукин сын, Миша, хоть бы сказал мне, когда он собирается поджигать, а то погорело все мое имущество, до последней тряпки!»

Характеризуя всю деятельность Онанашвили, его близкий помощник Платон Каландарашвили утверждал, что если бы правительство знало хоть часть его преступлений, никто не миновал бы смертной казни. Другой арестованный, Рафаил Эрстов, почти дословно повторил то же, добавляя, что Николай Соломонович – человек настолько зловредный и мстительный, что не постеснялся убить жену и родного ребенка (старшую дочь). Преступная деятельность его была известна многим, но давать показания отказались все. Среди кавказцев существовало глубокое убеждение, что Онанашвили любыми средствами выйдет на свободу. В первую очередь, в дело шли деньги и связи в высших сферах губернской власти. О влиянии Нико на административный аппарат говорит такой факт. У него при обыске было обнаружено письмо на имя сына Николая, студента Томского университета, в котором говорилось: «Дорогой Коля. Напишите своему отцу следующую мою просьбу. В первых числах ноября в Иркутскую тюрьму прибудет этап, в котором идет бывший член II Государственной Думы Ираклий Георгиевич Церетели, человек он талантливый и своими речами известный на всю Европу. Нужно добиться, чтобы Иркутский генерал-губернатор поселил где-нибудь недалеко от Иркутска. От генерал-губернатора зависит, отведет ли он место поселения в отдаленных местах Иркутской губернии, или же близ Иркутска. Ваш отец может быть знаком с каким-нибудь влиятельным лицом в Иркутске. Пусть похлопочет перед генерал-губернатором Князевым. Это с его стороны будет услуга не только мне, но целой Грузии, потому что Церетели – народный избранник, и необходимо сохранить его жизнь народу, он еще молод и может многое дать. Хотите – пошлите отцу вот это мое письмо. Лео Натадзе». На письме рукой Онанашвили-старшего сделана приписка: «Церетели на днях выслан в Александровскую каторжную тюрьму (один год срока), и по окончании срока будет поселен где-либо». Церетели, известнейший меньшевик, в будущем яркий антисоветчик и националист, эмигрант, оказался на поселении в Усолье, в двух часах езды от Иркутска на пароходе или по железной дороге. Жандармы тоже знали, что среди клиентов Онанашвили были чиновники администрации, задолжавшие ему деньги по векселям. Вести переписку из тюрьмы было делом вовсе пустяшным – надзирателем служил родной брат жены. Так что уверенность в том, что, освободившись из тюрьмы, Нико не пожалеет денег на убийство тех, по чьей вине он туда угодил, имела под собой реальную почву.

Домогаясь освобождения под залог, Онанашвили предложил внести наличными 150 тыс. рублей, а когда получил отказ, задался идеей отомстить виновникам своего ареста. Среди грузин на воле стали проводить агитацию о необходимости убийства начальника губернского жандармского управления и следователей, ведущих дело. Арендаторша «Крыма» – госпожа Булахова – предлагала своим клиентам исполнить это за 300 рублей. Но жандармы поработали не напрасно, разогнав с насиженных мест иркутских бандитов. Желających взяться за убийство не нашлось.

Николай Соломонович Онанашвили провел в тюрьме около года. К суду он, конечно же, не привлёкся, обвинения против него никто не выдвинул. Но была в практике дореволюционной карательной системы такая своеобразная форма воздействия на «оставшихся в подозрении», как административная высылка. Для этого не требовалось решения суда, и высшие административные лица – генерал-губернатор или губернатор – своей властью могли выслать из «земель обетованных» туда, где «Макар телят не пас». Онанашвили депортировали в Якутию. Причем иркутский полицмейстер, не отправивший виновного к месту ссылки в течение двух дней, вынужден был писать объяснительную губернатору, почему приказ не исполнили немедленно.

Публикуется по: Иркут. губерния. – 2001. – № 1. – С. 40–43.

Организация переселения и землеустройства в Иркутской губернии (историческая справка)

Введение

В Государственном архиве Иркутской области хранятся документы, относящиеся к организации переселения и землеустройства на территории Иркутской губернии. Они сосредоточены в нескольких фондах, ключевыми из которых являются:

Фонд 171 – Заведующий землеустройством и переселением в Иркутской губернии.

Фонд 175 – Заведующий Восточным районом передвижения переселенцев.

Фонд 172 – Иркутская поземельно-устроительная партия.

Фонд 174 – Балаганская поземельно-устроительная партия.

Фонд 179 – Верхоленская поземельно-устроительная партия.

Рассматривать деятельность каждой из них в отдельности нецелесообразно, так как деятельность их по переселению и землеустройству была взаимосвязана. Вышеназванные учреждения, во-первых, занимались вопросами, связанными с переселением в Иркутскую губернию в годы наибольшей активизации переселения в 1906–1914 гг.; во-вторых, с 1906 по 1917 г. Восточный район передвижения переселенцев и аппарат Заведующего землеустройством и переселением в Иркутской губернии (включая поземельно-устроительные партии) входили в систему органов переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.

В первой части даны основные причины переселения крестьян из Центральной России на сибирские окраины, кратко изложена суть основных законоположений по землеустройству и переселению, более подробно освещены вопросы, касающиеся непосредственно Иркутской губернии. Изложенные в справке многочисленные изменения структуры и подчиненности центральных и местных переселенческих органов определили введение в справку значительного числа отрывков из документальных материалов, а поскольку изменения в структуре были связаны с эволюцией правительственного взгляда на крестьянский вопрос в целом и на переселенческий вопрос в частности, это потребовало для справки дополнительной информации.

Во второй, археографической, части справки освещена история фондов, источники комплектования и пополнения фондов, анализируется состав документов и данные проверок наличия. Дается характеристика документов и использования их в различных публикациях.

Справка рассчитана как на исследователей, работающих с материалами фонда, так и на историков-архивистов.

I. История фондообразователей

1. Переселенческая политика царизма после крестьянской реформы 1861 г.

В 60-х годах XIX в. Сибирь почти не упоминалась в законодательстве о переселенцах. Переселение государственных крестьян, начатое в конце 30-х годов, при первом министре государственных имуществ П.Д. Киселеве долгое время до Сибири не доходило. Крестьян направляли во внутренние губернии: Воронежскую, Тамбовскую, Харьковскую, Саратовскую, Оренбургскую, на Северный Кавказ. Лишь в начале 50-х годов XIX в. в три сибирские губернии – Тобольскую, Томскую и Енисейскую – отправились первые партии государственных крестьян-переселенцев.

Сибирское переселение занимало незначительное место в общем переселенческом движении. В 1861 г. крестьяне получили право переселяться в недавно присоединенный Амурский край и Приморскую область за свой счет, без всякой государственной помощи. С 1866 г. разрешено переселение в Южно-Уссурийский край. Переселение это, разрешенное по политическим и стратегическим соображениям, носило случайный характер. Отдаленные районы Сибири еще не привлекали переселенцев – в пределах Европейской России имелся достаточный запас свободных государственных земель⁶².

«Положения» 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права полностью исключали право бывших крепостных крестьян на переселение. Реформа готовилась в условиях революционной ситуации. Правительство Александра II отменило личную зависимость крестьян, но при этом так наделило их землей, чтобы после «освобождения» крестьяне оставались привязанными к помещичьим имениям в качестве дешевой рабочей силы и арендаторов помещичьей земли. Для осуществления этой основной цели закона необходимо было с прежней последовательностью запрещать переселение крестьян, так как переселение резко диссонировало общему характеру и содержанию проводимой реформы.

Вскоре после начала реформы было запрещено и переселение государственных крестьян. В 1866 г. их перевели на выкуп, передали из Министерства государственных имуществ в ведение общекрестьянских учреждений и закрыли правительственный кредит на их переселение⁶³.

Несмотря на все запреты, продолжалось самовольное переселение бывших помещичьих крестьян.

В связи с этим в 1866 г. при Министерстве внутренних дел создается комиссия по выработке общих переселенческих правил. Но ее работа ограничилась обобщением и изучением ранее принятых частных законов о переселении в отдаленные районы; новых правил комиссия не подготовила. Правительство отложило выработку общего законодательства по переселенческому вопросу, опасаясь что даже самые ограниченные правила, опубликованные в период действия положения о временной обязанности, могут дать повод к массовым отказам крестьян от наделов и уходу их на свободные казенные земли.

К концу 60-х годов в некоторых приуральских губерниях скопились тысячи самовольных переселенцев, бежавших туда в разное время и существовавших на положении арендаторов казенной и старожильской земли. Жили они без приписки к сельским обществам, что по существу лишало их тех немногих прав, которые имело старожильское население. Возвратить их насильственным путем на старые места стало уже невозможно – репрессии могли дать повод к новым крестьянским волнениям; столь же неразумно было оставлять их в положении вечно бесправных арендаторов – это могло стать причиной недовольства правительственной политикой. Поэтому правительство еще в годы, когда действовало положение о временнообязанных, пошло на отдельные уступки в

62

Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – С. 55–56.

63

ПСЗ. II. Т. XI. 1866. Ст. 43987.

переселенческом вопросе. Одной из них явилось утвержденное Александром II 9 апреля 1869 г. Положение Главного комитета по устройству сельского состояния «О мерах к водворению в Оренбургской губернии издавна проживающих там переселенцев из других губерний»⁶⁴. Положение касалось пока только Оренбургской губернии, так как здесь сложилось более десяти тысяч самовольных, не получивших земли переселенцев.

Закон разрешал окончательно водвориться тем переселенцам из бывших государственных крестьян, которые в свое время направились в Сибирь или Амурский край, но не дошли туда и осели в Оренбургской губернии. Право на водворение получали также самовольные из бывших государственных крестьян, которые пришли сюда давно, арендовали казенные или частные земли и проживали по паспортам или по приговорам сельских обществ. Им предоставлялось право «отказаться от надела в старых обществах и причислиться к новому месту жительства». Недоимки, имевшиеся за ними по прежним обществам, снимались с последних и переводились на общества нового водворения.

Закон особенно ограничивал права самовольных переселенцев из бывших помещичьих крестьян, допускал водворение только тех, кто бежал от нищенского дарственного надела, не были связаны с помещиком выкупной операцией и, следовательно, не являлись должниками правительства по выкупным платежам, все же остальные, бежавшие от помещиков после реформы, право на переселение не имели.

В 70-х годах правительство продолжало придерживаться политики запрещения в переселенческом вопросе, но проводить ее стало труднее, так как на протяжении второго десятилетия после реформы происходило дальнейшее ухудшение экономического положения крестьян. К середине 70-х годов увеличилось число самовольных переселенцев и за Уралом. Большинство их составляли бывшие помещичьи и государственные крестьяне, получившие в свое время разрешение на переселение в Амурскую область, но не дошедшие до мест назначения. В августе 1876 г. Министерство внутренних дел по согласованию с Министерством государственных имуществ предложило Комитету министров распространить на них действие законов, по которым до сих пор устраивались переселенцы в приуральских губерниях. 9 ноября 1876 г. правительство приняло постановление «О переселенцах Тобольской и Томской губерний, водворившихся там с давнего времени»⁶⁵. В постановлении указывалось, что «законно отпущенные» в Амурскую область, имевшие от прежних обществ увольнительные приговоры или свидетельства, причислялись казенными палатами на новые места по этим документам. Все остальные, пришедшие в Западную Сибирь без увольнительных приговоров и свидетельств и без разрешения местной администрации, могли водвориться только с согласия управления тех губерний, откуда пришли. Все недоимки по казенным сборам и податям перечислялись на водворяемых, прежние общества освобождались от всякой ответственности за их уплату. При уплате недоимок переселенцы получали рассрочку на четыре года.

В начале 80-х годов происходит определенный сдвиг в отношении правительства к переселенческому вопросу. Причиной его послужила революционная ситуация 1879–1880 гг. Почти вся Европейская Россия была снова охвачена крестьянским движением, наиболее активную и длительную борьбу вели крестьяне центрально-черноземных, восточных и южных губерний. Революционное движение заставило правительство снизить выкупные платежи и ускорить перевод всех крестьян на выкуп, тем самым повсеместно прекратить ненавистную для крестьян временную обязанность⁶⁶.

За два десятилетия после отмены крепостного права, в процессе капиталистического развития земледелия, в деревне образовалась резервная армия сельскохозяйственных рабочих, ставшая непрерывным источником рабочей силы для помещичьего хозяйства.

Несмотря на развитие отхожих промыслов и самовольное переселение, избыточное сельское население продолжало расти. Сохранив за собой землю, помещики получили неограниченную возможность обрабатывать ее с помощью дешевого наемного труда.

Это не могло не повлиять на отношение помещиков к переселенческому движению. В период революционной ситуации земские управы и губернаторы рекомендовали правительству разрешить переселение крестьян из всех районов Европейской России под контролем губернских и центральных органов власти. Они предлагали переселять в первую очередь малоземельных и безземельных, отмечая, что в период обострения крестьянских волнений эта часть населения становится опасной.

Под давлением революционного движения и по рекомендации самих помещиков правительство Александра II утвердило 10 июля 1881 г. «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли». Данные правила допускали переселение тех крестьянских семей, которые начали выкуп своих наделов и чье экономическое положение вынуждало к переселению. Местные органы власти проверяли имущественное положение заявивших о переселении и направляли их ходатайства вместе со своими заключениями на рассмотрение министерств внутренних дел и государственных имуществ. Распродавать имущество и переселяться можно было только после

64
ПСЗ. Т. XIV. 1869. Ст. 46952.

65 ПСЗ. Т. I. 1876. Ст. 56571.

66
Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1954. – С. 233.

разрешения этих министерств. Казенные палаты перечисляли недоимки вслед за переселенцами по местам их водворения. Этот пункт перешел в «Правила» из прежнего законодательства.

Министерству государственных имуществ поручалось отводить переселенцам свободные казенные земли в Европейской и Азиатской России в краткосрочное (на 6–12 лет) пользование, в размерах не выше указанного наделяя ими не более 8 десятин на душу. За получаемую землю новоселы обязывались платить оброчную подать сообразно с действительным доходом, который казна получала с каждой оброчной статьею до водворения переселенцев. В «Правилах» 1881 г. еще не говорилось о специальных землеотводных работах в сибирских губерниях, потому что уходившие в Сибирь переселенцы предпочитали причисляться к старожильческим селениям, а также ввиду наличия за Уралом большого запаса свободных государственных земель, пригодных для ведения сельского хозяйства.

«Правила» 10 июля 1881 г. появились благодаря революционной ситуации. Крестьянские массы требовали узаконить переселенческое движение, прекратить преследование самовольных переселенцев. Правительство пошло на это под давлением крестьянских выступлений. В то же время оно должно было охранять интересы помещиков, не давая лишних поводов к возбуждению крестьян. Таким поводом могла стать публикация «Правил», и правительство скрыло их от крестьян, не опубликовало. «Правила» являлись первой осторожной попыткой сформировать основные направления правительственной политики в переселенческом вопросе. Разрешая переселенческое движение, правительство предполагало подчинить его строгому государственному контролю и регулированию⁶⁷.

2. Активизация переселенческого движения в период развития капитализма:

а) законодательное оформление переселения в Западную Сибирь

13 июля 1889 г. получил утверждение новый закон о переселении под названием «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время»⁶⁸. По закону государственные земли в Тобольской и Томской губерниях и в Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской областях переселенцы получали в постоянное (бессрочное) пользование. Переселенцы не имели права «ни отчуждать, ни обременять долгами полученную землю». Она оставалась принадлежностью казны. За пользование землей переселенцы платили государственную подушную подать и отбывали казенные земские повинности (денежные и натуральные). Закон распространял на новоселов круговую поруку. При общинном пользовании землей они сообща отвечали за исправный взнос налогов, арендной платы и отбывание повинностей. В обществах с подворным землепользованием круговая порука была обязательной при уплате налогов и отбывании повинностей, а взнос арендной платы за землю «оставался на личной каждого хозяина ответственности». Сохранялись глубокие пережитки крепостничества, так, например, ходатайства крестьян рассматривались уездными и губернскими властями и потом направлялись в министерства внутренних дел и государственных имуществ. Переселенцу приходилось очень долго ждать ответа на ходатайство, не сниматься с места, пока не будет получено сообщение из района водворения о наличии свободной земли. Наконец, требовалось особое разрешение на продажу имущества. В законе впервые говорилось о льготах и помощи переселенцам. Они освобождались в Сибири от уплаты казенных сборов и арендных платежей на три года полностью, а на последующие три года обязывались платить в половинном размере. Новоселы получали отсрочку в отбывании воинской повинности на три года. По прибытии на место водворения нуждавшиеся имели право получать семенные ссуды наравне со старожилами. Пункты о льготах не подлежали оглашению, так как правительство имело опасения, что их опубликование вызовет массовый уход крестьян из районов помещичьего землевладения⁶⁹;

б) распространение закона о переселенцах от 13 июля 1889 г. на Иркутское генерал-губернаторство

Иркутский генерал-губернатор 22 сентября 1890 г. обратился в Министерство внутренних дел с ходатайством о распространении закона от 13 июля 1889 г. на Иркутскую и Енисейскую губернии. В ходатайстве генерал-губернатора были собраны данные о состоянии переселенческого дела в Восточной Сибири, в частности указывалось: «...Что касается Иркутской губернии, то хотя в ней и не было обмежевано участков под водворение переселенцев, но... в ее пределах тоже найдется достаточный запас земель, пригодных для этой цели. Произведенные в последнее время статистические исследования показали, что в некоторых волостях Нижнеудинского и Балаганского округов наделы старожилов и инородцев доходят до 60-ти десятин на душу. Предполагаемые в недалеком будущем землеустроительные работы обнаружат избыток земель в Иркутской губернии, который может быть употреблен по усмотрению правительства, пока же Иркутской казенной палате предложено представить соображения о возможности образования переселенческого участка из 2-й Коринской казенной оброчной статьи, заключающей в себе до 4 000 десятин удобной земли...»⁷⁰.

⁶⁷ Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – С. 61.

⁶⁸ ПСЗ. III. Т. IX. 1889. Ст. 6198.

⁶⁹ Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – С. 64.

⁷⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Карт. 1058. Д. 2382. Л. 4об.

Число переселяющихся в Иркутское генерал-губернаторство достигло в этот период следующих размеров:⁷¹

Годы	В Енисейскую губернию		В Иркутскую губернию		Всего	
	Число семей	Число душ обоого пола	Число семей	Число душ обоого пола	Число семей	Число душ обоого пола
1885	231	1170	14	68	245	1238
1886	484	2876	–	–	484	2876
1887	178	962	9	32	187	994
1888	163	1029	3	15	166	1044

Сведений за 1889 и 1890 гг. в распоряжении генерал-губернатора не было. Из приведенных числовых данных видно, что в среднем в Енисейскую губернию прибывало ежегодно до 264 семейств, или 1 500 человек.

Под наблюдением губернатора и главного начальника края Енисейская казенная палата занималась устройством быта этих переселенцев, как путем отвода им земельных участков, так и припиской их к местам нового жительства, но по отсутствию закона, облегчающего перечисление крестьян и мещан в губернии Восточной Сибири, половина переселенческих семейств проживала не перечисленными, хотя большинство из них обзавелось и домами, и хозяйствами. Генерал-губернатор сообщал, что громадное большинство прочно уже устроилось на новых местах жительства и обзавелось пахотными и сенокосными угодьями. Объясняя поэтому факт проживания переселенцев без перечисления отсутствием особых узаконений и признавая весьма желательным заселение земледельческим населением свободных пространств Восточно-Сибирского края, генерал-лейтенант Горемыкин считал необходимым принять соответственные меры к наиболее целесообразному устройству уже переселившихся сельских обывателей и мещан и к упорядочению переселенческого движения в будущем. Генерал-губернатор ходатайствовал о распространении на Иркутское генерал-губернаторство закона от 13 июля 1889 г. без всяких изменений, с предоставлением переселенцам тех же льгот и облегчений, которые приведенным законом были установлены для соседней Томской губернии.

Для осуществления надзора за переселенческим делом иркутский генерал-губернатор предлагал учредить еще одну должность чиновника особых поручений при земском отделе МВД непосредственно для Восточной Сибири, мотивируя это тем, что «присоединение хотя бы одной Енисейской губернии к ведению томского чиновника особых поручений при земском отделе, командированного для регистрации и содействия переселенцам, в виду громадных расстояний и значительности переселенческого движения в той и другой губернии, может вредно отозваться на результатах деятельности этого чиновника»⁷². С мнением генерал-губернатора согласились с некоторыми добавлениями министры государственных имуществ и финансов⁷³.

Земский отдел Министерства внутренних дел, в ведении которого до 1896 г. находились вопросы переселения, сообщал иркутскому генерал-губернатору 12 июня 1892 г., что Государственный совет, обсудив ходатайство генерал-губернатора в соединенном департаменте законов и государственной экономии, решил:

1. Действие правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли распространить на губернии Иркутскую и Енисейскую, приравняв эти губернии, в отношении отвода казенных земель переселенцам и предоставляемых им льгот, к губерниям Тобольской и Томской.

2. Лиц сельского состояния и мещан, переселявшихся в губернии Иркутскую и Енисейскую до издания настоящего закона, перечислить к местам нового водворения, с соблюдением правил, изложенных в законе от 13 июля 1889 г. о добровольном переселении крестьян и мещан на казенные земли и о порядке переселения лиц,

71 ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Карт. 1058. Д. 2382. Л. 5.

72 ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Карт. 1058. Д. 2382. Л. 5 об.

73

ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Карт. 1058. Д. 2382. Л. 5–6 об.

перечислившихся в прежние времена, причем отвод казенных земель этим лицам производить на прежнем основании по распоряжению местных властей, без представления о том на решение министерств внутренних дел и государственных имуществ.

3. Учредить при Иркутском генерал-губернаторе должность чиновника особых поручений по переселенческим делам.

Решение Государственного совета было утверждено императором и приняло силу закона 20 апреля 1892 г.;

в) постройка Сибирской железной дороги и организация переселения в Восточную Сибирь

Перелом в отношении правительства к переселениям был вызван строительством Сибирской железной дороги. Заселение местности вдоль дороги диктовалось уже стремлением сделать в перспективе это крупнейшее казенное строительство доходным, обеспечить его достаточным притоком грузов. Законом от 13 июля 1893 г. был образован Комитет Сибирской железной дороги, осуществивший ряд важных мероприятий, намного облегчивших переселение, и, особенно, устройство переселенцев на месте. Фактически он взял в свои руки отвод переселенцам земель вдоль трассы железной дороги, выплату, правда в очень недостаточных размерах, путевых и «домообзаводных» ссуд и т. д. Для переселенцев были установлены примерно втрое удешевленные тарифы (0,3 копейки за версту). Были созданы первые переселенческие пункты на железнодорожных станциях⁷⁴.

Участок дороги от р. Оби до Иркутска общим протяжением 1 754 версты признан участком первой очереди и должен был быть готовым к 1900 г. Из 150 млн руб., отпущенных на строительство, от 14 до 20 млн руб. предназначалось на вспомогательные мероприятия, содействовавшие заселению и промышленному развитию прилегающих к дороге местностей. В этой связи царское правительство ставило на первое место «колонизацию края», успех которого с предстоящим проведением Сибирского железнодорожного пути правительство считало обеспеченным. Залогом такого успеха, по мнению Министерства государственных имуществ, служило «из года в год усиливающееся стремление сельских обывателей Европейской России к переселению в Сибирь, где правительство в последние годы не успевает даже сполна удовлетворять все более и более увеличивающемуся спросу на казенные земли со стороны переселенцев». Это объяснялось естественным приростом населения, с одной стороны, и, с другой – постепенным истощением свободных казенных земель в пределах Европейской России;

г) организация землеустроительных и землеотводных работ на территории Иркутского генерал-губернаторства

Съемка на план и обмежевание сибирских земель начались в первой четверти XIX столетия и имели своей целью формирование административных уездных и волостных районов, прекращение земельных споров среди местного населения. Отношения к поземельному устройству крестьян съемка земель не имела. С началом переселения в Сибирь 22 января 1885 г. для западносибирских губерний был учрежден при местном управлении государственных имуществ особый отряд чиновников по образованию переселенческих участков из казенных земель и по отводу их переселенцам с ассигнованием ежегодно на работы по 40 тыс. руб. С самого своего учреждения отряд наряду с образованием переселенческих участков и отводом их новоселам занимался также поземельным устройством местного старожилого населения, из общего с казной пользования которого отряд отграничивает в казну излишние земли для водворения на них вновь прибывающих переселенцев. Однако в связи с увеличением числа переселенцев отряд не успевал проводить землеотводные работы, кроме того, в 1896–1897 гг. предстояли большие работы по отводу земель вдоль Сибирской железной дороги. Непосредственно с этой целью Министерство государственных имуществ предложило создать три временные поземельно-устроительные партии для работ в губерниях Тобольской, Томской и области Акмолинской. В состав каждой из них входило: 1) для межевых работ 24 топографа; 2) для поземельно-устроительных работ 4 производителя и 1 помощник производителя работ.

Дополнительно считалось необходимым «сформировать еще одну партию, меньших размеров, для образования переселенческих участков вдоль линии железной дороги, в пределах Енисейской и Иркутской губернии, от границы Томской губернии до г. Иркутска. Эта партия имела своей главной задачей заготовление земельных участков вблизи будущих железнодорожных станций и вообще в тех местах, где будет признано необходимым скорейшее возникновение новых населенных пунктов. Работа партии дополняла работы местных губернских межевых чинов и землемеров, образующих поселенческие участки в губерниях Енисейской и Иркутской.

В состав партии входили:

- старший производитель работ, заведующий партией;
- 2 производителя работ;
- помощник производителя работ;
- 2 старших топографа;
- 10 топографов.

Первые работы по обследованию районов будущей железной дороги велись в 1897 и 1898 гг. По трассе дороги были выделены Северный и Южный районы⁷⁵. В первый входили земли Нижнеудинского и Балаганского уездов,

74

Покшишевский В.В. Заселение Сибири. – Иркутск, 1951. – С. 133–134.

75

ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 677. Л. 2.

во второй – Иркутского. Для удобства обследования соответственно по районам из состава Иркутской поземельно-устроительной партии в 1899 г. была выделена Балаганская поземельно-устроительная партия. По мере расширения переселенческого движения и освоения под участки заселения новых территорий в 1911 г. была создана Верхоленская поземельно-устроительная партия.

Таким образом, в начале массового переселения на территорию Иркутского генерал-губернаторства в губернии Иркутскую и Енисейскую ключевыми организационными моментами были:

1. Организация перевозки переселенцев по железным дорогам как можно ближе к местам водворения.
2. Землеотводные работы в указанных выше губерниях, отграничение переселенческих участков, землеустройство старожилого населения.

Важнейшим сопутствующим фактором была постройка Сибирской железнодорожной магистрали, спешные землеотводные работы в полосе отчуждения которой начались с 1894 г. В работах в первую очередь приняли участие землемеры Иркутской и Енисейской губернских чертежных и чины вновь сформированной Иркутской поземельно-устроительной партии. Вслед за постройкой отдельных участков дороги ожидалось поступление переселенцев железнодорожным и водным путем. Основным законом по переселению и землеустройству оставался закон от 13 июля 1889 г., распространенный указом царя в 1892 г. на Енисейскую и Иркутскую губернии Иркутского генерал-губернаторства и закон о заселении полосы отчуждения Сибирской железной дороги от 13 июля 1893 г.

3. Массовое переселение в сибирские губернии и реорганизация управления переселенческого аппарата: а) переселенческий закон от 6 июня 1904 г.

В эпоху империализма усилилось обнищание трудящихся масс города и деревни, ускорился рост аграрного перенаселения. К концу XIX в. избыточное население деревни достигло 23 миллионов человек, составив больше половины всего взрослого сельского населения⁷⁶. Это неизбежно привело к расширению миграционных процессов, и в том числе переселенческого движения. Попытки правительства втиснуть переселение в узкие законодательные рамки становились все менее успешными. Только часть переселенцев попадала в сферу действия правительственного законодательства и получала название законных и поощряемых. Многие переселялись без разрешения правительства. Законы, проникнутые запретительными мотивами, способствовали дальнейшему росту самовольного переселения.

Практика показывала, что самовольный уход крестьян на свободные государственные и кабинетские земли не причинял какого-либо вреда экономическим интересам помещиков. На основе расслоения и пролетаризации крестьянства непрерывно росло избыточное сельское население, готовое на любых условиях предоставить помещикам свою рабочую силу. Переселенческое движение не могло исчерпать резервную армию труда в Европейской России. В то же время оно приобретало положительное значение в народно-хозяйственной жизни страны. Осваивая сибирские земли, переселенцы превращали пустынные, малозаселенные местности в производящие земледельческие районы, расширяли сельскохозяйственное производство в более развитых и населенных областях, вносили оживление в экономическую жизнь Сибири и, в конечном счете, увеличивали национальные богатства и доходы государства⁷⁷.

«Особое совещание по переселенческому делу», в состав которого входили многие видные деятели переселенческого управления, а также иркутский и степной генерал-губернаторы подготовили для Государственного совета основные соображения по вопросу об изменении существующей постановки переселенческого дела⁷⁸. Раньше, указывали авторы документа, Комитет Сибирской железной дороги решал одну задачу – заселение полосы, прилегающей к дороге. Теперь следовало приступить к разрешению с помощью переселения более широких задач – улучшить землепользование крестьян центральных губерний и укрепить окраины русским элементом. Предложения «Особого совещания» об изменении переселенческой политики легли в основу нового закона о переселении, принятого 6 июня 1904 г. под названием «Временных правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан земледельцев»⁷⁹. Новый закон заменил «Правила» от 13 июля 1889 г. и ряд частных законодательных актов конца XIX – начала XX в. Две новые задачи, сформированные «Особым совещанием по переселенческому делу», нашли отражение в первой статье закона. Отныне правительство поощряло всех занимающихся хлебопашеством и желающих идти в районы, заселение которых «вызывается видами правительства», а также тех крестьян, которые шли из мест с «неблагоприятными условиями», то есть из малоземельных губерний. Эти две категории имели право на льготы и материальную помощь со стороны правительства. Все же прочие переселенцы к этой категории не относились, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Согласно статье второй, районы поощряемого

76
Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – С. 70.

77
Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – С. 70.

78
Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – С. 73.

79
ПСЗ. III. Т. XXIV. Ст. 24701.

переселения и местности, подлежащие заселению в «видах правительства», определялись министрами внутренних дел, финансов, земледелия, государственных имуществ и военным. К этим районам относились Енисейская и Иркутская губернии и Забайкальская область (с 1906 г.) Иркутского генерал-губернаторства;

б) перестройка высших органов управления переселенческим делом

Требования нового закона о переселении не могли быть реализованы без соответствующего переустройства аппарата, ведающего землеустройством и переселением.

Созданное в 1896 г. Переселенческое управление МВД руководило передвижением переселенцев и землеотводными работами на местах водворения, землеустроительные же работы проводило Министерство земледелия и государственных имуществ. Министерство было ликвидировано в 1905 г., вместо него образовано Главное управление землеустройства и земледелия, в состав которого царским указом от 6 мая 1905 г. включено Переселенческое управление, изъятое из подчинения Министерству внутренних дел⁸⁰.

Русско-японская война и последовавшие за ней революционные события задержали реорганизацию органов, подчиненных Переселенческому управлению. В ходе Русско-японской войны впервые Переселенческое управление стало заниматься эвакуацией раненых, организацией медицинской и продовольственной помощи, содействовало в перевозках военному ведомству. Старшим агентам управления на местах было присвоено звание уполномоченных Общества Красного Креста, с возложением на них обязанностей по исполнению поручений по контролю за местными организациями общества. Переселенческое управление принимало также участие в перевозке на места приписки порт-артурских пленных из числа уроженцев Сибири, в организации приюта, продовольствия и трудовой помощи жителям острова Сахалин, высланным японцами на материк, и устройстве их на казенных землях. Количество переселенцев в этот период было незначительным, так как отменялись льготные тарифы на перевозку по железной дороге⁸¹.

Функции Переселенческого управления по переселению и землеустройству определялись приказом главноуправляющего землеустройством и земледелием от 18 декабря 1905 г.:

«В видах объединения различных отраслей переселенческого дела, находящихся ныне в заведывании Переселенческого управления, Департамента государственных земельных имуществ и отдела земельных улучшений, я [т. е. главноуправляющий]... признал необходимым:

1. дело отвода земель под водворение переселенцев за Уралом, – в Сибири... передать из Департамента государственных земельных имуществ в Переселенческое управление, причислив к названному управлению весь личный состав... всех временных партий по отводу переселенческих и запасных участков...

2. Сосредоточить в Переселенческом управлении заведывание образованными Отделом земельных улучшений отрядами для гидротехнических изысканий и работ на землях, ограничиваемых под переселенческие участки в вышеуказанных местностях...

4. Поручить Переселенческому управлению представить на мое утверждение:

а) подробные предположения относительно объединения заведывания переселенческим делом на местах, с тем чтобы в каждом из образованных с этой целью местных переселенческих районов общее руководство деятельностью всех переселенческих чинов и организаций сосредоточивалось в лице особого заведующего районом»⁸²;

в) образование Иркутского района землеустройства и переселения

Делом устройства переселенцев, прибывших на место водворения, т.е. указанием им участков, дачей сведений казенным палатам о перечислении их, выдачей казенных ссуд, организацией у них учреждений крестьянского общественного управления до 1909 г. ведали чиновники Главного управления землеустройства и земледелия, носившие на местах звания «заведующих водворением». В своих действиях заведующие водворением руководствовались особой инструкцией от 17 февраля 1906 г. Но так как по многим делам, возникающим у водворившихся на участки переселенцев, последующие должны были обращаться и к крестьянским начальникам, то во избежание дублирования деятельности в 1908 г. генерал-губернатором был возбужден вопрос о возложении на чиновников переселенческого управления, заведующих водворением переселенцев, обязанностей крестьянских начальников, что и было разрешено в 1909 г.⁸³ Вслед за этим последовало указание министра внутренних дел на неравномерность территориального распределения участков между переселенческими чиновниками (получившими

⁸⁰ Обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия с 6 мая 1905 года по 1 января 1907 года. – СПб., 1907. – С. 71.

⁸¹ Обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия с 6 мая 1905 года по 1 января 1907 года. – СПб., 1907. – С. 73–74.

⁸² Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по земельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. – СПб., 1909. – С. 165.

⁸³

права крестьянских начальников) и крестьянскими начальниками, следствием чего явилось изменение границ их участков, которое было осуществлено с согласия МВД в 1909 г.

До 1908 г. Иркутская и Енисейская губернии Иркутского генерал-губернаторства представляли собой один Иркутско-Енисейский переселенческий район, с резиденцией заведующего им чиновника переселенческого управления в Иркутске. Из-за неудобств, возникавших из соединения огромных территорий наряду с усилившимся переселением в ведении одного человека, генерал-губернатором было возбуждено ходатайство о разделении Иркутско-Енисейского района на два района: Енисейский и Иркутский, что и было сделано в 1908 г.⁸⁴ Одновременно в целях объединения деятельности чинов Переселенческого управления, заведующих на местах, с одной стороны, землеустройством старожилов, а с другой – отводом участков под переселение и устройством переселенцев на местах, заведывание как землеустройством старожилов, так и делом переселения передано было в руки одного лица: «заведующего землеустройством и переселением».⁸⁵

На заведующего землеустройством и переселением было возложено общее руководство постановкой всех сторон переселенческого дела во вверенной ему губернии, а именно:

- составление плана работ по изысканию земельного фонда под переселение;
- составление ежегодных подробных смет расходов, состоящих из следующих частей:
  - а) расходов на содержание личного состава, заведующего разными отраслями переселенческого дела;
  - б) операционных расходов по образованию переселенческих участков и экспедиций для изыскания земельного фонда;
  - в) расходов на устройство дорог к участкам и между ними;
  - г) расходов на устройство остановочных пунктов, больниц;
  - д) расходов на выдачу различных казенных пособий и ссуд.

По всем сметным предположениям местных переселенческих организаций Главное управление землеустройства и земледелия желало иметь решение губернской администрации, для чего они рассматривались в особых губернских совещаниях под председательством губернатора. Заведующие землеустройством и переселением в Сибири входили в состав Общих присутствий губернских управлений, с возложением на них заведывания делопроизводством по переселенческой части и с предоставлением им решающего голоса при обсуждении в названных учреждениях дел переселенческих и совещательного – по прочим административным делам.

Заведующие районами переселения помимо представления соответствующим губернаторам смет и предположений по переселенческому делу на каждый предстоящий год обязаны были представлять им также годовые отчеты о деятельности местной переселенческой организации, со сведениями о ходе и положении всех сторон переселенческого дела за отчетный год.

Данная система сохранилась без существенных изменений до революции 1917 г.;

г) образование *Восточного района передвижения переселенцев*

Кроме организации водворения переселенцев огромную важность имела доставка переселенцев к месту водворения.

В 1906 г. были образованы два района передвижения переселенцев – Западный, включавший все пути следования в пределах Европейской России и до Иркутска, и Восточный – от Иркутска до Владивостока. Постоянным местом пребывания заведующих этими районами были Челябинск и Иркутск⁸⁶. Руководство передвижением по Сибирской железной дороге от Челябинска до Иркутска и по рекам Иртыш, Обь, Енисей возлагалась на заведующих переселенческим делом в районах водворения. В 1910 г. правительство провело дальнейшую централизацию управления перевозками⁸⁷. Заведующие районами водворения освобождались от руководства передвижением. Все дело перевозки распределялось между двумя указанными районами. В состав Западного вошли все железнодорожные и водные пути в пределах европейской части страны, отрезок железной дороги от Челябинска до Новониколаевска. К Восточному району относились пути движения переселенцев на восток от Новониколаевска до станции Пограничная Уссурийской железной дороги.

В инструкции о порядке заведывания делом передвижения переселенцев круг обязанностей был определен следующим образом:

1. Оказание переселенцам и рабочим во время их пути установленных законом и специальными правилами видов помощи: а) продовольственной, б) медицинской, в) административной.

84
ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Карт. 1064. Д. 2471. Л. 3об.

85
Там же.

86
Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – С. 172.

87
Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – С. 172.

2. Изучение всех условий передвижения переселенцев и рабочих в целях облегчения, ускорения и оздоровления этих перевозок⁸⁸.

В зависимости от места расположения учреждений и деятельности чинов, обслуживающих передвижение, все учреждения и чины подчинялись губернатору на общих основаниях чинов Переселенческого управления губернаторской власти⁸⁹.

По путям следования переселенцев, в местах наибольшей высадки или «перелома пути», были устроены ряд пунктов для оказания переселенцам временного приюта, продовольственной, медицинской и административной помощи. Главные из этих пунктов функционировали круглый год, часть – в особо интенсивный период передвижения. Пунктами массовой высадки заведовали чиновники в звании «Заведующий пунктом». В более мелких пунктах – заведующим был пунктовой врач или лицо медицинского или хозяйственного персонала. Заведующий пунктом являлся должностным лицом, которому было вверено руководство всеми отраслями переселенческого дела на пункте, кроме больничного дела⁹⁰.

Ближайшим сотрудником заведующего пунктом являлся пунктовой врач, в обязанности которого входило оказание санитарно-врачебной помощи переселенцам. Заведующий пунктом и пунктовой врач непосредственно подчинялись заведующему передвижением переселенцев.

Данная структура Восточного района передвижения переселенцев сохранилась до упразднения Восточного района в 1920 г.;

д) деятельность переселенческих организаций в годы Первой мировой войны

В годы первой мировой войны правительство активно поощряло эвакуацию населения из районов боевых действий. В «Руководящем положении по устройству беженцев»⁹¹ говорилось, что нуждающимся беженцам оказываются, сообразно местным обстоятельствам и имеющейся потребности, следующие виды помощи:

- 1) бесплатная, за казенный счет, перевозка по железным дорогам и водным путям;
- 2) продовольствие как в пути, так и на местах нового водворения;
- 3) предоставление помещения с отоплением и освещением;
- 4) обеспечение врачебной помощью;
- 5) удовлетворение религиозных и образовательных нужд;
- 6) призрение детей беженцев, а также инвалидов;
- 7) подыскание заработка и предоставление юридической помощи;
- 8) снабжение одеждой, бельем, обувью;
- 9) выдача ссуд по правилам, оговоренным особо;
- 10) другие виды помощи, направленные к сохранению хозяйственного инвентаря беженцев в пути и на местах их временного поселения.

Часть работ по перемещению и устройству беженцев взяли на себя Восточный район передвижения переселенцев и Иркутский район землеустройства и переселения. Первый из них обеспечивал передвижение по железным дорогам и водным путям, второй – организовывал заселение беженцами, по их желанию, свободных отмежеванных участков в различных подрайонах. Кроме того, эти же две организации занимались доставкой пленных, оказанием им медицинской помощи. В годы войны было разрешено использовать военнопленных на работах землеустроительных партий. Переселение крестьян в этот период практически прекратилось до 1917 г.

В «Законе о социализации земли», разработанном советским правительством в 1918 г., в разделе «Переселение» говорилось:

«Ст. 33. Переселение земледельцев на новые места должно производиться за счет государства.

Ст. 34. В связи с переселением, государство обязуется помогать новоселам, как при обзаведении постройками, так и устройством дорог, водоемов, прудов... и устройством культурно-просветительных центров.

Примечание. В целях скорейшего развития социалистического земледелия, государство оказывает новоселам всяческое содействие для планомерного и научного ведения коллективного хозяйства»⁹².

Последовавшую за изданием закона волну переселения руководители Наркомата земледелия характеризовали как «массовое движение переселенцев, могущее по размерам превзойти самые тяжелые годы»⁹³.

В телеграфном разъяснении комиссара переселенческого управления Народного комиссариата земледелия от 14 января 1918 г. говорилось: «Непосредственное руководство делами колонизации на местах принадлежит местной

88

Инструкция о порядке заведывания делом передвижения переселенцев и рабочих. Иркутск, 1913. – С. 3.

89 Там же.

90

Инструкция о порядке заведывания делом передвижения переселенцев и рабочих. – Иркутск, 1913. – С. 6.

91 Законы и распоряжения о беженцах. – М., 1916. – С. 123.

92 ГАИО. Ф. 171. Оп. 5. Д. 269. Л. 49.

93 ГАИО.Ф.171. Оп. 4. Д. 82. Л. 113.

переселенческой организации под общим наблюдением исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Переселенческая организация, преследующая общегосударственные цели подчиняется непосредственно Народному комиссариату земледелия, от которого через Переселенческое управление получает руководящие указания. Местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов по делам колонизации заменяют общие присутствия бывших губернских и областных правлений и по сему им принадлежат все права на разрешение ссуд переселенцам в пределах неотмененных законоположений»⁹⁴. В телеграмме от 25 февраля 1918 г. товарищ наркома земледелия требовал «в целях скорейшего осуществления необходимых видоизменений переселенческих организаций для лучшего обслуживания намечавшегося уже переселенческого движения незамедлительно сообщать о всех недоразумениях»⁹⁵. С 26 февраля 1918 г. «для ответственного руководства переселенческим делом в районах областные губернские Совдепы незамедлительно назначают над сохраняемыми районами переселенческими управлениями комиссара по переселению»⁹⁶. В разъяснении по поводу организации переселенческого дела на местах нарком земледелия писал следующее: «Некоторые из старых учреждений, и до настоящего времени обслуживавшие трудовое рабочее и крестьянское население, следует по возможности, хотя бы временно, сохранить, отсекая сейчас от них лишь совершенно неприемлемое и неприспособляемое.

К таким полезным, во всяком случае для народа, установлениям относятся все местные учреждения Комиссариата земледелия по переселению – в качестве местных исполнительных органов Центральной Советской власти и Центрального переселенческого управления.

С переходом всей земли Российской Советской Республики в руки самих трудящихся земледельцев, одной из ближайших задач Советской власти является равномерное распределение земель между всеми трудящимися и расселение вследствие этого трудовых масс по всей территории. Ввиду этого разрушать технический аппарат местных переселенческих организаций, со всем опытным и нужным для важнейшего же времени составом крайне нежелательно в интересах общегосударственных.

Конечно, деятельность переселенческих организаций требует обновления и оживления в целях наискорейшего и наилучшего использования сил этих учреждений для развития хозяйства земледельцев, но Комиссариат по земледелию полагает, что ввиду уже вполне определенно наметившегося ныне массового стремления народа к переселению к коренной реорганизации этих учреждений следует приступать крайне осмотрительно и всячески вообще соблюсти, при постепенном переходе к новым формам организации на местах, непрерывность в работах по удовлетворению неотложных нужд расселяющегося населения.

Ввиду остроты момента нужно привлечь весь наличный состав переселенческих служащих к обслуживанию начавшегося уже переселенческого движения по линиям железных дорог и водным путям, затем к наилучшей технической подготовке имеющегося налично переселенческого земельного фонда, к постройке на этом фонде дорог и колодцев. И вообще к делу прочного устройства новоселов на местах, а также к обеспечению их там врачебно-продовольственной, денежной, инструкторской и сельскохозяйственной кредитной помощью при посредстве специальных переселенческих складов.

Поэтому, в настоящее переходное время, в целях ответственного руководства переселенческим делом на местах, областным и губернским Советам надлежит образовать особые, при Советах, переселенческие секции и назначить ответственных комиссаров по переселению, а в Оренбургском и Иркутском Советах, сверх того, отдельных комиссаров по заведыванию передвижением переселенцев по железным дорогам и водным путям Западной (от Сызрани до Иркутска) и Восточной Сибири (от Иркутска до Хабаровска).

На комиссаров по переселению и переселенческие секции Советов возлагается общее руководство всеми переселенческими организациями в данном районе в согласовании с полученными от Комиссариата по земледелию через Переселенческое управление правилами и разъяснениями»⁹⁷.

Переселенческое управление одновременно констатировало⁹⁸, что «многообразная деятельность Переселенческого управления в настоящий момент находится в полном расстройстве. Между тем усиливающееся с каждым днем движение переселенцев за Урал, куда наряду с землеробами направляется большое количество фабрично-заводских рабочих, требует немедленного восстановления деятельности этих организаций, коренного и, по возможности, единообразного их переформирования в связи с изменившимися условиями жизни и согласованной деятельности с Советами рабочих и крестьянских депутатов. Для разработки предложения по переформированию переселенческого дела за Уралом предлагалось созвать Советский Сибирский переселенческий съезд.

Однако сложившаяся обстановка требовала принятия немедленных решений и конкретных мер организационного порядка «ввиду массового скопления переселенцев на узловых станциях Европейской сети и неперемного их стремления в Сибирь несмотря ни на какие препятствия, – писал начальник переселения Наркомата, – следует теперь же ожидать многих тысяч на переселенческих пунктах. Вследствие повсеместного расстройства транспорта и

94 ГАИО.Ф.171. Оп. 4. Д. 82. Л. 18.

95 ГАИО.Ф.171. Оп. 4. Д. 82. Л. 2.

96 ГАИО.Ф.171. Оп. 4. Д. 82. Л. 4.

97 ГАИО.Ф.171. Оп. 4. Д. 82. Л. 19–19 об.

98 ГАИО.Ф.171. Оп. 4. Д. 82. Л. 64 об.

продовольствия возможны эпидемии, прочие чрезвычайные условия, что возлагает на переселенческую организацию задачу исключительной важности. Поэтому прошу Совдеп: предложите заведующему Восточным районом: 1) немедленно освободить, привести в полный порядок и готовность все помещения переселенческих пунктов, уступленные в разное время посторонним организациям, с обращением всех служебных и жилых помещений по их прежнему прямому назначению; 2) в случае недостатка помещений войти в соглашение о временной уступке другими учреждениями; 3) обеспечить обслуживание переселенцев опытным по прежней деятельности ответственным административным, медицинским, техническим персоналом, предоставив ему решительные полномочия, восстановить в полном объеме работы всех служб, организаций, а также продовольственного, регистрационного и осведомительного отделения. В последующем срочно сообщите в Москву, предупредив исполнительные органы о величайшей ответственности перед народом, Центральной властью за каждый промах, недостаточную распорядительность или мелочные счеты с необходимыми делу лицами»⁹⁹. 26 апреля 1918 г. Иркутский губернский Совет крестьянских депутатов, заслушав вопрос о деятельности Переселенческого управления Иркутской губернии постановил: «Не дожидаясь указаний от центрального правительства, передать в ведение земельного отдела при губсовдепе весь аппарат Переселенческого управления. Принимая во внимание, что на практике некоторыми волостными и уездными Совдепами ликвидированы канцелярии упомянутых подрайонных, функции коих безусловно важны по своему значению в то время, когда ожидается сильная переселенческая волна из России в Сибирь и что для предотвращения осложнений в ходе переселенческих работ желательно сохранение уже готовых и достаточно налаженных органов – заседание нашло, не нарушая подрайонных аппаратов подчинить их деятельность подлежащим уездным земельным отделам Советов крестьянских депутатов.

Для улаживания вопроса с некоторыми подрайонами послать отношения в организации, кои принимали то или другое участие в ликвидации подрайонов, и созвать в земельный отдел губсовдепа представителей от означенных Совдепов и уволенных подрайонных»¹⁰⁰.

Исходя из постановления Иркутского губисполкома Иркутский губземотдел на своем заседании 2 мая 1918 г. постановил:

«1. Управление переселения и землеустройства Иркутской губернии принять в свое ведение с наименованием его «Переселенческий и землеустроительный подотдел земельного отдела Иркутского губернского Совета депутатов».

2. Все дела этого Управления должны быть переданы по описям в ведение земельного отдела особо командированными для указанной цели членами отдела.

3. Все ассигновки на текущие расходы с сего дня должны исходить за подписью председателя [земотдела. – *Е.Ш.] С. Г. Ильинского»*¹⁰¹.

Заниматься переселенческими делами при Колчаковском правительстве Министерству земледелия и колонизации не пришлось. Весь аппарат Иркутского переселенческого района и Восточного района передвижения переселенцев, с подчинением первого второму, были заняты делами беженцев, военнопленных и так далее. Все медицинские учреждения были использованы для размещения раненых белогвардейцев, а также больных тифом и другими эпидемическими заболеваниями. Служащие Восточного района считались служащими организации, обслуживающей санитарно-эвакуационную часть армии и освобождались от призыва на службу¹⁰². В конце 1919 г. в помещении района жили с семьями бежавшие из Омска министр земледелия Петров и многие другие чиновники министерства и Переселенческого управления¹⁰³.

С установлением Советской власти на территории Иркутской губернии (март 1920 г.) предгубревкома Я. Янсон запросил 26 марта 1920 г. Сибревком телеграммой следующего содержания:

«Восточный район передвижения переселенцев за прекращением переселенческого и ходяческого движения остается организацией почти исключительно медицинско-санитарной. Губревком полагая целесообразным упразднение этого учреждения с передачей его функций отделам земельного и здравоохранения, просит указаний Сибревкома по этому вопросу»¹⁰⁴.

Постановление губревкома № 310 от 25 июня 1920 г. гласило: «Во исполнение распоряжения зампредсибревкома и Завсибземотдела тов. Соколова губернский революционный комитет постановил:

...Упразднить Восточный район передвижения переселенцев, образовав для его ликвидации комиссии в составе представителей по одному: губревкома, земотдела, трудсобеса и отдела здравоохранения.

99 ГАИО.Ф.171. Оп. 4. Д. 82. Л. 108–108 об.

100 ГАИО.Ф.171. Оп. 4. Д. 82. Л. 125–125 об.

101 ГАИО.Ф.171. Оп. 4. Д. 82. Л. 118–118 об.

102 ГАИО. Ф. 175. Оп. 3. Д. 24. Л. 13.

103 ГАИО. Ф. 175. Оп. 3. Д. 24. Л. 26.

104 ГАИО. Ф. р-42. Оп. 1. Д. 25. Л. 145.

Из находящихся в распоряжении Переселенческого управления землеотводной и 3 землеустроительных партий образовать особый орган, наименовав его «Земельно-техническая часть при Земельном отделе Иркутского губернского Совета депутатов»¹⁰⁵.

На экземпляре, отправленном в Управление Иркутским переселенческим районом для ознакомления и исполнения, управляющий наложил резолюцию: «по-моему, подчинить, не значит упразднить, как, по-видимому, поняли Ильинский и К°, надо немедленно сообщить в Переселенческое управление, прося срочно указаний»¹⁰⁶.

Однако 11 июля 1918 г. под натиском численно превосходящих сил чехов и белогвардейцев советские войска оставили город Иркутск, а партийные и советские органы эвакуировались за Байкал¹⁰⁷. На Иркутскую губернию была распространена власть Сибирского временного правительства.

Следует указать, что еще в марте 1918 г. на закрытом заседании совещания по вопросам колонизации в Иркутской губернии было решено, «что работы по заготовке нового колонизационного фонда находятся под острым воздействием политических условий настоящего момента. Всякая работа, хотя бы немного затрагивающая интересы местного населения, не может быть начата до того времени, когда вполне определятся главные основания аграрной политики в России вообще и будущего землепользования в Иркутской губернии в частности»¹⁰⁸. По существу, это была программа саботажа всех переселенческих начинаний Советской власти.

25 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство утвердило Временное положение об учреждениях, ведающих земельными делами в Сибири¹⁰⁹. В состав правительства входило Министерство земледелия и колонизации, делами колонизации в свою очередь ведал Отдел министерства, которому подчинялись заведующие переселенческими районами передвижения переселенцев. Штаты переселенческих органов в губерниях были утверждены лишь в октябре 1918 г.¹¹⁰.

II. История фондов

Из документов удалось проследить историю фонда 175 «Восточного района передвижения переселенцев», при ликвидации которого судьба архива оговаривалась отдельно. В протоколе ликвидационной комиссии от 28 июня 1920 года говорилось:¹¹¹

По вопросам:	Постановили:
О передаче архива, дел, отчетности и специальной библиотеки района.	Архив сдается без описи, ввиду его свалки на чердак здания без системы, хотя на него и передаются описи и дела за последний и текущий года, передаются к имеющимся описям и, наконец, библиотека передается вместе со шкафом.

В связи с передачей из различных советских учреждений в 1921–1922 гг. всех оставшихся после ликвидации Восточного района передвижения переселенцев материальных ценностей в губернскую эвакуационную комиссию, встал вопрос и об архиве, находившемся в распоряжении губзема. В отношении особоуполномоченного Центроэвакуа в Сибири начальнику Иркутской линейной эвакуационной комиссии от 3 ноября 1922 г. содержалось требование библиотеку Восточного района переслать в Новониколаевск, а архив, «имеющий научное значение», передать «в Губархив в том положении, как он есть, т.е. свяжите в пачки, припечатайте и пронумеруйте таковые ввиду того, что не имеется описи»¹¹². Как входящий документ отношение зарегистрировано в марте 1923 г. В

105 ГАИО. Ф. 175. Оп. 3. Д. 24. Л. 1.

106
ГАИО. Ф. 171. Оп. 4. Д. 82. Л. 118об.

107 За социалистическую революцию. – Иркутск, 1968. – С. 121.

108 ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. Л. 12.

109 Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. б/м, 1918. № 4. С. 14–19.

110
Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. б/м, 1918. № 22. С. 21–22.

111
ГАИО. Ф. 175. Оп. 3. Д. 25. Л. 7–7об.

112
ГАИО. Ф. 175. Оп. 3. Д. 25. Л. 535.

учетных документах время поступления фонда в ГАИО определить невозможно. Время поступления в архив остальных документальных материалов (таблица 1).

Таблица 1

№ фонда	Год поступления (по делу фонда)	Состояние дел	Примечание
171	1925	удовлетворит.	
172	дата поступления неизвестна	удовлетворит.	
174	1925	удовлетворит.	по описи № 3 107 ед. хр. поступили в 1983 г.
179	дата поступления неизвестна	удовлетворит.	

Дореволюционные описи на данные фонды не сохранились, составление описей в советское время было начато в 30-е годы (таблица 2).

Таблица 2

№ фонда	№ описи	Дата составления	Когда дополнялась	Примечание
171	1	Дата неизвестна	1980 г.	
	2	7 сентября 1943 г.	1950 г.	
	3	10 февраля 1944 г.	1981 г.	
	4	30 декабря 1937 г.	–	Опись присоединенного фонда № 197
	5	дата неизвестна	–	
172	1	2 января 1938 г.	1951, 1952 г.	
	2	2 января 1938 г.	1980 г.	
174	1	18 марта 1948 г.	1956 г.	
	2	18 марта 1948 г.	–	
175	1	29 июля 1942 г.	февраль, апрель 1980 г.	
	2	17 июля 1942 г.	–	

	3	2 декабря 1943 г.	август, декабрь 1952 г.	
179	1	19 марта 1939 г.	–	

Заголовки дел описи в основном правильно отражают содержание входящих в дела документов, хотя имеются некоторые неточности и грамматические ошибки.

Все описи составлены в хронологическом порядке.

Это последняя значительная работа Е.Б. Шободоева, подготовлена для архивно-этнографического музея «Тальцы».

Публикуется впервые.

Раздел IV. Документы свидетельствуют...

Иркутский острог 1731 г.

Описания Иркутского острога – широко известный источник сведений по истории города. Впервые описание, составленное в 1684 г., было опубликовано еще в 1883 г. в изданном на средства А.К. Трапезникова сборнике «Иркутск. Материалы по истории города XVII – XVIII столетий». Значительный вклад в выявление и публикацию данного вида источников внес историк, приват-доцент Санкт-Петербургского университета Петр Михайлович Головачев. Работая в московском архиве Министерства юстиции, он выявил громадное количество совершенно новых материалов по истории сибирских городов, в том числе и Иркутска. Вскоре накопленные об Иркутске сведения оказались востребованными. На деньги мецената и бывшего иркутского городского головы В.П. Сукачева издавался сборник документов «Первое столетие Иркутска». П.М. Головачев был его составителем, готовил комментарии и большую обобщающую статью «Состав населения и экономический быт Иркутска до 40-х годов XVIII в». На современный взгляд, сборник достаточно эклектичен, в него вошли различные виды документов: так называемая «Баснинская» летопись, фрагменты списков и книг текущего делопроизводства. Не все благополучно и с формой подачи документов: допускались произвольные, не отмеченные в примечаниях сокращения текста. Однако до настоящего времени сборник является незаменимым источником по истории нашего города. П.М. Головачев ввел в научный оборот и совершенно новые, не публиковавшиеся ранее описания Иркутского острога. Тот факт, что подобранные в хронологическом порядке описания составляют, по существу, первый, самостоятельный раздел документальной публикации, свидетельствует, насколько большое значение именно этому виду документов придавал составитель. Вполне обоснованно критикуя недостатки трапезниковского издания описи острога 1684 г., он вновь обращается к первоисточнику и печатает его практически полностью, без допущенных первыми издателями искажений. В предисловии Головачев категорически не соглашается с составителем предыдущего сборника о том, что публикацией 1883 г. исчерпываются документы московского архива Министерства юстиции по истории Иркутска. В дополнение к новой, уточненной редакции описания 1684 г. он помещает в книге три описания, ранее историкам не известные. Объединяя их в одну группу, составитель желал представить «материалы, дающие представление о внешнем виде Иркутска, как о той, так сказать, физической среде, в которой развивались известные общественно-экономические отношения». К сожалению, П.М. Головачев не отметил принципиального отличия включенных в сборник четырех документов друг от друга. Лишь из заголовков видно, что два из них являются, по определению автора, «счетными списками», а два других – «описаниями», причем последнее относится к середине 30-х годов XVIII в. и представляет собой, скорее всего, выписку из путевого дневника Г.Ф. Миллера. Первое же по хронологии (описание 1684 г.), по всем данным, также – фрагмент счетного списка, утратившего со временем часть текста и публикуемого не полностью.

Наиболее подробным из них является «счетный список» 1697 г. Обстоятельства иркутской истории привели к управлению городом малолетнего сына умершего воеводы С.Н. Полтева Николая и избранного населением иркутского сына боярского И.М. Перфильева, опытного администратора своего времени. Сама форма такой организации власти без согласия центрального правительства была неординарной, поэтому при передаче власти от бывшего воеводы А.Т. Савелова к Н. Полтеву и И.М. Перфильеву были предельно соблюдены все формальности, в

том числе составлен подробный список находящегося в ведении воеводы казенного имущества, в том числе и архива.

Публикуемый ниже документ выявлен нами в Российском государственном архиве древних актов в Москве, и благодаря любезности заместителя директора архива И.А. Балакаевой его микрофильмированная копия была предоставлена нам для археографической обработки. Уникальность источника и его значимость, помимо прочего, заключаются, на наш взгляд, в данных наружного обмера Иркутского острога, информации о длине его стен. В других описаниях таких сведений нет, поэтому из одной работы в другую переходят сообщения о правильном квадрате, который якобы представлял собой острог. В публикуемом документе обращает на себя внимание подробный перечень орудий и боеприпасов гарнизонной артиллерии, находящегося на хранении воинского имущества. Объяснение этой особенности следует искать в том, что принимал по описи город селенгинский комендант, старый и опытный военный, основатель крупных сибирских крепостей, командир различных гарнизонных частей полковник Иван Дмитриевич Бухгольц.

Данный документ является, по-видимому, последним передаточным актом движимого и недвижимого имущества Иркутского острога, составленным по правилам приказного делопроизводства XVII в. Остается только сожалеть, что с ним ушло в небытие и правило подробного описания сибирских городов вообще и нашего города в частности. Работа с подлинным текстом передаточной описи 1731 г. заставила вновь обратиться к опубликованным ранее описаниям и сделать неутешительные выводы о том, что они требуют серьезной сверки с оригиналами и нового переиздания по всем правилам современной археографии.

В заключение считаю необходимым выразить глубокую благодарность руководству Российского государственного архива древних актов за предоставленную возможность работать с микрофильмированными копиями документов архива. Без их любезного содействия данная публикация была бы невозможна.

Текст публикуется с сохранением особенностей стиля, орфографии и пунктуации делопроизводственной документации середины XVIII в., в отдельных случаях исправления в тексте оговариваются в примечании. Знаки препинания расставлены только в тех случаях, когда необходимо отделить одну часть списка от другой.

1731 году марта 30 дня в Указе ея Императорского Величества ис Правительствующаго Сената писаном декабря 12 дня прошлого 730 году в Иркутскую провинцию написано по указу Ея Императорского величества Правительствующий Сенат приказали в Иркутской провинции быть вице губернатором Ивану Болтину и по прибытии губернатора Плещеева в Тобольск ведено отправить ево Болтина в ту провинцию немедленно, а иркуцкому коменданту Михаилу Измайлову ехать в Москву недожидаясь его Болтина, а город и канцелярию до приезде ево Болтина отдать полковнику Бухгольцу.

И потому Ея императорского величества указу город и канцелярию полковник Иван Дмитриевич Бухгольц у прежняго Иркутской провинции у воеводы лейбгвардии у капитана-поручика господина Измайлова принял а что чего порознь значить ниже сего. А имянно: Город Иркутск деревянной рубленой. По городу строения: четыре башни в том числе башня званием Сергиевская, проезжая осми угловая; от той башни городской стены до угловой башни мерою дватцать сажен, от той угловой башни вверх до угловой башни пятьдесят четыре сажени от той башни до сушила дватцать пять сажен, от сушила до Спаской башни пяддесят шесть сажен два аршина, от Спаской башни до канцелярского нижнего угла семнадцать сажен, от того угла до круглой башни забрано забором тритцать девять сажен. На вышеписанной Сергиевской башне снутра над воротами святые иконы: образ Архистратига Михаила в киоте резном, оклад и риза и венец серебряной, золочены, образ пресвятыя Богородицы венец и гривна серебряны и золочены. На той же доске¹¹³ троицы Живоначальныя, Петр Апостол да Иоанн Богослов, венцы и гривны серебряныи золочены, Сергия и Никона Радонежских чудотворцов венцы и гривны золочены серебряныя.

На другой Спаской башне снутра города над воротами святых икон образ Спасителей нерукотворенной, на той же доске по сторонам образы богоматери да Иоанна Предтечи оклад венцы и гривна серебряныя, золочены; в вонную сторону образ пресвятыя богородицы знамения в киоте резном, оклад, венец и гривна серебряныя золочены да подниз низаной жемчюгом немецким.

В городской стене канцелярия каменная о трех жильях к ней прирублена деревянная судебня, в ней стены обиты холстом двери красным сукном построена в «728» году крыта тесом кругом перила под ней анбар-кладовая.

Во оной канцелярии стол судейской, на столе сукно красное аглинское мерою полтретья аршина да сукно красное ж что покрывает на столе всякие дела мерою полтретья аршина.

На том же столе на дву досках стоят перикопии с указов блаженныи и вечнодстойныя памяти Ея императорского величества которя велено иметь пред очми судящих, два тюфика стежныя, ветхия крыты зеленым сукном на которых преж сего сеживали судьи.

На ящике на печате сукно красное мерою аршин без двух вершков на судейском столе чернильница оловянная.

Да во оной же канцелярии святых икон: образ Спасителен на той же доске по сторонам образ пресвятыя Богородицы да Иоанна предтечи, Апостола Петра, Алексея человека Божия, венец и гривны серебряныи в том

числе у двух гривенок нет. Образ Спасителей нерукотворенной без оклада в киоте. Образ пресвятыя Богородицы Владимирской оклад и риза и венец серебряныя вызолочены.

В вышеписанных трех каменных палатах где сидят подъячие по столам святые иконы, два образа Сергия да Никона Радонежских чудотворцев венцы и гривны серебряныя вызолочены. Образ пресвятыя Богородицы знамения без оклада. Образ пресвятыя Богородицы Владимирской венец серебряной в киоте.

В тех палатах девять окошек с решетками железными в том числе у двух затворы железныя да три окошка без решеток во оных окошках во всех окончины слюдяные обиты белым железом; да в деревянном пять окошек в них окончины слюденныя железом же обиты.

Под выше писанными каменными палатами три палаты ж кладовыя в трех окнах решетки и затворы и двери с нутренними замками железными.

Да при тех палатах анбар деревянной которой был преж сего под канцелярскою лестницею, да четыре решетки железных вынятых ис канцелярских окон да дверь, и да два затвора из окон железные.

Артиллерии и артиллерских припасов за приемом казачия полковника Степана Литовского, шесть знамен камчатых, семое кумашиное, ветхие, два знамя да значик присланныя с писмом от салдата Петра Черкашенина и[с] зоборных Рупышева пожитков. Четыре протазана.

Пушки медныя московской присылки прошлых лет: пушка в станку на колесах мерою три аршина весом по подписи двадцать три пуда шеснатцать фунтов; пушка в станку на колесах мерою три аршина весом по подписи двадцать три пуда; пушка в станку на колесах мерою три аршина весом по подписи двадцать один пуд десять фунтов; пушки чугунные покупныя в Иркутску в караван купчины Григорья Осколкова; пушка в станку окованом на колесах мерою аршин пять вершков весом пять пуд десять фунтов; пушка в станку окованном на колесах мерою аршин четыре вершка весом четыре пуда шеснатцать фунтов; пушка в станку окованном на колесах мерою аршин бес пол-вершка весом два пуда десят фунтов; пушка в станку окованом на колесах мерою аршин бес вершка весом два пуда десять фунтов.

Пушки чугунные ж: пушка в станку мерою четырнадцать вершков весом два пуда пят фунтов, пушка в станку мерою тринадцать вершков весом один пуд тринадцать пять фунтов; пушка в станку мерою тринадцать вершков весом два пуда; пушка в станку мерою тринадцать вершков весом один пуд тринадцать пять фунтов; пушка в станку мерою тринадцать вершков весом дватцать фунтов; пушка в станку мерою восемь вершков с полувершком весом пуд пять фунтов; пушка в станку мерою восемь вершков с полувершком весом пуд.

К тем пушкам артиллерских припасов: пятьдесят два ядра болиших железных, четыреста восемьдесят ядер малых железных.

Триста восемнатцать копей железных, сто восемьдесят восемь спись железных, тринадцать три бердыша, кужк и шишак наручень мунгалския железныя, одна сулема мунгалская железная¹¹⁴.

В городе для поклажи ея императорского величества зелейной казны погреб каменной¹¹⁵, в дву окнах затворы и двери с нутрянными замками железными в том погребе зелейной казны: пороху пушечного, годного, сорок четыре пуда тринадцать три фунта с полудуном, пороху фузейного годного дватцать четыре пуда одиннатцать фунтов, фузейного негодного тринадцать семь пуд дватцать фунтов; пороху винтовошного негодного тринадцать шесть пуд; да пороховой грязи¹¹⁶ четыре пуда один фунт. Да к перекручиванию пороху и инструментов шесть поддонов, да шесть оковов медных по весу тринадцать два фунта, катышев свинцовых дватцать девять решет одно сито негодное два ведра деревянных.

Да за приемом Иркутского служилого человека Ивана Добрынина пороховой анбар деревянной кругом оног анбара забрано заплотом в том заплоте сарай. Да пороховых припасов: сорок четыре лотка, четыре карыта малых, два карыта болиших, десять ступ, девять пестов ножных, три песта рушных семь решет, четыре сита, одно ведро – один ковш, одна мешалка.

Да в канцелярии судейской Ея Императорского величества печати сребрянныя: одна городовая на ней вырезан бабр поймал соболя, да две проезжая в мунгалы на них вырезаны орлы, когда отпускались из иркуцкой правинциальной канцелярии купцы для торгу и печатали папшорты. Да две ж печати на имя блаженныя и вечностойныя памяти Ея Императорского величества другая на имя Его Императорского величества.

Да присланных из разных мест серебряных прежних печатей а имянно: из иркуцкой ратуши две: одна иркуцкого магистрата, вторая селенгинской ратуши; да из Нерчинска одна, из Ылимска две, из Якуцка две ж.

Городовые два ключа, третей калиточной. Присланной ключ за печатью из Нерчинского бергамта, которой прислан при коробке которая коробка прислана з денежною Ея Императорского величества казною.

114

Кужк, шишак, наручень, сулема – предметы индивидуальной защиты конного воина, головные уборы и части доспехов. К середине XVIII в. в русской армии не использовались. Указание о монгольском происхождении может свидетельствовать о том, что они являлись трофеями.

115

Зелейной казны погреб – место хранения пороховых (зелейных) запасов, т. е. пороховой погреб.

116

Речь идет о подлежащих переработке остатках пороховых запасов. С целью предотвращения незаконной торговли порохом велся строжайший учет всех остатков, в том числе и непригодного к использованию пороха.

В переплете: печатной наказ иркуцкой провинции воеводам с товарищи которой печатан в Москве при сенате 728 году сентября 17 дня письмо от тайного советника и кавалера графа Савы Владиславича о присылке между Российского и китайского империев сново постановленного мирного трактату и с разтенных пограничных писем и с резстру постановленным маякам и караулом копии и о протчих пограничных делах и других наставленных за рукою секретаря посольства Ивана Глазунова. Печатное Уложение. Наказные статьи, каковы состояли в Сибирском приказе в 204 году за приписью дьяка Афонася Гарасимова. Список с новоуказных статей 177 году о татиных и разбойных делах которой прислан ис Тоболска в Ыркуцк в 195 году за приписью дьяка Максима Данилова. Копия з договорных статей с китайцами, мунгалскими таишами полномочного посла околничего Федора Алексеевича Головина 197 году.

Да прошлых лет китайских пять листов да переводы с китайских листов 202 году. Книга записная грамотам. Копия с регламенту.

Московской присылки золоченых копеек тритцать девять алтын. Чекан железной денежной воровской да притом чекане одиннатцать алтын денег воровских же. Клеймо железное, которым клеймят винные ковши. Четыре печати медныя с орлами, да клеймо Иркуцкой таможни медное ж. Одно петно железное которым лошадей петнать. Да тиски железныя.

Грамота великого государя о ведении сибирской губернии печати 710 году марта 31 дня. Таможенныя статьи за рукою бывшего губернатора князя Гагарина. Обрасыцы присланныя ис Тоболска осталья от роздачи камериру по которым велено сочинить месячныя и прочия ведомости. Копия с инструкции камерирской и камисарской и рентместерской. Присланной ис Тоболска камень по которому таким же подобием велено приискивать камни ж.

Да в канцелярии ж за приемом сторожей два подсвешника медныя весом полтретья фунта, аришин железной, замок висячей, три заслона железных печных, одне клещи кузнешины, заслонка малая железная, шесть кусков железа общаго весом дватцат девять фунтов. Две полицы железныя весом девять фунтов, четыре чеши двоешныя, две чеши со стулами¹¹⁷, пятеры железа ножныя, двои кандалы, двои железа конския. Таз медной весом полсеми фунта, одиннатцать шандалов железных шестеры щипцы.

Безмен з гирею медной четверо пудной. Одно ведро медное за орлом, два котлика медных, зеленой меди весом восем фунтов, один котел железной. Два бердыша. Одна гиря железная пудовая, две тупицы, стакан медной, меди лому весом пять фунтов, сковородка медная весом полфунта, стакан оловянной, два лома железные, две пицали, лопатка железная, дватцать два куска меди пушечной весом пуд шес-натцать фунтов, два жигала железные, две чарки медныя.

В городской стене шесть анбаров деревянных кладовых, в том числе под одним анбаром погреб.

Да в городе ж Ея Императорского величества двор где живут воеводы строения на том дворе пять горниц, одна каморка, двои сени и во оных горницах святых икон: в передней горнице образ Спасителей, по полями оклад серебряной золоченой. В прихожей на картине в рамках распятие господне, в посторонней горнице на картине ж образ пресвятыя богородицы в рамках, да в сенях образ распятия господня.

В тритцати в одном окошке окончины слюдяные ветхия. Да при том же доме в сенях два чулана, да две бани – одна новая другая ветхая. Да под горницами три жилья подклети, четвертой мшеник. Да прямо тех хором, вотставке, поваренная изба да поварня, меж ими сени. Погреб с выходом на том погребу анбар ветхия, летник с погребницею. Возле того анбара конюшня ветхая.

Да в городе ж преждебывшая земская контора и рентерея, между ими сени, в сенях чулан под конторою и рентерею и сенми, три анбара да поклеть деревяныя ветхия, которыя строены в 723 году в бытность воеводы Полуехтова камерира Федора Петрова, в них шеснатцать окошек колодных в них, окошках, окончины ветхия у одного решетка железная.

В них святых икон: образ Спасителей, по полям образ чудотворца Николая да Иоанна воиственника в киоте. Образ Алексея Митрополита Московского чудотворца.

Да караулная изба деревянная с перилами кругом посаду обнесено полисадом мерою тысяча двести семдесят сем сажен в том палисаде четырнадцат редутов трои ворота при них засовы и три замка висячы железные вокруг того полисаду ров и около рва обнесено рогатками.

Росписной список бывших Иркуцких воевод лейб гвардии капитана поручика господина Измайлова и столника Полуехтова а по коликое число указов и протчих дел о том явно в том росписном списке имянно да бытности лейб гвардии капитана поручика и воеводы господина Измайлова 724 году октября с 15 числа за крепкою по листом ево рукою дел.

Разрядного повестья.

Источники: Государственный архив древних актов. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 5. Д. 2427. Л. 1–8 об.

Публикуется по: Земля Иркутская. – 2001. – №16. – С. 9–12.

Из отчета губернатора Трескина

Публикуемые фрагменты о постройке Кругобайкальской колесной дороги и организации работ по реконструкции Московского тракта взяты из отчета иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина за 1806–1812 гг., хранящегося в библиотеке Государственного архива Новосибирской области. Цель отчета – описать достижения гражданского управления Иркутской губернией, дискредитируя попутно деятельность предшественников. Несмотря на тенденциозность источника, он содержит интереснейшие фактические сведения. В нем вполне объективно оцениваются результаты работы по прокладке тракта в 1801–1806 гг., когда строители не смогли полностью справиться с поставленной задачей и сделать дорогу пригодной для перевозки грузов. Использование прежней, построенной в конце XVIII в., дороги и сохранение на ней сети почтовых станций – косвенное тому подтверждение.

Авторское влияние Н.И. Трескина при составлении отчета – несомненно. Местами речь вообще идет от первого лица, поэтому описание скверного состояния путей сообщения в губернии можно вполне считать свидетельством очевидца. Зная из других источников практику административно-хозяйственной деятельности губернатора, особенно по строительной части, ясно представляются методы строительства дорог. С гордостью утверждая об экономии казенных средств, автор умалчивает о принудительных мерах, использованных при работах. Учитывая малонаселенность тех мест, можно утверждать, что для несения дорожной повинности местное, в основном бурятское население, собиралось за многие сотни верст от объекта строительства, имея по правилам того времени свой инвентарь, транспорт и продовольствие.

Кроме интересующей нас Кругобайкальской дороги в этот период произведена реконструкция Московского и Верхоленского трактов. Последний строили ссыльнокаторжные. Московский же тракт реконструировался силами местного населения, на основе обязательной «натуральной» дорожной повинности. В тексте отчета, где говорится о реконструкции Московского тракта, имеется краткое описание метода организации работ, и поскольку Н.И. Трескин ссылается в отчете на применение тех же методов при строительстве дороги кругом Байкала, мы приводим и второй фрагмент.

Отчет, в целом, является интереснейшим источником по истории нашего края в начале XIX в. Мы и в дальнейшем будем знакомить читателей журнала с его фрагментами.

Пользуясь случаем, благодарим коллег-архивистов из Государственного архива Новосибирской области за предоставленную возможность работать с этим ценным историческим документом.

Из отчета иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина за 1806–1812 гг.

Фрагмент 1

О постройке Кругобайкальской колесной дороги

...Другая наитруднейшая в здешней губернии есть сухопутная дорога, от Иркутска кругом Байкала до Кяхты. Сия дорога проложена на 173-х верстном расстоянии по высочайшим снежным хребтам гор, окружающих Байкал-море. Высшему правительству известно, что на устройство оной употреблено прежним начальством здешним более 30 000 руб[лей] казенных денег; но настоящее устройство, после которого она по крайней мере была бы удобна к верховой езде, сделано не было – и как почты, так и проезжающие ездили по старой Кругобайкальской дороге, которая более 200 верст против сей и к обращению в тележную дорогу почти невозможна.

Главная же цель, для которой нужно учредить Кругобайкальскую тележную дорогу та, что в ноябре месяце, когда начинается главный меновой торг в Кяхте и отправление оттуда китайских товаров, водяное сообщение через Байкал пресекается уже.

С определением в Сибири генерал-губернатора, действительного тайного советника Селифонтова, ему высочайше поручено было, возможным образом устроить дорогу сию. Вместе с сим присланы сюда двое инженерных офицеров, единственно для устройства Кругобайкальской дороги. Они занимались сим делом и наконец донесли начальству, что дорога сия совершенно ими исправлена. Для освидетельствования и принятия оной послан был особенный чиновник в 1806 году, который донес, что дорога сия к тележному проезду совершенно неудобна – что в некоторых местах с великою нуждою можно было проехать и на верховых лошадях, а в других, как то на горах и хребтах, совершенно невозможно, по опасности свергнуться в пропасти – что мосты на речках быв непрочны устроены, все снесены – что броды на речках весьма опасны, по причине чрезвычайной быстроты речек – что на крутизне и по каменистому грунту самого высокого снежного хребта Хамар-Дабана и узкости проложенной по оному дороги, тележный проезд невозможен и даже опасен, по причине окружающих оный хребет пропастей, и разве с помощью токмо большого числа людей, предпринимаем быть может – что во многих разных местах тележной дороги нет и быть не может – что во многих местах, особливо же в болотистых и на верховой лошади проехать невозможно – должно вести лошадь с великим трудом и проч. и проч.

Сие описание Кругобайкальской дороги и естественное положение ее казалось могло уверить всякого, что исправление таковой дороги обыкновенными способами тщетно и невозможно, и что если исправлять ее, то потребна была бы сумма по крайней мере вдвое против той, какая употреблена уже на устройство ее. По надлежащем испытании представленных затруднений и по личном обозрении сей дороги, я удостоверился так же, что и тут нужно было токмо употребить прилежание и искусство, при малом пособии со стороны иноверцев, при сей дороге живущих и [по?] временным исправлением обязанных, неупотребляя на то никаких денежных издержек.

Приступив к исправлению и сей дороги на тех же самых правилах, какие и выше объяснены я в одно лето успел без всяких со стороны казны и обывателей денежных издержек, исправить сию дорогу так, что теперь все купеческие обозы, следующие без малейшей опасности и остановки, проходят. А вместе с сим на сию же дорогу со старой переведены почтовые станции, устроены почтовые дома – и теперь сообщение между Кяхтою и Иркутском самое удобное.

Вид сей необыкновенной дороги в настоящем ее состоянии, прилагается при сем...

Фрагмент 2

Об организации работ по реконструкции Московского тракта

...Собрав таким образом все нужные к сему сведения и сделав заблаговременно все приготовления – я приступил к самому исправлению. К исправлению сей дороги наряжены были обыватели тех же самых ближних и отдаленных селений, из коих наряжаемы были прежним начальством, с тою токмо разностию, что в наряде сем соблюдена всевозможная уравнительность и облегчение для поселян: ибо от каждых 100 душ наряжено было только по 3 человека. Главное наблюдение за исправлением дороги возложено было на одного из инженерных офицеров; при нем находилось несколько казаков, которые были начальниками партий рабочих, разделенных на десятки – и каждый десяток, или несколько оных имели свой участок, к исправлению назначенный. Продовольствие рабочих, охранение их от болезни и все прочее, что только служить к обеспечению всяких нужд и совершенному порядку в производстве сего дела придумано и учреждено было лучшим и облегчительнейшим образом для поселян, без всяких денежных с них поборов и при том без отвлечения от хлебопашества и домашнего хозяйства, ибо на все сии случаи изображены и предписаны были полные правила...

Публикуется по: Земля Иркутская. – 1995. – № 4. – С. 32–35.

Первый опыт охраны памятников сибирской истории

Подборка, которую мы предлагаем Вашему вниманию, составляет самостоятельное дело «О древних башнях». Оно включено в годовой сборник документов из архивного фонда Илимского мещанского управления, находящегося в Государственном архиве Иркутской области.

По своей значимости, составу и содержанию оно представляет собой совершенно уникальное явление не только потому, что содержит сведения о первой реставрации здравствующей и поныне проезжей башни Илимского острога, но и потому, что, читая документы, мы получаем редчайшую возможность представить отношение разных слоев общества к самому понятию «памятник истории и культуры» применительно к середине позапрошлого века. Восприятие полуразрушенных башен старинного острога должностными лицами губернской и уездной администрации и должностными лицами мещанского управления в самом заштатном городе Илимске существенно разнятся.

Иркутский губернатор Карл Венцель, вступивший в должность в 1851 г. и совершавший объезд вверенной ему в управление губернии, был, безусловно, весьма образованным и сведущим человеком. Он начинал свою службу на юге России, в Причерноморье, где в 1820–1840-е годы происходил настоящий взлет интереса к древностям, проводились грандиозные раскопки скифских курганов и изучение древнегреческих поселений. У нас нет точных данных, принимал ли в этих работах участие офицер по квартирмейстерской части и военный топограф К. Венцель, но исключить такую возможность нельзя, тем более, что он по приказу начальства занимался топографической съемкой местности в Крыму. Нет ничего удивительного в том, что, увидев бедственное положение старинных башен, тогда еще составлявших вместе с деревянными церквями единый комплекс, губернатор распорядился произвести хотя бы минимальные исправления. Киренский уездный земский исправник и заседатель уездного земского суда со всей бюрократической ответственностью понуждали непосредственного исполнителя – илимского земских дел старосту выполнить поручение губернатора. Очень характерным документом является отпуск донесения старосты на имя заседателя земского суда. Сам отпуск – черновик документа, написан писарским почерком, но просто убийственное предложение в случае отсутствия финансирования работ уничтожить башни дополнительно вписано в первоначальный текст, скорее всего, самим старостой. Невольно возникает вопрос, как же относился житель старого Илимска и его высшее должностное лицо к памятнику прошлого?

В публикацию включены все документы данного дела. Они подготовлены к публикации с сохранением всех стилистических особенностей текста. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными правилами.

1. Распоряжение Киренского земского исправника Илимскому мещанскому старосте об исправлении и недопущении дальнейшего разрушения башен бывшего Илимского острога

г. Киренск

10 (22) февраля 1852 г.

Илимскому мещанскому старосте

При осмотре древних башен г[орода] Илимска я отдал тебе приказание как о недопущении их до дальнейшего разрушения, так и о производстве некоторых работ по поправкам их, а именно: о переборе крыши, о поправке лестниц и об устройстве, где будет нужно, стоек около стен, на тот предмет, чтобы оные не качались на сторону.

Получив ныне от господина военного губернатора¹ предписание о поддержании башен от разрушения местными способами без денежных расходов и предписываю об этом тебе; поручаю донести мне, исполнено ли что тобою по данному мною словесному приказанию о производстве работ к поддержанию башен; если же ничего не исполнено, то приступить к исполнению немедленно и мне донести.

Исправник /подпись/

ГАИО. Ф. 763. Оп. 1. Д. 11. Л. 302–302 об.
Рукопись.

Примечания

В левом верхнем углу, на месте углового штампа, записано от руки: «Киренский земский исправник. 10 февраля 1852 г. № 75. г. Киренск».

Ниже, по левому полю, записано от руки: «Объявить сие предписание при собрании обществу – с предложением о исправлении и поддержании башен и о последующем г[осподину] исправнику донести».

Выше текста запись: «№ 40-й. Получ[ен] 19 февраля 1852 года».

¹ Военным губернатором Иркутска и иркутским гражданским губернатором в 1851–1959 гг. был генерал-майор Карл Карлович Венцель (1796 или 1798–1874).

2. Распоряжение заседателя Киренского земского суда Илимскому мещанскому старосте о немедленном исполнении приказа Иркутского губернатора об исправлении башен бывшего Илимского острога

г. Киренск 11 (23) марта 1852 г.

Илимскому мещанскому старосте

В следствии предписания г[осподина] киренского земского исправника, последовавшего по <...>¹ господина начальника губернии, поручаю тебе ныне же распорядиться об исправлении трех древних башен, находящихся в городе Илимске, домашними средствами, потому что правительство² никаких на этот предмет издержек на себя не принимает, как объявлял я уже о сем лично.

Заседатель /подпись/

Источники: ГАИО. Ф. 763. Оп. 1. Д. 11. Л. 303–303 об.
Рукопись.

Примечания

В левом верхнем углу, на месте углового штампа, записано от руки: «Заседателя барона Вахштейнского 11 марта 1852 г. № 221».

Ниже, по левому полю, написано от руки: «Для должного и неременного исполнения приобщить к делу».

¹ Слово неразборчиво.

² Имеется в виду губернская и местная администрация.

3. Распоряжение Киренского земского исправника Илимскому мещанскому старосте о минимализации затрат на исправление башен бывшего Илимского острога

г. Киренск 15 (27) марта 1852 г.

Илимскому мещанскому старосте

На донесение Илимского старосты с общественным приговором от 1 марта за № 85 отвечаю, что на исправление древних башен, находящихся в г[ороде] Илимске, не должно быть употреблено значительных издержек кроме личных трудов, ибо при исправлении их должно стараться лишь об одном, чтобы сохранить их в настоящем виде и отнюдь не допустить до дальнейшего разрушения.

Земский исправник /подпись/

ГАИО. Ф. 763. Оп. 1. Д. 11. Л. 304–304 об.
Рукопись.

Примечания

В левом верхнем углу, на месте углового штампа, записано от руки: «Киренский земский исправник. 15 марта 1852 г. № 163 г. Киренск».

Ниже, по левому полю, написано от руки: «Для должного и неременного исполнения приобщить к делу».

Выше текста запись: «№ 66. Получ[ен] 19 марта 1852 года».

4. Рапорт Илимского мещанского старосты заседателю Киренского земского суда об исполнении распоряжения Иркутского гражданского губернатора и произведенных работах по исправлению башен бывшего Илимского острога

г. Илимск

9 (21) мая 1852 г.

Господину заседателю Киренского земского суда барону Вахштейнскому

В следствие словестного приказа Вашего Высокоблагородия Илимское мещанское общество озаботилось исправить из числа трех древних башен г[орода] Илимска одну – а именно Спасскую – следующим образом: снв орел, крышу и все ветхости заменяются новым устройением, а прочие две башни – Знаменская и Николаевская – остаются в прежнем безобразном виде и полуразрушенными. Общество же от исправления их решительно отзывается по случаю крайней бедности, и при малочисленности в городе Илимске жителей считают крайним обременением и невозможностию^а и надеются, что правительство не лишит подать помощь для исправления их, в противном же случае просит об совершенном уничтожении их^а, ибо и у исправляющейся Спасской башни остаются неисправности самые важныя, т[о] е[сть] С[вятые] Иконы, на исправление коих необходимо потребна денежная сумма до 50 или по крайней мере до 40 руб[лей] сер[ебром], а общество излишних сумм в сборе на этот предмет нисколько не имеет, а надеется на боголюбивых и доброхотных дателей, о чем для сведения и зависящего со стороны вашей распоряжения имею честь донести.

Верно /подпись/

Источники: ГАИО. Ф. 763. Оп. 1. Д. 11. Л. 305–306 об.
Отпуск, рукопись.

^{а-а} – вставка между строк и на полях документа.

Публикуется по: Земля Иркутская. – 1995. – №4. – С. 32–35.

Документы официальной переписки Главного управления Восточной Сибири о научно-исследовательской деятельности Венедикта (Бенедикта) Дыбовского

Представленные в подборке документы являются частью официальной переписки о пребывании в Сибири известного ученого биолога, политического ссыльного Венедикта (Бенедикта) Ивановича Дыбовского. Выдающийся вклад в мировую науку и неординарная личная судьба этого человека привлекали к нему внимание современников еще при его жизни. Сибирские ученые осознавали его роль в становлении местной научной школы, проявляли интерес к его биографии. Для целого поколения младших современников Дыбовского он был образцом беззаветного служения делу, бескорыстным исследователем тайн природы и ее уникального творения – озера Байкал.

Как ни странно, о жизни Дыбовского до сибирской ссылки было известно очень мало. О том, при каких обстоятельствах он попал в число едва ли не главных руководителей восстания 1863 г., не знали даже самые близкие знакомые. Лишь в 1936 г. была приоткрыта завеса тайны над биографией выдающегося ученого. Этому способствовало творческое сотрудничество профессора Иркутского государственного университета Сергея Николаевича Лаптева и заведующего историческим архивом Восточно-Сибирского краевого архивного управления, в дальнейшем – доктора исторических наук Федора Александровича Кудрявцева. При разборе и описании архивного фонда Главного управления Восточной Сибири Ф.А. Кудрявцев обнаружил «Дело о политических преступниках: Венедикте Дыбовском, Викторе Годлевском, Александре Чекановском, Вронском, Михаиле Янковском и других»¹¹⁸. Копии документов были направлены Ф.А. Кудрявцевым в распоряжение С.Н. Лаптева, к тому времени переехавшего в г. Пермь. С.Н. Лаптев – географ, палеонтолог, занимался историей географических открытий, был автором нескольких книг и статей, знатоком архивных документов. В течение многих лет он собирал сведения о Дыбовском, а в 1927 г., находясь в с. Култук на оз. Байкал, опрашивал старожилов, которые помнили еще самого ученого. Тогда же им были сделаны фотоснимки дома, в котором жили Дыбовский и Годлевский, а также части дома, названной «лабораторией», где они препарировали и обрабатывали собранный материал.

Документы официальной переписки, любезно предоставленные в распоряжение С.Н. Лаптева Ф.А. Кудрявцевым, стали основой статьи «Материалы к биографии и научно-исследовательской деятельности Б.И. Дыбовского в Восточной Сибири» в Известиях Государственного географического общества за 1939 г. [Лаптев, 1939]¹¹⁹. Автор использует

118

ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Карт. 2228, я. 32 (в настоящее время: по описи особо ценных дел – дело 554).

119

Лаптев С.Н. Материалы к биографии и научно-исследовательской деятельности Б.И. Дыбовского в Восточной Сибири // Изв. Гос. геогр. о-ва. – М.; Л.: Изд-во АН., 1939. – Т. 71. – Вып. 6. – С. 856.

обширные цитаты из документов, а также полный текст статейного списка Дыбовского. Работа стала со временем источником сведений об этом периоде жизни ученого, а воспроизведенные документы неоднократно цитировались другими биографами без ссылки на архивное дело, которое хранится в настоящее время в Государственном архиве Иркутской области.

При всех несомненных достоинствах статьи С.Н. Лаптева, приведенные в ней документы не могут считаться полностью опубликованными. Кроме того, использованы далеко не все, относящиеся к личности Дыбовского, документы дела.

Публикация документов официального делопроизводства позволяет представить систему взаимоотношений ссыльного ученого и местной администрации, использование творческого потенциала политических ссыльных для изучения малоосвоенного края.

Всего к публикации подготовлено 11 документов. Археографическая обработка проведена заводделом информации, публикации и научного использования документов ГАИО Е.Б. Шободоевым в соответствии с «Правилами издания исторических документов СССР» [1990]¹²⁰, «Методическим пособием по археографии» [1991]¹²¹.

Одним из наиболее спорных вопросов данной публикации является употребление имени Дыбовского. В документах, в том числе написанных собственноручно, употребляется имя Венедикт. Первое употребление имени Бенедикт относится в наших документах к 1875 г. Статейный список 1864 г., основной учетный документ политического ссыльного, оформлен также на Венедикта Дыбовского. Обстоятельства и причины употребления имени Бенедикт предстоит выяснить будущим биографам, мы же решили использовать второе имя в скобках, так как это сделано в статье о Дыбовском в последнем выпуске Большой Советской Энциклопедии [1972].

Публикацией этих документов тема пребывания Дыбовского в Сибири не исчерпывается. Мы благодарны руководству НИИ биологии при ИГУ за возможность опубликовать данные документы и надеемся на сотрудничество в изучении творческого наследия выдающегося ученого.

1. Докладная записка Венедикта (Бенедикта) Дыбовского генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову¹ о необходимости ихтиологических исследований на р. Амур

с. Дарасун Забайкальской обл. 12 июля 1868 г.

Его высокопревосходительству господину генерал-губернатору Восточной Сибири генерал-адъютанту Михаилу Семеновичу Корсакову

Политического поселенца Венедикта Дыбовского

Докладная записка

После трудов новейших путешественников по Амуру, на коих поездки сделаны были огромные пожертвования со стороны правительства и Географического Общества, почти все классы как животного, так и растительного царства нашли своих специалистов, а также геогностические и палеонтологические сведения собраны и разрабатываются в эту минуту господином Фердинандом Шмидт[ом]. Осталась только ихтиологическая часть нетронутой. Во время моего пребывания в С[анк]т-Петербургском музее естественных наук я по просьбе профессора [академика Брандта² пересмотрел коллекции, составленные по этому предмету; они были в самом жалком виде и совсем недостаточны для научного исследования. Несмотря на то, я ни в одном из сочинений, касающихся описания Амура, не нашел самых важнейших сведений о времени метания икры, о цвете тела в рыбах, не измененных действием спирта. Эти же все наблюдения должны быть деланы на месте и на живых экземплярах, а наблюдения эти возможны только тому натуралисту, который жил бы на месте ловли рыб и был специалистом по этому предмету.

Я в последние два года успел заняться рыбами Забайкальского края, в удостоверение чего представляю при сем предварительно: диагнозы и рисунки здешних рыб, сделан[н]ы[e] с помощью ихтиометра. Положение мое не позволяло исследований довести до того, чтобы уже теперь приготовить подробные, окончательные описания, ибо для этого нужны: постоянное пребывание над речкой и возможность распоряжаться собою.

Но так как вследствие последнего высочайшего указа от 25 мая сего года я освобожден от работ и обращен на поселение в Восточной Сибири, а Годлевский помилowan в государственного поселенина, то честь имею просить ваше высокопревосходительство разрешить мне и Годлевскому выбрать местом жительства Благовещенск, как центр Амура, дабы можно было заняться исследованием рыб амурских и составлением коллекций для европейских музеев – при том считаю не лишним прибавить, что можем вашему высокопревосходительству представить поручительство известного Вам лица.

Если же, несмотря на то, найдено будет невозможным пребывание наше на Амуре, то прошу ваше высокопревосходительство дозволения для меня и Годлевского пребывать для исследований рыб Аргуни и Шилки в ближайших местностях от этих рек.

Венедикт Дыбовский

120

Правила издания исторических документов СССР. – М., 1990. – 257 с.

121 Методическое пособие по археографии. – М., 1991. – Ч. I. – 135 с.

Резолюция генерал-губернатора М.С. Корсакова: «Пусть обратит свою деятельность на озеро Байкал. Перевести его в Иркутск[ую] губ[ернию], а труды передать в Сибирский] отд[ел] Географического] общ[ества]».

ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 35–36.

Автограф.

Примечания

1. Корсаков Михаил Семенович (1826–1871) – генерал-лейтенант, в 1861–1864 гг. исправляющий должность генерал-губернатора, а в 1864–1871 гг. – генерал-губернатор Восточной Сибири.

2. Брандт Федор Федорович (Иоган Фридрих) (1802–1879) – зоолог, получил образование в Берлинском университете. В 1830 г. был избран адъюнктом Петербургской академии наук. В 1831 г. Переехал в Россию и возглавил Зоологический музей. С 1832 г. – экстраординарный, с 1833 г. – ординарный академик. В 1857–1869 гг. – профессор медико-хирургической академии в Петербурге.

2. Представление исправляющего должность Иркутского губернатора Н.К. Эрн¹ генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову об определении места жительства политическому ссыльному Венедикту (Бенедикту) Дыбовскому в с. Култук Иркутской губернии

г. Иркутск 7 ноября 1868 г.

Господину генерал-губернатору Восточной Сибири.

Прибывший в Иркутск из Забайкальской области по увольнении от работ на основании высочайшего повеления 17 мая сего года и причисленный на поселение в Бадайскую волость Иркутского округа политический ссыльный Венедикт Дыбовский обратился ко мне с просьбою о назначении ему местом жительства Култукское селение, Иркутского округа, где он намерен заняться учеными исследованиями Байкала; при чем Дыбовский присовокупил, что на просьбу, поданную им вашему высокопревосходительству о дозволении ему поселиться с ученой целью в Приамурском крае, ваше высокопревосходительство изволили положить резолюцию: «Пусть обратит свою ученую деятельность на озеро Байкал и с этою целью может быть перемещен в Иркутскую губернию». Резолюция эта объявлена Дыбовскому от 1-го отделения Главного управления 24 августа сего года.

Имея в виду, что означенная резолюция вашего высокопревосходительства по отзыву 1-го отделения Главного управления действительно последовала на просьбу Дыбовского, но, вместе с тем, принимая во внимание, что местности, прилегающие к Байкалу, изъяты от поселения в них политических ссыльных, я считаю обязанностью о вышеизложенном представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства и покорнейше просить разрешения Вашего, может ли быть назначен политический ссыльный Дыбовский на жительство в Култукское селение для ученых исследований Байкала.

Исправляющий должность губернатора

Николай Эрн

Исправляющий должность начальника отделения Ф. Попов

Резолюция: «Разрешить»².

ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 43–44.

Подлинник.

Примечания

Документ с угловым штампом «Иркутское общее губернское управление. Отделение 1. Стол 3».

1. Эрн Николай Касперович – действительный статский советник, председатель Иркутского губернского правления. В 1868 г. исправлял должность иркутского гражданского губернатора.

2. Резолюция на документе наложена не генерал-губернатором Восточной Сибири М.С. Корсаковым, так как последний в конце 1868–1869 гг. находился в Санкт-Петербурге. Предположительно, резолюция принадлежит председательствующему в Совете Главного управления Восточной Сибири военному губернатору г. Иркутска и иркутскому гражданскому губернатору генерал-лейтенанту Константину Николаевичу Шелашникову.

3. Сообщение Совета Главного Управления Восточной Сибири исправляющему должность Иркутского гражданского губернатора о разрешении политическому ссыльному Венедикту (Бенедикту) Дыбовскому жить в с. Култук

г. Иркутск 13 ноября 1868 г.

Господину и[справляющему] должность Иркутского гражданского губернатора

Вследствие представления от 7 ноября за № 7639, имею честь уведомить ваше превосходительство, что к увольнению политического ссыльного Венедикта Дыбовского в Култукское селение Иркутского округа для занятий учеными исследованиями озера Байкал препятствий не встречается, о чем и представляю Вам, милостивый государь, сделать зависящее распоряжение, с тем, чтобы Дыбовскому на временное проживание в упомянутом

селении выдан был установленный вид и за поведением его со стороны местного начальства имелось должное наблюдение.

Подписал: председательствующий в Совете генерал-лейтенант Шелашников

Скрепил: член Совета, управляющий отделением Яковенко

Верно: столоначальник (подпись)
ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 45–46.
Отпуск.

4. Прошение политического ссыльного Венедикта (Бенедикта) Дыбовского председательствующему в Совете Главного Управления Восточной Сибири о разрешении ему иметь огнестрельное оружие
с. Култук 17 февраля 1869 г.

*Его превосходительству господину председательствующему в Главном Управлении¹ Восточной Сибири
Политического ссыльного Венедикта Дыбовского*

Прошение

Находясь с дозволения начальства в селении Култук над Байкалом вместе с Виктором Годлевским с целью научную составлять коллекции птиц и других животных, как для себя, так и для Сибирского отдела Географического Общества, мы не иначе можем вести успешно свое занятие, как пользуясь дозволением иметь оружие.

Для получения разрешения на это я обращался с просьбою к господину начальнику Иркутской губернии, который и объявил мне, что этого рода дозволения могут быть разрешаемы только вашим превосходительством, вследствие чего имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать надлежащее распоряжение о дозволении мне и Годлевскому держать по одному оружию².

Венедикт Дыбовский
Резолюция: Разрешить.

Примечания

1. Так в тексте. Надо: «председательствующему в Совете Главного Управления» и далее по тексту.

2. Так в тексте.

ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 47–47об.
Автограф.

5. Письмо генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова генерал-майору И.Г. Сколкову¹ об условиях выезда политических ссыльных В.И. Дыбовского и А.Л. Чекановского² в Уссурийский край для научных исследований

г. Иркутск 24 ноября 1869 г.

Его превосходительству И.Г. Сколкову
Милостивый государь, Иван Григорьевич.

Вследствие личного объяснения с вашим превосходительством, долгом считаю сообщить, что ввиду одобрительного поведения политических преступников: Венедикта Дыбовского и Александра Чекановского во все время нахождения в ссылке, я не встречаю с своей стороны препятствий к увольнению этих ссыльных для научных исследований в Уссурийский край, в окрестности озера Ханка. Но, принимая во внимание, что Приамурский край, как пункт пограничный, вовсе изъят от пребывания политических ссыльных, я признаю необходимым в случае увольнения сказанных лиц в Уссурийский край получить на то предварительно особое разрешение. При чем полагаю более удобным, чтобы ссыльные Дыбовский и Чекановский отправлены были в означенную местность вместе с кем-либо из членов Сибирского отдела Географического Общества.

Примите уверения в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Подписал: М. Корсаков
Верно: столоначальник (подпись)

ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 56–57.
Отпуск.

Примечания

1. Сколков Иван Григорьевич, генерал-майор, в 1869 г. ревизовал Восточную Сибирь с целью изучения вопроса о выделении дальневосточных областей в отдельное генерал-губернаторство.

2. Чекановский Александр Лаврентьевич (1833–1876 гг.) – политический ссыльный, активный сотрудник Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В 1869–1875 гг. осуществлял геологические исследования на юге Иркутской губернии, на р. Нижней Тунгуске, в нижнем течении р. Лены и на р. Оленек.

6. Докладная записка чиновника особых поручений при Якутском областном правлении К.К. Неймана¹ генерал-губернатору Восточной Сибири Н.П. Синельникову² о разрешении организовать экспедицию в Тункинский край и включить в нее политических ссыльных В.И. Дыбовского, В. Годлевского, А.Л. Чекановского и С.Е. Вронского³

г. Иркутск 29 июля 1871 г.

Докладная записка чиновника особых поручений Карла Неймана

Так как работы на приисках лазуревых камней не требуют в настоящее время моего постоянного наблюдения, то я желал бы объехать Тункинский край и если представится возможность, то проникнуть на оз. Косо-гол.

Совместно со мною изъявили желание путешествовать проживающие в Култукке политические ссыльные: Дыбовский, Годлевский, Чекановский и Вронский; первые трое по поручению Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества и Академии Наук уже 3-й год занимаются изучением Байкала и прилегающих к нему местностей в естественно-историческом отношении; последний же – живописец.

Исследования эти как дополнительные были бы крайне полезны в научном отношении. А потому, пользуясь настоящим случаем, если, ваше высокопревосходительство, изволите разрешить мою поездку, то не сообразовали бы разрешить поездку и упомянутым лицам.

Если же исследования их затянутся на более значительное время, которым я располагать не буду иметь возможности, то не признаете ли Вы возможным, в союствии одного или двух казаков, оставить их в Тункинском крае для продолжения занятий.

К. Нейман

Резолюция генерал-губернатора Н.П. Синельникова: «Разрешаю».

ГАИ О. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 63–64.

Рукопись. Подлинник.

Примечания

1. Нейман Карл Карлович (?–1887) – чиновник особых поручений при Якутском областном правлении, участник экспедиций Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В 1871 г. совершил поездку в Тункинский край и на оз. Косо-гол.

2. Синельников Николай Петрович (1805–1892) – сенатор, генерал-лейтенант, в 1871 – 1873 гг. – генерал-губернатор Восточной Сибири.

3. Вронский Станислав Евгеньевич (1840–1898) – политический ссыльный, жил в Иркутске, художник-любитель. Участвовал в экспедициях местного отдела Императорского Русского географического общества. Автор ряда картин, в том числе пейзажей Тункинского края.

7. Вид на жительство политического ссыльного Венедикта (Бенедикта) Дыбовского

г. Благовещенск 5 сентября 1873 г.

Вид

Приметы Лет 37

Росту 2 ар[шина] 7 1/2 вер[шков]

Волосы темно-русые

Глаза голубые

Лицо

Нос

Рот обыкновенные

Подбородок

Дан сей с разрешения господина] генерал-губернатора от военного губернатора Амурской области за надлежащим подписом и приложением казенной печати политическому ссыльному Иркутской губернии Венедикту Дыбовскому, на проживание в течении одного года в местностях Амурской и Приморской областях, для систематического исследования фауны Восточной Сибири, с тем чтобы Дыбовский по прибытии в

Николаевск явился к тамошнему губернатору, а по истечению срока виду немедленно возвратился в Иркутск. Город] Благовещенск сентября пятого дня тысяча восемьсот семьдесят третьего года.

Военный губернатор генерал-майор (подпись)
Правитель канцелярии (подпись)

ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 94.
Рукопись. Подлинник

8. Письмо Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества в 1-е отделение Главного Управления Восточной Сибири о продлении видов на жительство в Приамурье Венедикту (Бенедикту) Дыбовскому и Виктору Годлевскому

г. Иркутск 3 октября 1874 г.

В 1-е отделение Главного Управления Восточной Сибири

В ответ на отношение от 30 сентября с.г. за № 1225 отдел имеет честь уведомить 1-е отделение Главного Управления Восточной Сибири, что исследованиями своими как в Иркутской губернии, так и в Амурском крае, г[оспода] Дыбовский и Годлевский принесли очень важные услуги науке, обратившие на себя внимание как российских, так и заграничных ученых обществ, а потому отдел не может отнестись без участия и к настоящим их изысканиям в Приморской области, покорнейше прося исходатайствовать продление выданных им видов еще на один год.

Председательствующий в отделе генерал-майор Мосолов
Правитель дел К. Нейман
Резолюция синим карандашом: «Разрешаю. 6 октября»
ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 98.
Рукопись. Подлинник.

Примечания

Документ с угловым штампом «Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества. 3 октября 1874 г. № 264. г. Иркутск». На полях документа имеется неразборчивая резолюция простым карандашом.

9. Прошение Венедикта (Бенедикта) Дыбовского генерал-губернатору Восточной Сибири о разрешении выехать на оз. Байкал для научных исследований

г. Иркутск 9 декабря 1875 г.

Его высокопревосходительству господину генерал-губернатору Восточной Сибири состоящего под надзором полиции Иркутской губернии Бадаевской волости доктора медицины и хирургии Бенедикта Дыбовского

Прошение

Имея поручение от Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества для производства фаунистических исследований и измерения глубины озера Байкала, честь имею покорнейше просить ваше высокопревосходительство разрешить мне выезд на Байкал.

Бенедикт Дыбовский

Резолюция генерал-губернатора барона П.А. Фредерикса: «Разрешить. 11 декабря».

ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 115.

Автограф.

10. Статейный список политического ссыльного Венедикта (Бенедикта) Дыбовского

Имена и прозвания Дыбовский Венедикт

Лета 29/35

Прежнее состояние, вина и наказание Из дворян, бывший профессор Варшавской Главной Школы; за дозволение секретарям высших революционных властей в Варшаве собираться в аудитории Дыбовского лишен всех прав состояния и сослан в каторжную работу на двенадцать лет.

Веры католической

Семейства не имеет

Росту 2 ар[шина] 7 с[вершка]

Волосы
на голове
бровях темнорусые
усах

Глаза голубые

Нос умеренные

Рот
Зубы все
Подбородок
Лицо белое
Лоб высокий

Особые приметы:

когда распределен из дела не видно, прибыл в Иркутск 18 ноября 1864 года, отправлен в Нерчинские заводы 6 марта 1865 года; на основании высочайшего повеления 16 апреля 1866 года срок работ сокращен на половину и всемилостивейшему манифесту 28 октября того же года на 1/4 часть; уволен от работ за окончанием положенного срока и причислен на поселение в Бадайскую волость Иркутского округа 25 октября 1868 года; на основании высочайшего повеления [от] 25 мая 1868 года причислен в крестьяне 16 октября 1871 года.

По высочайшему повелению 9 января 1874 г. должен быть восстановлен в прежних правах состояния, с правом перемещения в губернии Европейской России

Верно: и[исправляющий] д[олжность] смотрителя поселений Турчанинов.

Источники: ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 74–74об.

Рукопись. Подлинник.

11. Статейный список политического ссыльного Виктора Годлевского

Имена и прозвания Годлевский Виктор

Лета 32/39
Веры р[имско]-католической
Семейства не имеет

Прежнее состояние, вина и наказание Из дворян Варшавской губернии Станиславского уезда, бывший содержатель почтовой станции.

За присоединение к революционной организации и бытность в качестве начальника Станиславского уезда, называемом мятежниками Подлеского воеводства, Годлевский по заключению полевого аудиториата, лишен всех прав и состояния и сослан в каторжную работу в рудниках на двенадцать лет. Распределен Тобольским приказом 28-го ноября 1863 года. Прибыл в Иркутск 9 февраля 1864 года, отправлен в Петровский завод 28 февраля 1864 года, на основании высочайшего повеления 16 апреля 1866 г. срок работы сокращен наполовину и всемилостивейшему манифесту 28 октября того же года на 1/4 часть; уволен от работ за окончанием положенного срока и причислен на поселение в Бадайскую волость Иркутского округа 25 октября 1868 года; на основании высочайшего повеления [от] 25 мая 1868 г. причислен в крестьяне 16 октября 1871 года

Росту 2 ар[шина] 5 в[ершков]

Волосы
на голове
бровях светлорусые
усах
бороде

Глаза серые
Нос толстый
Рот умеренный
Зубы все

Подбородок круглый

Лицо белое

Лоб низкий

Особые приметы: на правой руке шрам

По высочайшему повелению 9 января 1874 г. должен быть восстановлен в прежних правах состояния с перемещением в Европейскую Россию

Верно: исправляющий] д[олжность] смотрителя поселений Турчанинов.

ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 75–75об.

Рукопись. Подлинник.

Печатается по : Бенедикт Дыбовский / под ред. проф. О.М. Кожовой, проф. Б.С. Шостаковича. – Новосибирск, 2000. – С. 222–237.

Сибирские бомжи 100 лет назад

Николай Михайлович Ядринцев, известный литератор, сибирский общественный деятель, путешественник, археолог и этнограф был еще и одним из лучших знатоков системы уголовного наказания в России второй половины XIX в. Книга Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» использовалась наряду с «Записками из Мертвого дома» Достоевского в работе правительственной комиссии, изучающей возможность прекращения штрафной колонизации Сибири. В ней не упоминалось, что автор знает тюремный и острожный быт не понаслышке и сам находится в ссылке. (Истинный патриот сибирского края Ядринцев был осужден за создание молодежной организации, ставящей целью защищать интересы сибиряков. Громкое дело «Сибирских сепаратистов» закончилось для Николая Михайловича четырьмя годами отсидки в Омской крепости и пожизненной ссылкой.)

«Бродяга живет инстинктом, – писал Ядринцев. – Минутой он беззаветен, все отдаст, но когда ему захочется – все возьмет. Привязанность к чему-нибудь – есть уже культура, а у него это культурное чувство потеряно». Оградить свою Родину от тлетворного влияния уголовной ссылки было важнейшей задачей патриота. Найдя поддержку среди членов правительственной комиссии, Ядринцев писал свои Предложения и замечания по проектам документов. Он был реалистом и в отличие от некоторых современников, послабителей режима содержания, ясно представлял необходимость строгости наказания, не исключая и смертной казни. Но он был горячим противником любой формы издевательства над заключенными, будь то одиночки новейших французских тюрем или грязные клоповники русских острогов. Ядринцев много внимания уделял тюремной общине, ее влиянию на человека и системе исправления, основанной на традициях русской национальной общины.

Известность, полученная участием в работе комиссии, стала его пропуском на свободу. В начале 1874 г. Ядринцев был освобожден из ссылки и восстановлен в правах. Впереди еще оставалось двадцать лет до предела наполненной событиями жизни.

Постоянно наводняющие Сибирь бродяжеские партии так огромны, что ни крестьянству, ни земской полиции невозможно сдержать эти армии. Земская полиция в этом случае не может действовать только с помощью крестьянства: у крестьянства ловля бродяг отняла бы все рабочее время, завлекла бы в бесчисленные и бесконечные судебные процессы, наконец, вызвала бы опасную для крестьян месть бродяг. Таким образом, сибирские крестьянские общества установили обычное право, на основании которого проход бродяг по деревням свободен, обеспечена им милостыня, а иногда есть и возможность труда. Поэтому только важные уголовные преступления бродяг вызывают крестьянские облавы.

...Новоселы, переселяясь из России, сначала перенесли свои воззрения на беглых и пустились ловить их; но деревни их стали выгорать и сибиряки предупредили их, что если они будут продолжать преследования и находиться во вражде с бродягами, то никогда не отстроятся. Ныне новоселы, относительно обхождения с бродягами, заимствовали обычай у крестьян-сибиряков и перестали ловить их.

Но хотя сибирский крестьянин относится с терпимостью к бродяге, однако же состоит с ним в двусмысленных и даже враждебных отношениях; пропуская и принимая бродягу, когда он идет скромно и приниженно, питаясь милостыней, – сибиряк-крестьянин делается совершенно другим при малейшем нарушении бродягами его интересов. Часто малейшее преступление бродяги, самое ничтожное воровство и плутовство, делает крестьянина жестоким и беспощадным в каре. В этом случае сибирский крестьянин кажется менее гуманным, чем российский, который не расправляется сам с бродягой, не истязает его, не избивает, а спокойно берет каждого и представляет начальству... Хотя российские крестьяне, как мы видим, не так терпимы к бродягам, как сибирские, но бродяги менее их ненавидят, чем этих последних.

«Русский мужик тебе денег даст, только отойди от него, – говорит бродяга, – сибиряк не то, он норовит тебя же наоборот. Эко, скажет, парень, у тебя бродни-то добрые, давай меняться, на тебе похуже... Сибиряк тебя накормит, только уж у него ничего не смей тронуть. Топор, теперь, украдь – он не спустит: в такой азарт войдет. Сейчас в погоню, и от него не уйдешь: 200 верст будет гнаться, а уж нагонит: он выследит, все тропинки в лесу объедет, где ты прошел, заметит: сук, шишка лежат не так как вчера – он уже видит. Теперь

ему довольно только раз взглянуть на человека – упомнит, в чем он приходил, каков собой, какие приметы и через месяц узнает. Пронзительный этот сибиряк! Как нагонит, сейчас кричит: «Стой, варнаки! Становись все под одну пулю! Разбойники!» Страсть бьют нашего брата. Убить ему ничего за всякую малость, а другие так и ни за что, только бы обобрать у кого деньги, а то и одежкой бродяжеской не побрезгают. «Белка ведь стоит 5 копеек, – говорит он, – а с «горбача» все на полтину возьмешь!» Теперь без винтовки его в дороге никогда не встретишь! Скачет – это суций азиат! Сибиряк и нужду исполняет с винтовкой». Так характеризуют бродяги сибиряка.

Что же за причина, что сибирский крестьянин, мирный землепашец, становится таким воинственным преследователем и часто жестоким и беспощадным злодеем, относительно личности угнетенной и приниженной?

Понятно, что люди бродячие вынуждены, большей частью, питаться попрошайничеством, воровством и обманами. Сведем в общее все бродяжеские профессии и мы увидим, что бродяжество тяжело ложится на крестьянство. Делание фальшивых ассигнаций, которое ведет крестьянина в острог и разоряет, обманы этим путем, знахарство, колдовство, шарлатанство и надувательство всякого рода, воровство, без которого не может прожить ни один бродяга, наконец, нищенство нескольких тысяч человек – все это действует конечно разорительно и не может не быть чувствительным. С бродяжеством на крестьянство обрушились и тучи преступлений, совершаемых во время прохода беглых. Воровство так постоянно и так громадно, что влияет на благосостояние крестьян, часто лишаяющихся, через увод бродягами последней скотины, даже возможности дальнейшего существования. Сверх того, бродяги часто умыкают женщин, жен и дочерей крестьянских с пашен и из лесу, производят на дорогах нападения и насилия над ними; сельские дороги вообще не безопасны. Старики, женщины-богомолки, дети и все беззащитные постоянно подвергаются нападениям и ограблению бродягами. Убийства и грабежи в округах, посещаемых бродяжеством, не редки: об этом часто печатаются известия и в местных губернских ведомостях. Много находят и неизвестно кем убитых мертвых тел: один наблюдатель насчитал в одной Иркутской губернии в один год 55 таких найденных тел. При розыске таких преступлений в уездах и округах крестьянству иногда приходится силой брать бродяжащих преступников и оно же несет жертвы в этих боях.

Ввиду всего этого сибирское крестьянство создало самосуд, и, таким образом, образовался «закон Линча» на нашей почве. Там, где общество не могло еще устроиться и организовать правильный суд и полицию, а между тем преступные нарушения общественной безопасности очень явны и возмутительны, там оно естественно прибегает к быстрым и решительным средствам, чтобы сколько-нибудь обуздать зло. Применение суда народом в Американских штатах быстро и сурово: там, на всем «дальнем западе» и в Калифорнии, народ нередко вешал пойманного преступника: в Сибири такая расправа должна была проявиться еще жестче.

Крестьянин не щадит в своей расправе бродягу за преступление, особенно за воровство; за самой незначительной украденной вещью крестьянин часто гонится без устали десятки верст; иногда погони совершаются даже гуртом. Всех бродяг на пути обыскивают и виновного жестоко избивают до полусмерти. Обыкновенно такого бродягу бьют дрючками – дубинами в руку толщиной и иногда в сажень длины; иногда бьют по пяткам, по-китайски, «подковывают», я видал битых таким образом: у одного из них в последствии постоянно с ног слезала кожа. Если за воров гонится один хозяин, как это и бывает в большинстве случаев, то расправа коротка и пуля неминуема. Расправа за преступления в деревнях делается на виду и целым обществом; даже старухи и ребята принимают в ней участие. Смертные приговоры при этом также не редкость.

...Привычка расправляться с бродягами смертью последних создала в Сибири систему безразборного истребления бродяг и, наконец, породила бесчеловечный промысел этими убийствами. Это – род охоты за бродягами и обирание убитых; к ней дала повод, конечно, ничем не гарантированная жизнь бродяг и безответственность за них.

В Сибири есть местности, прославившиеся избиением бродяг. Около Фингуля есть колки (редкий лес), про которые бродяги говорят: «Здесь нет столько лесу, сколько нашего брата положено в сырую землю». Про речку Карасук в Томской губернии говорят: «Карасук уже провонял: так его завалили нашими бродягами». Есть и крестьянские имена, сохранившиеся в памяти бродяг, с которыми сопряжено понятие о зверских поступках с ними. Так, известен Битков, живший и промышлявший на Ангаре, Романов в Фингуле, Заворота в Енисейской губернии, какой-то Волков и многие другие. Много ходит рассказов об этих промыслах. Бьют бродяг и по дорогам и по рекам; Романов, например, выезжал за деревню, ложился в колки поджидать бродяг и стрелять проходящих по дороге, Битков стрелял с берега в пливших по реке; так же промышляли на Бирюсе. Говорят, что бывали крестьяне, убивавшие по 60, 90 и более человек бродяг. Бродяги со своей стороны старались мстить таким крестьянам-убийцам и только выжидали случая. Плодом этой мести осталось много рассказов – например о двух братьях на Бирюсе. Раз плыли двое бродяг, из кустов раздались два выстрела, оба бродяги упали в воду, но один был только ранен и незаметно выплыл. Сидя на берегу он дождался плот с пятнадцатью человеками бродяг и предупредил о случившемся и об угрожающей им опасности. Тогда они все разом отправились мстить за убитых и, поймав братьев-крестьян в избушке на берегу, изрубили их на куски и бросили в воду. Ожесточение и месть одинаково сильны как со стороны, крестьян так и со стороны бродяг: крестьяне подрезывали бродягам жилы, убивали их в мучениях и пытках. Это была упорная и жестокая борьба...

Как ни сильно было развито истребление бродяг, но уничтожить их само собою крестьянство было не в состоянии: наводнение ссылок было слишком велико и постоянно возобновлялось. Все, что могло и умело сделать крестьянство – это сколько-нибудь усмирить дерзкие проявления бродяжества, разбить его силы и заставить его опуститься до обыкновенных нищих и мелких воров, которые страшатся крестьянина, как своего властелина и страшного судью. Истребление бродяг и жестокий промысел на них, конечно, нынче уменьшился: некоторые места Сибири уже слишком заселены и гражданственны для этого, например Тобольская губерния; буряты Иркутской губернии уже не бьют бродяг как прежде, крестьяне не так явно действуют и в других местах. Но бродяжество не уменьшилось в Сибири: оно так же велико и в том же положении; преступления хотя измелчали, но так же часты, а потому борьба с бродяжеством еще не кончена...

Публикуется по: Версия. – 1992. – № 7. – С. 5.

Из путевого дневника (первая Монгольская экспедиция Н. М. Ядринцева)

Данная публикация является только частью большой, но практически не изученной темы личного вклада Николая Михайловича Ядринцева в отечественную науку вообще и в изучение сопредельных территорий зарубежной Азии, в частности.

Несмотря на то что до сих пор не составлена всеобъемлющая биография этого, без сомнения, замечательного человека, отдельные аспекты его жизни и деятельности изучались так целенаправленно и тщательно, что результаты изысканий, к сожалению, исказили действительный облик выдающегося сибиряка, лишили цельности восприятие его персоны.

Внимание исследователей привлекали два основных аспекта жизни Н.М. Ядринцева: участие в областническом движении на разных этапах его развития и литературно-публицистическая деятельность, включая редактирование газеты «Восточное обозрение». Смеем утверждать, что такой подход создал в массовом сознании, по меньшей мере, необъективное представление о Николае Михайловиче.

Н.М. Ядринцев оставил яркий след не только в общественной деятельности, но и в развитии науки, в таких ее областях, как история общественно-политической мысли и первобытного общества, археология и этнография, физическая география, антропология, литературоведение, экономика Сибири и ее статистика, а также отдельные аспекты истории юридической науки.

За признанием достижений и приоритетов Николая Михайловича в различных областях знаний растворился и не рассматривался образ человека: областнические взгляды изучались в отрыве от фактов биографии; многочисленные знакомые редактора газеты, по настоящему болевшего за родной край, оценивались по принадлежности к «прогрессивному» или «консервативному» лагерям общественного движения. Частные вопросы и отдельные эпизоды, вырванные из общего контекста эволюции взглядов и жизненного пути ученого, представили в искаженном виде как личность Н.М. Ядринцева, так и его мировоззрение.

К сожалению, пишущие о Н.М. Ядринцеве совершенно забыли о том, что занятие гуманитарными и естественными науками во 2-й половине XIX в. само по себе свидетельствовало об устойчивом мировоззрении человека, поэтому научные интересы творческой личности должны быть обязательно изучены и изложены в публикациях. В нашем случае этого не произошло. Авторы действительно упоминают факты алтайских и монгольских путешествий, но в контексте гипертрофированно изложенной общественно-политической деятельности они представляются не более чем случайными, если не сказать курьезными, событиями.

На наш взгляд, это совершенно неверно. В XIX в. Европа открывала для себя Азиатский Восток. На одном из важнейших направлений поиска – Россия, родина многих видных путешественников, профессиональных исследователей Центральной Азии, Китая, Дальнего Востока. Россия хотела знать своих соседей, определить свои границы, изучить живущие в ее новых пределах народы.

Одним из ближайших соседей была древняя Монголия. Столетия интересовал ученых, да и сейчас мучает, не разрешенный окончательно вопрос о могучем взлете империи Чингиз-хана и ее медленном, многовековом угасании. Центром империи в начале ее существования была преобразованная в столицу полевая ставка Чингиз-хана – город Хар-хорин, известный в современной отечественной литературе как Кара-Корум. Сюда шли караваны награбленного добра, толпы пленников, обозы вождей подвластных племен с данью, посольства замерших от ужаса перед ожидавшимся нашествием государств. Здесь выдавали ярлык на княжение русским князьям, плели интриги и сталкивали между собой русских монгольские царедворцы. Здесь в 1246 г. после приема во дворце ханши заболел и умер великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович. Сюда же в 1250 г. приехал с дарами его сын Александр, имевший на Руси почетное прозвище Невский.

Молодое государство постигла судьба всех феодальных сверхдержав – predeterminedенной историей раскол империи монголов сопровождался междоусобными войнами, в ходе которых неоднократно громили первую столицу. К началу нового времени никто не мог с точностью сообщить, где находилось сердце великой в прошлом державы.

Интерес к остаткам столицы монгольского государства был не чужд российским путешественникам и востоковедам, многие из них высказывали свои предположения о местонахождении Кара-Корума и даже объявляли о его открытии в ходе полевых экспедиций. Важные сведения из средневековых источников приводились в работах европейских специалистов, но практически никто из них не был в Монголии, они слабо представляли себе обилие памятников истории этой древней страны и связанные с этим проблемы привязки описанных объектов к реально существующим на местности.

Выступая в 1886 г. на заседании императорского Русского археологического общества с отчетом о поездке в Восточную Сибирь для обозрения местных музеев и археологических работ, Н.М. Ядринцев отметил: «Самое существование Кара-Корума близ наших границ должно возбуждать особенное любопытство в деле археологических исследований в Восточной Сибири». К сожалению, реализация замысла самому совершить экспедицию в Монголию связана с самым тяжелым периодом в его биографии.

С 1888 г. Н.М. Ядринцев жил в Иркутске и, по цензурным соображениям, перевел сюда издание своей газеты «Восточное обозрение». Однако надежды на улучшение положения газеты и рост ее тиража не оправдались. Не встретил он и ожидаемой поддержки со стороны местной интеллигенции. Летом 1888 г. в Рязанской губернии умерла его горячо любимая жена и незаменимый помощник Аделаида Федоровна Ядринцева. Глубокое горе, внутренняя борьба между желанием немедленно уехать к осиротевшим детям и необходимостью исполнения общественного долга в качестве редактора газеты и ее главного сотрудника привели к душевному надлому: Николай Михайлович начал запоем пить. Лишь под влиянием лучшего друга – Григория Николаевича Потанина – удалось остановить сокрушительный процесс распада замечательной личности.

Весной 1889 г. Н.М. Ядринцев был серьезно болен и не желал оставаться на лето в Иркутске, охладел он и к своей газете. Молодые сотрудники помогли стабилизировать периодичность ее выхода, но интерес к изданию со стороны публики заметно снизился, а критика содержания возросла. Именно в этот момент Г.Н. Потанин, правитель дел Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества, предложил организовать экспедицию в Монголию. Категорически неверно считать, что Ядринцев бежал в экспедицию от окружавших его невзгод и неприятностей. Он, безусловно, давно обдумывал план такой поездки, в течение многих лет изучал все возможные источники и литературу. Николай Михайлович в совершенстве владел основными европейскими языками, лично и по переписке был знаком с большинством известных востоковедов России и Европы. В его личном фонде, хранящемся в Государственном архиве Иркутской области, имеются многочисленные выписки из редких изданий на немецком, английском и французском языках, переводы китайских авторов, в том числе из библиотеки ВСОИРГО.

Г.Н. Потанин помог организовать небольшую экспедицию, выделив некоторые средства из фондов Отдела. Поиск древней столицы Чингиз-хана не считался главной задачей экспедиции. Официальной целью поездки предусмотрительно было названо изучение верховьев реки Орхон и торговых путей в Монголии; по дороге членам экспедиции предстояло обследовать встреченные археологические памятники, здесь ограничений не было.

29-го мая [1889 г.] я выехал из Иркутска в Кяхту с двумя своими спутниками и помощниками С.А. Пирожковым и П.П. Смысловским. Мы выехали по купеческому тракту для того, чтобы скорее прибыть к месту сбора и не отвлекаться по пути частными наблюдениями. Но и на этом тракте, начиная с долины Темника, не могли не остановить наше внимание остатки древностей, как, например, могильники, обставленные камнями, тянущиеся вплоть до Кяхты. Около станции Ихерика мы нашли их множество и еще более около Усть-Кяхты. Эти могильники, весьма схожие с керексурами Монголии, были иногда столь сложны, что приходилось делать планы и обязательно было срисовать их. Имея в виду археологический интерес этих памятников и желая сравнить их с последующими, которые имелось в виду встретить в Монголии, я должен был остановить на них особое внимание. А потому, не доезжая Кяхты, в Усть-Кяхте я оставил своих двух спутников для работ по намеченному мною плану, а сам поспешил в Кяхту делать приготовления к отъезду в Монголию. В Кяхте я принужден был пробыть до 10-го июня. В это время я собирал сведения о путях в Монголии, посетил окрестности Кяхты и Усть-Киран, близ которого также находятся могильники, снял надпись на тибетском языке с камня, стоящего за Чикоем, наконец, производил закупки и принимал меры для снаряжения экспедиции. Снаряжение затруднялось тем, что средства, данные мне, были очень ограничены, а именно: в распоряжении моем и спутников моих находилось 400 руб. от Отдела. Между тем поездка от Иркутска до Кяхты и обратно потребовала около 100 руб. На 300 руб. предстояло купить 10 лошадей по 20 руб. каждая, затем снабдить экспедицию сухарями, чаем и припасами на 2 месяца, купить подвершинные и вьючные седла от 5 до 10 руб. каждое, купить сумы, нанять переводчика и работника и т. д. Все это невозможно было приобрести на 100 руб., остающиеся от покупки лошадей. К ассигнованной сумме пришлось приложить гораздо более из посторонних средств. С. А. Пирожков ехал на свой счет и в распоряжение по содержанию экспедиции дал 200 руб.; я лично приложил 300 руб. Наконец, Иннокентий Дмитриевич Сеницын, которому мы обязаны гостеприимством во время проезда через Кяхту вперед и назад, старался снабдить экспедицию всем необходимым из дорожных припасов, палаткою и прочим. Только при таких условиях экспедиция могла выйти за границу без риска. Мы должны были взять с собою около 150 руб. серебряною монетою, чтобы покупать баранов; кроме того, расплачивались и русскими кредитными билетами, где было можно. Для удобства размещения грузов, кроме вьючных лошадей, мы взяли из Кяхты две двухколесные тележки, которые следовали с нами до озера Угзя. Когда мы уже окончательно снарядились, неожиданно встретили затруднение при прописке паспортов у кяхтинского царгучея, о чем я не могу не упомянуть, так как это задержало наш выезд. Царгучей Маймачена не хотел делать надписи на паспортах наших, объясняя это тем, что он не получил никаких

сведений из Пекина о русской ученой экспедиции и не знает ее целей. Несмотря на настойчивость нашего комиссара в Кяхте, он затягивал время. Предлагали нам взять другие паспорта без означения, что мы едем с научною целью. Но, во избежание всяких недоразумений, и в то же время желая отстоять право путешествий с научною целью, я настаивал на выправлении паспортов, выданных нам как членам ученой экспедиции. Только к 10-му числу июня уладились эти недоразумения. Это совпало с въездом в Кяхту его высокопревосходительства Приамурского генерал-губернатора барона А.Н. Корфа. Являсь к нему перед отъездом и заявив о цели экспедиции, в тот же день к вечеру 10-го июня я вышел с вьюками и обозом из Кяхты. Мы направились прежде всего по правому берегу Селенги к устью Орхона, где он сливается с Селенгою. Кроме нас троих – меня и моих спутников – на другой день мы имели двух работников и в том числе переводчика. В Кяхте я нашел крещеного монгола, проживавшего в Троицкосавске и знавшего русский язык. Он провел детство и молодость около Улясутая и был человек бывалый и годный для путешествия. Действительно, Федор Осокин помогал нам во все время пути. Другим работником был взят близ Кяхты лама монгол Дундук, старик с Урту-Тамира, бывавший в Эрдени-Цзоо. Таким образом в экспедиции было 5 человек и 10 лошадей; мы имели два ружья, одну берданку, один револьвер; из инструментов – anerоид, термометр и бусоль для маршрутной съемки, метрические ленты, компас и прочее. Пройдя дня три по Селенге, а затем по Орхону, мы затруднились, какую избрать нам дорогу, так как по берегу Орхона не было дорог, не было переправ у устьев рек, как, например, на Иро; притом, такое путешествие по берегу, помимо трудностей, заняло бы слишком много времени, и мы не успели бы дойти до цели в назначенный срок. Все эти обстоятельства заставили нас искать более короткого маршрута к Угэй-Нору. На Орхоне, к счастью нашему, мы нашли прекрасного спутника ламу, шедшего в монастырь Эрдени-Цзоо на поклонение. Он нам указал кратчайший путь по Хара-Голу на Толу, и мы последовали этим путем за ним. Идя вверх по Хара-Голу до какого-то небольшого монастыря (хуре), откуда мы повернули к юго-востоку, и пройдя через хребты по местности почти безводной мы вышли 19-го июня на р. Толу гораздо выше Хадасына. Таким образом, мы избрали среднюю дорогу между Ургинским трактом и той дорогой от Угэй-Нора, которая лежит между Селенгой и Орхоном, иначе сказать, мы проследовали совершенно новым маршрутом, на котором не были еще путешественники. Рек, по ошибке назначаемых на карте в области между Хара-Голом и Толой, мы не встретили. Все время велся самый подробный географический дневник и делались наблюдения по anerоиду. Маршрут этот замечателен тем, что он является кратчайшим к Эрдени-Цзоо и Угэй-Нору, поэтому он имеет свое утилитарное значение. Как на Орхон, так и на пути к Толе в хребтах мы встречали немало кэрэксуров, которые мы отметили и зарисовали в своем дневнике. Переправясь чрез Толу, мы пошли по реке Харухе, где предстояло нам близ Хадасына осмотреть развалины, указанные г. Падериным и упоминаемые китайскими путешественниками XIII века. 21-го июня, выйдя в долину Харухи, на степном пространстве, насыщем название Загастын-Хундей близ урочища Кермен-Хундей у подножия Ухе-Дулона мы натолкнулись на обнесенное валами пространство, род загона или крепости, что нас заставило остановиться и заняться распросами. У монгола ламы, очень богатого молодого человека, узнали мы, что неподалеку находятся другие, более замечательные развалины на берегу Толы, доселе не отмеченные ни одним путешественником. Поэтому на другой день мы предприняли экскурсию в горы. Утром мы сделали 25 верст верхами и достигли берега Толы, где увидели довольно сохранившиеся постройки великолепного ханского дворца, принадлежавшего когда-то, по словам проводника ламы, какому-то Контойже, что, будто бы, доказывала и надпись на камне, стоявшем близ развалин. Здание напоминает замок со стеною из дикого камня и с кирпичными стенами из прекрасного обожженного кирпича; пред дворцом была терраса и крыльцо к реке; около дворца валяются гранитные чаши и цветные черепицы. Видно, что дворец был обставлен великолепно. В залах были полукруглые окна, по углам – башины, двери – со сводами; в стенах – следы труб и колодези. Это был памятник наиболее сохранившихся ханских жилищ и образец построек этого рода. Мы сняли план этого здания, наделали рисунков и при пальцевой жаре едва управились втроем. В юрты успели возвратиться только к вечеру. В этот день мы сделали 50 верст верхом. Время было дорого, и мы должны были спешить далее. Пройдя по Харухе далее, 23-го мы достигли Хадасына и очутились против новых развалин, отмеченных, как мы сказали, путешественниками. С виду это был целый монастырь. По осмотру оказалось, что стена здания имеет от 3 до 6 саж. высоты; вал, окружавший здание, был от 3 до 5 аршин высоты. Постройки были древние из дикого камня, прекрасно цементированного. Изучение расположения зданий приводило к заключению, что это была не крепость, не дворец и не город; это, скорее, были остатки величественных храмов с террасами, возвышениями, алтарями и колодезями для богомольцев. Судя по присутствию субурганов, должно заключить, что это были буддийские кумирни. При этом нужно заметить, что лучшие современные монастыри и курени монголов, как ургинские кумирни и Эрдени-Цзоо, уступают в архитектурном отношении харухинским грандиозным постройкам. Кому принадлежал этот монастырь, остается неизвестным. Оставив Харуху и выйдя на тракт, ведущий из Урги в Улясутай, мы 26-го числа июня были на озере Угэй-Норе, где остановились на р. Холе, осмотрели монастырь Оромбо-Гэгэна, сняли на план озеро, осмотрели устье Урту-Тамира и посетили окрестности. Здесь давно обращали на себя внимание путешественников видимые с гор возвышения в виде холма, находящиеся за рекой Холой в 5 верстах от Угэй-Нора. Монголы дают этому холму с обоим название «Ташин-Чил». Г. Потанин делал догадку, что это развалины, но местность эта доселе не была посещена путешественниками. Поэтому я предпринял экскурсию и исследовал холм. Сначала при поверхностном осмотре он казался причудливым возвышением. Но, всмотревшись и сняв план, мы нашли, что насыпи имели правильную форму; подле виден был остаток вала или стены. Наконец, на самом холме были открыты остатки гранитных пьедесталов с рисунком, как бы постаментов для колонн, и под первым слоем земли много черепицы. Несомненно, холм был остатком большого здания, каждая сторона которого равнялась 93 сажням в длину, а все здание было в 315 сажней в окружности. По-видимому, это были остатки летнего ханского дворца. К северу от города Кара-Корума, как известно из древних указаний, действительно находился дворец;

он должен был находиться между Угэй-Нором и поселениями на Орхоне, следы которых ожидали нас впереди. Приготовляясь к дальнейшему путешествию в вершины Орхона, и желая совершить легче этот путь, мы оставили в монастыре на Угэй-Норе наши телеги и наняли верблюда; также оставили часть лошадей и лишние вьюки. 1-го июля мы вышли с Угэй-Нора, переправились чрез Орхон при впадении Урту-Тамира и направились к югу по левой стороне Орхона. Пройдя станцию в 50 верст, 2-го июля мы завидели развалины Хара-Балгасуна, когда-то описанные г. Падериным. Наша задача была – сделать более подробное описание Хара-Балгасуна и определить его размеры, так как развалины эти приурочивались к историческому Кара-Коруму, но в то же время являлись и сомнения, так как многие другие ставили древний город в другом месте, а в последнее время г. Позднеев оспаривал открытие г. Падерина, указывая на другие развалины около монастыря Эрдени-Цзоо. Признаться, не без трепета мы подходили к этим развалинам среди обширной долины Далалху-Тала, которую патер Рубруквис когда-то называл «подобной морю». Если это действительно было место древнего Кара-Корума, то мы должны были представить себе всю историческую важность этого места, куда являлись европейцы в XIII в., куда шли целые месяцы францисканцы и доминиканцы; это были места, посещенные старинными путешественниками Марко Поло, Плано Карпини, Рубруквисом. Здесь располагались когда-то монгольские орды; здесь был центр монгольской империи и великое царство чингизидов. Все это должно было возникнуть в воображении путешественника. С величайшей осторожностью, не выдавая целей своей поездки, мы должны были подходить к этому месту, так как здесь предвиделась остановка и обстоятельное исследование. Монголы были подозрительны; многие, как мы убедились, не видали никогда еще русских; другие зорко следили за нами, подозревая в археологических исследованиях кладоискательство или разыскивание золота, что в Монголии считается делом запретным, особенно для иностранцев. Поэтому мы должны были принять некоторые предосторожности, а потом действовать обдуманно и осмотрительно, но настойчиво стремясь к своей цели. В первый день мы стали верстах в 5 от развалин. Прислуге дано было приказание не расспрашивать о развалинах, виднеющихся на горизонте. Мы объявили, что идем в монастырь Эрдени-Цзоо, а я показал вид, что данная долина интересует меня как охотника. Действительно, в тот же день я поехал с переводчиком, взяв ружье, как бы на охоту, и, убив дрофу, завернул в развалины Хара-Балгасуна. Осмотрев остаток стен, окружавших здание, как видно, дворца, я увидел, что работа здесь для снятия плана предстоит порядочная. Вернувшись, я передал моим товарищам свои впечатления и план работ, которые намерен был осуществить. На другой день мы выступили по дороге к Эрдени-Цзоо, но шли по долине только пока были в виду монгольских юрт, а как только скрылись от них, мы повернули прямо к развалинам и вошли в их ворота. Здесь мы скрылись за стенами и начали делать измерения, чертежи и составлять описания. Но от зоркого глаза степняков мы не могли долго скрываться, и нас окружили скоро любопытные монголы. Нечего делать, приходилось удовлетворять их любопытство и работать при людях. Для этого нужно было много терпения, много сдержанности. Мы продолжали наши работы, рисуя и меряя при монголах, что нам было нужно. Оставаться долго в черте развалин было невозможно, так как здесь не было воды, и потому мы отошли за 1 1/2 версты в юрты, стоявшие на берегу Орхона. Отсюда мы могли делать всякий день экскурсии к Хара-Балгасуну. Работа в течение нескольких дней и изучение окрестностей убедили нас, что здесь находится не один дворец или здание, которое открыл г. Падерин. Этому путешественнику не было времени осмотреть окрестности. Кроме стен Хара-Балгасуна и высокой башни, кругом были валы, обломки гранита, черепицы, кирпичи; эти остатки древней жизни тянулись на огромное расстояние. Съёмка и план этих валов заняли много времени. Один вал был в 2500 шагов. Оказалось, что стены, в 500 шагов каждая сторона, были остатком центрального здания, а город раскидывался еще на 2 1/2 версты в одну сторону и на 5 в другую, к горам. Он занимал значительную часть долины. Измерение затруднялось потому, что у нас не было межевых инструментов. Но что замечательнее всего было на этих развалинах – это замеченные нами близ дворца обломки гранита с барельефом, которые в общем напоминают обелиски или памятники. Рассматривая и очищая огромные обломки, мы нашли неизвестные надписи и древние китайские иероглифы. Между прочим, здесь оказались «рунические» надписи на щите, помещенном между высеченными в граните драконами. Развалины Хара-Балгасуна находятся в 1 1/2 верстах от Орхона, а не в 8 верстах, как сообщал г. Падерин; к городу были проведены каналы для снабжения водою из р. Джирманты. Во время работ на Хара-Балгасуне я узнал о новых развалинах на озере Цаган-Норе (о них проболталась монголка) и 5-го июля с переводчиком я отправился к ним. Верстах в 15 от Хара-Балгасуна в живописной местности среди гор лежал дворец ханьши Тойтен, как говорит предание. На возвышении были здания, от которых остались обломки колонн и цветной черепицы. Здесь же была и похоронена прекрасная ханьша. На другой день мы поднялись верхом на самую высокую в этой местности гору Хотынд и осмотрели восьмиугольный древний полуразрушенный обон, подобие пирамиды из дикого камня в 2 1/2 сажени высотой; монголы приписывают его Темир-хану. Как с этой горы, так и с башни на Хара-Балгасуне, открывался вид на всю долину до монастыря Эрдени-Цзоо и Угэй-Нора. Спускаясь с горы Хотынд, мы натолкнулись на развалины китайской деревни, одной из многочисленных деревень, окружавших Кара-Корум, по свидетельству очевидцев. Ясно, что долина была вся густо заселена, в чем убедило нас и дальнейшее путешествие по Орхону.

Как ни любопытно было изучение больших развалин Хара-Балгасуна, но впереди было исследование долины Джирманты и вершин Орхона. Поэтому я должен был немедленно предпринять новую поездку и поспешить к 13-му числу июля возвратиться. Оставив для работ помощника, с переводчиком и другим помощником г. Смысловским налегке, без вьюков, я отправился в вершины Джирманты и решил сделать переход к вершинам Орхона. Экскурсия эта заняла 4 дня. Мы поднялись вверх по Джирманте и нашли горячие ключи, означенные на китайских картах; далее прошли вершины и, взяв проводника, направились в вершины Орхона. 10 июля мы достигли их и увидели истоки Орхона, бегущие с горы Субур-Хаирхана, вершины которой покрыты пятнами вечногo снега. Затем мы снова возвратились в долину

Далалхын-Тала, сделав в четыре дня 180 верст (в том числе десятого числа до 70 верст в день). По Джирманте мы опять нашли развалины монастыря и памятник с китайской надписью; на рр. Цаган-Суму и Кок-Суму снова развалины. Кроме того, по Джирманте были встречены канавы, обломки жерновов и проч., доказывавшие древнее пребывание здесь земледельческого населения. 12-го числа была окончена работа с надписями у Хара-Балгасуна, и 13-го числа мы вышли в монастырь Эрдени-Цзоо, подоспев к дню великолепного буддийского цамы. Это был съезд монголов со всех сторон Монголии; до 2000 богомольцев, в большинстве лам, стеклось сюда. 14-го началось буддийское служение, состоявшее в религиозных представлениях (пляска богов в масках). Мы видели это великолепное зрелище. Множество лам музыкантов, до 70 масок в роскошных костюмах фигурировали в церемонии. Монастырь Эрдени-Цзоо – один из первоклассных монастырей Монголии. Около него мы нашли также остатки древнего города и валы. В самом монастыре на каждом шагу попадались обломки гранитных камней, пьедесталов, плит с надписями; все это снесено было с соседних развалин. Ясно было, что и здесь была когда-то столица. По преданию и сказанию лам это была столица Саин-темир-хана, изгнанного из Китая и желавшего построить здесь подобие китайского города. Он выстроил тут город, который назывался Кет-Кукухото. Направляясь обратно на север по р. Кокишин-Орхону, мы на берегу его нашли еще остатки древних поселений. Из этого видно, что все пространство от Угэй-Нора до Эрдени-Цзоо было заселено. При возвращении по Кокишин-Орхону в 15 верстах на параллели Хара-Балгасуна и его окрестностей нам удалось еще увидеть замечательный памятник древности, бросающий свет на прошлое этой долины. От самого Забайкалья по всему Орхону мы следили за встречаемыми могильниками, заваленными камнями, носящими название «керексур». Эти керексуры разбросаны по Селенге, Орхону и видены были многими путешественниками. Мы видели их близ самых вершин Хотында, близ развалин на Джирманте. Типы этих могильников какого-то древнего неизвестного народа рассеяны по всей западной Монголии и южной Сибири; те же формы встречаются в Забайкалье, в Саянах и Минусинском округе. Они хорошо известны археологам. То, что мы нашли близ Хара-Балгасуна и на Орхоне, было, однако, нечто выдающееся и не встречавшееся в других местах. Мы нашли типы тех же могильников, но только более грандиозных. За Кокишин-Орхоном близ озера Цайдама лежит несколько могильников, к которым указательными маяками ведет аллея из камней на 2 ¹/₂ или 3 версты. Затем на плоских могилах кроме стоячих камней мы нашли каменных львов, изваянные сидящие фигуры и поверженные статуи из белого и серого мрамора; рядом с ними – каменные обелиски или таблицы чудовищных размеров: в 2 сажени длины, 2 аршина ширины и ¹/₂ аршина толщины. Они были теперь повержены, но когда-то возвышались укрепленные на массивных подставках; на верху их были высечены фигуры сплотившихся драконов, позади их в нескольких шагах видны следы массивных пьедесталов из гранита с отверстиями, в которых, вероятно, были укреплены статуи. Костюмы, пояса на статуях прекрасно изваяны. Но что драгоценнее всего, это сохранившиеся на таблицах надписи. Часть из них выветрилась. Необыкновенно прочный и крепкий гранит был изъеден веками и указывал на тысячелетнюю древность. Некоторые таблицы сохранились. Они представляют загадочные рунические надписи, встречаемые и в других местах Сибири; на боках и обратной стороне таблиц-обелисков находятся китайские (или киданские?) иероглифы. Если надписи эти китайские, то очень может быть, что они дадут ключ к уразумению рун. Таблицы представляют множество строк, и мы сняли одну таблицу целиком. Работы было много, и мы выполняли ее, как могли и насколько располагали временем. Нет сомнения, что в будущем здесь богатая жатва для археологов. Кроме перечисленного, здесь находятся еще четырехугольные могильники с плитами, но плиты расписаны цветами. На стоящих возле камней были руны и знаки. Памятники эти, несомненно, имеют тесное родство с керексурами, но принадлежат выдающимся лицам. Они находятся близ древней столицы, и связь этого кладбища с Хара-Балгасуном очевидна. Может быть, это древние усыпальницы каких-нибудь царей, владевших Кара-Корумом. От всяких выводов мы пока, однако, удержимся; скажем одно, что множество памятников указывает на существование древнего культурного народа, когда-то здесь обитавшего до господства монголов.

Закончив описание могильников, мы возвратились к Угэй-Нору и, выйдя на ургинский тракт, достигли 28-го числа Урги и затем проследовали в Кяхту. От Кяхты до Угэй-Нора мы прошли 450 верст, от Угэй-Нора до развалин Хара-Балгасуна 55 ¹/₂ верст, от Хара-Балгасуна до Эрдени-Цзоо 26 верст. Всего экспедиция сделала 1500 верст в 50 дней, то есть пришлось проходить средним числом в день 20 верст. Но, принимая в расчет работы в некоторых местах, выпадали чаще переходы в 50 и более верст.

Краткость срока не позволили произвести более подробных изысканий в долинах, но и виденное доказало, что будущие исследователи найдут здесь интересные остатки древностей. Мы же, несмотря на перенесенные трудности и усталость, удовлетворены вполне, что еще раз нам удалось послужить науке и Географическому Обществу.

Публикуется по: Земля Иркутская. – 2004. – № 1 (24). – С. 73–76.

Библиографический список основных трудов. Хронологический указатель

1977

Об итогах полевой археологической практики 1977 г. студентов исторического факультета // Археология и этнография Восточной Сибири : тез. докл. регион. конф., 5–7 апр. 1978 г. – Иркутск, 1978. – С. 98–99. – Соавт. М. Пронкина.

1984

Из опыта работы комитета ВЛКСМ Иркутского сельскохозяйственного института по формированию студенческих осенних уборочных отрядов // История ВЛКСМ и международного молодежного движения, вопросы теории и практики комсомольской работы : тез. докл. V науч.-практ. конф.– Иркутск, 1984. – С. 51–52.

1985

О некоторых направлениях использования архивных материалов для составления свода археологических памятников Иркутской области // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока : тез. докл. к XXV арх. конф., 3–5 апр. 1985 г. – Иркутск, 1985. – С. 109–111.

1986

Архивные находки // Совет. молодежь. – 1986. – 10 июля (№ 83). – С. 3.

О сохранившихся изображениях зданий Иркутска XVIII в. Из фондов Центрального гос. архива.

1987

Глазковский некрополь : к 100-летию открытия древнейших сиб. захоронений. – Иркутск, 1987. – 31 с. : ил. – Соавт. В. И. Базалийский.

Исторические факты об исследовании Глазковского некрополя, находящегося на месте здания железнодорожной поликлиники.

1988

Документы свидетельствуют... // Полит. вестн. – Иркутск, 1988. – № 16. – С. 17–19.

О борьбе с самогоноварением в Иркутской губернии, 1918 г.

Заметки на открытках // Совет. молодежь. – 1988. – 20 дек. (№ 151). – С. 2.

О серии открыток «Транссибирская магистраль» издательства «Планета» (М., 1988).

Документы свидетельствуют... // Полит. вестн. – Иркутск, 1989. – № 22. – С. 23–29.

О действиях 5-й Армии в Прибайкалье, 1920–1921 гг.

Каким вернется к нам Георгий Победоносец? // Совет. молодежь. – 1991. – 10 дек. (№ 143/144). – С. 8.

Об истории орденового знака Святого Георгия (Георгиевский крест).

1991

Многие не вернулись // Вост.-Сиб. правда. – 1991. – 18 июня (№ 137). – С. 4.

Об освоении Русской Америки.

1992

Кавказская мафия в Сибири начала века и рассказ о том, как с ней боролись // Версия. – 1992. – № 4. – С. 6.

О борьбе губернского жандармского управления и полиции с преступностью в Иркутской губернии, 1913 г.

Декабриста Муравьева определить начальником полиции // Версия. – 1992. – (№ 10). – С. 6.

Архивные данные о деятельности декабриста А. Н. Муравьева в должности начальника иркутской полиции (с апреля 1828 г.).

Жизнь и личность Н. М. Ядринцева как предмет научного исследования // Научно-практическая конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева. (Иркутск, 30 окт. 1992 г.). – Иркутск, 1992. – С. 4–6.

Первоочередные задачи изучения наследия Н. М. Ядринцева // Научно-практическая конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева, 30 окт. 1992 г. – Иркутск, 1992. – С. 1–3. – Соавт.: С. Ф. Коваль, Н. К. Шестакова.

Учащаяся молодежь и формирование сибирского патриотизма : (на примере материалов Н. М. Ядринцева) // Научно-практическая конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева, 30 окт. 1992 г. – Иркутск, 1992. – С. 18–21.

1993

Археологические памятники [г. Иркутска] // Памятники истории и культуры Иркутска / сост. А. В. Дулов. – Иркутск, 1993. – С. 48–63. – Соавт.: В. И. Базалийский, Е. М. Инешин.

Самое, самое... // Новое окно. – 1993. – № 1, 2.

Самые интересные факты из истории Иркутска и Иркутской губернии.

1994

Военный орден Святого Великомученика Победоносца Георгия // Земля. – 1994. – 24 дек. (№ 32). – С. 12–13.
Об офицерской награде, учрежденной Екатериной II в 1769 г.

...И в нижнем звании бывают герои! // Земля. – 1994. – 24 дек. (№ 32). – С. 12–13.

О специальном знаке для награждения за подвиги рядового состава русской армии, называемого в народе «солдатским Георгием».

Из истории Иркутской городской думы [по материалам ГАИО] // Рус. беседа. – 1994. – Дек. (№ 1). – С. 15–18 : ил.

Иркутские казаки : сквозь траву забвения // Вост.-Сиб. правда. – 1994. – 4 июня (№ 116/117). – С. 5.

История иркутского казачьего сословия.

К вопросу о работе М. А. Гудошникова над статьей «Областничество» для Сибирской советской энциклопедии // Байкальская историческая школа : проблемы региональной истории : тез. докл. и сообщ. науч. конф., посвящ. памяти М. А. Гудошникова и Ф. А. Кудрявцева. Иркутск, 27–30 июня 1994 г.). – Иркутск, 1994. – Ч. 1. – С. 40–43.

Некоторые аспекты использования документов Государственного архива Иркутской области для реконструкции памятников архитектуры и истории г. Иркутска // Историко-культурное наследие Восточной Сибири : материалы науч.-практ. конф. – Иркутск, 1994. – С. 41–42.

Новые источники по делу о дуэли М. С. Неклюдова с Ф. А. Беклемишевым 16 апреля 1859 г. в Иркутске и ее последствия // Байкальская историческая школа : проблемы региональной истории : тез. докл. и сообщ. науч. конф., посвящ. памяти М. А. Гудошникова и Ф. А. Кудрявцева, 27–30 июня 1994 г. – Иркутск, 1994. – Ч. 1. – С. 62–65.

Под сенью белых парусов ... // Земля Иркут. – 1994. – № 1. – С. 50 – 53 ; № 2. – С. 31–35. – Соавт.: Л. Елизарова.

Судостроение и судоходство на Байкале, XVIII–XIX вв. Иркутское адмиралтейство.

1995

Большое Голоустное // Земля Иркут. – 1995.–№ 4. – С. 41–46 : карта, ил. – Библиогр.: с. 46. – Соавт.: А. Гаращенко.

История сел Большое Голоустное и Белозерцево, карта окрестностей с. Большое Голоустное.

Документы Государственного архива Иркутской области о нападении японских военных кораблей на г. Петропавловск-Камчатский в августе 1905 г. // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф., 18–20 апр. 1995 г. – Хабаровск, 1995. – С. 68–70.

Документы ГАИО о попытке создания государственного Верхнеленского археологического заповедника в местности «Шишкинская шаманка» Качугского района Иркутской области [1949–1951 гг.] // Проблемы развития музеев под открытым небом в современных условиях : тез. докл. и сообщ. междунар. науч.-практ. конф., 29 июня–3 июля 1995 г. : к 15-летию АЭМ «Тальцы». – Иркутск, 1995. – С. 68–69.

Памятник над Ангарой // Земля Иркут. – 1995. – № 3. – С. 2–15 : ил.

История возведения памятника Александру III (1900–1907 гг.) в Иркутске.

За день до открытия // Земля Иркут. – 1995. – № 3. – С. 16–17.

К истории создания монумента Александру III в Иркутске.

Иркутские губернаторы : белые и красные [1917–1920 гг.] // Губерния. – 1995. – 10 окт. (№ 22). – С. 2.

А. И. Пильви, И. Г. Церетели, И. А. Лавров, А. И. Кругликов, Н. А. Гаврилов, Б. З. Шумяцкий, Н. Н. Яковлев, П. Д. Яковлев.

Метрическая запись о смерти Г. И. Шелихова в документах ГАИО // Российские исторические чтения, посвящ. 200-летию со дня смерти Г. И. Шелихова : тез. и материалы, 20–23 июля 1995 г. – Шелехов, 1995. – С. 9–10.

То же // Книга о Шелихове. – Иркутск, 1997. – С. 30–32.

1996

Новые сведения о службе Г. Батенькова в Иркутске // Земля Иркут. – 1996. – № 6. – С. 66–68. – Соавт. Л. Елизарова.

Деятельность инженера Г.С. Батенькова (будущего декабриста) в Иркутске в 1819–1820-х годах XIX в.

«...Предоставить собственному разрушению» // Вост.-Сиб. правда. – 1996. – 12 сент. (№ 187). – С. 5.

Об охране памятников истории и культуры в Иркутске в начале XIX в.

1997

Воеводы, губернаторы // Вост.-Сиб. правда. – 1997. – 20 авг. (№ 165). – С. 2.

Из истории Иркутской области, 1687–1752.

Генералы и кавалеры // Земля Иркут. – 1997. – № 8. – С. 11–13 : портр.

О генерал-губернаторах Восточной Сибири, награжденных орденом Святого Георгия : Б. Б. Лециано, Н. П. Лебедев, Н. С. Сулима, И. Б. Цейдлер, К. К. Венцель, Н. Н. Муравьев-Амурский.

Документы Государственного архива Иркутской области к биографии Ивана Александровича Якушева // История «белой» Сибири : тез. 2-й науч. конф., 4–5 февр. 1997 г. – Кемерово, 1997. – С. 148–149.

Документы Государственного архива Иркутской области об участии наемников в диверсионных операциях против России на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны : (к постановке проблемы) // Военные конфликты и наемничество : история и современность : докл. и тез. 2-й воен.-ист. межвуз. науч. конф., 28 мая 1996 г. – Иркутск, 1997. – С. 81–84.

Н. М. Ядринцев об управлении Сибирью // Иркутская область в панораме веков : материалы науч.-практ. конф. «175 лет сибирских реформ М. М. Сперанского, 60 лет Иркутской области и проблемы регионального управления», 23 сент. 1997 г. – Иркутск, 1997. – С. 71–74.

Семнадцать мгновений власти : [интервью с Е. Б. Шободоевым о деятельности иркут. ген.-губернаторов / записал О. Гулевский] // Вост.-Сиб. правда. – 1997. – 29 марта (№ 63/64). – С. 6.

1998

Иркутский губернатор [Трескин] опередил всю Россию [нач. XIX в.] // СМ-Номер один. – 1998. – 3 апр. (№ 64). – С. 10 : портр.

То же // На огненном посту : Пожары и катастрофы Иркутской области. – Иркутск, 1998. – С. 10–11.

О деятельности губернатора Трескина по организации системы борьбы с пожарами в г. Иркутске.

К истории иркутской городской пожарной команды // Проблемы деятельности государственной противопожарной службы региона Сибирь и Дальний Восток : материалы I Сиб. науч.-практ. конф., 25–26 марта 1998 г. / М-во внутр. дел РФ, Вост.-Сиб. ин-т. – Иркутск, 1998. – С. 214–215.

Перспективы и особенности комплексной научно-технической переработки личного фонда Н. М. Ядринцева // Архивы – источник истины : материалы науч.-практ. конф. «80 лет государственной архивной службе России и исторический опыт комплектования документальных богатств архивного фонда Иркутской области», 23 июня 1998 г. – Иркутск, 1998. – С. 143–146.

185 лет пожарной охране города Иркутска : [буклет] / подгот. Е.Б. Шободоев. – [Иркутск], [1998]. – 6 с. : ил.

1999

Иркутский губернатор Трескин опередил всю Россию... кроме Москвы и Петербурга // Пожарное дело. – 1999. – № 3. – С. 44. – Соавт.: С. Чашин.

О становлении пожарного дела в Иркутске.

История охраны памятников [архитектуры] в Иркутской губернии [конец XIX – 20-е гг. XX в.] // Земля Иркут. – 1999. – № 11. – С. 11–16 : ил. – Библиогр. в примеч. – Соавт. Т. Душкина.

Сенсация – результат поиска // Вост.-Сиб. правда. Иркутск. – 1999. – 25 янв. (№ 3). – С. 7. – Соавт. Т. Душкина.
К 200-летию здания иркутского почтамта – бывшего дома купца Г. Киселева.

2000

Документы к биографии Н. М. Ядринцева в личном фонде Н. С. Романова в Государственном архиве Иркутской области // Вторые Романовские чтения : материалы науч. конф., 8–9 янв. 2000 г. – Иркутск, 2000. – С. 15–20.

Монголия, какой увидел ее Н. М. Ядринцев // Сиб. архив. – Иркутск, 2000. – Вып. 2. – С. 124–130 : ил.

Первый губернатор Прибайкалья // Вост.-Сиб. правда. – 2000. – 11 нояб. (№ 221/222). – С. 5.

О деятельности губернатора Карла Львовича фон Фрауендорфа.

Уольская судьба военных поселян [1831–1857 гг.] // Земля Иркут. – 2000. – № 13. – С. 18–20. – Соавт.: Ю. Жукова, Е. Кирильчук.

Я. Н. Ходукин : иркутский краевед и неудавшийся политик // Иркутское краеведение 20-х : взгляд сквозь годы : материалы регион. науч.-практ. конф. «Золотое десятилетие» иркутского краеведения, 1920-е годы», 11–13 янв. 2000 г. – Иркутск, 2000. – Ч. 2. – С. 82–90. – Библиогр.: С. 90 (9 назв.).

2001

Государев фабрикант // Вост.-Сиб. правда. – 2001. – 17 марта (№ 49/50). – С. 4.

О кавалере ордена Святой Анны 1-й степени О. И. Новицком, управляющем «комиссариатским комиссионерством», организовавшем успешное дело на Тельминской суконной фабрике.

Иркутский полицмейстер И. И. Замощиков // Силовые структуры как социокультурное явление : история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., 7 мая 2001 г. / М-во внутр. дел РФ, Вост.-Сиб. ин-т. – Иркутск, 2001. – С. 208–209.

Кавказцы в Иркутске. Начало мафии? // Иркут. губерния. – 2001. – № 1. – С. 40–43.

Об особенностях борьбы с этнической преступностью в Сибири в начале XX в.

Сибирский вельможа // Вост.-Сиб. правда. – 2001. – 10 февр. (№ 26/27). – С. 4.

О генерал-губернаторе Иркутском и Колыванском И. В. Якоби (1783–1789 гг.).

2002

Иркутские драгуны : (в огне Бородинской битвы и копоти исторической несправедливости) // Земля Иркут. – 2002. – № 2 (19). – С. 36–40 : ил.

Из истории Иркутского драгунского полка.

Киренский городничий Константин Матвеев сын Бейтон // Земля Иркут. – 2002. – № 3 (20). – С. 71–73. – Соавт.: М. Василенко.

2003

Исторический опыт и проблемы комплектования архивных фондов органов государственной власти Восточной Сибири : (на примере Гос. архива Иркут. обл.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв. : материалы V Всерос. науч. конф. – Иркутск, 2003. – Ч. 2. – С. 236–239. – Соавт. Т.М. Душкина.

Памятная медаль в честь открытия в Иркутске монумента основателю Великого сибирского железнодорожного пути императору Александру III // Памятник над Ангарой. – Иркутск, 2003. – С. 70–71.

Рождение памятника [Александру III в Иркутске] // Памятник над Ангарой. – Иркутск, 2003. – С. 31–67.

2004

Архивы как часть государственной системы регионального управления Восточной Сибири. Н.И.Трескин и М.М.Сперанский: общность подхода к проблеме // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической ретроспективе : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского (25–26 февр. 2003 г.) / Иркут. ун-т, Иркут. ин-т повышения квалификации работников образования, Иркут. обл. музей истории образования. – Иркутск, 2004. – Ч. 1. – С. 158–161.

Становление архивной службы в Иркутске.

Русский скульптор академик Р. Р. Бах [1859 – 1933] // Земля Иркут. – 2004. – № 1. – С. 12–13 : ил. – Соавт. А. Гарашенко.

Формирование архивных учреждений Восточной Сибири в 1-й половине XIX в. // Архивы и управление Восточной Сибирью : теория и практика : прошлое, настоящее и будущее : материалы межрегион. науч.-практ. конф., 27 сент. 2004 г. / Архив. упр. Иркут. обл., Гос. архив Иркут. обл., Гос. архив новейш. истории Иркут. обл. – Иркутск, 2004. – С. 187–192.

История становления государственной архивной службы.

Яков Николаевич Ходукин // Сиб. наследие. – Иркутск, 2004. – № 5. – С. 2.

Об одном из краеведов, заведующем краеведческим музеем Иркутска.

240 лет Иркутской губернии // Информ.-метод. бюл. архив. упр. Ирк. обл.– 2004. – № 3. – С. 51–53.

В зеленом обрамлении Александровского сквера // Памятник над Ангарой. – Иркутск, 2003. – С. 76–93. – Соавт. А. Гарашенко.

2006

От думы к думе : (Иркут. гор. упр. в XX в.) // Земля Иркут. – 2006. – №1. – С. 19–25 : ил.

Из истории местного самоуправления в г. Иркутске, 1892–2005гг.

2007

12-летний путь от губернии до области // Обл. газ. – Иркутск, 2007. – 12 окт. (№ 117). – С. 3.

О территориально-административном делении Сибири.

2008

Знаки различия народно-революционной армии // Земля Иркут. – 2008. – № 2 (35). – С. 83–84. – Соавт.: М. Василенко.

Убийство графа Алексея Павловича Игнатьева : недописанные строки биограф. последн. ген.-губ. Вост. Сибири и перв. иркут. ген.-губ. // Земля Иркут. – 2008. – № 1 (34). – С. 86–89.

Последний генерал белой армии // Земля Иркут. – 2008. – № 2 (35). – С. 101–104.

О генерале А.П. Бакшееве.

Публикаторские работы

Сибирские бомжи 100 лет назад / публ., вступ. статья Е. Шободоева // Версия. – 1992. – № 7. – С. 5.

По книге Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке».

Из отчета губернатора Трескина [1806 – 1812 гг.] / публ., вступ. статья Е. Шободоева // Земля Иркут. – 1995. – № 4. – С. 32–35 : ил.

О постройке Кругобайкальской колесной дороги и организации работ по реконструкции Московского тракта.

Летопись губернского города Иркутска / публ., примеч., вступ. статья Е. Шободоева // Летопись города Иркутска XVII–XIX века. – Иркутск, 1996. – С. 49–88, 265–272.

За строкой правительственного указа // Земля Иркут. – 2000. – № 12. – С. 8–9. – Без подписи.

Комментарий к официальному документу о создании и привилегиях Российско-Американской компании после смерти Г. И. Шелихова.

Управляющий Иркутской губернией [П. Д. Яковлев] Показания Павла Дмитриевича Яковлева / публ. и вступ. статья Е. Шободоева // Сиб. архив. – Иркутск, 2000. – Вып. 1. – С. 34–35.

Документы официальной переписки Главного управления Восточной Сибири о научно-исследовательской деятельности Венедикта (Бенедикта) Дыбовского / публ., примеч., вступ. статья Е. Шободоева // Бенедикт Дыбовский / под ред. О. М. Кожовой, Б. С. Шостаковича. – Новосибирск, 2000. – С. 222–237.

Иркутский острог 1731 года / публ., примеч., вступ. статья Е. Шободоева // Земля Иркут. – 2001. – № 16. – С. 9–12.

О передаточной описи 1731 г., выявленной в Российском государственном архиве древних актов.

Документы Государственного архива Иркутской области о русской экспансии в Монголии XIX–XX вв. / подгот. к изд. Е. Шободоев. – Иркутск, [2002]. – 6 с. : ил.

Копия паспорта отставного рядового Иркутского гусарского полка Михаила Емельяновича Харитонов / публ. Е. Шободоева // Земля Иркут. – 2002. – № 2 (19). – С. 39–41.

Дело о злонамеренных действиях : (о прокламации «Сибирским патриотам») / публ., вступ. статья Е. Шободоева // Вост.-Сиб. правда. – 2003. – 22 марта (№ 55/56). – С. 4.

Из путевого дневника : (Первая Монгольская экспедиция Н. М. Ядринцева) / публ., вступ. статья Е. Шободоева // Земля Иркут. – 2004. – № 1 (24). – С. 73–76.

Первый опыт охраны памятников сибирской истории / публ., примеч., вступ. статья Е. Шободоева // Земля Иркут. – 2006. – № 3 (31). – С. 92–93.

О древних башнях. Публикация документа 1852 г. из архивного фонда Илимской мещанской управы.

Серебренников И. Иркутская губерния в изображении «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова / публ., примеч., вступ. статья Е. Шободоева // Земля Иркут. – 2007. – № 2 (33). – С. 40–48.

Личное письмо бывшего начальника Иркутского гарнизона генерал-майора Е. Г. Сычева барону Р. Ф. Унгерну о причинах отступления белогвардейских частей из Иркутска в январе 1920 года / публ., примеч., вступ. статья Е. Шободоева // Земля Иркут. – 2008. – № 2 (35). – С. 106–108.

Редакторские работы

Научно-практическая конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева : тез. докл. и выступлений, 30 окт. 1992 г. / ред. коллегия: ...Е.Б. Шободоев (отв. секр.) ; отв. за вып. Е.Б. Шободоев ; Гос. архив Иркут. обл. – Иркутск, 1992. – 45 с.

Архивы – источник истины : материалы науч.-практ. конф. «80 лет государственной архивной службе России и исторический опыт комплектования, обеспечения сохранности и использования документальных богатств архивного фонда Иркутской области», 23 июня 1998 г. / Арх. упр. администрации Иркут. обл., Гос. архив Иркут. обл., Центр документации новейш. истории Иркут. обл. ; редкол. : Н.К. Шестакова, Т.М. Душкина, Е.Б. Шободоев (отв. секр.) и др. – Иркутск : Оттиск, 1998. – 153, [1] с. : фот. цв. – Библиогр. в конце ст.

Иркутский государственный университет : ректоры, деканы, профессора (1918–1998) / ред. коллегия: А.И. Смирнов (пред.)... Е.Б. Шободоев. – Иркутск : Агентство «Комс. правда-Байкал» : Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – 200 с.

Нестерович А. А. Иркутский государственный университет – первенец вузовской науки Восточной Сибири, 1918–1998 / ред. Коллегия : А.И. Смирнов (пред.)... Е.Б. Шободоев. – Иркутск : Агентство «Комс. правда-Байкал» ; Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – 106 с.

Сибирский архив : архив. док., публ., факты, коммент. : науч.-попул. ист.-краевед. сб. / ред.-сост. Е.Б. Шободоев ; ред. кол.: Н.К. Шестакова (отв. ред.), Е.Б. Шободоев (отв. секр.). – Иркутск : Оттиск, 2000. – 2002. Вып. 1. – 2000. – 131 с. ; Вып. 2. – 2000. – 131 с. ; Вып. 3. – 2002. – 220 с.

Иркутская область : вехи истории : [буклет к 65-летию Иркут. обл.] / Архив. упр. Администрации Иркут. обл., Гос. архив Иркут. обл., Гос. архив новейш. истории Иркут. обл. ; подгот. к изд. М.Д. Покачалова, Е.Б. Шободоев. – Иркутск : Оттиск, 2002. – 12 с. : ил.

Памятник над Ангарой : альбом / А.Н. Гаращенко, Е.Б. Шободоев, А. В. Яковлев, Е.В. Богачев ; Вост.-Сиб. ж. д. и др. ; фот.: И.Ю. Бержинский и др. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 110, [2] с. : ил.

Архивы и управление Восточной Сибирию: теория и практика : прошлое, настоящее и будущее : материалы межрегион. науч.-практ. конф., 27 сент. 2004 г. / Архив. упр. Иркут. обл., Гос. архив Иркут. обл., Гос. архив новейш. истории Иркут. обл. ; под ред. Н.К. Шестаковой, Е.Б. Шободоева ; ред. кол.: ... Е.Б. Шободоев (отв. секр.). – Иркутск : Оттиск, 2004. – 200 с.

Пролегли пути вокруг Байкала : Станции Восточно-Сибирской железной дороги. История и современность : путеводитель / сост.; ред. совет : А.А. Скачков (пред.), А.Н. Гаращенко, Е.Б. Шободоев и др. – Иркутск : изд. А.Н. Гаращенко ; Оттиск, 2004. – 135 с. : ил.

Гл. «Северобайкальское отделение» написана при участии Е. Шободоева.

Именной аннотированный указатель

Александр I Павлович (Победитель, Благословенный) (1777–1825) – российский император с 1801 по 1825 г. — 82, 135, 329.

Александр II Николаевич (Освободитель) (1818–1881) – российский император с 1855 по 1881 г. — 26, 64, 108, 110, 111, 194, 195, 197.

Александр III Александрович (Миротворец) (1845–1894) – российский император с 1881 по 1894 г. — 26, 83, 108, 111, 154, 155, 158, 162, 176, 177, 178, 179, 181, 270, 274, 282, 286, 287, 290, 293, 295, 296, 297, 298, 299, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 310, 313, 317, 318, 319, 322, 324, 325, 326, 327, 330.

Александр Ярославович Невский (1220–1263) – князь владимирский, князь новгородский, один из величайших русских полководцев, отстаивал северо-западные земли Руси от порабощения немецких и шведских завоевателей. Одержал победу в Невской битве (1240 г.), на Чудском озере (1242 г.). — 53, 256.

Алексеев Константин Михайлович (1851–1917) – генерал от инфантерии, участник Русско-турецкой (1877–1878 гг.) и Русско-японской (1904–1905 гг.) войн. Начальник санитарной части 1-й Маньчжурской армии (1905–1906 гг.). Временный Иркутский генерал-губернатор (с 17 ноября 1905 г. по 1 июля 1906 г.). — 178.

Алексеев Н.А. (1873–1972?) – по образованию врач, большевик. С 1911 по 1917 г. работал врачом в Иркутске. После Февральской революции – член полкового комитета Иркутского Совета военных депутатов, Иркутской городской думы. Участник Октябрьской революции. Работал в советских и партийных органах в г. Москве. — 71.

Алканов – иркутский подрядчик, принимал участие в подготовительных работах по сооружению памятника Александру III. — 161.

Альбовский Евгений Александрович – военный историк (не профессионал), служил штабс-ротмистром 4-го Харьковского уланского полка, ротмистром в Иркутском драгунском полку. Автор книг «История Харьковского слободского казачьего полка. 1651–1765» (Харьков, 1895), «История Иркутского полка (50-й драгунский Иркутский полк) (Минск, 1902., «Харьковские казаки» (СПб., 1914). — 135, 136, 138, 139.

Андроников (Андроникашвили) Луарсаб Николаевич (1872–1939) – представитель демократической части дореволюционной адвокатуры, выступал защитником в ряде громких судебных политических процессов (дело «Сочинской республики», матросов крейсера «Очаков, С. Ильинского), профессор Тифлисского университета, основоположник высшего юридического образования в Грузии. — 115.

Андропов Юрий Владимирович (1914–1984) – советский государственный деятель, в 1967–1982 гг. – Председатель КГБ, с 1982 по 1984 г. – Генеральный секретарь ЦК КПСС, с 1983 по 1984 г. – Председатель Президиума Верховного Совета СССР. — 6.

Анучин Дмитрий Гаврилович (1833–1900) – государственный и военный деятель, сенатор, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., был рязанским губернатором, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1879–1885 гг. Уволен от должности с назначением в Сенат. Военный историк и публицист. — 42, 48, 109.

Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – граф, государственный и военный деятель, член Государственного совета, сенатор, генерал от артиллерии. С 1815 г. фактически руководил Государственным советом, Комитетом министров, Собственной Его Императорского Величества канцелярией. Являлся главным начальником над военными поселениями. — 102.

Аршалуйс Гелумьян – каторжанин Александровского централа, участник побега из централа в апреле 1908 г. — 115.

Аспелин Иоганн Рейнгольд (Йоханнес Рейнгольд) (1842–1915) – финский профессор, археолог, исследователь истории Севера, древностей Сибири, автор уникального археологического атласа «Древности финно-угорского Севера». — 50.

Базанова Юлия Ивановна (1870–1924) – дочь золотопромышленника И.И. Базанова, жертвовала средства на здравоохранение в Иркутске, строительство нового здания Иркутского городского театра, помощь учащимся-сибирякам в Москве и Петербурге и т. д. — 157.

Бакрадзе Георгий – уголовный преступник, действовавший в Восточной Сибири в 10-е годы XX в., убит в 1913 г. — 190.

Бакшеев Алексей Проклович (1873–1946) – генерал-майор, участник Русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой войн. Во время Гражданской войны – заместитель войскового казачьего атамана Г.М. Семенова. В 1921 г. эмигрировал в Маньчжурию, возглавлял Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии. Во время Великой Отечественной войны возглавил Захинганский казачий корпус, сформированный японцами. Арестован в 1945 г. представителями контрразведки СМЕРШ. Казнен после судебного процесса в 1946 г. — 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 149, 275.

Бакшеев Прокл Олимпович – казак станицы Титовской (располагалась недалеко от г. Чита), занимался скотоводством, земледелием, извозным промыслом. Отец генерала А.П. Бакшеева. — 141.

Балакаева Идея Андреевна – заместитель директора Российского государственного архива древних актов. — 221.

Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1761–1818) – князь, известный русский полководец, военный министр (1810–1812 гг.), герой Отечественной войны 1812 г., за участие во взятии Парижа в 1814 г. произведен в фельдмаршалы. — 137, 138.

Баркова Александра Ивановна – мать жены Н.М. Ядринцева, Аделаиды Федоровны. — 35, 36.

Бартенев – штабс-капитан Иркутского драгунского полка, начальник группы драгун, сопровождающих в Пекин посольство графа Ю.А. Головкина (1805 г.). — 134.

Бархатовы – представители старейших казачьих семей г. Иркутска. — 126.

Баснин Абрам – правильно – **Аврам Бачин** – иркутский посадский (см. подстрочное примечание в тексте). — 20.

Батеньков Гавриил Степанович (1793–1863) – подполковник, участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии, в 1819 – 1821 гг. – помощник М.М. Сперанского по управлению Сибирью. Декабрист, член Северного общества, с 1826 г. содержался в одиночной камере Петропавловской крепости, с 1846 г. – на поселении в Томске. Автор работ по вопросам народного хозяйства, финансов, этнографии, права. — 271.

Бах Роберт Робертович (1859–1933) – скульптор, академик, автор памятников Александру III в Иркутске, Петру I в Таллинне, Туле и др. — 161, 163, 165, 166, 167, 168, 169, 173, 175, 176, 177, 179, 181, 274.

Бейтон Афанасий Иванович (Федорович) (?–1701) – возглавлял отряд казаков, направленный в Забайкалье, участник обороны Албазинского острога от китайцев, иркутский казачий голова (не позднее, чем с мая 1696 г.). — 127, 274.

Беклемишев Владимир Александрович (1861–1920) – русский скульптор, профессор, ректор Петербургской академии художеств. — 161, 163.

Беклемишев Федор Андреевич (1829–1899) – чиновник, представитель аристократической молодежи. Сделал в Иркутске стремительную карьеру (поднялся на три чина всего за четыре года) и дослужился до члена Совета Главного управления Восточной Сибири, управляющий IV отделением, участник дуэли 16 апреля 1859 г. с М.С. Неклюдовым, в результате которой последний был убит. Дуэль получила широкий общественный резонанс. Ф.А. Беклемишев был вынужден уехать из Сибири. — 24, 25, 269, 307, 309, 311.

Белов – ссыльнопоселенец в поселке Зима (Иркутская губерния), подозреваемый в ограблении почтово-телеграфной конторы в августе 1913 г. — 183.

Бенуа Леонтий Николаевич (1856–1928) – русский архитектор, профессор, редактор журнала «Зодчий», почетный председатель Общества архитекторов-художников. — 165.

Беринг Витус (1681–1741) – офицер русского флота, мореплаватель, руководил 1-й и 2-й Камчатскими экспедициями, задачей которых были отыскать или пролив, или перешеек между Азией и Америкой. — 22, 127.

Биллингс Иосиф Иосифович (?–1806) – офицер русского флота, один из руководителей экспедиции 1785–1794 гг., направленной для исследования берегов северо-востока Сибири. Пересек на оленях Чукотский полуостров. — 23, 330.

Битков – жил на Ангаре, отличался жестоким отношением к сибирским бродягам (упомянут в книге Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке»). — 253, 254.

Богданович Модест Иванович (1805–1882) – русский военный историк, генерал-лейтенант, профессор по кафедре военной истории и стратегии Военной академии (Николаевская академия Генерального штаба). Известны труды по истории Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии 1813-1814 гг. и Крымской войны. — 139.

Болтин И.В. – первый обер-прокурор Синода (1722–1725 гг.), вице-губернатор Сибири. — 222, 223.

Брандт Федор Федорович (Иоганн Фридрих) (1802–1879) – зоолог, получил образование в Берлинском университете, в 1831 г. переехал в Россию и возглавил Зоологический музей, профессор Медико-хирургической академии в Петербурге. — 239, 240.

Братищев Василий Федорович – русский дипломат, был резидентом в Дербенте, с 1756 по 1758 г. – представителем российских интересов в Китае. Автор книги «Известие о происшедших между шахом Надиром и старшим его сыном Рекуллы-мирзою печальных приключениях в Персии 1741–1742» (СПб., 1763). — 90.

Бречалов Николай – один из самых богатых иркутских купцов середины XVIII в. Занимался пушной торговлей, винокурением, брал казенные подряды на изготовление и продажу вина и водки. Будучи иркутским бургомистром пострадал от произвола следователя П.Н. Крылова, являясь первым из купцов, привлеченных к делу «о винных недоимках». — 88.

Бриль Адам Иванович – иркутский губернатор в 1767–1776 гг. Выдвинул проект объединения различных компаний в единую монопольную организацию, что впоследствии было реализовано при создании Российско-Американской компании. После службы в Иркутске являлся президентом мануфактур-коллегии. — 151.

Булахова – арендаторша номеров для проезжающих «Крым» в Иркутске, пособница грузинской преступной группировки, действовавшей в Иркутске в 10-х годах XX в. — 191.

Булыгин – капитан Иркутского драгунского полка, награжденный за Бородинский бой орденом Святой Анны 3-й степени. — 138.

Бусыгин – поручик Иркутского драгунского полка, награжденный за Бородинский бой орденом Святой Анны 3-й степени. — 138.

Буткевич А.Я. – товарищ председателя президиума Иркутской городской думы, начавшей работать в августе 1917 г. — 70.

Бухгольц (Букольц, Бухольц) Иван Дмитриевич – генерал-майор, путешественник, основатель крупных крепостей на востоке страны (Омск, Кяхта и др.), с 1724 г. – командир Якутского полка и одновременно комендант Селенгинской крепости, выполнял дипломатические миссии в Китай. — 222, 223.

Быконя Геннадий Федорович (род. в 1941 г.) – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета. Наиболее известные работы: «Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.» (Новосибирск, 1981); «Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (Формирование военно-бюрократического дворянства)» (Красноярск, 1985); «История Приенисейского края в XVII – первой половине XIX в.» (Красноярск, 1998). — 88, 89.

Вагин Всеволод Иванович (1823–1900) – писатель-публицист, историк, общественный деятель. Сотрудничал с газетой «Восточное обозрение», редактор и издатель газеты «Сибирь» (1874–1877). Член ВСОИРГО. — 36, 38, 42, 43, 45, 47, 48, 52.

Васильев Алексей Анатольевич – историк, исследователь Бородинской битвы, научный редактор издательства «Изограф», г. Москва, до 2001 г. – сотрудник РГВИА. — 137.

Васильев – поручик Иркутского драгунского полка, награжденный за Бородинский бой орденом Святой Анны 3-й степени. — 138.

Васильев – полковник, начальник Иркутского губернского жандармского управления в 10-х годах XX в. — 185.

Вахштейнский – барон, заседатель Киренского земского суда (1852 г.). — 234, 235.

Вейкшман (и Хаймович) – компаньоны-подрядчики, контора которых в деревне Владимировка (около Хабаровска) подверглась в августе 1913 г. ограблению. — 182, 327, 329.

Вендрих Герман Александрович (1923–1992) – историк, краевед, преподаватель Иркутского института народного хозяйства (сейчас БГУЭП), автор книги «Иркутск: очерки по истории города» (соавтор Ф.А. Кудрявцев). — 20, 133.

Венцель Карл Карлович (Бургартович) (1797–1874) – государственный и военный деятель, генерал-лейтенант, в 1851–1859 гг. – военный губернатор Иркутска и иркутский гражданский губернатор. После службы в Иркутске – сенатор, с 1864 г. – в Генеральном штабе. — 79, 82, 232, 234, 271.

Верховинский Прокопий Николаевич – гласный Иркутской городской думы, член «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III». — 156.

Витковский Николай Иванович (1844–1892) – сослан в Сибирь за участие в польском восстании 1864 г., археолог, участвовал в работе ВСОИРГО, был консерватором Иркутского музея. — 36.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – граф, крупный государственный деятель, министр путей сообщения, министр финансов (до 1909 г.). Сторонник и проводник индустриализации России. — 113.

Владимир Александрович Романов (1847–1909) – Великий князь, сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905), член Государственного совета, президент Академии художеств. — 108.

Волков – отличался жестоким отношением к сибирским бродягам (упомянут в книге Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке»). — 254.

Волконский М.В. – князь, штаб-офицер для особых поручений при генерал-губернаторе А.И. Пантелееве, полковник, член «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III», жертвователю средств на сооружение памятника. — 156, 157.

Воробьева Ирина Сергеевна (род. 1953 г.) – начальник отдела реставрации Государственного архива Иркутской области. — 19.

Вотинцев К.И. – мещанин, гласный Иркутской городской думы в 1898–1901 гг. — 66.

Врангель Николай Николаевич (1880–1915) – историк искусства, художественный критик; постоянный сотрудник и член редакционного комитета журнала «Старые годы», соредактор (вместе с С.К. Маковским) журнала «Аполлон» (1910–1912), сотрудник Эрмитажа (1906–1914, с перерывом в 1908–1910 гг.), один из создателей Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (1909 г.), в котором был секретарем. Организатор нескольких значительных художественных выставок. — 150.

Врангель Петр Николаевич (1878–1928) – барон, участник Русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой войн. После Октябрьской революции – противник большевиков, главнокомандующий белогвардейских вооруженных сил в Крыму. После поражения эвакуировался в Константинополь, за границей создал «Русский общевоинский союз» для вооруженной борьбы с большевиками. — 141.

Вронский Станислав Евгеньевич (1840–1898) – политический ссыльный, жил в Иркутске, художник-любитель, участвовал в экспедициях местного отдела Императорского русского географического общества. — 237, 244, 245.

Второв Александр Александрович – купец, член товарищества «А.Ф. Второв и сыновья» (возглавлял Иркутское отделение). С 1907 г. – член «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III». — 178.

Высотский (Высоцкий) – начальник Зерентуйской каторжной тюрьмы, известный жесточайшим отношением к заключенным. Считается виновником смерти Е. Сазонова – убийцы министра внутренних дел В.К. Плеве (Сазонов принял яд после применения к нему по приказу Высоцкого телесных наказаний). — 116.

Гаврилов Николай Андреевич (1886–1919) – большевик, неоднократно арестовывался, оказался на поселении в Усолье-Сибирском, активный участник борьбы за установление Советской власти в Сибири. С марта 1917-го г. член Иркутского комитета РСДРП и исполкома Иркутского совета. С октября 1917 г. секретарь Иркутского губкома большевиков, член президиума Центросибири (1918 г.). В период режима атамана Г. Семенова – на подпольной работе. В 1919 г. замучен белогвардейцами. — 62, 270.

Гагарин Иван Петрович – князь, стольник царя Алексея Михайловича, с 1681 г. илимский воевода, в 1692–1695 гг. – иркутский. — 58.

Гагарин Матвей Петрович (?– 1721) – князь, помощник Иркутского воеводы, сибирский губернатор с 1711 г. Уволен с должности в 1719 г. «за злоупотребление властью и лихоимство». Казнен по приказу Петра I. — 58, 227.

Гайда Родола (1892–1948) – генерал, один из организаторов мятежа Чехословацкого корпуса весной 1918 г., командовал сибирской армией А.В. Колчака, наступавшей на Пермском направлении. Во время Второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами. Расстрелян по приговору народного суда. — 31.

Гантимуров Павел Алексеевич – из княжеского тунгусского рода, депутат от забайкальских тунгусов в Уложенную комиссию Екатерины II 1767–1768 гг. — 90.

Гарасимов Афанасий – дьяк, упоминается в Передаточной описи 1731 г. (Иркутск). — 226.

Гарвин Томас (1690–1766) – английский хирург, первый шотландец, приехавший в Россию на учебу (изучал в Санкт-Петербурге последствия и осложнения китайской язвы). В 1715 г. предпринял поездку в Китай. — 59.

Гарязин – адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. — 25.

Гаряев Петр Яковлевич – кандидат права, гласный Иркутской городской думы с 1893 по 1898 г., заместитель городского головы при В.П. Сукачеве. — 67.

Георгий Победоносец – легендарный воин, проповедник христианства, в России считался покровителем Великих князей и всего воинства. — 79, 268.

Глазковы – представители старейших казачьих семей г. Иркутска. — 126.

Глазунов Иван – секретарь русского посольства в Китай в 1719 г. — 226.

Говорин Борис Александрович (род. в 1947 г.) – с 1992 г. – глава администрации г. Иркутска, с 1997 по 2005 г. – губернатор Иркутской области. — 78.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – великий русский писатель, автор бессмертных произведений «Ревизор», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба», «Мертвые души» и др. — 104.

Годлевский Виктор (1831–1900) – из дворян Варшавской губернии, польский политический ссыльный в Сибирь, друг и соратник В. Дыбовского в его исследованиях Восточной Сибири и Дальнего Востока. — 237, 239, 242, 244, 246, 248, 249.

Голдовадзе – владелец пивной в Иркутске, уголовный преступник, арестованный в 1914 г. — 188.

Головачев Петр Михайлович (1862–1913) – приват-доцент Петербургского и Московского университетов, исследователь сибирского города XVI–XVII вв., выявил в московском архиве Министерства юстиции комплекс материалов по истории сибирских городов, составитель сборника документов «Первое столетие Иркутска», в 1905–1908 гг. редактировал сукачевский журнал «Сибирские вопросы». — 88, 220, 221.

Головин Федор Алексеевич (1650–1706) – государственный деятель, генерал-адмирал, составил и заключил Нерчинский договор с Китаем (1689 г.). Ближайший сподвижник Петра I. Фактический руководитель внешней политики России. — 57, 226.

Головкин Юрий Александрович (1762–1846) – граф, действительный тайный советник, сенатор, оберкамергер, член Государственного совета, посол в Китае и Австрии. Кавалер ордена Св. Андрея Первозванного. — 134, 281.

Гондатти Николай Львович (1863 (60, 61)–1946) – исследователь Северной и Северо-Восточной Сибири, сибирский администратор. С 1900 г. правитель канцелярии иркутского генерал-губернатора, в 1905–1908 гг. тобольский губернатор, в 1908–1909 гг. – томский. В 1909–1910 гг. – начальник Амурской экспедиции по изучению природно-климатических условий и возможностей дальнейшего переселения крестьян. С 1911 г. первый и последний гражданский губернатор Приамурского края. — 175, 176.

Гоне Г. – фабрикант, в мастерской которого в Петербурге производили отливку бронзовых частей памятника Александру III. — 176, 177, 179, 180, 181, 296, 326.

Горемыкин Александр Дмитриевич (1832–1904) – государственный деятель, генерал от инфантерии, член Государственного совета. С 1889 по 1899 г. – иркутский генерал-губернатор, в 1899–1900 гг. – иркутский военный губернатор. При А.Д. Горемыкине было начато строительство Великой сибирской магистрали. — 109, 155, 200.

Горшман Александр Михайлович (род. в 1937 г.) – специалист по истории военного костюма, сотрудник ГИМ, один из авторов книги «Русская армия 1812–1814 гг.» (М., 1999). — 79.

Гребницкий – статский советник, обвинялся в содействии японцам при заключении договора о рыболовстве в 1903 г. — 29.

Григор Федор – уголовный преступник, действовавший в Восточной Сибири в 10-е годы XX в. — 187.

Гройним Григорий Михайлович – руководитель работ по установке памятника Александру III в Иркутске в 1908 г. — 180.

Гудошников Моисей Андреевич (1894–1956) – историк, с 1930 г. – ректор Коммунистического университета в Иркутске, работал в педагогическом институте, государственном университете. В сферу научных интересов входила региональная история, история Гражданской войны, революционного движения. Автор ряда учебников. — 26, 269, 270.

Гундерин – мещанин, гласный Иркутской городской думы 1898–1901 гг. — 66.

Дадиани Платон – уголовный преступник, действовавший в Восточной Сибири в 10-е годы XX в. — 189.

Дальгейм – юрист, эмигрант, хозяин ресторана «Черный кабачок» в Харбине (начало 20-х годов XX в.). — 147.

Данилов Максим – дьяк, упоминается в передаточной описи 1731 г. (Иркутск). — 226.

Дистлер В.Г. – председатель президиума Иркутской городской думы, избранный в августе 1917 г. — 70.

Дитерихс Михаил Константинович (1874–1937) – русский генерал и общественный деятель. Один из организаторов белого движения в Сибири, монархист. В 1922 г. провел в Приморье Приамурский Земский собор, на котором был избран «правителем и воеводой земской рати», «правителем Приамурского Земского края». С осени 1922 г. – в эмиграции. — 141.

Добрынин Иван – служилый человек, упоминается в Передаточной описи 1731 г. (Иркутск). — 226.

Долгоруков Василий Андреевич (1804–1868) – князь, государственный и военный деятель, генерал-адъютант, член Государственного совета. С 1853 по 1856 г. – военный министр. В 1856 г. назначен главным начальником Третьего отделения и шефом жандармов. — 25.

Долгоруков-Крымский Василий Михайлович (1722–1788) – князь, военный и государственный деятель. В 1771 г. поручено командовать армией, направленной на Крымский полуостров, когда в течение двух недель весь полуостров оказался во власти России. Среди многочисленных наград получил звание «Крымского». — 91, 92.

Должантов Иван Венедиктович (ок. 1727–1785) – военный моряк, штурман. В 1761 г. послан Сибирским приказом в Охотский порт, служил на «Святой Екатерине», был штурманом «Святого Павла». В 1777–1781 гг. командовал промысловым судном «Св. Изосим и Савватий». Умер в Иркутске. — 22.

Дорогостайский Виталий Чесловович (1879–1938) – известный ученый, зоолог, охотовед, профессор Иркутского государственного университета. Стоял у истоков изучения озера Байкал. Репрессирован. — 122.

Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1756–1816) – генерал, герой Отечественной войны 1812 г., участник заграничных походов русской армии. — 136.

Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) – военный деятель, теоретик и педагог, генерал от инфантерии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1879 г. издал учебник тактики, который более 20 лет служил основным пособием в Академии Генерального штаба. — 110.

Дроздов Иван Никандрович – священник, преподаватель Иркутской духовной семинарии, мужской гимназии, известный автор сочинений по сибирской церковной истории, книголюб, член Иркутской губернской ученой архивной комиссии. В собранной им библиотеке было около 2000 книг по гуманитарным наукам, в основном на иностранных языках. — 151.

Дундук – монгольский лама, нанятый работник в Монгольской экспедиции Н.М. Ядринцева (1889 г.). — 259.

Душкина Татьяна Михайловна (род. в 1949 г.) – с 1993 по 2000 гг. – директор Государственного архива Иркутской области. — 18, 272, 274, 277.

Дыбовский Венедикт (Бенедикт) Тадеуш (1833–1930) – известный ученый биолог, основоположник современного системного байкаловедения, исследователь Восточной Сибири и дальнего Востока, врач, общественный деятель, политический ссыльный в Сибирь (участник восстания в Польше в 1863–1864 гг.), создатель сибирского цикла мемуарно-исторических работ. — 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 250, 276, 289.

Екатерина II Алексеевна (София Фредерика Августа, принцесса Ангальт-Цербтская) (1729–1796) – российская императрица с 1762 по 1796 г. Мать будущего императора Павла I. — 23, 84, 89, 94, 269, 288, 303, 311.

Ермак Тимофеевич (?–1585) – казачий атаман, предводитель похода в Сибирь, положившего начало присоединения Сибири к Российскому государству. В результате похода распалось Сибирское ханство Кучума, и в 1582 г. Ермак занял столицу ханства – Кашлык. — 162, 166, 167, 177.

Ермолаев И.А. – подрядчик, работающий в Иркутске в начале XX в. — 163.

Ермолов Алексей Петрович (1777–1861) – военный и государственный деятель, генерал, герой Отечественной войны 1812 г., участник кампании 1813–1814 гг. Руководил завоеванием Северного Кавказа. — 136.

Ефремов Василий Степанович (1845(54)–1915) – участник революционного движения, был приговорен к смертной казни, которую заменили бессрочной каторгой (заключение отбывал на Каре). Вышел на поселение в Якутскую область, стал сотрудничать с «Восточным обозрением». По приезде в Иркутск был секретарем, а затем одним из редакторов «Восточного обозрения». — 36, 38.

Жарников Василий Васильевич (1859–1919) – купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, участник торгового дома «Жарников и Первунинский», который торговал чугунами и приисковыми товарами. Один из крупных владельцев городской недвижимости. Член комитета по строительству памятника Александру III в 1901–1908 гг. С 1886 по 1917 г. избирался гласным Иркутской городской думы, а с 1898 по 1902 г. – городской голова. — 65, 66, 156.

Жибер Эрнест Иванович (1823–1909) – академик архитектуры, профессор, с 1853 г. – на государственной службе в ряде министерств. В течение долгого времени практически осуществлял руководство всей строительной деятельностью в России. — 165.

Жордания Самсон – содержатель квасной лавки в Иркутске, уголовный преступник, арестованный в 1914 г. — 188.

Забелин Иван Егорович (1820–1909) – русский историк, археолог, член-корреспондент, почетный член Петербургской академии наук. Один из организаторов Исторического музея в Москве. Большое внимание уделял истории русского быта: «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии», «История русской жизни с древнейших времен» и т. д. — 20.

Заворота – жил в Енисейской губернии, отличался жестоким отношением к сибирским бродягам (упомянут в книге Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке»). — 254.

Загоскин Михаил Васильевич (1830–1904) – русский общественный деятель, писатель, публицист, краевед. Был редактором «Иркутских губернских ведомостей», газет «Амур» и «Сибирь», сотрудничал с «Восточным обозрением». Преследовался властями за свои политические убеждения. — 36, 43, 47, 48, 52.

Залеман Гуго Романович (Робертович) (1859–1919) – русский скульптор, академик, профессор, педагог. Главные работы: барельеф «Стикс» (1887 г.), группа «Кимры» (1889 г.), рельефы «Олимпийские игры» для здания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве, построенного в 1898–1912 гг., серия работ на тему: «Каменный век» и др. — 161, 165.

Замощиков Иван Иванович – дворянин, секунд-майор Якутского полка, назначенный в 1757 г. главой полицмейстерской конторы в Иркутске. Выступал против самодурства сенатского ревизора П.Н. Крылова. — 87, 88, 89, 273.

Замятнин Дмитрий Николаевич (1805–1881) – юрист, участвовал в составлении Свода законов Российской империи, с 1862 по 1867 г. – генерал-прокурор. — 25, 26.

Звонников Александр Иванович – делопроизводитель канцелярии генерал-губернатора, секретарь «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III». — 115, 156.

Зицерман Павел Васильевич (1883–1943) – в Иркутск приехал в начале XX в. для работы в коммерческом училище. Последний городской голова (1919–1920 гг.), избранный в сентябре 1919 г., позднее работал в Иркутском педагогическом институте, Иркутском государственном университете. В 1838 г. – арестован. Умер в ссылке. — 72.

Иванов Дмитрий Львович – начальник Иркутского горного управления, действительный статский советник, член первого состава «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III». — 156.

Игнатьев Алексей Алексеевич (1877–1954) – сын графа А.П. Игнатьева, генерал-лейтенант, дипломат. После Октябрьской революции встал на сторону Советской власти. Автор книги «Пятьдесят лет в строю». — 111, 112.

Игнатьев Алексей Павлович (1842–1906) – граф, государственный деятель, генерал от кавалерии. Последний генерал-губернатор Восточной Сибири и командующий войсками Иркутского военного округа (с 1885 по 1887 г.) и первый иркутский генерал-губернатор (1887–1889 г.). Почетный гражданин Иркутска (1889 г.). Член Государственного совета. Убит членом боевой организации партии эсеров С.Н. Ильинским. — 43, 48, 51, 52, 107, 108, 109, 110, 111, 113, 116, 275.

Измайлов Михаил Петрович – лейб-гвардии капитан-поручик, 1720–1724 гг. – воевода Якутского уезда Иркутской провинции Сибирской губернии, в 1724–1731 гг. – иркутский воевода. — 222, 223, 228.

Ильинский С.Г. – председатель земельного отдела Иркутского губернского совета депутатов (1918 г.). — 215, 217.

Ильинский Сергей Николаевич (1886–1908) – член Московской боевой организации эсеров. В 20 лет (1906 г.) совершил убийство графа А.П. Игнатьева. Приговорен к каторге. Наказание отбывал в Александровском центре, принимал участие в дерзком групповом побеге в апреле 1908 г. Переведен в Ярославскую каторжную тюрьму, где покончил жизнь самоубийством. — 111, 113, 114, 115, 116, 117, 280, 295.

Ионин Александр Алексеевич (?–1901) – законоучитель Иркутской мужской и женской гимназий, пожизненный член Географического общества, магистр Киевской духовной академии. Автор ряда работ по истории Сибири. — 37, 38, 52.

Казаринов Пантелеймон Константинович (1885–1937) – юрист, краевед, библиограф, библиотековед, общественный деятель. Участвовал в революционных выступлениях. После Октябрьской революции работал как деятель науки, народного образования, библиотечного дела. Был председателем ВСОРГО. Являлся ученым секретарем редакции Сибирской советской энциклопедии. После ареста в 1933 г. отправлен в заключение на Соловецкие острова. Расстрелян. — 35.

Казнаков Николай Геннадьевич (1824–1885) – киевский губернатор, с 1875 по 1881 г. – генерал-губернатор Западной Сибири, одновременно командующий Западно-Сибирским военным округом. Значительны заслуги в развитии науки и образования края. Член Государственного Совета. — 24, 25, 41, 42, 46, 47.

Казнакова Мария Сергеевна (в девичестве – Неклюдова) – жена генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, сестра участника дуэли в Иркутске (апрель 1859 г.) – М.С. Неклюдова. — 24.

Кайзер Александр – мастер фирмы Г. Гоне, откомандированный в 1908 г. в Иркутск для установки памятника императору Александру III. — 180.

Каландарашвили Платон – уголовный преступник, действовавший в Восточной Сибири в 10-е годы XX в. — 190.

Камбалин Николай Варламович (1889–1938) – председатель Иркутского горсовета с 1933 по 1937 г. Репрессирован. — 76.

Карантонис Ф.Э. – сотрудник Иркутской картинной галереи, инспектор Отдела охраны памятников искусства и старины в середине 20-х годов XX в., член ВСОРГО. — 123.

Карпини Плато (ок.1180–1252) – итальянский монах-францисканец, первым из известных историкам европейцев посетил Монгольскую империю с официальной католической миссией. Свой опыт изложил в рукописях «История Монголов, которых мы называем Татарами» и «Книге о Татарах». — 262.

Кельх Варвара Петровна – меценатка, участвовала в сборе пожертвований на сооружение памятника императору Александру III. — 157.

Керенский Александр Федорович (1881–1970) – российский политический деятель, депутат Государственной думы, адвокат, эсер, глава нескольких составов Временного правительства, враг большевиков. В 1918 г. эмигрировал из России. — 115.

Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) – военный и государственный деятель, генерал от инфантерии, член Государственного совета, Секретного комитета по крестьянскому делу, с 1837 по 1856 г. – возглавлял Министерство государственных имуществ. — 193.

Клеменц Дмитрий Александрович (1848–1914) – революционный деятель России XIX в. (народник), этнограф, археолог, публицист. Участвовал в создании Иркутского и Минусинского музеев. Сотрудничал с «Восточным обозрением», был правителем дел ВСОИРГО. — 35, 36, 51.

Кличка Франц Николаевич (1730–1786) – русский военный и государственный деятель, иркутский губернатор с 1778 по 1783 г., сыграл значительную роль в экономическом и культурном развитии Сибири, основал первую публичную библиотеку в Иркутске. В 1784 г. был назначен орловским и калужским генерал-губернатором. — 80.

Кнорринг Федор Иванович (1854–1914) – инженер, руководил работами на строительстве 2-го пути Забайкальской железной дороги (участок Байкал–Култук). С 1907 г. – начальник Забайкальской железной дороги. Принимал активное участие в деятельности по установке в Иркутске памятника императору Александру III. — 159, 180.

Князев Леонид Михайлович – егермейстер двора Его Императорского Величества, Курляндский губернатор, в 1910–1916 гг. – иркутский генерал-губернатор. — 191.

Коваль Семен Федорович (1923–2005) – историк, доцент кафедры истории СССР Иркутского государственного университета, декабристовец, инициатор издания серии «Полярная звезда», посвященной истории декабризма. — 35, 268.

Ковальчуков – поручик Иркутского драгунского полка, награжденный за Бородинский бой орденом Святой Анны 3-й степени. — 138.

Кожин Алексей Никитич (1737–1807) – действительный тайный советник, правитель Псковского наместничества, в 1799–1801 гг. президент камер-коллегии. — 100.

Козьмин Николай Николаевич (1872–1938) – крупный сибирский историк, этнограф, журналист. С 1903 по 1906 г. возглавлял ВСОИРГО. Сторонник областничества, среди областников – ведущий специалист по аграрному вопросу. Член Сибирского белогвардейского правительства. После непродолжительной эмиграции работал в государственных органах Бурят-Монгольской АССР. Профессор Иркутского государственного университета. Репрессирован. — 45, 117, 118, 124.

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – адмирал, исследователь Арктики, 1916–1917 гг. – командующий Черноморским флотом. Один из главных организаторов борьбы с большевиками в России, после переворота в Омске в ноябре 1918 г. – Верховный Правитель России, Верховный главнокомандующий антибольшевистских сил России. Расстрелян в Иркутске. — 63, 72, 120, 288, 333.

Коляновский Вадим Иосифович (1873–1949) – архитектор, по проекту которого построены: здание Иркутского отделения Русско-Азиатского банка (ул. Ленина, 38), доходный дом купцов Замятиных (ул. Литвинова, 15) и ряд других. После революции работал в отделе главного архитектора города. — 159.

Коновницын Петр Петрович (1764–1822) – генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г.: командовал 3-й пехотной дивизией в армии М.Б. Барклая-де-Толли, обеспечивал отход главных сил и их развертывание под Бородино, после ранения П.И. Багратиона принял командование 2-й армией. В 1815–1819 гг. – военный министр. — 136.

Константин Павлович (1779–1831) – Великий князь, сын императора Павла I, участник походов А.В. Суворова, Отечественной войны 1812 г. С 1814 г. – наместник в Польше. Его отказ от престола во многом спровоцировало выступление 14 декабря 1825 г. — 138.

Константинов Михаил Михайлович (1882–1938) – журналист, историк, участник социал-демократического движения (меньшевик). Осенью 1919 г. избран председателем Иркутской городской думы. Занимал различные посты в советских учреждениях. — 72.

Корзаков П.С. – член «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III», приглашенный в состав комитета в апреле 1907 г. — 178.

Корнилов Алексей Михайлович (1760–1843) – отец героя Севастопольской обороны вице-адмирала В.А. Корнилова. В 1805–1806 гг. – иркутский гражданский губернатор, 1806–1808 гг. – тобольской. Сенатор, Тайный советник. — 81.

Корсаков Михаил Семенович (1826–1871) – русский государственный деятель, участник Амурских экспедиций, наказной атаман Забайкальского казачьего войска. Двоюродный брат Н.Н. Муравьева-Амурского и его преемник на посту генерал-губернатора (с 1861 г.). Почетный член Сибирского отдела императорского Русского географического общества. Именем Корсакова были названы город, бухта, мыс на Сахалине, несколько поселков в Приамурье. — 40, 238, 239, 240, 241, 243.

Корф Андрей Николаевич (1831–1893) – барон, первый генерал-губернатор Приамурского края, командующий военным округом. Назначен генерал-губернатором в 1884 г. При нем было организовано бесплатное переселение крестьян из европейских губерний России морским путем, началось строительство Уссурийской железной дороги, благоустройство Хабаровска. — 259.

Корф Федор Карлович (1774–1823) – барон, генерал-лейтенант. Участник Отечественной войны 1812 г. (во время Бородинского сражения руководил действиями кавалерийских корпусов), заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Георгиевский кавалер. — 136.

Костров Николай Алексеевич (1823–1881) – князь, краевед, этнограф. Выпускник Московского университета, служил в административных учреждениях в Красноярске и Минусинске, в Томском статистическом комитете. Автор более 130 статей и заметок по этнографии, статистике, истории, экономике, географии. — 46.

Котов Г.И. – профессор, известный сибирский ученый. — 122.

Кочедамов В.И. – историк архитектуры. Известные работы: «Омск: как рос и строился город» (1960 г.); «Тобольск (Как рос и строился город)» (1963 г.); «Первые русские города Сибири» (1978 г.). — 20.

Кравец Петр Родионович – отставной фельдфебель из николаевских кантонистов-евреев. Выйдя в отставку, занялся в Иркутске торговлей, постепенно из мещан перешел в купцы, к 1906 г. – потомственный почетный гражданин. Владел лесопильным заводом и мукомольной мельницей, был крупным домовладельцем. Активно участвовал в городском общественном управлении, несколько раз избирался гласным городской думы. На его пожертвование в 1910 г. на Троицкой улице (ул. 5-й Армии) было открыто «Убежище для слепых П.Р. Кравца». — 66.

Крейц Киприан (Циприан) Антонович (1777–1850) – барон, генерал. Участвовал в войнах с французами 1804–1807 гг., русско-шведской войне 1808–1809 гг., Отечественной войне 1812 г., заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. С 1810 – шеф Сибирского драгунского полка. Георгиевский кавалер. — 137, 140, 141, 332.

Кругликов Аполлон Николаевич – эсер, видный общественный деятель, иркутский городской голова в 1918–1919 гг. В марте–ноябре 1917 г. – председатель исполкома Комитета общественных организаций, секретарь Иркутского биржевого комитета. На I краевом съезде исполнительных комитетов общественных организаций (1917 г.) избран краевым комиссаром. — 61, 62, 270.

Крылов Петр Никифорович – коллежский асессор, сенатский ревизор, действующий в Иркутске с 1758 по 1760 г. в связи со следствием по питейному откупу (дело о якобы злоупотреблениях иркутских купцов по производству и продаже водки). Деятельность характеризовалась злоупотреблениями, нарушением закона, притеснением и грабежом местного купечества, представителей которого Крылов под пытками заставлял признаваться в несуществующих грехах. Отрешил от должности и арестовал вице-губернатора Вульфа. За свои деяния П.Н. Крылов арестован, приговорен к каторге. — 88, 284, 294.

Кудрявцев Федор Александрович (1899–1976) – историк Сибири, архивист, краевед, профессор и заведующий кафедрой истории СССР Иркутского государственного университета. Автор таких работ, как «История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.)», «Иркутск: очерки по истории города», «Александровский централ» и др., участник создания пятитомной «Истории Сибири». — 20, 26, 34, 133, 237, 269, 270, 285.

Кузнецов Алексей Иванович (1865–1907) – выпускник Петербургской академии художеств, иркутский архитектор, работами которого являются: дом И.И. Никитина (ул. Литвинова, 1), дом И.М. Файнберга (ул. Халтурина, 1), здание «Иркутской больницы для хронических больных коммерции советника и почетного гражданина И.Л. Медведникова и жены его А.К. Медведниковой» (ул. 2-я Железнодорожная, 4) и многие др. Член первого состава «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III». — 156, 159, 160, 171.

Куракин Алексей Борисович (1759–1829) – князь, в 1796–1798 гг. – генеральный прокурор, генерал-губернатор Малороссии (с 1802 г.), министр внутренних дел (1807–1811 гг.), член Государственного совета. По его инициативе был учрежден государственный вспомогательный банк для дворян, главным попечителем которого становится он сам. — 100.

Курбатов Николай Павлович – подрядчик, известный работами на строительстве железной дороги и зданий в Иркутске, осуществлял работы по постройке фундамента для памятника Александру III. — 170, 172.

Кутайсов Павел Ипполитович (1837–1911) – граф, сенатор, генерал от инфантерии, участник ряда военных кампаний, военный атташе в Великобритании. Иркутский генерал-губернатор (1903–1905 гг.), член Государственного совета. — 67, 175, 177.

Кутузов (Голенищев-Кутузов-Смоленский) Михаил Илларионович (1745–1813) – государственный и военный деятель, выдающийся русский полководец, генерал-фельдмаршал, служил под командой А.В. Суворова,

брал Очаков, отличился при штурме Измаила. В Отечественную войну 1812 г. – главнокомандующий русской армии (с августа). С его именем связана победа русского оружия в войне 1812 г. — 92, 141.

Лавров Иван Александрович – управляющий казенной палатой, в марте 1917 г. назначен комиссаром по управлению Иркутской губернией. — 60, 61, 62, 270.

Ламб Иван Варфоломеевич (? – 1801) – государственный и военный деятель, первый пермский губернатор. С 1783 по 1786 г. – правитель иркутского наместничества. Из-за конфликта с И.В. Якобием переведен правителем костромского наместничества. Генерал от инфантерии, вице-президент военной коллегии (с 1798 г.), Александр I назначил его членом «Непременного совета». — 95.

Ланг Лоренц (Лаврентий) (1684–1752) – попал в плен в 1709 г. под Полтавой, перешел на русскую службу, путешественник, шведский инженер, выполнял дипломатические миссии в Китай, с 1740 по 1752 г. был вице-губернатором Иркутской провинции. — 59, 60, 90.

Лаптев Сергей Николаевич (1887–1993) – доктор географических наук, профессор Иркутского и Пермского университетов, географ, палеонтолог, занимался историей географических открытий, изучением малых рек Прикамья, знаток архивных документов. — 237.

Лебедев Николай Петрович (1750 (52)–1813) – государственный и военный деятель, генерал-губернатор Оренбургской губернии, с 1802 по 1803 г. – военный губернатор Иркутска, командующий Иркутским гарнизоном (до 1807 г.). Организатор и первый начальник Смоленского ополчения (1812 г.). — 79, 81, 271.

Лебедев-Ласточкин Павел Семенович – якутский купец, в 1779 г. награжден медалью Екатерины II «За полезные обществу труды» в связи с предпринятым секретным вояжем к Южным Курильским островам с целью налаживания торговых связей с Японией. Владелец промысловой компании, основал несколько русских поселений на Американском побережье. — 23.

Лемке Михаил Константинович (1872–1923) – русский советский историк, один из основателей планомерной публикации документальных источников по русскому освободительному движению середины XIX в. В конце XIX начале XX в. – редактор многих столичных и провинциальных газет. После Октябрьской революции вел лекторско-пропагандистскую работу. Учредитель и председатель общества изучения истории освободительного и революционного движения в России. — 38, 48.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – организатор и лидер Российской социал-демократической рабочей партии (большевик), организатор Октябрьского переворота, первый глава Советского правительства (СНК). — 132.

Лесневский И.В. – коллежский ассессор, инженер путей сообщения, первый начальник службы путей и зданий (с мая 1900 г.) Кругобайкальской железной дороги, участвовал в подготовительных работах по установке в Иркутске памятника императору Александру III. — 159, 179.

Лех С.М. – коллежский ассессор, бывший офицер, перешедший на службу в полицию, доверенное лицо приморского военного губернатора (долгое время служил в аппарате его канцелярии). 1 января 1905 г. назначен начальником Петропавловского уезда. Не предпринял никаких мер для отпора японскому десанту, высадившемуся в Петропавловске-Камчатском. — 27, 29.

Лещанов Борис Борисович (1740–1827) – генерал от инфантерии, участник многих военных кампаний. С 1799 по 1802 г. – иркутский военный губернатор. По его решению в Иркутске основан ремесленный (работный) дом из ссыльных, разросшийся потом в целую слободу за рекой Ушаковкой (так начиналась история Рабочего предместья). Занимался благоустройством города, пытался бороться со злоупотреблениями купеческой верхушки. В результате многочисленных жалоб был отстранен от должности и несколько лет находился под судом Сената. — 80, 99, 100, 271.

Литовский Степан – казачий полковник, упоминается в Передаточной описи 1731 г. (Иркутск). — 224.

Лонько – прапорщик Иркутского драгунского полка, награжденный за Бородинский бой орденом Святой Анны 3-й степени. — 138.

Лосев Антон Иванович (1765–1829) – архитектор, землемер, геодезист, статистик, картограф, краевед и летописец. В 1777 г. окончил единственное на тот момент специальное учебное заведение Иркутска – Школу навигации и геодезии. Губернский архитектор, надворный советник. Путешествуя по Иркутской губернии,

составляя ее карты и знакомясь с делами архивов, собрал богатейшие сведения о природе, экономических особенностях и истории Восточной Сибири. — 84, 85.

Луговская Елена Александровна (род. в 1950 г.) – начальник отдела централизованного учета документов и фондов Государственного архива Иркутской области. — 18.

Люблинский И.А. – член «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III», приглашенный в состав комитета в апреле 1907 г. — 178.

Магидей Давид Рафаилович – старший архитектор Управления строительной и дорожной частями при иркутском генерал-губернаторе, принимал участие в подготовительных работах по установке в Иркутске памятника Александру III. По его проекту построено здание мужской гимназии (ул. Ленина, 5). — 159.

Мальцовы (Мальцевы) – русские купцы, с 1775 г. – дворяне, крупные заводчики и землевладельцы XVIII–XX вв. Род Мальцовых внесен в дворянские родословные книги Астраханской, Воронежской, Калужской, Курской, Московской, Оренбургской, Орловской, Полтавской, Саратовской, Рязанской, Симбирской, Харьковской и Ярославской губерний. — 109.

Маслов А.П. – жандармский полковник, в 1829 г. приехал в Сибирь с секретной миссией по проверке условий проживания декабристов и состояния местной администрации. В 30-х годах XIX в. являлся начальником Сибирского жандармского округа. Пытался бороться со злоупотреблениями губернских властей – томской, енисейской, иркутской. Находился в затяжном конфликте с западно-сибирским генерал-губернатором И.А. Вельяминовым. — 105.

Мартьянов Николай Михайлович (1844–1904) – основоположник музейного дела в Сибири, провизор, ботаник, основатель Минусинского краеведческого музея, объехал юг Енисейской губернии, Кузнецкое Алатау и Саяны, часть Тувы, способствовал открытию музеев в Енисейске и Красноярске. Почетный член Петербургской академии наук, почетный член многих научных обществ, почетный член Общества врачей Енисейской губернии, вице-председатель Русского географического общества. — 51.

Мардалешвили Ермолай – уголовный преступник, действовавший в Восточной Сибири в 10-е годы XX в. — 187.

Махарадзе Исидор – ссыльнопоселенец Черемховской волости (Иркутская губерния), неоднократно судимый уголовный преступник, действовавший в регионе в 10-х годах XX в. — 183.

Медокс Роман Михайлович (? – 1859) – авантюрист, агент III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Арестовывался за мошенничество. Находясь в Иркутске, подготовил ложный донос правительству о якобы созданном новом декабристском обществе. — 106.

Мелентьев А.С. – инженер путей сообщения, участвовал в подготовительных работах по сооружению в Иркутске памятника императору Александру III. — 159.

Менабде Мельхиселек – уголовный преступник, задержанный иркутской полицией в 1913 г. — 185.

Меретеев – штабс-капитан Иркутского драгунского полка, награжденный за Бородинский бой орденом Святой Анны 3-й степени. — 138.

Микава Василий – уголовный преступник, действовавший в Восточной Сибири в 10-е годы XX в. — 188.

Миллер Федор Иванович (Герард Фридрих) (1705–1783) – в 1748 г. принял русское подданство, историк, археограф, член Петербургской академии наук. Участвовал в экспедиции по изучению Сибири, собрал ценные данные по истории, археологии, этнографии, экономике региона. Наиболее значительный труд «История Сибири» (впервые опубликована на русском языке в 1750 г.). — 221.

Минаев И.И. – заключенный Александровского централа, участник дерзкого, но неудачного побега в апреле 1908 г., автор книги «Автобиография рабочего-революционера». — 115, 116.

Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790(89)–1848) – русский военный историк, генерал-лейтенант, член Российской академии наук. Написал серию работ по истории войн России начала XIX в. с Францией, Швецией, Турцией. — 140.

Михалевы – представители старейших казачьих семей г. Иркутска. — 126.

Многогрешный Демьян Игнатьевич (?–1703) – по происхождению «мужицкий сын». Принимал активное участие в освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг., являлся гетманом Левобережной Украины. Был осужден и сослан с семейством в Иркутский острог. Получив освобождение, остался в Сибири. По другим данным, Многогрешный был сослан в Селенгинск и приписан в дети боярские. В 1696 г. принял схиму (монашеский чин, налагающий самые строгие правила) и поселился в Иркутском Вознесенском монастыре, где и скончался. — 127.

Могилев С.В. – подрядчик, член «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III», приглашенный в состав комитета в апреле 1907 г. — 178.

Могилевы – представители старейших казачьих семей г. Иркутска. — 126.

Моллернус Иван Петрович (1851–1913) – тайный советник, иркутский гражданский губернатор с 1897 по 1908 г. (с перерывом 1905–1906 гг.). Член «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III» первого состава. — 156.

Молчанов Мефодий Миронович (?–1893) – выпускник Училища правоведения, чиновник в Восточной Сибири, товарищ председателя Иркутского губернского суда, секундант М.С. Неклюдова во время апрельской дуэли 1859 г. между М.С. Неклюдовым и Ф.А. Беклемишевым. Приговорен к заключению в крепости. — 25.

Мосолов – генерал-майор, начальник штаба войск округа, сотрудник Главного управления Восточной Сибири (70-е годы XIX в.). — 246.

Муравьев Александр Николаевич (1792–1863) – участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., основатель «Союза спасения» (1816 г.), руководитель московской управы «Союза благоденствия». В 1826 г. по делу декабристов приговорен к ссылке в Сибирь. Занимал различные административные посты: иркутский городничий, гражданский губернатор в Архангельске, военный губернатор в Нижнем Новгороде. — 102, 103, 104, 105, 106, 268.

Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881) – граф, русский государственный деятель и дипломат. В 1847–1861 гг. – генерал-губернатор Восточной Сибири. Подписал Айгунский договор с Китаем (1858 г.). Его деятельность как губернатора была многогранна: административная реформа, ускорение экономического развития края, появление периодической печати, открытие ВСОИРГО и т. д. Уволен в отставку с назначением в члены Государственного совета. — 26, 42, 79, 82, 129, 130, 162, 166, 167, 177, 271, 288, 299.

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793–1886) – участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Отставной полковник, декабрист (член Южного общества). Осужден по I разряду на 20 лет каторжных работ, но ввиду «совершенного и сердечного раскаяния...» вышел прямо на поселение. С 1836 г. жил в Ялуторовске. После амнистии 1856 г. выехал в Центральную Россию. — 105, 321.

Муханов Петр Александрович (1799–1854) – литератор, историк, декабрист. Осужден на 12 лет каторжных работ. Наказание отбывал в крепостях Свеаборга, Выборга, Чите и Петровском Заводе. Переведен на поселение в Братский острог, последние годы провел в Иркутске, где активно интересовался проблемами просвещения. — 106, 329.

Мчедлова Михаил – уголовный преступник, действовавший в Восточной Сибири в 10-е годы XX в. — 190.

Мыльников Иван Александрович – представитель известного иркутского купеческого рода, владелец бакалейных и винных магазинов, общественный деятель, избирался гласным в Иркутскую городскую думу (1887 г.), жертвовал на строительство иркутского городского театра, являлся членом «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III». — 178.

Мыльников Николай Прокопьевич – купец 1-й гильдии, один из основателей Российско-Американской компании. — 95.

Нагель Людвиг Тимофеевич (?– после 1807) – действительный статский советник, генерал-майор, правитель иркутского наместничества с 1791 по 1797 г. Заботился о благоустройстве города. После службы в Иркутске – лифляндский и эстляндский генерал-губернатор. — 82.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики, император, инициатор и глава завоевательных походов в Европе. В 1812 г. начал войну против России, закончившуюся сокрушительным поражением. Закончил жизнь в ссылке на острове Св. Елены. — 133, 135.

Натадзе Лео – автор письма сыну уголовного преступника Н. Онанашвили, обращавшийся с просьбой подействовать в создании благоприятных условий пребывания в ссылке депутата Государственной Думы И. Церетели. — 191.

Нацвалов Николай Георгиевич (1884–1919) – генерал-майор, участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер. Во время Гражданской войны служил у атамана Г. Семенова. Покончил жизнь самоубийством. — 142.

Нейман Карл Карлович (?–1887) – чиновник особых поручений при Якутском областном правлении, участник экспедиций Сибирского отдела Императорского русского географического общества. — 244, 245, 246.

Неклюдов Михаил Сергеевич (1830–1859) – по окончании школы гв. прапорщиков служил по гражданской части на Кавказе и в Финляндии, в 1857–1859 гг. – чиновник по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири. Убит во время дуэли с Ф.А. Беклемишевым 16 апреля 1859 г. — 24, 25, 26, 269, 282, 296, 307, 311, 312.

Неустроев Константин Гаврилович (? –1883) – учитель Иркутской женской гимназии, участник народнического движения. Организовал в Иркутске тайный кружок, задачей которого являлось установление связи с политзаключенными и организация их побегов. В 1882 г. арестован по делу о побеге из иркутского тюремного замка. Во время посещения его камеры генерал-губернатором Д.Г. Анучиным дал ему пощечину. Судился Иркутским военно-полевым судом. Приговорен к расстрелу. — 42, 48, 109.

Николай I Павлович (1796–1855) – российский император с 1825 по 1855 г. — 103, 111, 140, 330.

Николай II Александрович (1868–1918) – последний российский император с 1894 по 1917 г. Расстрелян вместе с семьей в Екатеринбурге. — 60, 110, 111, 155, 167, 168, 181.

Новицкий Осип Иванович (1764–1839) – генерал-майор, комиссариатский чиновник (вопросы материального снабжения армии), прибывший в Иркутск в 1789 г., управляющий Иркутской суконной фабрикой, кавалер ордена Святой Анны 1-й степени. — 96, 97, 98, 99, 100, 273.

Обер Артемий Лаврентьевич (1843–1917(18)) – скульптор, участник конкурса проектов памятника императору Александру III. — 163, 165, 166, 167.

Обольянинов Петр Хрисанфович (1752 (53)–1841) – сподвижник Павла I, сенатор, генерал от инфантерии, в 1800–1801 гг. – генерал-прокурор, московский губернский предводитель дворянства. — 100.

Овчинников Михаил Павлович (1844–1921) – археолог, краевед, участник народнического движения. Сослан в Якутскую область на 5 лет. С начала 90-х годов XIX в. – в Иркутске. Публиковался в «Восточном обозрении», сотрудничал с ВСОРГО, один из организаторов губернского архива, руководитель археологической секции Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. — 152, 154.

Оглоблин Василий Васильевич (?–1906) – заместитель начальника строительства Забайкальской линии, первый начальник Забайкальской железной дороги, активный участник сооружения памятника императору Александру III в Иркутске. — 158, 160, 164.

Огородников Владимир Иванович (1886–1938) – историк, занимался в основном историей культур народов Азии, первый декан историко-филологического факультета Иркутского университета, с 1923 г. – ректор Государственного Дальневосточного университета. Арестован в 1933 г. — 17, 122.

Оксенов Александр Васильевич – уроженец Томской губернии, историк, интересовавшийся проблемами колонизации Сибири русскими. Работал над сибирским летописанием, которому посвящены его статьи в «Восточном обозрении». — 38.

Ольдекоп Федор Федорович (ок. 1822 – после 1866) – выпускник Главного педагогического института, в 1842–1852 гг. – преподаватель Иркутской губернской гимназии, 1852–1854 гг. – столоначальник Главного управления Восточной Сибири, 1854–1860 гг. – советник Иркутского губернского суда, готовил документы по следствию о дуэли М.С. Неклюдова с Ф.А. Беклемишевым. — 25.

Онанапшвили Соломон Николаевич – выслан в Сибирь по приговору Тифлисского суда за покушение на убийство с целью грабежа. Иркутский мещанин, хозяин номеров для проезжающих «Крым», тайный ростовщик, глава грузинской уголовной преступности в Иркутске в начале XX в. — 183, 188, 189, 190, 191, 192, 309.

Опекушин Александр Михайлович (1838–1923) – скульптор, член Петербургской академии художеств. Участвовал в создании памятника «Тысячелетие России» в Новгороде и Екатерине II – в Петербурге. — 163, 165, 166.

Ордынский Аполлон Ксаверьевич (ок.1830–1915) – сотрудник тобольских и многих сибирских печатных изданий. — 38.

Осколков Григорий (?–1714) – купец, торговал с Китаем. Известен активной финансовой помощью Посольскому Спасо-Преображенскому монастырю на Байкале, добился у императора Петра I передачи монастырю во владение земли под пашни, покосы, а также – рыбные ловли. — 224.

Осокин Федор – крещеный монгол, проживал в Троицкосавске, знал русский язык, был переводчиком в Монгольской экспедиции Н.М. Ядринцева (1889 г.). — 259.

Очередин Афанасий – штурман, исследователь Алеутских островов. В 60–80-х годах XVIII в. плывал на промысловых судах в северной части Тихого океана, составил карту Алеутских островов. — 22.

Ошурков Василий Александрович (1868–1914) – редактор «Восточного обозрения» в период его издания в Иркутске, исследователь Саянского хребта (1902 г.) — 35, 36, 37, 38.

Павел I Петрович (1754–1801) – российский император с 1796 по 1801 г. — 96, 98, 99, 134, 293, 299, 310, 330.

Павлюковец Григорий Дмитриевич – сотрудник графа А.П. Игнатьева. — 112.

Павский – начальник Петропавловского уезда в момент нападения на г. Петропавловск-Камчатский японских военных кораблей (август 1905 г.). — 28.

Падерин Иннокентий Васильевич (?–1893) – консул в Кульдже (1882–1885 гг.), Тяньцзине (1885–1892 гг.), Чугучаке (с 1892 г.), первым из европейцев произвел раскопки в долине Орхона (1875 г.). — 260, 262, 263.

Пален Петр Петрович (1778–1864) – граф, генерал-адъютант, шеф Сумского гусарского полка, участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии, за сражение под Парижем награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. В 1815 г. командовал кавалерийским корпусом и совершил с ним поход во Францию, в 1829 г., во главе 2-го пехотного корпуса, принимал участие в турецкой войне, в 1847 г. назначен генерал-инспектором всей кавалерии. — 135.

Панасевич Владимир Ромуальдович – поручик, адъютант начальника артиллерии Восточной Сибири, душеприказчик погибшего во время дуэли М.С. Неклюдова, доверенное лицо семьи по перевозке тела убитого на родину. — 24.

Паннвиц Гельмут (1898–1947) – родился в Восточной Силезии, участник Первой мировой войны, противник распространения коммунистических идей в Германии. Во время Великой Отечественной войны получил полномочия на формирование добровольческих казачьих частей на захваченных гитлеровцами территориях,

возглавил 1-ю казачью кавалерийскую дивизию. Произведен в генерал-лейтенанты вермахта. В 1945 г. выдан англичанами советским властям и казнен. — 141.

Пантелеев Александр Ильич (1838–1919) – генерал-лейтенант, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Георгиевский кавалер. В 1900–1903 гг. – иркутский военный генерал-губернатор. Зачинатель создания в Иркутске памятника Александру III. Почетный гражданин Иркутска. Член Государственного совета. — 82, 155, 156, 157, 167, 168, 169, 170, 179, 180, 181, 286.

Патушинский Борис Григорьевич (?–1913) – купец, потомственный почетный гражданин, владелец Троицкого винокуренного завода, золотых приисков. Член Иркутского театрально-строительного комитета (1892 г.), заведовал хозяйственной частью на первом этапе строительства здания нового театра, гласный Иркутской городской думы, казначей «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III». — 156, 163.

Пежемские – представители старейших казачьих семей г. Иркутска. — 126.

Первунинский А.С. – иркутский купец, гласный Иркутской городской думы 1898–1901 гг. — 66.

Пестель Иван Борисович (1765–1843) – член Государственного совета, сенатор, президент Главного почтового управления (1799 г.), с 1806 по 1819 г. – Сибирский генерал-губернатор. Управлял Сибирью, живя в Петербурге, в Иркутске был только в 1806 г. Отстранен от должности и предан суду. — 82, 102, 325.

Перфильев Иван Максимович – сын первопроходца казачьего атамана Максима Перфильева. В 1676 г. в устье р. Тунка с отрядом иркутских казаков поставил первый острог, который защищал Прибайкалье от набегов. Неоднократно в 1663–1664 гг., 1666–1669 гг., 1677–1680 гг. исполнял в Иркутске должность казенного приказчика, дважды в 1684–1685 гг. и 1696–1699 гг. был воеводой. — 59, 221.

Петр I Алексеевич Великий (1672–1725) – русский царь, первый российский император. Правил с 1682 (с 1689 – самостоятельно) по 1725 г. — 6, 57, 58, 96, 282, 288, 289, 311, 330.

Петри Бернгард Эдуардович (1884–1937) – профессор, известный историк, этнограф, археолог. После окончания Петербургского университета работал в музее антропологии и этнографии Российской академии наук, совершал экспедиции в Прибайкалье. Во время революции и Гражданской войны оказался в Иркутске. Был привлечен к работе по организации университета, создал и возглавил кафедру истории первобытной культуры на историко-филологическом факультете. В 1925 г. назначен председателем организованного при губисполкоме комитета Севера. Арестован и расстрелян в 1937 г. — 122.

Петров Н.И. – министр земледелия и колонизации в Совете министров («Омское правительство») в 1918–1919 гг. Умер в эмиграции в Маньчжурии. — 216.

Петров Ф.Н. – большевик, представитель партии в Иркутской городской думе, избранной в июле 1917 г. — 71.

Пивоваров Иван – отец жены полицмейстера И.И. Замощикова. — 88.

Пильц Александр Иванович (1870–?) – действительный статский советник, могилевский губернатор, товарищ министра внутренних дел. Последний иркутский генерал-губернатор с марта 1916 г. по начало марта 1917 г. — 60, 270.

Пирожков Сократ Александрович – художник-бурят, спутник Н.М. Ядринцева в экспедиции в Монголию (1889 г.). — 54, 258, 259.

Писарев Михаил Яковлевич (1846–1891) – врач, общественный деятель, член ВСОИРГО, один из создателей газеты «Сибирь», публиковался в «Восточном обозрении», один из инициаторов переноса «Восточного обозрения» в Иркутск. — 36, 48, 51.

Пихтин Алексей Васильевич – секретарь Иркутской городской думы (1912 г.), видный деятель земского движения. — 32.

Плещеев Алексей Львович (1691–1741) – сенатор, московский губернатор, президент камер-коллегии, с 1730 по 1735 г. – сибирский губернатор, с 1735 г. – тобольский, из-за доноса в 1736 г. уволен с должности. — 222.

Поло Марко (ок.1254–1324) – итальянский путешественник и писатель. Около 1271–1275 гг. проехал морем к юго-восточным берегам Малой Азии, оттуда сушей в Северный Китай, на обратном пути возвращался в Венецию морем через Иран. Его красочные рассказы о путешествиях были записаны и составили «Книгу Марко Поло» (1298 г.) – ценный источник по географии, этнографии, истории Армении, Грузии, Ирана, Китая, Монголии, Индии, Индонезии и других стран. — 262.

Полтев Николай – малолетний воевода (сын Полтева С.Н.), утвержденный в 1696 г. «мирским советом» Иркутска на должность. — 221.

Полтев Семен – воевода, посланный в Иркутск на смену А. Савелову, но умерший по дороге. — 59, 221.

Полуектов (Полухтов) Иван Иванович – стольник, в 1722–1724 гг. – иркутский воевода. — 228.

Поляков Николай Петрович (?–1911) – иркутский купец 1-й гильдии, гласный Иркутской городской думы 1898–1901 гг. Открыл в Чите первую в городе электроосветительную станцию «Товарищество Николая Полякова и К°». — 66.

Пономарев Николай Александрович (1876–1946) – иркутский священник, протоиерей, благочинный церкви третьего округа Киренского уезда, с 1908 г. – в Иркутске, где был назначен настоятелем Александринской церкви при Институте благородных девиц и законоучителем. — 153.

Попов Иван Иванович (1862–1942) – издатель, писатель, общественный деятель, член «Народной воли», высланный в Восточную Сибирь. С 1894 по 1906 г. издавал и редактировал в Иркутске «Восточное обозрение» и «Сибирский сборник». После закрытия «Восточного обозрения» переехал в Москву. В советское время работал в различных издательствах, продолжал литературно-публицистическую деятельность. — 35, 36, 38, 39, 44, 66, 155.

Попов Ф. – начальник отделения Иркутского общего губернского управления (1868 г.). — 241.

Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) – географ, этнограф, публицист, общественный деятель. Выслан в Сибирь за участие в студенческих волнениях, областник. Принимал участие в экспедициях Русского географического общества, инициатор ряда экспедиций по Сибири, Монголии, Китаю. В Иркутске состоял правителем дел ВСОИРГО, сотрудничал с «Восточным обозрением». — 35, 37, 39, 41, 44, 45, 46, 49, 53, 257, 258, 261, 331.

Прибылов Гавриил Логинович (?–1796) – русский мореплаватель, первопроходец. В 1781–1786 гг. командовал судном «Святой Георгий», принадлежавшим Российско-Американской компании. Плавая в Беринговом море, открыл острова Святого Георгия и Святого Павла из группы островов, названных островами Прибылова. — 22.

Прокопов Руфим – иркутский купец, меценат, член ВСОИРГО, инициатор организации в Иркутске астрономической обсерватории, в конце 20-х годов XX в. обсерватория была передана Иркутскому государственному университету и он являлся ее штатным сотрудником. — 152.

Рагузинский-Владиславич Савва Лукич (ок. 1670–1738) – государственный деятель, дипломат, служил в Посольском приказе, с 1711 по 1722 г. – представитель России в Черногории и итальянских государствах. В 1725–1728 гг. возглавлял русское посольство в Китай. — 60, 226.

Радонай Самсон и Федор – братья, выходцы из Грузии, владельцы пивной и чайной в Иркутске, которые являлись местом сбора уголовных элементов, скупщики краденого оружия (действовали в 10-е годы XX в.). — 188.

Раkitин Лаврентий Родионович (?–1718) – иркутский воевода в 1714–1716 гг., 1717–1718 гг. Известен своими злоупотреблениями (ограничил возвращавшийся из Китая купеческий караван), за что был вызван в Петербург и казнен. — 58.

Рассушин Владимир Александрович (1862–?) – архитектор, углепромышленник. В 1886–1894 гг. занимал должность городского архитектора. Председатель комиссии по улучшению садов и парков Иркутска. Принимал участие в подготовительных работах по возведению в городе памятника императору Александру III. По его проектам были построены здания: Общественного собрания (ул. Ленина, 23), городского пятиклассного Александро-Мариинского училища (корпус Байкальского государственного университета экономики и права по ул. Ленина, 11) и др. — 171.

Редигер Александр Федорович (1853–1920) – военный и государственный деятель, генерал от инфантерии, с 1905 по 1909 г. являлся военным министром. — 113, 115, 116.

Ремезов (Ремизов) Семен Ульянович (1642 – после 1720) – картограф, географ, градостроитель и историк Сибири. Составитель планов и описаний Тобольска и уезда. В 1698 г. вместе с сыном Семеном создал «Чертеж всей Сибири», а в 1701 г. вместе с сыновьями Семеном, Леонтием и Иваном – атлас из 23 карт, который специалисты оценивают как «вершину географических достижений русских людей XVII в.». Автор ряда трудов по истории, этнографии и топографии Сибири, например, известнейшей «Истории Сибири» («Ремезовская летопись»). — 152, 276.

Ржавская Надежда Федоровна – сестра жены Н.М. Ядринцева, Аделаиды Федоровны. — 35.

Роберт – учитель г. Петропавловска-Камчатского, представитель группы городской интеллигенции, проявлявшей прояпонские настроения во время нападения японских военных кораблей на город (август 1905 г.). — 28.

Родионов Семен Николаевич (1885–1935) – купец, общественный деятель, ученый-этимолог, автолюбитель, член «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III». — 178.

Романов Нит Степанович (1871–1942) – историк, библиограф, мемуарист, летописец Иркутска. Изучал историю народного образования, книгоиздательского и библиотечного дела в крае, член ВСОРГО. В 1911 г. опубликовал «Краткий исторический очерк 50-летнего существования Иркутской городской публичной библиотеки», сотрудничал с Сибирской советской энциклопедией. — 34, 35, 36, 37, 38, 39, 272.

Романов – жил на Ангаре, отличался жестоким отношением к сибирским бродягам (упомянут в книге Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке»). — 253, 254.

Рубрук Гильом (между 1215 и 1220–1293) – монах-францисканец из Фландрии, отправленный королем Франции в 1253 г. с миссией в Монголию с целью установить союз с монгольскими правителями и получить разрешение проповедовать христианство. На обратном пути (миссия успехом не завершилась) в Иерусалиме написал «Путешествие в Восточные страны» – трактат, содержащий ценные географические и этнографические данные. — 262.

Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725–1796) – граф, военный и государственный деятель, знаменитый полководец, участник многих военных кампаний. Огромна заслуга в поражении Турции в войне с Россией 1768–1774 гг. (знаменитые победы при Ларге и Кагуле в 1770 г.). В знак признания заслуг к фамилии добавлено – Задунайский. С 1764 г. и до конца жизни – генерал-губернатор Малороссии. — 91.

Русанов Григорий Иванович – иркутский подрядчик, известный работами на строительстве железной дороги и зданий в городе, осуществлял работы по постройке фундамента к памятнику императору Александру III. — 170, 172.

Рычков В.В. – генерал-лейтенант, монархист, командующий вооруженными силами «Союза защиты Родины и Свободы» (создан в феврале 1918 г.). Участник Гражданской войны на востоке страны, командующий войсками Казанской губернии (август 1918 г.). В эмиграции – председатель Главного бюро российских эмигрантов в Маньчжурии (до смерти в 1935 г.). — 147.

Рязанов – горный инженер, принимал участие в сооружении памятника Александру III в Иркутске. — 175.

Савелов (Савельев) Афанасий Тимофеевич – иркутский воевода (1695–1696 гг.). Брал взятки, не выплачивал казакам жалованья, занимался контрабандой. Его действия привели к выступлению забайкальских казаков и стрельцов, осадивших город. Воевода был смещен, по его делу началось следствие в Сибирском приказе, подтвердившее основные обвинения из челобитных в его адрес. — 58, 59, 221, 315.

Савенков Иван Тимофеевич (1846–1914) – археолог, педагог, актер, шахматист. Работал учителем Красноярской гимназии, директором учительской семинарии, был режиссером и актером Красноярского театра, проводил археологические исследования на Афонтовой горе близ города (открыл палеолитическую стоянку) и наскальных рисунков на реках Ман и Колба, заведовал Минусинским музеем, член ВСОИРГО. — 50.

Саин-темир-хан – хан, изгнанный из Китая и построивший город Кет-Кукухото (упоминается Н.М. Ядринцевым в «Путевом дневнике» во время экспедиции в Монголию в 1889 г.). — 265.

Самоделькин Валерий Александрович (1945–1997) – старший научный сотрудник Государственного архива Иркутской области. — 16.

Свентицкий Александр Андреевич – первый начальник Пермской железной дороги, с 1904 по 1907 г. возглавлял Забайкальскую железную дорогу. По его инициативе была открыта в Иркутске Глазковская железнодорожная больница (1904 г.). Принимал активное участие в сооружении в городе памятника императору Александру III. — 159.

Секания Бида – уголовный преступник, отбывший срок в Александровском центральном доме заключения. Добровольно вступил в армию, участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., за героизм награжден Георгиевским крестом, восстановлен в правах. Продолжал заниматься преступной деятельностью в Восточной Сибири в 10-х годах XX в. — 183, 184.

Селиванов Андрей Николаевич (1847–1917) – с 1906 по 1910 г. – иркутский генерал-губернатор, командующий войсками Иркутского военного округа и войсковой наказной атаман Забайкальского казачьего войска. Генерал от инфантерии. Член Государственного совета. — 115, 178, 179, 181.

Селифонтов Иван Осипович (1744–1822) – действительный тайный советник, сенатор, в 1796–1797 гг. – генерал-губернатор иркутский и колыванский, с 1803 по 1806 г. – генерал-губернатор томский, тобольский и иркутский. — 81, 99, 230.

Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) – казачий атаман, участник Первой мировой войны, активно участвовал в борьбе с Советской властью на востоке страны, создал в январе 1919 г. в Чите местное правительство (Временное правительство Забайкальской области). Эмигрировал в Маньчжурию. Арестован советскими войсками в Маньчжурии (после разгрома Японии) и расстрелян. — 31, 145, 146, 147, 148, 281, 288, 309.

Сергей Александрович Романов (1857–1905) – Великий князь, сын императора Александра II, московский генерал-губернатор, член Государственного совета. Убит эсером И. Каляевым. — 158, 176.

Серебренников Иван Иннокентьевич (1882–1953) – публицист, историк, общественный деятель, участник революционного движения, неоднократно арестовывался. Активно занимался научными изысканиями по истории и этнографии Сибири, член ВСОИРГО. Сторонник сибирского областничества, стоял у истоков Иркутской организации областников-автономистов. Во время Гражданской войны – член Временного сибирского правительства. В 1920 г. эмигрировал в Китай. — 152, 276.

Сибиряков Михаил Васильевич (1744–1814) – представитель старейшего купеческого рода, иркутский купец 1-й гильдии, трижды избирался городским головой Иркутска в 1787–1789 гг., 1793–1795 гг., 1799 г., меценат и коллекционер, «именитый гражданин». Являлся компаньоном торгового товарищества на северном побережье Русской Америки. — 20, 97.

Сибирякова Анна Михайловна (1862–после 1902) – представительница известнейшего сибирского купеческого рода, благотворительница. — 157.

Сильницкий А.П. – надворный советник, начальник Петропавловского уезда, в 1904 г. создал из местных жителей отряды добровольцев для обороны побережья от японцев. — 26, 27.

Синельников Николай Петрович (1805–1892) – государственный деятель, сенатор, генерал от инфантерии, главноуправляющий всеми тюрьмами России, способствовал облегчению участи заключенных. Занимал должности губернатора Владимирской, Волынской, Московской, Воронежской губерний. В 1871–1873 гг. – генерал-губернатор Восточной Сибири. В Иркутске он устроил воспитательный дом, обратил интендантский сад в общественный, отстроил сгоревшее здание городского театра и оградил город от наводнения реки Ангары громадным валом, тянувшимся почти на две версты. — 79, 82, 83, 244, 245.

Синицын Иннокентий Дмитриевич (1861–ок. 1937) – кяхтинский купец 1-й гильдии, помогал в оснащении экспедиции Н.М. Ядринцева в Монголию (1889 г.). — 259.

Скалон Антон Антонович (1767–1812) – генерал-майор, в 1798 г. назначен командиром Иркутского драгунского полка, Георгиевский кавалер. Во время Отечественной войны 1812 г. командовал отдельной бригадой, составленной из Иркутского и Сибирского драгунских полков. Погиб. — 134, 135, 139, 140.

Сколков Иван Григорьевич – генерал-майор, в 1869 г. ревизовал Восточную Сибирь с целью изучения вопроса о выделении дальневосточных областей в отдельное генерал-губернаторство. — 243.

Скрыпов – служащий почтово-телеграфной конторы поселка Зима (Иркутская губерния), подозреваемый в соучастии в грабеже конторы в августе 1913 г. — 183.

Смысловский П.П. – топограф, спутник Н.М. Ядринцева в экспедиции в Монголию (1889 г.). — 54, 258, 264.

Соболевский – чиновник, сопровождавший в ссылку декабриста М.И. Муравьева-Апостола. — 105.

Соймонов Федор Иванович (1692–1780) – тайный советник, обер-прокурор Сената, сенатор. Известный картограф и гидрограф, исследователь Каспийского моря. С 1757 по 1763 г. – сибирский губернатор. — 86.

Соколов – надзиратель Ярославского централа (начало XX в.). — 117.

Соколов – заместитель председателя Сибирского революционного комитета и заведующий Сибирским земельным отделом (1920 г.). — 216.

Сосновский Г.П. – сотрудник Иркутского музея (20-е годы XX в.), проводил археологические раскопки в окрестностях города. — 121.

Спасский Григорий Иванович (1783–1864) – историк, археолог, исследователь Сибири, член-корреспондент Императорской Академии наук, издатель «Сибирского вестника». — 50.

Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – выдающийся государственный деятель, граф. При Александре I составил план государственных преобразований – «Введение к изложению государственных законов», на основании которого образован Государственный совет, преобразованы министерства. С 1812 г. – в опале, но привлекался к государственной работе: 1816 г. – пензенский губернатор, 1919 г. – генерал-губернатор Сибири, где беспощадно боролся со злоупотреблениями местных чиновников. Под его руководством составлен Свод законов Российской империи и первое Полное собрание законов Российской империи. — 13, 41, 43, 82, 102, 103, 110, 128, 162, 166, 167, 177, 271, 274, 282, 325.

Станиловский А.М. (1806–1905) – общественный деятель, ученый, консерватор музея ВСОИРГО, принимал участие в подготовительных работах по сооружению в Иркутске памятника императору Александру III. — 159.

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – выдающийся государственный деятель, с 1906 г. – министр внутренних дел, председатель Совета министров. Провел комплекс реформ, важнейшей частью которых являлось изменение аграрно-политического курса правительства, направленного на формирование слоя крепких крестьян-хозяев, переселение в Сибирь и т. п. Смертельно ранен М. Богровым. — 113, 180.

Суворов Александр Васильевич (1729(30)–1800) – выдающийся русский полководец, генералиссимус, граф Рымникский, князь Италийский. Герой русско-турецких войн, разгромил французов в Италии (1799 г.), провел героический Швейцарский поход (1799 г.), автор книги «Наука побеждать». — 80, 83, 90, 93, 299, 302.

Сукачев Владимир Платонович (1849–1920) – общественный деятель, просветитель, основатель первой в Сибири (в Иркутске) картинной галереи, благотворитель и меценат. Избирался гласным Иркутской городской думы, был городским головой три срока (1885–1898 гг.). Жертвовал средства на образование, культуру. Выхав в Петербург, издавал журнал «Сибирские вопросы». — 38, 40, 157, 220, 288.

Сулима Николай Семенович (1777–1840) – военный и государственный деятель, генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г., Георгиевский кавалер. В 1833–1834 гг. – генерал-губернатор Восточной Сибири, с 1834 по 1836 г. – исполнял обязанности командира отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатора Западной Сибири. — 81, 271.

Суханов Александр Васильевич – статский советник, старший советник Приморского областного правления, в отсутствие губернатора исполнял его обязанности (начало XX в.). — 28.

Сычев Ефим Георгиевич (1879–?) – из казаков, генерал-майор, участник похода в Китай (1900–1901 гг.), Русско-японской, Первой мировой, Гражданской войн. Участник антибольшевистской борьбы в Сибири и на Дальнем Востоке (в 1919 – 1920 гг. – начальник иркутского гарнизона), глава активной части Маньчжурской казачьей эмиграции. — 277.

Сюзор Павел Юльевич (1844–1919) – архитектор, академик архитектуры, председатель «Общества архитекторов-художников», один из организаторов «Музея старого Петербурга». — 150, 160, 161, 163, 165, 179, 181.

Тамулевич Иван Фомич (1847–1908) – архитектор, инженер-строитель, управляющий строительной и дорожными частями при иркутском генерал-губернаторе (с 1892 г.), участник работ по строительству в городе памятника императору Александру III. — 156, 157, 158, 159, 164, 171, 172, 173, 176, 178, 179.

Тедике Р.А. – академик архитектуры, член жюри частного конкурса проектов памятника императору Александру III в Иркутске. — 165.

Темир-хан – упоминается Н.М. Ядринцевым в «Путевом дневнике» во время экспедиции в Монголию в 1889 г. — 264.

Титоренко Мария Ивановна (род. в 1949 г.) – заведующая архивохранилищем Государственного архива Иркутской области. — 19.

Тойтен-ханьша – ханша, которой, по преданию, принадлежал дворец среди гор около Хаара-Балгасуна (упоминается Н.М. Ядринцевым в «Путевом дневнике» во время экспедиции в Монголию в 1889 г.). — 263.

Того (младший) Масамичи – в период Русско-японской войны контр-адмирал, сын адмирала Хэйхатири Того. Участник Цусимского сражения в качестве командующего 6-м боевым отрядом (флаг на бронепалубном крейсере «Сума») 3-й японской эскадры, по другим данным – младший флагман (флагманское судно «Идзуми»). — 27.

Толстой Иван Иванович (1858–1916) – граф, нумизмат, археолог, вице-президент Академии художеств. С 1905 по 1906 г. – министр народного просвещения. Автор многих специальных трудов: «Древнейшие русские монеты Великого княжества киевского» (1882 г.), «Русская допетровская нумизматика». Выпуск I, II (1884 г., 1886 г.) и др. — 165.

Трапезников Александр Константинович (1821–1895) – золотопромышленник, благотворитель, на свои средства издал сборник «Иркутск. Материалы по истории города XVII–XVIII столетий». — 220.

Трапезников Иннокентий Григорьевич – иркутский купец 2-й гильдии, владелец магазина церковной утвари, скобяных и галантерейных товаров по ул. Пестеревской. Дважды избирался церковным старостой Спасской церкви. Крупный благотворитель, общественный деятель, член «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III», в 1917 г. член Трудовой народной социалистической партии. — 178.

Трапезников Константин Петрович (1790–1860) – иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин. Член «Т/Д Петра Дмитриевича Трапезникова и сыновей». Успешно торговал в Кяхте. Вел обширную оптово-розничную торговлю. Одним из первых начал осваивать золотоносные районы Олекминского округа, став крупным золотопромышленником. Состоял в должности городского головы в 1829–1831 гг. Благотворитель. — 104.

Трейблюд – поручик Иркутского драгунского полка, погиб во время Бородинского сражения. — 138.

Трейдект Христофор Андреевич – генерал от инфантерии, иркутский военный и гражданский губернатор в 1798 г. — 83.

Трескин Николай Иванович (1763–1842) – гражданский губернатор Иркутска с 1806 по 1819 г., назначенный на эту должность по протекции генерал-губернатора Сибири И.Б. Пестеля и фактически управлявший вместо него. В результате ревизии М.М. Сперанского смещен с должности и предан суду за злоупотребления по службе и взяточничество. — 13, 14, 15, 82, 101, 102, 228, 229, 230, 272, 274, 275.

Троцкий – прапорщик Иркутского драгунского полка, награжденный за Бородинский бой орденом Святой Анны 3-й степени. — 138.

Турчанинов – иркутский чиновник, смотритель поселений (70-е годы XIX в.). — 248, 249.

Тышко Викентий Иосифович (1855–1925) – директор Иркутского промышленного училища, гласный Иркутской городской думы 1898–1901 гг., член «Комитета по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению в городе Иркутске памятника державному основателю Великого Сибирского рельсового пути в бозе почившему императору Александру III» первого состава. — 66, 156, 159, 171, 172.

Тюшев – уездный врач, представитель прояпонски настроенной группы интеллигенции г. Петропавловска-Камчатского, приветствующей нападение на город японских военных кораблей (август 1905 г.). — 28.

Унгерн фон Штернберг Роман Федорович (1886–1921) – барон, генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны, один из руководителей борьбы с большевиками в Забайкалье во время Гражданской войны. Перешел границу Монголии, занял Ургу и в 1921 г. с отрядом вторгся на советскую территорию. Расстрелян по приговору Сибирского ревтрибунала. — 31, 277.

Урусов Иван – мастер фирмы Г. Гоне, откомандированный в 1908 г. в Иркутск для установки памятника императору Александру III. — 180.

Успенский Петр Николаевич (ок. 1810–после 1865) – служил при штабе корпуса жандармов, в 1837 г. переведен в Иркутск, где с должности чиновника по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири дослужился до начальника отделения, члена Совета Главного правления, действительного статского советника. Считается «погубителем» известного декабриста М.С. Лунина (в 1841 г. написал на него донос, приведший ко второму аресту М.С. Лунина, а затем – к гибели). Возглавлял следствие по делу об «иркутской дуэли» (апрель 1859 г.), выгораживая виновных в угоду губернатору. — 25.

Ушаров Н. – участник революционно-демократического движения второй половины XIX в., член иркутского кружка, привлеченный в 1866 г. по делу «сибирских сепаратистов», осужден на бессрочную ссылку в Архангельскую губернию. — 44.

Фабричный П.Н. – политкаторжанин Александровского централа, в начале XX в. заведовал в центре библиотекой. — 113.

Фарафонтова Таисия Михайловна (ок. 1870–ок. 1944) – детская писательница, исследовательница творчества Н.М. Ядринцева. — 39.

Филарет (Никольский Гавриил) (1858–1921) – окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия, был ректором Казанской, Тульской духовных семинарий. С 1898 по 1904 г. – епископ Киренский. — 156.

Формозов Александр Александрович (род. в 1928 г.) – известный русский археолог и историк, историограф археологической науки, до пенсии (2004 г.) – ведущий научный сотрудник Института археологии РАН. — 154.

Фрауендорф Карл Львович (? – 1767) – на русской службе состоял с 1731 г., в 1741–1742 гг. командир Иртышской пограничной линии, в 1757–1760 гг. – начальник Сибирской инспекции – укрепленной Сибирской линии. Первый губернатор Иркутской губернии (1764–1767), генерал-майор. — 83, 84, 85, 86, 273.

Фредерикс Платон Александрович (1828–1888) – барон, генерал-лейтенант, генерал-полицмейстер Варшавы (1863 г.), 1873–1879 гг. – генерал-губернатор Восточной Сибири и командующий войсками Восточно-Сибирского военного округа. — 247.

Хаймович – см. Вейкшман. — 182, 285, 328.

Харитонов Михаил Емельянович – рядовой Иркутского гусарского полка, участник Отечественной войны 1812 г. (в том числе, и Бородинского сражения), заграничных походов русской армии. — 276.

Харламов – скульптор, участник конкурса проектов памятника императору Александру III в Иркутске. — 161, 163.

Ходукин Яков Николаевич (1877–1937) – общественный деятель, краевед, после Февральской революции – один из лидеров сибирского земства, сторонник идей сибирского областничества. В 1919 г. избран председателем губернского земского собрания. В годы Советской власти заведовал иркутским музеем, работал учителем. Репрессирован, расстрелян. — 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 273, 274.

Цейдлер Иван Богданович (1780–1853) – действительный статский советник, в 1819 г. назначен военным комендантом Иркутска, в с 1821 по 1835 г. занимал должность иркутского гражданского губернатора. Много сделал для развития и благоустройства города. Известен своим сочувствием сосланным на каторгу декабристам. — 79, 82, 271.

Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) – общественный, политический и государственный деятель, меньшевик, депутат II Государственной Думы. После разгона Думы арестован, приговорен к каторге. Наказание отбывал в Александровском центральном доме заключения. Февральскую революцию встретил в Иркутске, где принимал участие в формировании новых органов власти и политических организаций (первый председатель Временного комитета общественных организаций), министр Временного правительства, депутат Учредительного собрания, один из руководителей грузинского меньшевистского правительства после Октябрьской революции. После установления в Грузии Советской власти – эмигрант. — 60, 61, 191, 270, 309.

Цулукидзе Николай – уголовный преступник, действовавший в Восточной Сибири в 10-е годы XX в. — 189.

Че Гевара, Эрнесто (1928–1967) – латиноамериканский революционер-романтик, команданте Кубинской революции 1959 г., 1-й министр промышленности Кубы. Погиб в Боливии, где во главе партизанского отряда пытался вести революционную борьбу. — 6.

Чекановский Александр Лаврентьевич (1833–1876) – политический ссыльный, активный сотрудник Сибирского отдела Императорского русского географического общества, осуществлял геологические исследования на юге Иркутской губернии, на реках Нижняя Тунгуска, Лена, Олекма. — 237, 243, 244.

Чекуновский – служащий конторы Вейкшмана и Хаймовича, являвшийся сообщником преступников, ограбивших его хозяев на 15 тысяч рублей в августе 1913 г. (деревня Владимировка). — 182.

Черкашенин Петр – солдат, упоминается в передаточной описи 1731 г. (Иркутск). — 224.

Черский Иван Дементьевич (1845–1892) – геолог, палеонтолог, географ, исследователь Сибири. Изучал Саяны, Приленье, Приангарье, исследовал геологическое строение Байкала, в 1891 г. совершил экспедицию на Колыму и Индигирку. — 36.

Чижов Матвей Афанасьевич (1838–1916) – скульптор, действительный член Академии художеств, по сюжетам и трактовке образов близок к передвижникам. — 161, 163.

Чингиз-хан (Тэмуджин, Темучин) (ок. 1155–1227) – основатель единого монгольского государства, полководец и завоеватель. — 53, 256, 258.

Чириков Алексей Ильич (1703–1748) – капитан-командор, участник 1-й Камчатской экспедиции 1725–1730 гг., в 1733–1743 гг. был помощником В. Беринга во 2-й Камчатской экспедиции. Открыл острова Кадьяк, Умнак, Адак и др. — 22.

Чичинадзе Николай Александрович (1875 – после 1918) – один из лидеров сибирских эсеров, избран иркутским городским головой в апреле 1917 г. на заседании обновленного состава городской думы, 23 января 1918 г. сложил свои полномочия. — 70.

Чудинов Дмитрий Константинович (1894–?) – учитель, секретарь Иркутского губкома РКП (б) (1920 г.), заведующий губернским отделом народного образования (1921 г.). — 17.

Шаховская Варвара Михайловна (1792–1836) – княжна, невеста декабриста П.А. Муханова, последовавшая за ним в Сибирь. В заключении брака было отказано. — 106.

Шашков Серафим Серафимович (1841–1882) – иркутянин, историк, краевед, писатель, публицист. Сотрудничал со столичными периодическими изданиями «Век», «Искра», «Современное слово», в которых публиковал очерки о Сибири, читал лекции по истории Сибири в Красноярске и Томске. — 44.

Шелихов Григорий Иванович (1747 (48) – 1795) – купец г. Рыльска, с 1773 г. – в Иркутске, организатор компаний для пушного и зверобойных промыслов на северных островах Тихого океана и Аляске, основатель первых русских поселений в Америке, инициатор географических исследований и установления дипломатических отношений с Японией. На базе его компании в 1799 г. была образована Русско-Американская компания. — 270, 276.

Шергин Григорий Алексеевич (?–1909) – протоирей градоиркутской Прокопьевской церкви, видный общественный деятель. — 178.

Шелашников Константин Николаевич (1820–1888) – генерал-лейтенант, военный губернатор Иркутска и иркутский гражданский губернатор (1864–1880 гг.). — 241, 242.

Шильдер Николай Карлович (1842–1902) – историк, член-корреспондент Петербургской академии наук, директор Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге. Автор биографий Павла I, Александра I, Николая I. — 96.

Шишелов И.А. – иркутский подрядчик, принимал участие в подготовительных работах по сооружению в Иркутске памятника императору Александру III. — 164.

Шмалев Тимофей Иванович (1736–1789) – капитан, главный командир Камчатки в 1771–1773 гг., участник экспедиции И.И. Биллингса, напечатал «Краткое описание Камчатки». — 23.

Шмидт Федор Богданович (1832–1908) – геолог, палеонтолог, ботаник, академик, один из первых исследователей Прикамья и острова Сахалин. — 239.

Шредер Иван Николаевич (1835–1908) – скульптор, ученик Императорской академии художеств, академик. Большинство работ относится к монументальной скульптуре, среди которых памятники Петра Великого и императора Александра II. — 163.

Штерн фон Гвяздовский Евгений Эдуардович (1842 – ?) – один из первых архитекторов в Забайкалье, с 1868 г. – забайкальский областной архитектор, с 1881 г. – иркутский губернский архитектор, с 1888 г. – иркутский губернский инженер. Автор проектов: главный храм Ацагатского дацана (цокчин-дуган, 1877 г.); обрубы вдоль берега реки Селенги в районе Кабанска (1879 г.); почтовые станции в селах Мергенское, Таракановское, Ильинское и др.; здание классической гимназии в Чите (1876 г.). — 171.

Шумяцкий Борис Захарович (1886–1938) – советский государственный и партийный деятель, большевик, один из руководителей установления Советской власти в Сибири. После Февральской революции – руководитель Красноярского совета, председатель Центросибири (1917–1918 гг.) и Дальбюро ЦК РКП(б) (1920–1921 гг.). С 1922 г. – на дипломатической, партийной и государственной работе. — 62, 270.

Шапов Афанасий Прокопьевич (1831–1876) – историк, публицист, общественный деятель. За революционные воззрения арестовывался, находился под полицейским надзором, выслан в Сибирь, сторонник идей сибирского областничества. Член ВСОРГО, предпринимал экспедиции в Туруханский край и Верхнеленский район, знаток старообрядчества. — 37.

Шукин Николай Семенович (1838–1870) – сибиряк. Учился вместе с Г.Н. Потаниным в Петербургском университете, но не окончил его. В Иркутске издал в 1862 г. беллетристический сборник «Сибирские рассказы». Участвовал в процессе «сибирских сепаратистов», был приговорен к ссылке в г. Пинегу Архангельской губернии, где и скончался. — 44, 45.

Щусев Алексей Викторович (1873–1949) – выдающийся русский архитектор, академик. Участвовал в разработке плана реконструкции Москвы (1918–1925 гг.). По проектам и при участии Щусева построены Мавзолей В.И. Ленина, гостиница «Москва», станция метро «Комсомольская – кольцевая», Казанский вокзал в Москве. — 149.

Щусев Павел Викторович – инженер путей сообщения, в 10-х годах XX в. работал при управлении Забайкальской железной дороги, уделял внимание сохранению памятников архитектуры в Иркутске. Впоследствии профессор, член-корреспондент Академии архитектуры СССР. — 149, 150.

Эристов Рафаил – уголовный преступник, действовавший в Восточной Сибири в 10-е годы XX в. — 190.

Эрн Николай Касперович – действительный статский советник, председатель Иркутского губернского правления. В 1868 г. исполнял должность иркутского гражданского губернатора. — 240, 241.

Южаков А.Л. – подполковник, командир Иркутского драгунского полка, участник Отечественной войны 1812 г., после ранения К.А Крейца командовал одновременно и 2-й бригадой. — 138.

Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894) – писатель, публицист, исследователь Сибири, археолог, этнограф, общественный деятель, сторонник идей сибирского областничества. В 1882 г. в Петербурге открыл газету «Восточное обозрение» – первое периодическое издание по сибиреведению, которая с 1886 г. стала издаваться в Иркутске, куда он переехал. Неоднократно организовывал исследовательские экспедиции на Алтай, в Минусинский край, Монголию. Известны его работы «Русская община в тюрьме и ссылке», «Сибирь как колония» и др. — 9, 24, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 250, 255, 257, 268, 269, 271, 272, 273, 275, 276, 277, 281, 283, 292, 294, 311, 314, 317, 318, 319, 321, 324, 327.

Ядринцева Аделаида Федоровна (?–1888) – супруга Н.М. Ядринцева. — 35, 257.

Яковенко – член Совета Главного управления Восточной Сибири, управляющий отделением (1868 г.). — 242.

Якобий (Якоби) Варфоломей Валентинович (1687–1769) – генерал-поручик, неоднократно находился в военных походах в Крым, Польшу, Персию. В 1740 г. назначен Селенгинским комендантом, командир Якутского пехотного полка, выполнял поручения дипломатического характера по переговорам с Китаем, в 1769 г. уволен со службы, награжден пенсией. — 90.

Якобий (Якоби) Иван Варфоломеевич (1726 (40)–1803) – военный и государственный деятель, начал службу под началом отца – Селенгинского коменданта, был связан с дипломатическими миссиями в Китай, сформировал Селенгинский пехотный полк, который принял участие в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., Георгиевский кавалер. Астраханский губернатор, уфимский наместник. В 1783 г. назначен генерал-губернатором иркутским и колыванским. Отозван в Петербург для следствия по делу о разрыве кяхтинской торговли и намеренном обострении русско-китайских отношений. Официально отстранен от должности в 1789 г. — 80, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 273, 302.

Яковлев Николай Николаевич (1886–1918) – партийный и государственный деятель, большевик, неоднократно арестовывался. После Февральской революции – председатель Совета солдатских депутатов в Томске, председатель Западно-Сибирского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, с 1918 г. – председатель Центросибири. С началом Гражданской войны члены Центросибири для партизанской борьбы ушли в якутскую тайгу, захвачены белогвардейцами и расстреляны. — 62, 270.

Яковлев Павел Дмитриевич (1891–1925) – эсер, за активную политическую деятельность сослан в Сибирь. После Февральской революции активно участвовал в создании новых органов местного самоуправления. После падения Советской власти в Иркутске назначен управляющим Иркутской губернией. Уехал в Маньчжурию, арестован ОГПУ, расстрелян. — 62, 63, 270, 276.

Якубовский Владимир Владимирович (род. в 1952 г.) – с 1997 г. (по н. в. – 2009 г.) мэр города Иркутска. — 78.

Якушев Иван Александрович (1884–1935) – участник революционного движения, эсер, выслан в Восточную Сибирь. После Февральской революции участвовал в формировании и деятельности местных органов самоуправления, местной группы областников-автономистов. После падения Советской власти возглавлял Сибирскую областную думу (1918 г.), а после ее самороспуска пытался вместе с другими эсерами во Владивостоке (1919 г.) составить заговор против А.В. Колчака с целью «утверждения системы народоправства». Эмигрировал. — 31, 32, 33, 271.

Янковский Михаил (1843 (44)–1912) – товарищ В. Дыбовского по ссылке за польское восстание 1863–1864 гг., исследователь Дальнего Востока в области орнитологии, энтомологии, ботаники, метеорологии, палеонтологии и археологии, пионер хозяйственно-предпринимательского освоения юго-западной части Приморского края. — 237.

Янсон Яков Давидович (1886–1938 (39)) – участник революционного движения в России и Латвии, большевик, после отбытия каторги отправлен на поселение в Иркутскую губернию (1914 г.). После Февральской революции – председатель Иркутского Совета рабочих депутатов, член Военно-революционного комитета, после Октябрьской революции – член Центросибири. Председатель Иркутского губисполкома. Занимал различные посты, связанные с внешнеторговой деятельностью. — 216.

Янчуковский Анатолий Викторович (1859–1904) – горный инженер, исследовал промышленность Дальнего Востока, член ВСОИРГО. — 38.

Ярослав Всеволодович (1191–1246) – Великий князь владимирский, принимал активное участие в борьбе с половцами, междоусобицах южнорусских князей. Умер в Каракоруме (предположительно – отравлен монголами). — 53, 256.

Список сокращений

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
БГУЭП – Байкальский государственный университет экономики и права
ВСОИРГО – Восточно-сибирский отдел императорского Русского географического общества
ВСОРГО – Восточно-сибирский отдел Русского географического общества
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГЖУ – губернское жандармское управление
ГИМ – Государственный исторический музей
главком – главнокомандующий
губисполком – губернский исполнительный комитет
губнаробраз – губернский отдел народного образования
губоно – губернский отдел народного образования
губревком – губернский революционный комитет
губсовдеп – губернский совет депутатов
ЖЗЛ – книжная серия «Жизнь замечательных людей»
ИГУ – Иркутский государственный университет
квартком – квартальный комитет
КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
МВД – Министерство внутренних дел
НИИ – научно-исследовательский институт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
Политцентр – Политический центр (организация, созданная в Иркутске в ноябре 1919 г. из представителей Всесибирского Краевого комитета эсеров, Бюро сибирских организаций меньшевиков, Земского политического бюро (левое крыло сибирских областников), Сибирского ЦК Объединенного трудового крестьянства)
РАН – Российская академия наук
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГО – Русское географическое общество
ревтрибунал – революционный трибунал
РКП(б) – Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Сибоно – Сибирский отдел народного образования
Сибревком – Сибирский революционный комитет
СМЕРШ – военная контрразведка «Смерть шпионам»
СНК – Совет народных комиссаров
совдеп – совет депутатов
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
УВД – Управление внутренних дел
ФСБ – Федеральная служба безопасности
ЦАВС – Центральный архив Восточной Сибири
Центросибирь – Центральный исполнительный комитет советов Сибири
Центроэвак – Центральная эвакуационная комиссия
ЦК – Центральный Комитет
ЧК – Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (1918–1922).

Содержание

От составителя.....	5
Во власти истории	6
Историк, архивист, педагог.....	8
Раздел I. Архивное дело: история и практика	
Формирование архивных учреждений	
Восточной Сибири в первой половине XIX в.....	12
История архивного дела в Иркутске: к постановке	
проблемы.....	16
Некоторые аспекты использования документов Государственного архива Иркутской области для	
реконструкции памятников истории и архитектуры Иркутска	19
Документы XVIII века из фондов Государственного архива Иркутской области об освоении русскими	
людьми	
северной части Тихого океана.....	22
Новые источники по делу о дуэли М.С. Неклюдова	
с Ф.А. Беклемишевым 16 апреля 1859 года	
в Иркутске и ее последствия	24
Документы Государственного архива Иркутской области о нападении японских военных кораблей на	
г. Петропавловск-Камчатский в августе 1905 г.....	26
Документы Государственного архива Иркутской области об участии наемников в диверсионных операциях	
против России на Дальнем Востоке в годы Первой мировой	
войны (к постановке проблемы).....	29
Документы Государственного архива Иркутской области	
к биографии Ивана Александровича Якушева.....	31
Раздел II. Николай Михайлович Ядринцев: жизнь и творческое наследие	
Документы к биографии Н.М. Ядринцева в личном	
фонде Н.С. Романова в Государственном архиве	
Иркутской области.....	34
Н.М. Ядринцев об управлении Сибирью.....	40
Н.М. Ядринцев и отдел географического общества	
в Иркутске (заочное знакомство и первая встреча).....	43
Об экспедиции Н.М. Ядринцева в Монголию	
(фрагмент текста телепередачи).....	53
Раздел III. Иркутская губерния: люди, события, факты	
Воеводы, губернаторы.....	56
Иркутские губернаторы: белые и красные.....	60
От думы к думе (Иркутское городское управление	
в двадцатом веке).....	63
Генералы и кавалеры.....	79
Первый губернатор Прибайкалья.....	83
Иркутский полицмейстер И.И. Замощиков.....	87
Сибирский вельможа.....	89
Государев фабрикант.....	96
Иркутский губернатор опередил всю Россию.....	100
Декабриста Муравьева определить начальником	
полиции.....	102

Убийство графа Алексея Павловича Игнатьева (недописанные строки биографии последнего генерал-губернатора Восточной Сибири и первого иркутского генерал-губернатора).....	107
Я.Н. Ходукин: иркутский краевед и неудавшийся политик.....	117
К истории Иркутской городской пожарной команды.....	124
Иркутские казаки: сквозь траву забвения.....	126
Иркутские драгуны (в огне Бородинской битвы и копоши исторической несправедливости).....	132
Последний генерал Белой армии.....	141
Предоставленные разрушению, или Как берегли памятники истории и культуры в начале нашего века	149
Рождение памятника.....	154
Кавказцы в Иркутске. Начало мафии?.....	181
Организация переселения и землеустройства в Иркутской губернии(историческая справка).....	192
Раздел IV. Документы свидетельствуют	
Иркутский острог 1731 г.....	220
Из отчета губернатора Трескина.....	228
Первый опыт охраны памятников сибирской истории....	232
Документы официальной переписки Главного управления Восточной Сибири о научно- исследовательской деятельности Венедикта (Бенедикта) Дыбовского	236
Сибирские бомжи 100 лет назад.....	250
Из путевого дневника (первая Монгольская экспедиция Н. М. Ядринцева).....	255
Библиографический список основных трудов.....	267
Именной аннотированный указатель.....	279
Список сокращений.....	335